

В 8
594

Ф 1-80
2272

801-16
1745

НАРОДНЫЙ БЫТЪ

Великаго сѣвера.

Его нравы, обычаи, преданія, предсказанія, предразсудки, притчи, пословицы, присловія, прибаутки, перебудки, припѣвы, сказки, присказки, пѣсни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинанія.

Томъ I.

Составилъ Александръ Евгеніевичъ Бурцевъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Октября 1897 г.

Печатано въ количествѣ 100 экземпляровъ.

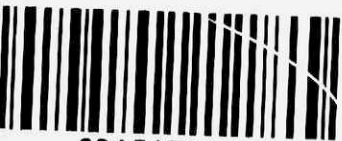
Типографія И. Ефрона. Прачешный пер., № 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ настоящую книгу, и такимъ образомъ — выступая на судъ предъ русской читающей публикой, — я считаю умѣстнымъ и даже отчасти необходимымъ объяснить моимъ читателямъ о тѣхъ цѣляхъ и задачахъ, каковыя имѣлъ я въ виду, принимая изданіе этой книги, озаглавленной мною: „*Бытъ народа великаго ствера*“.

Не желая утруждать читателя моими пространными поясненіями о всѣхъ де-

таляхъ составленія настоящей книги, я постараюсь по возможности кратко, но толково объяснить — почему и зачѣмъ я остановился на мысли объ выпускѣ въ свѣтъ предлагаемаго изданія.

„Бытъ народа великаго ствѣра“, какъ видно уже изъ самаго оглавленія, есть нѣчто собирательное и потому состоящее изъ многихъ разновидностей, объединенныхъ въ одно цѣлое. Удалась-ли мнѣ моя задача исполнѣ или хотя-бы отчасти — объ этомъ, конечно, судить не мнѣ — это дѣло моихъ любезныхъ читателей, — но, что я употребилъ всѣ зависящія отъ меня мѣры и средства для достиженія болѣе или менѣе удачнаго результата, не останавливаясь ни предъ какими препятствіями, — объ этомъ я считаю себя имѣющимъ право сказать открыто, никого и насколько не стѣсняясь. Впрочемъ, полагаю, что и для самихъ читателей, при болѣе близкомъ ознакомленіи ихъ съ моимъ настоящимъ трудомъ, будетъ исполнѣ понятнымъ, насколько правъ я, говоря объ этомъ.

Среди русской описательной литературы какъ нынѣ, такъ и за многіе годы

и даже десятки лѣтъ до нашихъ дней, отъ времени до времени, появлялись и появляются различныя сочиненія и отдѣльныя свѣдѣнія, обнимающія собою ту или другую область быта нашего народа, разсѣяннаго на огромномъ пространствѣ нашего обширнаго отечества. Въ большинствѣ изъ этихъ произведеній отдается преимущество предпочтительно одному какому либо изъ явленій народной жизни, и въ то же время затрогивается лишь поверхностно народный бытъ купно со всѣми присущими ему особенностями. Между тѣмъ, современный бытъ простаго русскаго народа, — во многомъ уже не похожаго на своего отдаленнаго предшественника — имѣетъ не мало интересныхъ сторонъ, могущихъ служить источниками для пополненія и освѣженія тѣхъ устарѣвшихъ свѣдѣній, которыя въ свое время были яркимъ и точнымъ отраженіемъ теперь уже не существующаго.

Современный русскій народъ, подчиняясь общему прогрессу государственной жизни на различныхъ поприщахъ, незамѣтно, шагъ за шагомъ, забываетъ старое и вноситъ новое въ складъ своей, во мно-

гомъ теперь уже измѣнившейся, жизни, а потому, современный народный бытъ требуетъ къ себѣ должное вниманіе и ждетъ своего современнаго изслѣдователя.

Вотъ эти-то соображенія и нѣкоторыя особыя благопріятствовавшія условія и натолкнули меня на мысль объ составленіи и изданіи предлагаемой здѣсь книги. Конечно, я не беру на себя слишкомъ много и не считаю себя тѣмъ, о комъ сказалъ выше, т. е. современнымъ изслѣдователемъ народной жизни, — но тѣмъ не менѣе, я, по мѣрѣ силъ и возможности, старался оказать, какъ умѣлъ — свое прямое и косвенное содѣйствіе и участіе дѣлу названнаго изслѣдованія. Ради достиженія болѣе удачныхъ и скорѣйшихъ результатовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, — чтобы задуманное мною было выполнено въ болѣе широкихъ размѣрахъ — я не останавливался, — какъ сказалъ выше, — ни предъ какими препятствіями и не жалѣлъ ни матеріальныхъ средствъ, ни нравственныхъ и физическихъ силъ. Я поставилъ себѣ цѣлю: на сколько возможно для меня — послужить на пользу общества и хотя отчасти заполнить тотъ пробѣлъ,

который, по моему убѣжденію, существуетъ въ области изслѣдованія народнаго быта вообще и современнаго намъ — въ частности. Не обладая тѣми данными, которыя даютъ возможность изслѣдователю держаться на строго-научной почвѣ и примѣнять къ труду своему научный методъ, и вообще все изслѣдованіе вести согласно выработанной научной практикою системѣ, — я ограничился простой и несложной ролью наблюдателя и собирателя всего, что такъ или иначе имѣетъ отношеніе къ жизни народа, и тѣмъ или другимъ можетъ быть интереснымъ для просвѣщеннаго общества, знакомя послѣднее со всѣми особенностями простонароднаго русскаго быта, указывая въ то-же время атому обществу на умственный и нравственный уровень современнаго намъ простаго народа. Правда, здѣсь, какъ узнаютъ читатели изъ нижеобъясняемаго, — не одно только современное, но есть нѣсколько заимствованнаго изъ разныхъ источниковъ и происходящаго отъ разныхъ временъ, о чемъ ниже подробно изложено и всѣ тѣ источники, изъ коихъ заимствованы мною какія-либо свѣдѣнія — подробно поименованы.

Но главнымъ образомъ большая часть помѣщеннаго здѣсь матеріала принадлежитъ или всецѣло мнѣ, или же отчасти. Къ первой, изъ помянутыхъ двухъ категорій, я отношу тѣ матеріалы, которые лично и непосредственно собраны и записаны мною на мѣстѣ; ко второй же — всѣ тѣ свѣдѣнія и записи, которыя были доставлены мнѣ изъ любезности различными лицами, поименованными въ концѣ этого предисловія. Есть еще и такіе матеріалы, которые собирались, хотя не лично мною, но по моему порученію лицами, специально ѣздившими для собиранія нужныхъ свѣдѣній въ различные пункты названныхъ ниже сѣверныхъ губерній, гдѣ также на мѣстѣ записывали все, что могло имѣть хотя какое либо отношеніе къ быту народа и хотъ немного представляло собой интереснаго и новаго.

Что же касается относительно выбора мною для означенной цѣли сѣвернаго района, то для поясненія такового предпочтенія долженъ сказать слѣдующее: во первыхъ, самъ я уроженецъ одной изъ сѣверныхъ губерній — Вологодской, а потому сѣверъ для меня является какъ бы род-

ственнымъ; во вторыхъ — и само дорогое отечество наше, нынѣ раскинувшееся на необъятномъ пространствѣ, также ведетъ начало свое отъ одной изъ сѣверныхъ мѣстностей, нынѣ именуемой Новгородской губерніей, и слѣдовательно сѣверъ есть какъ-бы колыбель Россіи и всего русскаго; наконецъ, въ третьихъ: сѣверъ имѣетъ столько историческаго прошлаго, столько своеобразнаго и самобытнаго, что невольно заставляетъ отдать свое предпочтеніе именно ему. Даже и въ наше время на сѣверѣ народъ имѣетъ еще многое въ своей жизни, въ своемъ обиходѣ, что представляетъ собой массу матеріала для наблюдателя. Вотъ тѣ причины, которыя заставили меня сѣверъ предпочесть всѣмъ прочимъ мѣстностямъ нашей родины.

Какъ лично самъ, такъ и чрезъ посредство другихъ лицъ, собиралъ и записывалъ я нужныя мнѣ свѣдѣнія, главнымъ образомъ въ Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Ярославской губерніяхъ, куда ѣздилъ специально для этой цѣли лѣтомъ 1892 и 1893 гг.

Часть матеріаловъ доставлена была мнѣ пріятелемъ моимъ П. Л. (изъ г. Кадни-

кова Волог. губ.), а часть — другими лицами, которыхъ хотя и не поименовываю здѣсь, но которымъ также приношу мою искреннюю благодарность за оказанное мнѣ содѣйствіе при составленіи настоящаго сборника.

Что-же касается тѣхъ источниковъ, о которыхъ я говорилъ выше, то здѣсь привожу полностью всѣ ихъ подробныя наименованія:

Н. А. Ивануцкій. (См. сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія въ Россіи — Матеріалы по этнографіи Вологодской губ.).

А. Шустиковъ. (Сборникъ Живой Старины за 1895 г.).

Н. Харузинъ. (См. книгу „Русскіе лопари въ Архангельской губ.).

П. Н. Рыбниковъ. (См. Сборникъ).

Сочиненія П. И. Якушкина. Лѣтописи русской литературы и древности.

Н. Барсовъ. (См. „Прич. Сѣвер. Края“).

Сахаровъ. Сказанія русскаго народа.

Даль. Пословицы русскаго народа.

Афанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу.

Д. Садовниковъ. Загадки русскаго народа.

Забѣлинъ. Русскій народъ.

Народныя сказки. Пѣсни и загадки. 1874.

Сингиревъ. Русскія народныя пословицы и притчи.

Губернскія вѣдомости.

Вологодскія, Олонецкія, Архангельскія, Ярославскія, Костромскія, Вятскія и Пермскія.

Кроме того:

Этнографическій сборникъ, вып. 1—4.

Памятная книжка Архангельск. Труды Архангельскаго статистическаго комитета.

Вологодскій сборникъ.

Новгородскій сборникъ

Степановскій—Вологодская Старина.

Вотъ всѣ перечисленные матеріалы, которые послужили мнѣ для составленія моего настоящаго сборника, вмѣщающаго свѣдѣнія о давнопрошедшемъ и близкомъ

намъ времени. Вся книга раздѣлена мною на 19 нижепоименованныхъ отдѣловъ:

1. Сказки, повѣсти и рассказы.
2. Загадки русскаго народа.
3. Пословицы русскаго народа.
4. Прибаутки, перегудки, припѣвы, присказки, скороговорки, счетъ и задачи.
5. Народныя присловія.
6. Народныя повѣрья, примѣты, предсказанія, предразсудки и обычаи.
7. Народныя хозяйственныя примѣты.
8. Заклинанія и заговоры русскаго народа.
9. Легенды и стихи.
10. Святочныя гаданія.
11. Припѣвоцки и набирушки деревенскія.
12. Пѣсни бесѣдныя и парныя.
13. Пѣсни хороводныя, игровыя, хоровыя и плясовыя.
14. Пѣсни свадебныя и обрядовыя.
15. Пѣсни старинныя и лирическія.

16. Пѣсни историческія, солдатскія, разгульныя и удалыя.

17. Народная медицина.

18. Дѣтскія игры и забавы.

19. Характеристика, или узнаваніе человѣка по темпераменту.

И такъ, объяснивъ цѣль и указавъ на то, что находилъ необходимымъ при составленіи настоящей книги, мнѣ ничего болѣе не остается сказать, какъ просить читателя лично убѣдиться въ достоинствахъ или недостаткахъ моего настоящаго сборника.

А. Е. Бурцевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СКАЗОКЪ.

	СТРАНИЦЫ:	
	томъ I.	томъ II.
А.		
1. Ангелъ Божій и прохожій	368	—
2. Анфій да Марья . . .	139	—
Б.		
3. Баба и волкъ	—	56
4. Баринъ и лакей	272	—
5. Беззаботная жена . . .	192	—
6. Безпамятный зять. . . .	194	—
7. Бова королевичъ. . . .	—	104

В.

	СТРАНИЦЫ:	
	ТОМЪ I.	ТОМЪ II.
8. Ванька-дуракъ.	—	60
9. Волшебница.	402	—
10. Василиса прекрасная. .	160	—

Г.

11. Глухая баба.	190	—
12. Глупый народъ.	196	—
13. Горыня, коромысло и Иванъ богатырь	406	—

Д.

14. Два брата.	281	—
15. Два брата и сестра. . .	228	—
16. Два брата или судья. .	382	—
17. Дивій мужъ	432	—
18. Дурень—бабій сынъ. . .	492	—
19. Диво-дивное, чудо-чудное.	—	38

Е.

	СТРАНИЦЫ:	
	ТОМЪ I.	ТОМЪ II.
20. Елена прекрасная. . . .	438	—
21. Емельянтъ—дуракъ. . . .	—	78
22. Ерусланъ—Лазаревичъ. .	—	136

Ж.

23. Жаръ-птица.	162	—
-------------------------	-----	---

З.

24. Забавная повѣсть о купце- вой женѣ и о прикащикѣ. . . .	127	—
25. Змѣя.	—	17

И.

26. Иванъ-богатырь.	67	—
27. Иванъ глиняный.	—	18
28. Ивановъ цвѣтъ.	—	10
29. Иванушка-дурачекъ. . . .	—	1
30. Иванъ купеческой сынъ. .	477	—
31. Иванко-Медвѣдко.	184	—

СТРАНИЦЫ:	
томъ I.	томъ II.

32. Ивашко Медвѣжье ушко.	—	98
33. Иванъ премудрый . . .	445	—
34. Игрунъ-Смѣльчакъ сынъ.	262	—
35. Илья Муромецъ. . . .	237	—

К.

36. Какъ мужикъ ходилъ къ солнцу.	252	—
37. Какъ пономарь отдалъ свою пономарицу замужъ	210	—
38. Калѣкинъ сынъ. . . .	—	53
39. Колдунъ.	467	—
40. Колдунъ и его ученикъ..	469	—
41. Колдунья	475	—
42. Котокъ золотой лобокъ.	—	8
43. Котъ въ сапогахъ. . .	306	—
44. Кошечъ безсмертный. . .	—	65
45. Кузьма скоробогатый . .	—	47
46. Кумъ разбойникъ. . . .	—	51

Л.

СТРАНИЦЫ:	
томъ I.	томъ II.

47. Легенда о пьяницѣ . . .	275	—
48. Лисица и дуракъ . . .	—	124

М.

49. Маленькой дѣтинушка зелененькой	222	—
50. Мальчикъ съ пальчикъ .	488	—

Н.

51. Набитой дуракъ	188	—
52. Настасья прекрасная . .	455	—
53. Невѣрная жена	204	—
54. Нѣмыя дочки	—	58

О.

55. О Иванѣ Царевичѣ, Жарптицѣ и сѣромъ волкѣ	45	—
56. О мужикѣ-воинѣ	386	—
57. О женѣ дурѣ	279	—

СТРАНИЦЫ:		
	томъ I.	томъ II.
58. О Михайло Трунщиковѣ	396	—
59. О Нестеркѣ	414	—
60. О объявленіи пѣтуха	98	—
61. О Петрушкѣ	418	—
62. О томъ, какъ топили брата дурака	164	—
63. О царскомъ сынѣ	257	—

П.

64. Перушко Фениста-ясна сокола	424	—
65. Проклятая царевна	485	—
66. Про Волдынку Биляночку	—	5
67. Про солдата	—	41
68. Про трехъ сыновей	494	—
69. Про чорта и пастуха	—	34

Р.

70. Разсказъ о блужденіи души	170	—
71. Работникъ и чортъ	167	—
72. Работникъ	—	30
73. Ротозѣй Ванька	283	—

СТРАНИЦЫ:		
	томъ I.	томъ II.
С.		
74. Сказка о томъ, какъ старикъ богатый взбѣсилъ, на молодой Дарьѣ женился, какъ Дарья имъ мудрила, себѣ обновъ накупила, бороду ему ошипала, старыя кости потрепала и какъ его похоронила, молодого мужа нажила	6	—
75. Сказка объ Иванѣ-Богатырѣ крестьянскомъ сынѣ	67	—
76. Сказка объ Оленѣ Голопузомъ	372	—
77. Сказка о баринѣ покойникѣ и кучерѣ Иванѣ	172	—
78. Сказка о Булатѣ молодцѣ	13	—
79. Сказка о дурнѣ	242	—
80. Сказка о сильномъ, хра- бромъ и непобѣдимомъ богатырѣ Иванѣ-Царевичѣ и о прекрасной супругѣ его Царь-дѣвицѣ	30	—
81. Сказка о Иванѣ богатырѣ и его прекрасной супругѣ Свѣтланѣ	350	—
82. Сказка о золотомъ, сере- бряномъ и мѣдномъ государствѣ	24	—

	СТРАНИЦЫ:	
	томъ I.	томъ II.
83. Сказка о нѣкомъ банмач- никѣ и слугѣ его Притычкинѣ . .	—	165
84. Сказка о Петрѣ и Иванѣ	199	—
85. Сказка о пѣтухѣ и курахъ	98	—
86. Сказка о семи Семіонахъ родныхъ братьяхъ	327	—
87. Сказка о семи мудрецахъ и о юношѣ	150	—
88. Сказка о томъ, какъ при- кащики хозяевамъ угождаютъ, рубли за сапогъ опускаютъ, а гривны въ ящикѣ оставляютъ: на хозяйскія деньги лавки открываютъ и сами ужь прикащиковъ нанимаютъ . .	9	—
89. Сказка о трехъ королевичахъ	338	—
90. Сказка объ уткѣ съ золо- тыми яичками	144	—
91. Смирный мужикъ и дурач- ливая жена	112	—
92. Сибирный ребенокъ . . .	110	—
93. Солдаты и смерть . . .	175	—
94. Старикъ и старуха . . .	181	—

	СТРАНИЦЫ:	
	томъ I.	томъ II.
95. Степанъ богатый	—	12
96. Страшный змѣй Горынычъ	—	153
97. Страшный ребенокъ . . .	—	20
98. Ступай туда, невѣдома куда, принеси то, невѣдомо что	409	—
99. Судья Божья	370	—

Т.

100. Три копѣчки	—	27
101. Три покупки	—	24

Х.

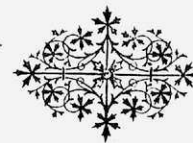
102. Хитрость лѣнивой бабы .	277	—
103. Хозяинъ и работникъ .	90	—

Ө.

104. Ома Берениковъ . . .	218	—
---------------------------	-----	---

РУССКІЯ
НАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

Сказка отъ начала начинается, до конца читается, въ середкѣ не перебивается.

„Чуръ мою сказку не перебивать, а кто ее перебить, тотъ трехъ дней не проживетъ“.

Всего здѣсь помѣщено 104 сказки, изъ которыхъ большая часть—были собраны мною лично въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Тверской, Новгородской и Ярославской. А также здѣсь есть и нѣсколько заимствованныхъ мною изъ разныхъ источниковъ, какъ-то изъ 1) русскихъ сказокъ, собранныхъ П. А. Иванцкимъ изъ устныхъ преданій жителей Вологодской губ.; 2) А. Шустикова; 3) Н. Харузина; 4) П. Н. Рыбникова и 5) Н. Барсова.

НАРОДНЫЙ БЫТЪ

Великаго сѣвера.

Его нравы, обычаи, преданія, предсказанія, предрасудки, притчи, пословицы, присловія, прибаутки, перегудки, припѣвы, сказки, присказки, пѣсни, скороговорки, загадки, счеты, задачи и проч.

СОСТАВИЛЪ

Александръ Евгеніевичъ Бурцевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1898.

Печатано въ количествѣ 100 экземпляровъ.

Типографія И. Ефрона. Прачешный пер., № 6.

П р и с к а з к и.

Это пока не сказка, а присказка; вѣдь присказка передъ сказкой, что верста торчитъ въ дорогѣ полосатая; безъ нее не узнаешь далеко-ли прошелъ и длиненъ-ли еще путь остается.

Засказывается сказка, разливается по печи кашка; сквозь печь капнуло, въ горшокъ ляннуло; течи, потечи, идетъ добрый молодецъ изъ-за печи на свиньѣ въ сѣдлѣ, топоромъ подпоясая, ноги за поясомъ: квашия старуху мѣсить. Я ей сказалъ: спорыня въ старуху! — она какъ схватитъ изъ за лопаты печь, мня печью хлесь; я побѣжалъ, черезъ портки приступокъ и изорвалъ.

Чуръ мою сказку не перебивать; а кто ее перебьетъ, тотъ трехъ дней не проживетъ (тому змѣя въ горло заползетъ).

Я самъ тамъ былъ, медъ и пиво пилъ, по усамъ текло,
а въ ротъ не попало, на душѣ пьяно и сыто стало.

Сказка отъ начала начинается, до конца читается, въ
середкѣ не перебивается.

Не сизый орелъ, не ясный соколъ подымается... не ле-
бедь бѣлая (сѣрая) выплывала... не бѣлы снѣги въ чистомъ
полѣ заблѣлись... не черны лѣса дремучіе чернѣются... что
не ниль въ полѣ подымается... не туманъ сизый съ раз-
долу подымается...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.

Полетѣла птица синица за тридевять земель, за синее море-
окіанъ, въ тридесятое царство, въ тридевятое государство.

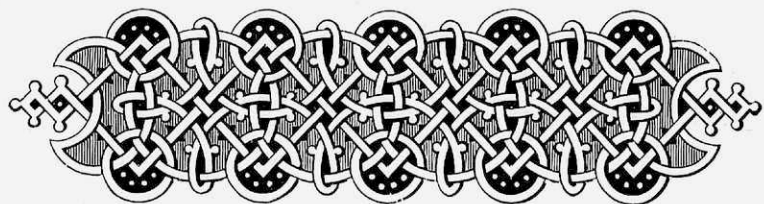
На морѣ, на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ быкъ
печеный: въ задѣ чеснокъ толченый, съ одного боку-то рѣжь,
а съ другаго — мокай да ѣшь.

Доселѣ русскаго духу слыхомъ не слыхано, видомъ не
видано, а нынѣ русскій духъ во-очью является.

Мертвой водой-окропить—плоть и мясо срастаются; жи-
вой водой окропить—мертвый оживаетъ.

Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ бубликовъ вязка.

СКАЗКА

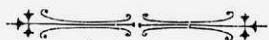
о томъ: какъ старикъ богатый взбѣсился, на молодой Дарьѣ женился, какъ Дарья имъ мудрила, себѣ обновъ накупила, бороду ему ощидала, старья кости потрепала и какъ его похоронила, молодого мужа нажила.

Жилъ былъ старичекъ,
Богатый мужичекъ;
Отъ роду женатъ не былъ,
За монаха въ деревнѣ слылъ.
Вдругъ бѣда приключилась,
Дарья дѣвка полюбилась.
Собой красива,
И толста на диво.
Старикъ взбѣсился,
На Дарьѣ женился,
Приданого не просилъ,
Его на свои деньги нашилъ.

Вотъ какъ закутилъ,
Всю деревню удивилъ.
Самъ едва бродить,
А жену молодую нажилъ.
Дарья его цѣлуешь,
Словно молодого милуешь.
Старикъ такъ и таетъ,
Старость забываетъ.
Съ мѣсяцъ Дарья его цѣловала.
Во всемъ мужу угождала.
Погомъ стала бѣситься.
Захотѣла рядиться.
На мужа стала кричать.
Его всячески ругать.
Имъ повелѣваетъ,
А мужъ обновы покупаетъ,
Женѣ хочетъ угодить,
Обновами ее прельститъ,
Какъ обнову получаетъ,
Жена мужа цѣлуешь.
А недѣля пройдетъ,
То опять заоретъ,
Давай, кричитъ, другую,
Шубейку шелковую.
Старикъ разъ отказалъ,
За то и пострадалъ.
Дарья на него напала,
Всю бороду исщипала,
Кости старья потрепала,
И все-жъ на своемъ настояла.
Обнову себѣ купила,
Да и дружка нажила.

Старикъ видитъ нѣтъ ласки,
Не въ свои сѣлъ салазки.
Сталь горевать,
Сильно тосковать,
На постель свалился,
И съ свѣтомъ простился.
Жена перекрестилася,
Бѣжать къ сундуку пустилася
Деньги обобрала,
Дружку отдала.
Мужа похоронила,
Отъ любви повыла.
Деревня вся удивилась,
Какъ она быть ухитрилась.
Шесть недѣль проплясала,
И собираться замужъ стала.
Съ дружкой повѣнчалася,
Съ деньгами наслаждалася.
Старого мужа поминала,
Дуракомъ его называла.
Надъ нимъ смѣялася,
Молодымъ мужемъ любовалася.

Старики смотрите,
Себя берегите,
Съ ума не сходите,
Старость не смѣшите.
Прежде не женились;
На невѣсть не льстились;
А теперь ужъ поздно,
Вамъ молиться должно.

СКАЗКА

о томъ: какъ прикащики хозяевамъ угождаютъ, рубли
за сапогъ опускаютъ, а гривны въ ящикъ оставляютъ,
тѣмъ сатану утѣшаютъ; на хозяйскіе деньги лавки открыва-
ютъ и сами ужъ прикащиковъ нанимаютъ.

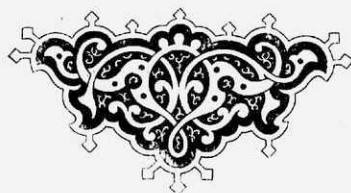
Вотъ полюбуйтесь,
Прикащикамъ подивуйтесь,
Онъ вѣдь мальчишка;
За прилавкомъ какъ мышка;
Рукой виляетъ,
Въ ящикъ копаетъ.
Хозяину хочетъ угодить.
Себѣ карманъ понабить.
Черти ему помогаютъ.
Украсть больше заставляютъ,
Деньгами соблазняютъ,
Его душу утѣшаютъ.
Хотятъ добычу получить
Его въ адъ притащить.

Вотъ ужъ онъ имъ угождаетъ,
Гривны въ ящикъ оставляетъ,
А девять за сапогъ опускаетъ.
Видно, что малый смирный,
Не довольствуется гривной,
Хозяину ее предоставляетъ,
А себѣ только девять оставляетъ.
Разсчетъ вѣрный ведетъ,
Хоть какой балансъ сведетъ.
Да и нельзя не свести,
Черти надъ рукой есть.
А хозяинъ не догадается,
Что онъ такъ старается:
Видно, что добрый повался,
Другимъ дѣломъ занялся,
А то бы награду далъ,
Въ шею прогналъ.
Теперь, пожалуй, гони,
Ужъ полны сапоги.
По міру не пойдетъ,
А самъ лавку заведетъ.
Да такъ и случилось,
На площади открылась.
Самъ ужъ хозяинъ сталъ.
И носъ задиралъ.
Хочетъ богачемъ быть,
Не знаетъ, какъ товаръ сбыть;
Дешевле всѣхъ продать
Да долго-ль такъ прожить;
Вотъ этого не знаю,
А въ умѣ помышляю,—
Чай скоро въ трубу укатить,

Кредиторовъ удивить.
Картина ужъ есть,
Чуть-ли не его тестъ,
Такъ отличился,—
На картинѣ явился,
Кредиторамъ кланяется,
Улетѣть старается.
Будетъ это съ нимъ, аль нѣтъ,
Утверждать мнѣ не слѣдъ,
Я только помышляю,
А будущаго не знаю.
Только деньги такъ нажитые,
Ужъ больно удалые,
Какъ въ руку легко попадаютъ,
Такъ легко и улетаютъ.
Другимъ, впрочемъ, удаются:
До старости ведутся,
Можетъ и съ нимъ это случится.
Коль скоро свалится,
А какъ долго проживетъ,
То добра не наживетъ.—
Пойдетъ тониться,
Аль на чердакъ давиться.

На эту картину смотрите,—
Себя берегите.
Деньги не воруйте.
Нѣтъ ихъ—не горюйте.
Сами добывайте.
Честно промышляйте.
Бопѣйка трудовая,

Честно добытая,
Всегда будетъ прочнѣй.
Чужихъ тысячъ вѣриѣй.
Съ нею честь не страдаетъ,
И совѣтъ не упрекаетъ.
При ней жить пріятно
И умереть отрадно.

Сказка о Булатѣ-Молодцѣ.

Жилъ-былъ царь по имени Ходоръ, и у того царя былъ только одинъ сынъ Иванъ-Царевичъ. Когда пришли отроческія лѣта его, то Ходоръ отдалъ Ивана-Царевича разнымъ учителямъ для обученія всякимъ рыцарскимъ наукамъ. Какъ сталъ Иванъ-Царевичъ на-возрастѣ, то началъ у батюшки своего царя Ходора проситься въ иныя государства погулять, людей посмотрѣть и себя показать. Царь Ходоръ его отпустилъ и ему наказалъ, чтобы онъ показывалъ свои науки въ иныхъ государствахъ и тѣмъ-бы прославилъ себя и и его, царя Ходора. Тогда Иванъ-Царевичъ пошелъ по конюшнямъ выбирать себѣ добраго коня, на котораго руку наложить—падетъ на колѣни,—тотъ для него не годится. Ходилъ онъ по всѣмъ стойламъ и не могъ выбрать коня. Пошелъ онъ съ великою кручиною; взялъ свой тугой лукъ и калены стрѣлы и пошелъ въ чистое поле—грусть-тоску размыкать.

Какъ скоро пришелъ въ чистое поле, то увидѣлъ на воздухѣ лебедя; натянулъ свой тугой лукъ и выстрѣлилъ по тому лебедю; не попалъ въ него и стрѣла его улетѣла изъ

глазъ. Тогда Иванъ-Царевичъ весьма закручинился, что потерялъ любимую свою стрѣлу; искалъ ее по всему полю со слезами и пришелъ къ одной маленькой горѣ, гдѣ услышалъ человѣческій голосъ, кричавшій ему: «поди сюда Иванъ-Царевичъ!» Иванъ-Царевичъ очень удивился, что слышитъ голосъ, а никого не видитъ. Голосъ тотъ опять закричалъ тоже. Пошелъ Иванъ-Царевичъ въ ту сторону, откуда слышался крикъ, и увидѣлъ въ горѣ окно съ желѣзною рѣшеткою, а въ томъ окнѣ увидалъ человѣка, который манилъ его къ себѣ рукою. Иванъ-Царевичъ подошелъ къ нему и тотъ человѣкъ сказалъ ему: «О чемъ ты Иванъ-Царевичъ кручинишься?—Какъ мнѣ не кручиниться, отвѣчалъ ему Иванъ-Царевичъ, я потерялъ свою любимую стрѣлу и не знаю, гдѣ найти ее, да еще есть кручина моя великая: не найду себѣ по мысли добраго коня богатырскаго.—«О эта бѣда не велика, сказалъ ему тотъ человѣкъ. Я тебѣ добуду добраго коня и отдамъ каленую стрѣлу, потому что она залетѣла ко мнѣ; что мнѣ за то дань?»—«Я тебѣ все отдамъ, что ты не попросишь, отвѣчалъ ему Иванъ-Царевичъ, ежели ты доставишь добраго коня и отдамъ каленую стрѣлу». — «Я ничего отъ тебя не хочу, сказалъ тотъ человѣкъ, только выпусти меня отсюда». — «Да какъ и кѣмъ ты сюда засажень?» спросилъ его Иванъ-Царевичъ.

— «Засадилъ меня твой батюшка. Я былъ словной разбойникъ и зовутъ меня Булатъ-Молодецъ. Онъ на меня прогнѣвался и велѣлъ меня поймать и засадить въ эту темницу. И сижу тутъ ровно 33 года».

— Слушай, Булатъ-Молодецъ, сказалъ ему Иванъ-Царевичъ, я безъ батюшкина приказа не смѣю тебя выпустить; онъ и на меня прогнѣвается.

— Того ты не бойся, отвѣчалъ ему Булатъ-Молодецъ.— Твой батюшка о томъ не провѣдаетъ; и какъ-скоро ты меня отсюда выпустишь, я уйду въ иныя государства и жить здѣсь не буду.

Тогда Иванъ-Царевичъ сказалъ ему: Я тебя выпущу, только ты отдай мнѣ мою стрѣлу каленую и скажи — гдѣ достать мнѣ коня богатырскаго?

— Поди ты въ чистое поле, говоритъ ему Булатъ-Молодецъ, увидишь три дуба, а возлѣ нихъ желѣзную дверь съ кольцомъ, а подъ той дверью конюшня: въ ней стоитъ добрый конь богатырскій запертый 12-ю дверьми и 12-ю замками стальными. Ты подними ту желѣзную дверь и отбей 12 замковъ, отвори 12 дверей и получишь себѣ коня добраго. Послѣ, на томъ конѣ прїѣзжай ко мнѣ, я отдамъ тебѣ твою стрѣлу каленую, и тогда ты меня отсюда выпусти.

Иванъ-Царевичъ, выслушавъ такія слова, пошелъ въ чистое поле и увидѣлъ три дуба зеленые. Нашелъ дверь желѣзную съ кольцомъ мѣднымъ, и взялъ онъ за то кольцо и поднялъ эту дверь. Затѣмъ сбилъ 12 замковъ и отворилъ 12 дверей, и вошелъ въ конюшню, гдѣ увидѣлъ добраго коня и всю сбрую богатырскую. Наложилъ Иванъ-Царевичъ свою руку коню на спину и конь тотъ на колѣни не палъ, а только погнулся. Услышалъ конь по себѣ сѣдока, началъ ржать и на колѣни предъ Иваномъ-Царевичемъ падать. Осѣдлалъ Иванъ-Царевичъ добраго коня и взялъ палицу боевую и мечъ кладенецъ. Сѣлъ въ сѣдло черкасское, и взялъ въ руки шелковы поводья. Захотѣлось ему испытать коня добраго: онъ ударилъ его по крутымъ бедрамъ — конь осердился, отъ земли отдѣлился и повнесъ Ивана-Царевича выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго; горы и доли

межь ногъ пускаеть, мелкія рѣки хвостомъ устилаеть, глубокія рѣки перепрыгиваеть. Пріѣхалъ Иванъ-Царевичъ къ Булату-Молодцу и сказалъ ему громкимъ голосомъ: Отдай же мнѣ, Булатъ-Молодецъ, мою каленую стрѣлу, и тогда я тебя, добраго молодца, изъ темницы выпущу. Булатъ-Молодецъ тотчасъ отдалъ ему каленую стрѣлу, а Иванъ-Царевичъ его изъ темницы выпустилъ.

— Спасибо тебѣ, Иванъ-Царевичъ, сказалъ ему Булатъ-Молодецъ, что ты меня изъ темницы выпустилъ, и за это я тебѣ сослужу еще три службы, въ тѣ поры, когда тебѣ будетъ нужда. Когда я тебѣ буду надобенъ, то молви только: ахъ, гдѣ мой Булатъ-Молодецъ? и тогда я къ тебѣ явлюсь и въ твоей нуждѣ буду тебѣ слугою.

Вымолвивъ эти слова, крикнулъ громкимъ голосомъ: Сивка-Бурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой. Откуда не взялся добрый конь, сталъ передъ Булатомъ-Молодцемъ. Булатъ-Молодецъ влѣзъ въ ушко, напился, наѣлся, въ другое вылѣзъ—и сталъ такой молодецъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Затѣмъ, сѣлъ Булатъ-Молодецъ на своего коня и сказалъ Ивану-Царевичу: ну теперь прощай, Иванъ-Царевичъ,—и поѣхалъ отъ него прочь.

Иванъ-Царевичъ сѣлъ на своего коня и поѣхалъ къ своему батюшкѣ и пріѣхавши къ нему началъ прощаться съ нимъ со слезами и просилъ отпустить съ нимъ дядьку. Поѣхалъ съ нимъ воинъ и ѣхали они нѣсколько времени и пріѣхали въ лѣсъ. День былъ жаркій и Ивану-Царевичу захотѣлось пить. Ыздя по лѣсу, они искали воды и нашли глубокій колодезь; вода въ немъ была ключевая. Иванъ-Царевичъ говоритъ своему дядькѣ: полѣзай ты въ колодезь и

достань мнѣ воды. Я тебя привяжу и буду держать, чтобы ты не утонулъ.

— Нѣтъ, Иванъ-Царевичъ, отвѣчаетъ ему дядька, я тяжелѣе тебя, поэтому ты меня не удержишь, а лучше спу-скайся ты, а я тебя буду держать.

Иванъ-Царевичъ послушался дядьки и опустился въ колодезь. Когда Иванъ-Царевичъ напился воды, то сказалъ своему дядькѣ: чтобы онъ его вытащилъ изъ колодца. Но дядька ему отвѣчаетъ, нѣтъ, теперь я тебя до тѣхъ поръ не вытащу, пока не дашь ты мнѣ своей руки писмо, чтобы ты былъ моимъ слугою, а я твоимъ господиномъ, и чтобы называлъ ты меня Иваномъ-Царевичемъ. А ежели ты на это не согласишься, такъ я тебя въ колодезѣ утоплю.

— Любезный дядька! вскричалъ Иванъ-Царевичъ, не топи ты меня, а вытащи. Я тебѣ дамъ писмо своей руки, чтобы ты былъ моимъ царемъ, а я твоимъ слугою.

— Я этому не вѣрю, сказалъ ему дядька. Дай присягу.

— Я тебѣ клянусь Богомъ! сказалъ Иванъ-Царевичъ, что я точно дамъ тебѣ писмо.

Тогда дядька вытащилъ его, а Иванъ-Царевичъ взялъ бумагу и написалъ писмо и отдалъ его своему дядькѣ. Потомъ снялъ съ себя свое платье и тоже отдалъ ему, а его на себя надѣлъ, и поѣхали они въ путь.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхали они въ Пантуево государство. Царь Пантуй, услышавъ о пріѣздѣ Ивана-Царевича, вышелъ къ нему на встрѣчу. Принялъ дядьку вмѣсто Ивана-Царевича, водилъ его въ палаты бѣлокаменные и сажалъ за столы дубовые. Пили, ѣли и веселились они. Началъ царь

Пантуй спрашивать у подложного царя: зачѣмъ ты въ мое государство пожаловалъ?—На это, мнимый Иванъ-Царевичъ, отвѣчалъ ему: Милостивый Государь! я пріѣхалъ къ тебѣ, свататься на дочери твоей, прекрасной царевнѣ Церіи.

— Съ великою радостію отдамъ дочь мою тебѣ въ супружницы, молвилъ царь Пантуй. Потомъ между разговорами, ложный Иванъ-Царевичъ сказалъ Пантую: прикажи моего слугу отдать на кухню въ черную работу, за то, что онъ мнѣ дорогою много досадилъ. Царь тотчасъ велѣлъ Ивана-Царевича опредѣлить на кухню въ черную работу, а дядька его веселился съ царемъ. Послѣ того, подступило войско подъ Пантуево государство и хотѣло его разорить, а царя Пантуя взять въ плѣнъ. Тогда царь Пантуй призвалъ къ себѣ ложнаго Царевича и сказалъ ему: любезный мой нареченный зять! подступило войско непріятеля, ежели ты прогонишь его отъ государства моего, я отдамъ за тебя дочь мою, а безъ того—не могу отдать.

— Хорошо, отвѣчалъ тотъ, не то сдѣлаю, только ночью, а не днемъ, потому что мнѣ днемъ воевать нѣтъ счастья.

Наступила ночь. Ложный царевичъ вышелъ на широкій дворъ, и кликнулъ настоящаго Ивана-Царевича и сказалъ ему: Иванъ-Царевичъ! не прогнѣвайся на меня, что я заступилъ твое мѣсто! позабуди все, и сослужи мнѣ: отгони отсюда прочь войско непріятеля. Иванъ-Царевичъ отвѣтилъ ему: ложись спать! все будетъ готово.—Дядька пошелъ, легъ спать. А Иванъ - Царевичъ крикнулъ богатырскимъ голосомъ: Ахъ, гдѣ Булатъ-Молодецъ. Въ ту-же минуту Булатъ-Молодецъ къ нему явился.—Какая нужда, сказывай! Иванъ-Царевичъ на-скоро рассказалъ ему о своей нуждѣ. Булатъ Молодецъ велѣлъ ему осѣдлать своего коня и надѣть на себя латы, а

самъ крикнулъ громкимъ голосомъ: сивка-Бурка, вѣщая-каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой!—Конь прибѣжалъ, остановился и Булатъ-Молодецъ сѣлъ на него, а Иванъ-Царевичъ сѣлъ на своего коня. И поѣхали они съ широкаго двора. Въ то время царевна Церія не спала и сидѣла подъ окномъ, и слышала все, что Иванъ-Царевичъ съ дядькою и съ Булатомъ-Молодцомъ говорилъ. Какъ скоро они пріѣхали къ непріятельскому войску, то Булатъ-Молодецъ сказалъ Ивану-Царевичу: ты начинай рубить войско съ праваго крыла, а я съ лѣваго. И напали они на ту рать силу непріятельскую; начали рубить мечами и топтать конями. Побили они въ одинъ часъ сто тысячъ чело-вѣкъ непріятеля. Король насилу ушелъ съ малымъ числомъ войска. Иванъ-Царевичъ возвратился съ Булатомъ-Молодцомъ прямо во дворецъ царя Пантуя. Тамъ Иванъ-Царевичъ разсѣдлалъ своего коня и поставилъ въ стойло, и далъ ему бѣлой ярой ишеницы, потомъ простился съ Булатомъ-Молодцомъ и пошелъ на кухню, легъ спать. Но утру рано царь Пантуй вышелъ на теремъ и посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ было непріятельское войско и увидѣлъ, что оно было побито; приказалъ онъ призвать къ себѣ ложнаго Ивана-Царевича, и когда онъ къ нему пришелъ, то царь Пантуй благодарилъ его за сохраненіе государства, а потомъ подарилъ его дорогимъ подаркомъ и сказалъ ему: скоро отдамъ дочь мою за тебя.

По прошествіи двухъ недѣль, опять, тотъ-же король подступилъ съ другимъ войскомъ. Царь Пантуй испугался и опять призвалъ къ себѣ мнимаго Ивана-Царевича и сказалъ ему: «Другъ мой, Иванъ-Царевичъ, избавь меня отъ непріятеля и отгони прочь его войско отъ моего государства. Ежели ты исполнишь это, то я немедленно выдамъ за тебя дочь мою. На это онъ отвѣчалъ ему: все это я сдѣлаю, но только

ночью, а не днем, потому что днем мнѣ нѣтъ счастья воевать.

Какъ только наступила ночь, дядька вышелъ на широкій дворъ и кликнулъ къ себѣ Ивана-Царевича и сказалъ ему: Иванъ-Царевичъ! не помни зла, которое я сдѣлалъ тебѣ, заступивъ твое мѣсто. Сослужи мнѣ еще службу и отгони войско непріятельское отъ сего государства. Иванъ-Царевичъ отвѣтилъ ему: поди и спи; утро вечера мудренѣе; все будетъ готово. Дядька пошелъ и легъ спать, а Иванъ-Царевичъ крикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ: Ахъ, гдѣ-то мой Булатъ-Молодецъ!—Явился къ нему Булатъ-Молодецъ и говорить: Сказывай мнѣ скоро, какая нужда тебѣ во мнѣ? Иванъ-Царевичъ на-скоро разсказалъ ему о своей нуждѣ. Булатъ-Молодецъ велѣлъ Ивану-Царевичу осѣдлатъ своего коня и надѣть на себя латы, а самъ крикнулъ богатырскимъ голосомъ: Гей ты Сивка-Бурка, вѣщая каурка, стань передо мной какъ листъ передъ травой!—Конь летитъ—земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ. Прибѣжалъ къ Булату-Молодцу и остановился. Булатъ-Молодецъ на своего коня, а Иванъ-Царевичъ на своего—сѣли и поѣхали они съ широкаго двора. Въ то самое время царевна Цирія не спала и слышала все, что Иванъ-Царевичъ съ дядькою и Булатомъ-Молодцомъ говорилъ.

Какъ только пріѣхали Булатъ-Молодецъ съ Иваномъ-Царевичемъ къ непріятелю, то Булатъ-Молодецъ сказалъ Ивану-Царевичу: ты начинай рубить непріятельское войско съ праваго крыла, а я начну—съ лѣваго. И напали они на ту рать—силу непріятельскую и начали мечами рубить и конями топтать. Побили они въ два часа двѣсти тысячъ человѣкъ, а самъ король непріятельскій насилу ушелъ съ малымъ числомъ войска.

Иванъ-Царевичъ съ Булатомъ-Молодцомъ возвратились назадъ. Разсѣдлавъ своего коня добраго и поставивъ его на конюшню, Иванъ-Царевичъ простился съ Булатомъ-Молодцомъ и пошелъ на кухню спать. Рано утромъ царь Пантуй вышелъ опять на теремъ и посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ было непріятельское войско и увидѣвъ, что оно побито, удивился такой храбрости Ивана-Царевича и велѣлъ его призвать къ себѣ. Когда тотъ пришелъ, то царь Пантуй благодарилъ его за сохраненіе государства и одарилъ его драгоценными подарками.

По прошествіи трехъ недѣль опять подступилъ непріятельскій король подъ городъ царя Пантуя. Царь очень испугался и призвавъ къ себѣ своего нарѣченнаго зятя, началъ говорить ему: Другъ мой возлюбленный, Иванъ-Царевичъ! Избавь меня отъ непріятеля и отгони его войско прочь отъ моего государства. И ежели ты сдѣлаешь это, то я, въ ту же минуту, отдамъ за тебя дочь мою. Минимъ Иванъ-Царевичъ отвѣтилъ ему на это, что онъ все сдѣлаетъ.

Наступила ночь и всѣ легли спать. Тогда дядька вышелъ на дворъ и кликнулъ къ себѣ Ивана-Царевича и сказалъ ему: не помни зла, которое я сдѣлалъ тебѣ и сослужи мнѣ еще службу: отгони прочь отсюда войско непріятельское!—На это Иванъ-Царевичъ отвѣтилъ ему: поди и ложись спать.

Потомъ Иванъ-Царевичъ крикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ: ахъ, гдѣ мой Булатъ-Молодецъ! Тотъ тотчасъ явился къ нему и сказалъ: какая нужда тебѣ, сказывай скорѣе!—Иванъ-Царевичъ разсказалъ ему о своей нуждѣ. Булатъ-Молодецъ опять велѣлъ ему осѣдлатъ своего коня и самъ сдѣлалъ тоже. Потомъ поѣхали они къ непріятельскому

ночью, а не днемъ, потому что днемъ мнѣ нѣтъ счастья воевать.

Какъ только наступила ночь, дядька вышелъ на широкій дворъ и кликнулъ къ себѣ Ивана-Царевича и сказалъ ему: Иванъ-Царевичъ! не попомни зла, которое я сдѣлалъ тебѣ, заступивъ твое мѣсто. Сослужи мнѣ еще службу и отгони войско непріятельское отъ сего государства. Иванъ-Царевичъ отвѣтилъ ему: поди и спи; утро вечера мудренѣе; все будетъ готово. Дядька пошелъ и легъ спать, а Иванъ-Царевичъ крикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ: Ахъ, гдѣ-то мой Булатъ-Молодецъ!—Явился къ нему Булатъ-Молодецъ и говоритъ: Сказывай мнѣ скоро, какая нужда тебѣ во мнѣ? Иванъ-Царевичъ на-скоро рассказалъ ему о своей нуждѣ. Булатъ-Молодецъ велѣлъ Ивану-Царевичу осѣдлать своего коня и надѣть на себя латы, а самъ крикнулъ богатырскимъ голосомъ: Гей ты Сивка-Бурка, вѣщая каурка, стань передо мной какъ листъ передъ травой!—Конь летитъ—земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ, изъ поздрей пламя пышетъ. Прибѣжалъ къ Булату-Молодцу и остановился. Булатъ-Молодецъ на своего коня, а Иванъ-Царевичъ на своего—сѣли и поѣхали они съ широкаго двора. Въ то самое время царевна Цирия не спала и слышала все, что Иванъ-Царевичъ съ дядькою и Булатомъ-Молодцомъ говорилъ.

Какъ только пріѣхали Булатъ-Молодецъ съ Иваномъ-Царевичемъ къ непріятелю, то Булатъ-Молодецъ сказалъ Ивану-Царевичу: ты начинай рубить непріятельское войско съ праваго крыла, а я начну—съ лѣваго. И напали они на ту рать—силу непріятельскую и начали мечами рубить и конями топтать. Побили они въ два часа двѣсти тысячъ человѣкъ, а самъ король непріятельскій насилу ушелъ съ малымъ числомъ войска.

Иванъ-Царевичъ съ Булатомъ-Молодцемъ возвратились назадъ. Разсѣдлавъ своего коня добраго и поставивъ его на конюшню, Иванъ-Царевичъ простился съ Булатомъ-Молодцемъ и пошелъ на кухню спать. Рапо утромъ царь Пантуй вышелъ опять на теремъ и посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ было непріятельское войско и увидѣвъ, что оно побито, удивился такой храбрости Ивана-Царевича и велѣлъ его призвать къ себѣ. Когда тотъ пришелъ, то царь Пантуй благодарилъ его за сохраненіе государства и одарилъ его драгоценными подарками.

По прошествіи трехъ недѣль опять подступилъ непріятельскій король подъ городъ царя Пантуя. Царь очень испугался и призвавъ къ себѣ своего нарѣченнаго зятя, началъ говорить ему: Другъ мой возлюбленный, Иванъ-Царевичъ! Избавь меня отъ непріятели и отгони его войско прочь отъ моего государства. И ежели ты сдѣлаешь это, то я, въ ту же минуту, отдамъ за тебя дочь мою. Мнимый Иванъ-Царевичъ отвѣтилъ ему на это, что онъ все сдѣлаетъ.

Наступила ночь и всѣ легли спать. Тогда дядька вышелъ на дворъ и кликнулъ къ себѣ Ивана-Царевича и сказалъ ему: не помни зла, которое я сдѣлалъ тебѣ и сослужи мнѣ еще службу: отгони прочь отсюда войско непріятельское!—На это Иванъ-Царевичъ отвѣтилъ ему: поди и ложись спать.

Потомъ Иванъ-Царевичъ крикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ: ахъ, гдѣ мой Булатъ-Молодецъ! Тотъ тотчасъ явился къ нему и сказалъ: какая нужда тебѣ, сказывай скорѣе!—Иванъ-Царевичъ рассказалъ ему о своей нуждѣ. Булатъ-Молодецъ опять велѣлъ ему осѣдлать своего коня и самъ сдѣлалъ тоже. Потомъ поѣхали они къ непріятельскому

войску и начали рубить его, топтать конями. И побили они войска, что и смѣты нѣтъ, а короля самого убили тоже до смерти.

Затѣмъ поѣхали обратно въ Пантуево государство, разсѣдлали своихъ коней, и Булатъ-Молодецъ распростился съ Иваномъ-Царевичемъ, сказавъ ему: теперь ты меня болѣе никогда не увидишь; — и тотчасъ сѣлъ на своего коня и уѣхалъ, а Иванъ-Царевичъ пошелъ на кухню и легъ спать. По-утру рано царь Понтуй вышелъ опять на теремъ и посмотрѣлъ на непріятельское войско и увидѣлъ, что оно все побито. Тогда послалъ онъ за своимъ нарѣченнымъ зятемъ и сказалъ ему: Ну, любезный зять, теперь отдаю тебѣ въ супружницы дочь свою.

Черезъ нѣсколько дней начали дѣлать приготовленія къ свадьбѣ и дядька обвинчался съ прекрасной царевной Циріей. Когда послѣ вѣнца они сидѣли за столомъ, Иванъ-Царевичъ отпросился у повара посмотрѣть на новобрачныхъ. Поваръ отпустилъ его и далъ ему свое платье.

Иванъ-Царевичъ пришелъ въ царскія палаты и ставъ за другими людьми, смотрѣлъ на своего дядьку и на прекрасную царевну. Царевна Цирія, узнавъ Ивана-Царевича, выскочила изъ-за стола и взявъ его за руку, сказала: вотъ этотъ мой женихъ, а не тотъ, который вѣнчался со мною. Тогда Царь Пантуй вскочилъ съ своего мѣста и спросилъ свою дочь объ этомъ происшествіи и просилъ ее, чтобы она разсказала ему все подробно. Когда царевна Цирія разсказала ему обо всемъ подробно, то Ивана-Царевича посадили за столъ съ царевной Циріей, а дядьку за такой лживый поступокъ разстрѣляли на воротахъ.

Иванъ-Царевичъ, жениась на прекрасной царевнѣ Циріи, отправился въ свое государство, къ отцу своему, гдѣ царь Ходоръ возложилъ на его главу вѣнецъ свой, и Иванъ-Царевичъ взошелъ на престоль и началъ управлять государствомъ.

СКАЗКА

о золотомъ, серебряномъ и мѣдномъ государствахъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ супругою своею, и имѣли у себя трехъ прекрасныхъ сыновей, изъ которыхъ большаго называли Василий-Царевичъ, средняго—Федоръ-Царевичъ, а меньшаго — Иванъ-Царевичъ.

Въ одинъ день царь съ своею супругою прогуливались въ саду. Вдругъ поднялся вихоръ и унесъ царевну изъ глазъ его. Царь долгое время былъ очень печаленъ и собо-лѣзновалъ о своей супругѣ. Два старшихъ его сына, испрося у своего печальнаго отца благословенія, отправились въ путь искать свою мать. Бдучи долгое время съ своими людьми и изъѣздивъ великую степь, они раскинули палатки и ожидали, не увидятъ-ли кого, кто-бъ указалъ имъ дорогу. Однако, въ продолженіи трехъ лѣтъ никого не видали.

Между тѣмъ подростъ меньшей братъ Иванъ-Царевичъ. Тотъ также, испрося у отца своего благословенія, отправился въ путь. По долговременномъ путешествіи увидѣлъ вдали палатки и поѣхалъ къ нимъ. И какъ сталъ подъѣзжать ближе, то узналъ, что это были его братья. Приѣхавши, онъ сказалъ имъ: что вы, братцы, въ такой дикой степи остановились? Отпустите своихъ людей обратно въ наше государство, и мы поѣдемъ одни искать свою мать. Братья поступили согласно его совѣта, и поѣхали въ путь одни.

Ѣхали они долго-ли—коротко-ли, близко-ль—далеко-ль— скоро сказка сказывается, а дѣло-то не скоро дѣлается,—и усмотрѣли вдали дворецъ хрустальный, обнесенный такою-же стѣною вокругъ. Приѣхали они къ этому дворцу и Иванъ-Царевичъ, найдя ворота, въѣхалъ во дворъ. Подъѣзжая къ крыльцу, онъ увидѣлъ столбъ, въ которомъ было два кольца: одно золотое, другое серебряное. Продѣвши поводъ въ оба кольца, онъ привязалъ своего коня богатырскаго и пошелъ на крыльцо, гдѣ встрѣтился съ самимъ государемъ. Изъ продолжительнаго между ними разговора царь узналъ, что Иванъ-Царевичъ былъ ему племянникъ, и поэтому онъ повелъ его въ свои покои, куда пригласилъ и остальныхъ братьевъ. Погости у этого царя недолгое время, они получили отъ него въ подарокъ волшебный шаръ, который поката передъ собою, доѣхали до превысокой горы, гдѣ они и остановились. Крутизна этой горы столь была высокая, что на нее взлѣзть имъ никакъ нельзя было. Поэтому Иванъ-Царевичъ нашелъ скважину, гдѣ попались ему желѣзные когти, съ помощью которыхъ онъ взошелъ на самый верхъ горы, и такъ какъ былъ уставши, то сѣлъ подъ дубъ отдохнуть. Лишь только онъ спалъ съ себя когти, какъ тѣ вдругъ исчезли. Вставши, онъ увидѣлъ вдали палатку, сдѣланную изъ самага

тонкаго батиста, на коемъ изображалось мѣдное государство, а на верху этой палатки былъ поставленъ шаръ мѣдный; при входѣ лежали два огромныхъ льва, которые не допускали войти въ палатку. Иванъ-Царевичъ, увидя стоявшіе передъ ними пустые тазы, налилъ въ нихъ воды и тѣмъ утолилъ жажду львовъ, которые дали ему свободный ходъ въ палатку. Войдя туда, онъ увидѣлъ сидящую на софѣ прекрасную царевну, а въ ногахъ у ней спалъ трехглавый змѣй, которому онъ однимъ махомъ отсѣкъ всѣ три головы; за что царевна его благодарила и подарила ему мѣдное яйцо, скрывающее въ себѣ мѣдное государство. Иванъ-Царевичъ, простясь съ нею, отправился въ путь, и шедши долгое время, увидѣлъ вдали палатку, сдѣланную изъ самаго тонкаго флеру и привязанную серебряными спурками къ кедровымъ деревьямъ; у спурковъ кисти были изумрудныя, а на этой палаткѣ лежали два тигра, которымъ, утоливъ жажду отъ солнечнаго зноя водою, сдѣлалъ себѣ свободный входъ въ палатку. Когда онъ вошелъ туда, то увидѣлъ на софѣ очень богатоубранную царевну, красотою превосходяще первую, а въ ногахъ ея лежалъ шестиглавый змѣй, которому онъ въ одинъ разъ отрубилъ всѣ головы. За такую неустрашимость царевна подарила ему яйцо, скрывающее въ себѣ серебряное государство. Простясь и съ этой царевной, Иванъ-Царевичъ пошелъ далѣе. Наконецъ онъ достигъ и третьей палатки, которая была сдѣлана изъ самаго чистаго камортуку, и на коей было вышито золотое государство, а на палаткѣ поставленъ былъ изъ самаго чистаго золота шаръ. Самая палатка была прикрѣплена золотыми спурками съ алмазными кистями къ лавровымъ деревьямъ. При входѣ въ палатку лежали два преогромныхъ крокодила, которые отъ сильнаго жару непускали огненное пламя. Видя ихъ жажду, Иванъ-Царевичъ наполнилъ ихъ пустые тазы водою и тѣмъ сдѣлалъ себѣ сво-

бодный входъ въ палатку. Когда онъ вошелъ туда, то увидѣлъ сидящую на софѣ царевну, которая красотою своею превосходила обѣихъ прежнихъ. У ногъ ея лежалъ двѣнадцатиглавый змѣй, которому Иванъ-Царевичъ съ двухъ разъ обрубилъ всѣ головы. За это царевна ему подарила золотое яйцо, содержащее въ себѣ золотое государство, и вмѣстѣ съ яйцомъ вручила ему и свое сердце и послѣ продолжительнаго разговора указала ему гдѣ живетъ его мать, и пожелала ему счастливо окончить предпріятіе.

Послѣ довольно долгаго путешествія Иванъ-Царевичъ достигъ великолѣпнаго дворца. Прошелъ въ немъ многіе покои и ничего не нашелъ. Напослѣдокъ пришелъ въ пребогатоубранное зало и тамъ увидѣлъ сидящую въ креслахъ мать свою. Послѣ нѣжныхъ и учтивыхъ между ними разговоровъ, Иванъ-Царевичъ объявилъ ей, что онъ съ братьями многія лѣта искалъ ее, и ради ея, любезной ихъ родительницы, они долго и много странствовали.

Вдругъ мать почувствовала какой-то духъ и сказала Ивану - Царевичу: — «Спрячься подъ мою одежду, и какъ Вихорь прилетитъ и станетъ искать, то ты старайся ухватиться руками за его волшебную палицу—и онъ подыметъ тебя на воздухъ, но ты не страшись. Наконецъ онъ опустится на землю и разсыпется на мелкія части. Ты все собери и сожги, а пепелъ развѣй по полю».

Только-лишь мать успѣла сказать и спрятать его подъ свою одежду, какъ вдругъ прилетѣлъ Вихорь и началъ ласкаться къ царевичу. Тогда Иванъ-Царевичъ по совѣту матери своей, ухватился за волшебную палицу. Вихорь разсердился на царевича, поднялъ его на высоту, потомъ опустился на землю и разсыпался на мелкія части. Иванъ-Ца-

ревичъ подобравши всё части—сжегъ ихъ и пепелъ развѣялъ по полю, и затѣмъ овладѣвъ волшебною палицею, взялъ мать свою и трехъ царевенъ и они пришли къ дубу, откуда Иванъ-Царевичъ всёхъ ихъ спустилъ по полотну внизъ. Братья видя, что онъ одинъ остался на горѣ,—обрѣзали полотно и уѣхали съ матерью и царевнами въ свое государство, и велѣли имъ клясться, дабы они сказали ихъ отцу, что они найдены ими.

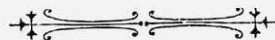
Иванъ-Царевичъ оставшись одинъ на горѣ не смѣлъ спуститься, видя, что полотно обрѣзаны, и ходя на горѣ, онъ перекидывалъ палицу съ руки на руку. Какъ вдругъ предсталъ предъ нимъ человѣкъ, который снесъ его съ горы и поставилъ на самой площади его государства. Здѣсь Царевичъ встрѣтился съ однимъ сапожникомъ, къ которому поступилъ въ работники. Хозяинъ накупивъ довольно кожъ, самъ напился пьянъ и легъ спать. Иванъ-Царевичъ видя, что въ его хозяйнѣ проку мало—призвалъ того духа, который снесъ его съ горы, и приказалъ ему къ утру надѣлать товару. Духъ по его приказу все исполнилъ и по утру разбудилъ хозяина, пославъ его съ товаромъ въ городъ. Купцы, увидя отличную работу тотчасъ все раскупили и его представили знатымъ господамъ. Наконецъ увидѣлъ и самъ царь его работу и приказалъ ему всегда носить ее во дворецъ.

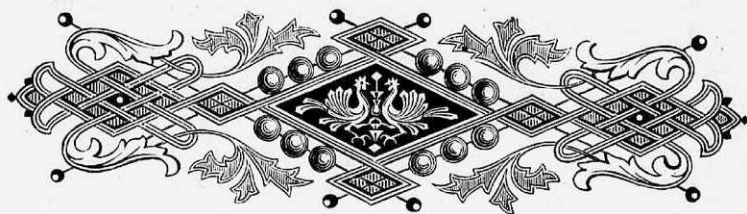
Между тѣмъ, находившаяся тутъ царевна изъ золотого государства, примѣчая, что эта работа духа золотого государства, приказала позвать къ себѣ башмачника, и когда тотъ пришелъ, то приказала, чтобы завтра по-утру предъ симъ дворцомъ поставилъ дворецъ и золотое государство и отъ него золотой мостъ до самаго ихъ царскаго дворца покрытый зеленымъ бархатомъ, сказавъ все это, царевна ушла прочь.

Хозяинъ пришелъ домой весьма печальный и все это разсказалъ работнику, а самъ съ горя такъ напился пьянъ, что и самъ себя уже не помнить и говорить: — «теперь хоть голову руби, такъ нужды нѣтъ!»—Царевичъ услыша это, приказалъ духу, чтобы къ завтрашнему дню непременно поставилъ онъ дворецъ и золотое государство, скрывающееся въ золотомъ яйцѣ.

Духъ приказаніе исполнилъ и рано утромъ перенесъ туда Ивана-Царевича, который изготавялся для встрѣчи отца своего и матери, пославъ для нихъ великолѣпныя колесницы, а для братьевъ самыя странныя телѣги, прося притомъ всёхъ откушать у него.

Царь услыша, что его меньшей сынъ Иванъ-Царевичъ живъ и здравствуетъ, очень обрадовался, и съѣвъ съ царичею и тремя царевнами въ присланныя для нихъ богато-убранныя колесницы, а дѣтей своихъ приказалъ насильно посадить въ странныя телѣги, говоря при этомъ, что вы повинны своей и этого не заслуживаете. И такъ, Иванъ-Царевичъ встрѣтилъ ихъ великолѣпно; притомъ простилъ братьямъ своимъ вину ихъ. Потомъ назначилъ Василю-Царевичу въ супруги царевну серебрянаго государства—царевну Елену, а Федору-Царевичу — царевну Земиру, а себѣ золотого государства—царевну Пленуру, и отдалъ имъ серебряное и мѣдное яйцы, скрывающія государства. На другой день былъ совершенъ бракъ всёхъ братьевъ къ великой радости всёхъ подданныхъ ихъ.

СКАЗКА

о сильномъ, храбромъ и непобѣдимомъ
богатырѣ Иванѣ-Царевичѣ и о прекрас-
ной супругѣ его Царь-Дѣвицѣ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ царь по имени Архидей. Царь этотъ жилъ съ супругою своею Дарією много лѣтъ, а дѣтей у нихъ не было. Они приходили уже къ старости, и начали молить Бога, чтобы Онъ даровалъ имъ дѣтище. Вскорѣ послѣ того, царица забеременела и чрезъ обыкновенное время родила прекрасную дочь, которую называли Луною. Черезъ годъ царица родила еще дочь, которая красотою своею превосходила свою старшую сестру, почему ее называли Звѣздою. Эти двѣ прекрасныя царевны были воспитаны и обучены съ большимъ стараніемъ.

Когда старшей сестрѣ было 15-й, а младшей 14-й годъ, то онѣ съ своими мамушками и нянюшками отправились гулять въ зеленые сады. Гуляли онѣ тамъ довольно долго; какъ вдругъ поднялся превеликій вихрь и унесъ обѣихъ царевенъ изъ глазъ сопровождавшихъ ихъ мамушекъ. Нянюшки и мамушки, перепуганные случившимся, побѣжали къ царицѣ Даріѣ и сообщили ей объ этомъ печальномъ происшествіи. Царица Дарія, услышавъ такое печальное извѣстіе, чуть было и сама не умерла. Потомъ царица передала объ этой печальной вѣсти и царю Архидею, который не менѣе ее былъ пораженъ и опечаленъ постигшимъ ихъ неожиданнымъ и негладнымъ горемъ.

Царь рѣшилъ кликнуть-кликчъ: кто отыщетъ пропавшихъ безъ вѣсти его дочерей, за того онъ отдастъ замужъ одну изъ нихъ, которую пожелаетъ самъ отыскавшій. Но на этотъ призывъ никто не откликнулся. Тогда царь Архидей собралъ волхвовъ и сталъ у нихъ спрашивать о своихъ дочеряхъ. Но и тѣ отказались отъ этого дѣла, потому что и сами не знали, гдѣ находились пропавшія царевны.

Царь затужилъ о своихъ дочеряхъ, и въ концѣ-концовъ сталъ опять очень усердно молить и просить Бога, чтобы онъ сжалился надъ нимъ и при старости даровалъ-бы ему снова дѣтище, которое-бы осталось послѣ его наслѣдникомъ государства. Въ знакъ своего усердія Архидей роздалъ великія и щедрыя милостыни всѣмъ бѣднымъ своего царства. Богъ услышалъ его молитву и даровалъ ему прекраснаго сына, котораго называли Иваномъ-Царевичемъ.

Когда царевичъ выросъ и сталъ совершеннолѣтнимъ, то его обучили разнымъ наукамъ и рыцарству. Узнавъ Иванъ-Царевичъ о томъ, что у него есть двѣ сестры, которыя

пропали неизвестно куда и задумалъ Иванъ-Царевичъ розыскать своихъ любезныхъ сестеръ. Сталъ просить отца своего, чтобы тотъ отпустилъ его на поиски сестеръ въ дальнія государства. — «Государь батюшка,—говорилъ Иванъ-Царевичъ,—я пришелъ къ вамъ просить вашего благословенія на далекій путь въ дальнія государства. Я хочу отыскать моихъ пропавшихъ безъ вѣсти любезныхъ сестеръ.» — «Молодой юноша, Иванъ-Царевичъ? — отвѣтилъ ему отецъ, — «Куда тебя Богъ понесетъ: въ какую страну пойдешь ты? Вѣдь ты еще очень молодъ и къ дорожнымъ трудамъ непревыченъ!» Однако царевичъ неотступно и со слезами началъ просить отца своего, чтобы тотъ отпустилъ его. Царь Архидей, видя въ царевичѣ великое желаніе отправиться въ путь—благословилъ его и представилъ ему полную свободу и власть поступать во всемъ по своему усмотрѣнію. Получивъ отцовское дозволеніе и благословеніе на дальній путь, Иванъ-Царевичъ распростился съ своими родителями, и одинъ какъ переть, не взявъ даже съ собой провожатаго, отправился въ дальнюю дорогу.

Шелъ Иванъ-Царевичъ путемъ-дорогою нѣсколько мѣсяцевъ. Случилось ему однажды идти большимъ густымъ лѣсомъ, и услышалъ онъ въ сторонѣ отъ него шумъ, на который онъ и пошелъ. Когда пришелъ онъ къ тому мѣсту, откуда ранѣ слышенъ былъ шумъ, то увидѣлъ, что два лѣшнихъ дерутся между собою. Онъ, ничуть не испугавшись, подошелъ прямо къ нимъ и спросилъ: — «послушайте, изъ-за чего вы деретесь, скажите мнѣ, я помирю васъ?» Одинъ изъ лѣшнихъ сказалъ ему: — «добрый человѣкъ, разсуди, пожалуйста, нашу ссору: мы вдвоемъ шли дорогою, и нашли вотъ эти вещи, которые лежатъ здѣсь на землѣ: шляпу-невидимку, сапоги-самоходы да еще такую скатерть, что ежели

ты ее развернешь, то изъ нея выпрыгнуть 12 молодцовъ и 12 дѣвицъ; понаставятъ сразу на эту скатерть разныхъ кушаній, напитковъ и проч., и станутъ потчивать того, кто развернулъ скатерть; они потчуютъ также и другихъ, ежели имъ это приказано будетъ. Такъ вотъ изъ этой находки я беру себѣ сапоги да шляпу, а товарищу моему отдаю скатерть; но ему этого кажется мало: онъ хочетъ завладѣть всѣмъ, и ради этого завелъ со мною драку». Выслушавъ лѣшанаго, Иванъ-Царевичъ сказалъ ему: — «хорошо, я дѣло ваше разберу, только вы и мнѣ дайте долю изъ вашей находки». — «Пожалуй, возьми, сказалъ ему другой лѣшій, только разсуди хорошенько наше дѣло. Иванъ-Царевичъ сказалъ имъ, чтобы они побѣжали въ перегонку по дорогѣ, и кто кого опередитъ на три версты, тому и достанется вся находка. Оба лѣшіе съ радостью согласились на это предложеніе и взапуски побѣжали по показанной имъ дорогѣ.

Когда оба лѣшіе, пустившіеся въ перегонку, убѣжали настолько далеко, что ихъ стало не видно—царевичъ надѣлъ на себя шляпу-невидимку и сдѣлался невидимъ; потомъ онъ надѣлъ сапоги-скороходы и взявъ подъ-мышку скатерть, пошелъ себѣ далѣе своимъ путемъ.

Лѣшіе, перегнавъ одинъ другаго, прибѣжали опять на то мѣсто, гдѣ лежала ихъ находка. Но не найдя ни Ивана-Царевича, ни своей находки,—побѣжали по лѣсу розыскивать царевича, и хотя они нѣсколько разъ находили прямо на него, но не могли увидать его, потому что на немъ была надѣта шляпа-невидимка. Пробѣгавъ и проискавъ напрасно долгое время свою находку, и всетаки ничего не найдя, оба лѣшіе напастѣдокъ рѣшили прекратить свои поиски и разойтись по своимъ мѣстамъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ пути, Иванъ-Царевичъ увидалъ вдругъ по дорогѣ маленькую избушку. Онъ подошелъ къ ней и затѣмъ вошелъ въ самую избушку, гдѣ увидаль бабу-ягу, которая сидѣла на полу упершись ногами въ потолокъ и пряла шерсть. Увидавъ царевича, яга промолвила: — «фу, фу, фу! Доселева русскаго духу слыхомъ-не-слыхано было, а нынѣ и во очію русскій духъ является. Зачѣмъ ты, добрый молодецъ Иванъ-Царевичъ зашелъ сюда? волей аль неволей?» — «Ахъ ты глупая старая баба, сказала ей въ отвѣтъ Иванъ-Царевичъ. Ты прежде меня, добраго молодца, напой да накорми, а потомъ спрашивай. Баба-яга тотчасъ вскочила, собрала на столъ, напояла, накормила Ивана-Царевича и стала опять его спрашивать: «какъ и зачѣмъ ты сюда зашелъ». На это въ отвѣтъ сказала ей Иванъ-Царевичъ: — «Зашелъ я сюда сколько волею, то вдвое неволею. Иду я искать моихъ сестричекъ родныхъ, Луну и Звѣзду. А вотъ гдѣ мнѣ ихъ сыскать и самъ не вѣдаю.» — «Добро, Иванъ-Царевичъ, молвила баба-яга. Молись Богу и ложись спать; утро вечера мудренѣе.

Иванъ-Царевичъ послушался бабу-ягу и улегся спать, и тотчасъ-же заснулъ крѣпко. Рано утромъ баба-яга начала будить Ивана-Царевича: — «Добрый молодецъ, пора тебѣ и въ путь отправляться!» Царевичъ всталъ, умылся, одѣлся, помолился Богу и сталъ съ Ягою прощаться, а Яга и говорить ему: — «Чтожъ ты, царевичъ, со мною прощаешься, а не спросишь куда идти тебѣ надобно. Слушай, вотъ что я тебѣ скажу: ступай прямо по этой дорогѣ; выйдешь въ поле и увидишь палаты бѣлокаменные, въ этихъ палатахъ живетъ твоя старшая сестра Луна. Только трудно будетъ ее тебѣ взять, потому что съ нею живетъ нечистый духъ, который приходитъ къ ней медвѣдемъ, а послѣ оборачивается въ человѣка.

Выслушавъ разсказъ Яги, царевичъ простился съ нею, надѣлъ на себя сапоги-самоходы и отправился въ путь.

Шелъ онъ путемъ-дорогою три дня и наконецъ увидѣлъ въ полѣ тѣ самыя палаты бѣлокаменные, про которыя сообщила ему баба Яга. Онъ подошелъ къ нимъ и потомъ вошелъ прямо на широкій дворъ. На всемъ дворѣ не видать было ни одного человѣка. Тутъ Иванъ-Царевичъ надѣлъ на себя шляпу-невидимку и пошелъ въ палаты. Прошелъ по всемъ комнатамъ, наконецъ вошелъ въ спальню прекрасной царевны. Въ это время Луна лежала и почивала. Царевичъ, скинувъ невидимку, подошелъ къ кровати и сталъ будить царевну. Прекрасная Луна пробудясь отъ сна и увидавъ около себя молодаго юношу, спросила его: кто ты таковъ и зачѣмъ пришелъ сюда? такъ какъ до сего времени она не знала еще своего брата. Царевичъ на это отвѣтилъ ей: — «Любезная моя сестрица Луна, не злодѣя и не иного кого видишь предъ собой, а твоего любезнаго брата Ивана-Царевича. Я принесъ тебѣ челобитые отъ батюшки нашего царя Архидея и матушки нашей царицы Даріи. Они объ тебѣ и о сестрѣ Звѣздѣ очень сокрушаются.

Услышавъ сказанное царевичемъ, царевна Луна вскочила съ своего ложа и начала обнимать царевича и они цѣловались и миловались. Послѣ радостнаго свиданія Луна сказала ему: — «любезный мой братъ! я сердечно рада, что увидала тебя, но опасаясь, чтобы не пришелъ медвѣдь, который содержитъ меня въ этихъ палатахъ, и я боюсь, чтобы онъ не съѣлъ-бы тебя!» — «Не кручинься о томъ, — молвилъ ей Иванъ-Царевичъ, — я не боюсь этого!»

Скоро послѣ того поднялся сильнѣйшій вихрь. Царевна Луна, въ великомъ страхѣ, стала говорить царевичу: — «Лю-

безный братец! поскорѣ спрячься куда-нибудь, а то сейчас придетъ сюда медвѣдь и съѣстъ тебя непременно!» — Не бойся, отвѣтилъ братъ, и тотчасъ-же, надѣвъ на себя шляпу-невидимку, сѣлъ на стулъ.

Въ ту-же минуту вошелъ въ комнату ожидаемый медвѣдь и, не превращаясь въ человѣка, закричалъ человѣческимъ голосомъ: — «Фу, фу, фу! ранѣе и слыхомъ здѣсь не слыхано было русскаго духа, а теперь что-то пахнуть имъ стало! Ужъ навѣрное, Луна, у тебя есть здѣсь кто-нибудь?» — «И какъ тебѣ не стыдно говорить объ этомъ! Ну, откуда быть здѣсь русскому духу? Ты самъ-то, бѣгая по Руси, набрался навѣрное русскаго духа, — вотъ онъ тебѣ и чудится здѣсь!» — «Не пришелъ-ли твой братъ, Иванъ-Царевичъ? онъ вѣдь родился давно уже». — «Я отъ роду не видала и не знаю никакого брата, и не знаю даже есть-ли онъ у меня! — Ну, а если-бы и былъ у меня братъ и пришелъ-бы сюда, то ты навѣрное сѣлъ-бы его?» — «Нѣтъ! отвѣтилъ медвѣдь, я никогда-бы не сдѣлалъ этого». — «Не вѣрю!» сказала царевна. — «Я клянусь тебѣ, чѣмъ хочешь, въ этомъ!» отвѣчалъ ей медвѣдь. — «Когда такъ, — промолвила Луна, — то знай, что братъ мой сидитъ возлѣ тебя!» «Что ты!» удивился медвѣдь; «Какъ-же я не вижу его?» — «Право-же, говорю тебѣ, онъ здѣсь и сидитъ около тебя», еще разъ повторила ему царевна.

Послѣ этихъ словъ, медвѣдь всталъ и ударившись объ землю — сдѣлался такимъ молодцемъ, что не взгадать; превратившись въ человѣка, онъ проговорилъ: — «Иванъ-Царевичъ! не прячься отъ меня, я не злодѣй для тебя, и буду, даже, очень радъ увидать тебя!»

Услышавъ это, Иванъ-Царевичъ снялъ съ себя свою невидимку и предсталъ предъ бывшимъ медвѣдемъ, съ кото-

рымъ тотчасъ-же онъ началъ разговаривать и тотъ сталъ всячески забавлять его разными увеселеніями и очень ласково обходился съ нимъ все время, а также угощалъ и потчивалъ царевича очень радушно.

Иванъ-Царевичъ прожилъ у старшей сестры три мѣсяца и потомъ сталъ собираться въ дорогу. Предъ уходомъ онъ началъ спрашивать Луну объ ихъ младшей сестрѣ Звѣздѣ: — гдѣ и какъ найти ее? — «Она живетъ не очень далеко, — сказала Луна, — только, братецъ, не думаю, чтобы ты увидалъ ее, потому, что живетъ она въ мѣдномъ замкѣ, вокругъ котораго всегда стоятъ караульные, все водяные черти, и они, конечно, тебя въ замокъ не пустятъ, а еще, пожалуй, убьютъ до смерти.» — «Хоть самъ умру, а всетаки увижу мою сестру. И чтобы тамъ ни-было, какія бы опасности мнѣ не встрѣтились, а всетаки я пойду туда зачѣмъ пошелъ!»

Распростившись съ Луною и Медвѣдемъ, царевичъ отправился въ свой путь. На другой день пути онъ увидалъ тотъ самый замокъ, про который ему говорила Луна. У воротъ замка стояли два черта, которые на плечахъ держали пушки, и не пропускали въ ворота замка ни одной души. Когда Иванъ-Царевичъ хотѣлъ-было, не смотря на караульныхъ, войти въ замокъ, то они просто готовы были убить его. Но Иванъ-Царевичъ, обратясь къ нимъ, началъ говорить имъ: — «Почему вы не хотите впустить меня въ замокъ? Вѣдь я пришелъ сюда затѣмъ, чтобы смѣнить васъ всѣхъ съ караула: — «Врешь, ты обмануть насъ хочешь. Мы никого не смѣемъ пропускать въ замокъ, подъ страхомъ большаго наказанія. А если ты хочешь непременно пробраться туда, то лезь черезъ стѣну; хотя, говоря правду, надо сказать тебѣ, что по ту сторону стѣны подведены струны, и какъ только кто-либо

хоть чуть дотронется до струны, то сію же минуту, по всему замку, пойдет сильнѣйшій громъ, услыхавъ который, сейчасъ-же изъ моря выйдетъ чудовище и не оставитъ тебя живымъ».

Царевичъ не утратился этихъ словъ, а надѣлъ свои сапоги-самоходы и полѣзъ себѣ черезъ стѣну. Зацѣпивъ слегка своимъ платьемъ за струны, Иванъ-Царевичъ надѣлалъ сильнѣйшій громъ на весь замокъ. Войдя въ самый замокъ, Иванъ-Царевичъ, торопясь, пошелъ по комнатамъ отыскивать свою сестру. Найдя ее спящей, онъ тотчасъ разбудилъ ее отъ сна, и та, проснувшись и увидавъ его громко закричала: — «Кто ты и зачѣмъ пришелъ сюда?» — Иванъ-Царевичъ отвѣчалъ ей: — «Любезная сестрица, прекрасная королева, Звѣзда! не злодѣй ты видишь предъ собою, а твоего любезнаго брата Ивана-Царевича, который принесъ тебѣ челобитье отъ твоего роднаго батюшки и родной матушки. Родители наши много и сильно сокрушаются объ тебѣ».

Услыхавъ эти слова отъ Ивана-Царевича, Звѣзда вскочила и начала горячо цѣловать и радостно привѣтствовать своего младшаго брата. Потомъ услыша, все еще продолжавшійся громъ отъ струнъ, царевна очень испугалась и стала говорить Ивану-Царевичу: — «Любезный братецъ мой, Иванъ-Царевичъ! спрячься поскорѣй куда-нибудь изъ этой комнаты, а то придетъ сюда чудовище и, какъ только увидитъ тебя, то тутъ-же и съѣстъ!» — Не заботься и не беспокойся обо мнѣ», сказалъ царевичъ и сейчасъ-же надѣвъ на себя свою шляпу-невидимку, сѣлъ преспокойно здѣсь же, въ спальнѣ, на стулъ.

Только что успѣлъ царевичъ надѣть невидимку, какъ въ ту же минуту вошло въ комнату чудовище, которое за-

кричало: — «Фу, фу, фу! До сихъ поръ не слыхано было ни гдѣ здѣсь въ замкѣ русскаго духа, а теперь вдругъ пахнуть стало! Ужъ, навѣрное, у тебя, Звѣзда, здѣсь есть кто-нибудь?» — «Ахъ, мой свѣтъ! отвѣтила Звѣзда, — ну, кому-же быть у меня? Да, къ тому-же, на караулѣ у тебя стоятъ такія строгія стражи, что никого и ни за что не пропустишь. А вотъ ты, самъ-то, бѣгаешь по Руси, ну и набрался тамъ этого духу». — «Полно, Звѣзда! Не пришелъ-ли къ тебѣ братъ твой, Иванъ-Царевичъ?» — спросило чудовище, — «я знаю, вѣдь онъ давно уже родился.» — «Я и знать-то не знаю ни какого брата — сказала царевна; — ну, а если бы братъ пришелъ, то ты навѣрное съѣлъ-бы его», — добавила она. Нѣтъ, — отвѣчало чудовище, — я никогда-бы не сдѣлалъ этого! — «Охъ, не вѣрю я словамъ твоимъ!» промолвила Звѣзда. — «Я клянусь тебѣ, чѣмъ хочешь, что не трону его!» — «Когда такъ, — сказала Звѣзда, то знай, что братъ сидитъ возлѣ тебя!» — «Ты лжешь, — сказала чудовище, какъ же онъ сидитъ здѣсь, когда я не вижу его!» — «А я говорю тебѣ, право-же, онъ здѣсь-же и возлѣ тебя сидитъ», повторила царевна.

Тогда чудовище, ударившись о землю превратилось въ такого молодца, что-либо глянуть, и промолвилъ этотъ молодецъ: — «Иванъ-Царевичъ! не прячься отъ меня, я не злодѣй тебѣ и худого ничего не сдѣлаю, и буду очень радъ увидаться съ тобою!»

Послѣ этого Иванъ-Царевичъ снялъ свою невидимку и показался чудовищу, превратившемуся въ добраго молодца. Этотъ молодецъ разговаривалъ съ царевичемъ очень ласково, всѣмъ потчивалъ и угощалъ его, и кромѣ того забавлялъ его разными увеселеніями.

Царевичъ прожилъ у сестры около года. Когда чудо-

вища не бывало дома, то онъ говорилъ сестрѣ, чтобы она ушла бы съ нимъ въ свое родное отечество, но Звѣзда всегда отвѣчала на это, что она боится своего чудовища, которое непремѣнно погонится за ними, и догнавъ убьетъ обоихъ на смерть.

Какъ-же мнѣ тебя и другую сестру нашу выручить? спросилъ Иванъ-Царевичъ у Звѣзды, въ одинъ изъ ихъ разговоровъ.

Если ты хочешь во чтобы-то ни стало выручить меня съ моей несчастной сестрою Луной, отъ этихъ ненавистныхъ намъ духовъ, то ты вотъ что сдѣлай. Сходи ты за тридцать земель, въ тридесятое государство, а государствомъ тѣмъ владѣть царь-дѣвица. Но только дѣло въ томъ, что тебѣ будетъ очень трудно пройти къ тому государству, такъ какъ къ нему есть калиновый мостъ, а черезъ мостъ тотъ ни коннаго, ни пѣшаго не пропускаетъ змѣй о двѣнадцати головахъ, который всегда находится подъ мостомъ, и всѣхъ кто-бы ему ни попался на мосту, сожретъ непремѣнно. Кому-же змѣя того удастся убить, то за того царь-дѣвица выдетъ замужъ. А она-то и можетъ только меня и старшую сестру нашу Луну выручить изъ этой бѣды.

Выслушавъ все это, Иванъ-Царевичъ распростился съ своей горемычной сестрой Звѣздою, и пошелъ онъ за тридцать земель въ тридесятое государство. На дорогу онъ обулся въ свои сапоги-самоходы, почему и поспѣлъ въ три дня къ калиновому мосту.

Не доходя еще до самого моста, Иванъ-Царевичъ зашелъ въ первую попавшуюся кузницу и наказалъ, чтобы ему сейчасъ-же сдѣлали мечъ-кладенецъ и боевую палицу. Ему тотчасъ-же выковали мечъ и боевую палицу въ сорокъ

пудовъ. Заплативъ за работу деньги, Иванъ-Царевичъ взялъ свои богатые доспѣхи и отправился прямо къ мосту, чтобы убить змѣя. Едва только онъ подошелъ туда, какъ изъ-подъ моста выскочилъ вдругъ змѣй-многоголовый и кинувшись къ нему, хотѣлъ прогнать его. Но царевичъ, увернувшись отъ змѣя, въ то-же время самъ успѣлъ нанести ударъ ему мечемъ, и сразу отсѣкъ ему три головы. Змѣй вторично бросился на него, но тотъ и на этотъ разъ, оставшись самъ невредимъ, успѣлъ змѣю нанести ударъ и отсѣкъ ему еще шесть головъ. Змѣй испустилъ изъ себя огненное пламя, и хотѣлъ этимъ огнемъ сжечь царевича, но тотъ опять ловко увернулся и ударилъ еще разъ змѣя мечемъ и разсѣкъ его на двое.

Убивъ змѣя, царевичъ сложилъ изъ дровъ костеръ, положилъ на него убитаго змѣя и всѣ его головы, и зажегши, оставилъ все это горѣть, а самъ пошелъ черезъ калиновый мостъ и вскорѣ-же пришелъ на другую сторону, гдѣ увидалъ вышедшихъ изъ городскихъ воротъ 12 голубицъ, которыя, придя на берегъ той рѣки, чрезъ которую былъ перекинутъ мостъ, ударились о землю и превратились въ дѣвицъ. Послѣ этого они раздѣлись и начали купаться.

Царевичъ, надѣвъ свою шляпу—невидимку, сталъ смотрѣть на нихъ, въ ожиданіи, что будетъ дальше. Тѣмъ временемъ дѣвицы выкупались и одѣлись. Царевичъ, снявъ съ себя свою шляпу-невидимку, подошелъ къ нимъ поближе.

— «Честныя дѣвицы, скажите мнѣ, кто владѣетъ симъ мѣстомъ?» такъ говорилъ имъ царевичъ, желая отъ нихъ узнать обо всемъ подробнѣе.

— «Добрый кавалеръ,—въ свою очередь спросили его

удивленные дѣвицы, — какъ ты попалъ сюда, а главное — перешелъ чрезъ калиновый мостъ?»

— «А я, идя сюда, убилъ на той сторонѣ рѣки, возлѣ самаго моста, двѣнадцати-главаго змѣя», — отвѣтилъ имъ Иванъ-Царевичъ.

Только что онъ успѣлъ выговорить эти слова, какъ дѣвицы подхватили его подъ руки и сказали ему: — «Если ты убилъ стража нашего государства, то долженъ быть самъ нашимъ государемъ», и проговоривъ это, повели царевича къ Царь-дѣвицѣ.

Когда они вошли въ царскія палаты, то Царь-дѣвица вышла на встрѣчу царевичу и приняла его, взявъ за бѣлыя руки. Въ тотъ-же день царевичъ женился на Царь-дѣвицѣ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ брака, царевичъ сталъ просить свою молодую жену, чтобы она освободила изъ рукъ духовъ его обѣихъ сестеръ Луну и Звѣзду.

Выслушавъ просьбу царевича, его супруга, бывшая Царь-дѣвица, отвѣтила ему, что просьбу его она готова исполнить. Затѣмъ, обратясь къ своимъ дѣвицамъ, молодая царевна приказала имъ: — «Приведите сюда духа, который содержится въ погребѣ!»

Дѣвицы пошли и скоро привели того духа къ Царь-дѣвицѣ. — «Что требуешь отъ слуги своего?» — спросилъ духъ молодую царевну. — «Слушай, Страмецъ!» — сказала ему Царь-дѣвица, — если ты сослужишь мнѣ ту службу, которую я прикажу тебѣ сейчасъ, то ты будешь выпущенъ на волю. Дѣло вотъ въ чемъ. Есть Морское Чудовище да еще Медвѣдь; у этихъ двухъ духовъ находятся въ заточеніи двѣ царевны, родныя сестры. Одну звать Луна, а другую —

Звѣзда. Первая изъ нихъ находится у Медвѣдя, а вторая — у Морского Чудовища».

Выслушавъ приказъ своей повелительницы, духъ Страмецъ, выйдя изъ царскихъ палатъ, превратился вихремъ и помчался сперва туда, гдѣ обрѣталась старшая сестра Луна. Прилетѣвъ къ Медвѣдю, онъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему, чтобы онъ по хорошему отдалъ бы царевну Луну. Медвѣдю, хотя и не хотѣлось разставаться съ красавицей, однако, дѣлать было нечего и онъ былъ принужденъ отдать посланному духу, жившую у него Луну.

Духъ Страмецъ, получивъ старшую царевну, взялъ ее и съ ней вмѣстѣ помчался къ младшей сестрѣ Звѣздѣ. Прибывъ туда, онъ потребовалъ къ себѣ Морское Чудовище и ему, такъ же какъ Медвѣдю, объявилъ, чтобы онъ безъ всякихъ хлопотъ возвратилъ прожизвавшую въ его замкѣ царевну Звѣзду. Морское Чудовище, не могши ослушаться приказанія примчавшагося духа, вынужденъ былъ подчиниться его приказу и потому безъ упирательства отдалъ ему царевну Звѣзду.

Доставъ обѣихъ сестеръ, Страмецъ подхватилъ ихъ и помчался обратно къ Царь-дѣвицѣ. Прибывъ въ свое государство, онъ сдалъ обѣихъ царевенъ на руки своей повелительницѣ.

Увидавъ освобожденными своихъ сестеръ, Иванъ-Царевичъ благодарилъ супругу и духа Страмца, благодаря которому его сестры избавились отъ заточенія у ненавистныхъ имъ духовъ.

Вскорѣ послѣ этого Иванъ-Царевичъ сталъ проситься у своей супруги, чтобы она отпустила бы его хоть на малое время въ свое государство къ родителямъ его, а также и

для того, чтобы могъ онъ доставить туда сестеръ своихъ Луну и Звѣзду. Но Царь-дѣвица на это не согласилась, такъ какъ безъ него не могла пробыть и одной минуты. А она сказала ему, что велитъ своему духу, чтобы тотъ отнесъ обѣихъ царевенъ въ ихъ государство и чтобы онъ, царевичъ, написалъ бы къ своимъ родителямъ письмо и отдалъ бы его сестрамъ. Когда Иванъ-Царевичъ изъявилъ на это свое согласіе, то Царь-дѣвица призвала опять духа Страмца и поручила ему, чтобы онъ немедленно же доставилъ сестеръ-царевенъ въ ихъ отечество, а оттуда принесъ бы извѣстіе о здоровіи родителей ея супруга: — царя Архидея и Царицы Даріи.

Духъ подхватилъ обѣихъ царевенъ и въ одинъ мигъ доставилъ ихъ въ родное государство.

Царь Архидей и царица Дарія, увидѣвъ вновь своихъ дочерей Луну и Звѣзду, совершенно невредимыми, — столь сердечно обрадовались, что ихъ великой радости не было конца. Потомъ они оба, царь и царица, написали къ сыну своему, Ивану-Царевичу — письмо о своемъ благополучномъ здоровіи, и отдали его духу Страмцу, который живо примчалъ его въ государство Царь-дѣвицы, и та за всю вѣрную службу духа, отпустила Страмца на волю.

Послѣ этого Иванъ-Царевичъ съ супругою своею, бывшей Царь-дѣвицею, жили въ полной любви и согласіи много, много лѣтъ.

СКАЗКА

объ Иванѣ-Царевичѣ и Жарѣ — птицѣ и Сѣромъ волкѣ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь по имени Выславъ Андроновичъ. У него было три сына Царевича: первый — Дмитрій-Царевичъ, второй — Василій-Царевичъ и третій, самый меньшой — Иванъ-Царевичъ.

У этого царя Выслава Андроновича былъ садъ, такой великолѣпный, что ни въ какомъ другомъ государствѣ лучше этого сада не было. Въ саду этомъ росли разные драгоцѣнные деревья, съ плодами и безъ плодовъ. Одна изъ яблонь была любимая царя Выслава и на этой яблонѣ росли золотыя яблочки.

Повадилась въ садъ къ царю Выславу летать птица, называемая Жаръ. На ней были перья золотыя, а глаза —

подобны—восточному хрусталу. Летала птица та въ садъ каждую ночь и всегда садилась на рѣдкостную яблоню и, сорвавъ золотыхъ яблочекъ улетаала прочь.

Царь Выславъ былъ крайне опечаленъ этимъ обстоятельствомъ и очень горевалъ, что Жарь-птица много срывала съ нея золотыхъ яблочковъ. Почему онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ трехъ своихъ сыновей и сказалъ имъ:—«Любезные мои дѣти! Кто можетъ изъ васъ поймать въ моемъ саду Жарь-птицу? Если кто поймаетъ, тому еще при жизни отдамъ половину моего царства, а послѣ смерти—и все.

Услыхавъ это, всѣ сыновья отвѣчали въ одинъ голосъ:—«Милостивый государь батюшка, ваше царское величество! мы всѣ съ величайшею радостію готовы услужить тебѣ и постараемся поймать эту Жарь-птицу живою».

Послѣ этого, братья рѣшили между собою, по очереди, ходить каждую ночь въ отцовскій садъ и подкарауливать воровавшую золотыя яблочки, Жарь-птицу. На первую ночь пошелъ въ садъ караулить ее старшій сынъ Дмитрій-Царевичъ. Придя въ садъ, онъ сѣлъ подъ ту яблоню, съ которой пропадали яблочки, и заснулъ, такъ что не слышалъ и не видалъ ни того, какъ прилетала Жарь-птица, ни того, какъ она ошипывала драгоцѣнную яблоню.

На другой день утромъ царь Выславъ Андроновичъ призвалъ къ себѣ Царевича Дмитрія и спросилъ его:—«Ну, что, сынъ мой любезный, видѣлъ ли ты Жарь-птицу или нѣтъ?»—«Нѣтъ, милостивый государь-батюшка,—отвѣчалъ Дмитрій-Царевичъ,—она въ эту ночь не прилетала.

Вслѣдъ за старшимъ братомъ, пришла очередь средняго—Василія-Царевича, и на вторую ночь онъ такъ же, какъ и

первый—отправился на ночь въ садъ своего отца подкараулить похитительницу драгоцѣнныхъ плодовъ—Жарь-птицу. Придя въ садъ и сѣвъ подъ ту-же яблоню, гдѣ предъ этимъ провелъ ночь его старшій братъ, онъ долго поджидая свою добычу,—заснулъ и не видѣлъ какъ прилетала въ садъ Жарь-птица и сидя надъ нимъ срывала золотыя яблочки, и нарвавъ таковыхъ, улетѣла себѣ преспокойно изъ сада.

Утромъ послѣ этой ночи царь Выславъ призвалъ къ себѣ Царевича Василія и сталъ спрашивать его:—«Что, сынъ мой любезный, видѣлъ ли ты Жарь-птицу, или нѣтъ?»—«Нѣтъ, милостивый государь-батюшка,—отвѣчалъ ему Василій-Царевичъ,—она въ эту ночь не прилетала.

Наконецъ на третію ночь пришла очередь идти въ садъ Ивану-Царевичу. Онъ придя туда, сѣлъ подъ ту же яблоню, гдѣ двѣ ночи къ ряду спали его старшіе братья. Сидя подъ яблоней Царевичъ не спалъ, а внимательно прислушивался ко всему, въ ожиданіи прилета птицы-похитительницы. Сидѣлъ онъ тамъ часъ, сидѣлъ другой,—но все еще никого не было. Между тѣмъ Царевичъ бодрствовалъ и твердо рѣшился не спать, а дожидаться того момента, когда воровка прилетитъ за золотыми яблочками. Въ исходѣ третьяго часа его тамъ сидѣнья, вдругъ весь садъ освѣтило; да какъ еще! какъ будто многочисленными огнями все было освѣщено.

Иванъ-Царевичъ сообразилъ, что то прилетѣла въ садъ Жарь-птица. И вдругъ видитъ онъ, что она сѣла на ту яблоню, подъ которой онъ караулил ее. Сѣвъ на яблоню она начала было ошипывать золотыя яблочки. Но въ это время Иванъ-Царевичъ тихонько и искусно подкравшись къ ней,—схватилъ ее за хвостъ, но все таки удержать ее не могъ, и Жарь-птица вырвавшись изъ рукъ его—улетѣла, оставивъ

только въ рукѣ Царевича одно перо изъ хвоста своего, за который тотъ сильно ухватилъ Жарь-птицу.

Рано утромъ, послѣ этой ночи, когда царь Выславъ только пробудился отъ сна, Царевичъ пришелъ къ нему и принесъ то самое перо, которое ночью удалось ему выдернуть изъ хвоста Жарь-птицы. Царь Выславъ былъ очень этимъ обрадованъ, что хоть меньшому сыну удалось наконецъ то подкараулить похитительницу его драгоценныхъ плодовъ. И хотя птицы самой поймать не удалось, но и перышко одно ее имѣло большой интересъ, и было очень дивное, такъ что ежели бы его внести въ совершенно темную комнату, то отъ него исходилъ такой сильный свѣтъ, какъ бы было зажжено великое множество свѣчей.

Царь Выславъ, взявъ отъ сына чудное перышко, снесъ его въ свой кабинетъ и положилъ тамъ, какъ рѣдкостную вещь, которая должна была всегда сохраняться.

Послѣ той ночи, когда Царевичу Ивану удалось вырвать у прилетѣвшей въ садъ Жарь-птицы—перо, то эта чудная похитительница царскихъ плодовъ перестала летать въ садъ царя Выслава. Но царь Выславъ тѣмъ не менѣе не успокоился и теперь, — увидя только дивное перышко, захотѣлъ во чтобы то ни стало приобрести и самую Жарь-птицу. А поэтому, онъ вновь призвалъ къ себѣ дѣтей своихъ и опять сказалъ имъ:—«Любезные мои дѣти! я дамъ вамъ мое родительское благословеніе: поѣзжайте и отыщите мнѣ ту Жарь-птицу, которая летала прежде въ мой садъ, и отыскавъ, привезите ее ко мнѣ живою. Кто это порученіе мое исполнитъ и привезетъ мнѣ живую Жарь-птицу, тотъ получитъ, конечно, то, что обѣщалъ я ранѣе за нее въ награду.

Оба старшихъ Царевича—Дмитрій и Василій, съ этого времени начали имѣть тайную злобу на своего меньшаго брата Ивана-Царевича, за то, что тому удалось выдернуть изъ хвоста у Жарь-птицы чудное перышко, которое такъ заинтересовало ихъ отца.

Получивъ отъ отца своего благословеніе, Царевичи Дмитрій и Василій—поѣхали на поиски за Жарь-птицей. Въ свою очередь и меньшой Царевичъ, узнавъ объ отъѣздѣ братьевъ, сталъ также просить у родителя своего благословенія на дорогу, для отправленія въ поиски за Жарь-птицей.

Услышавъ просьбу своего младшаго сына, царь Выславъ сказалъ ему:—«Любезный сынъ мой, чадо мое милое! ты еще очень молодъ и для тебя такой трудный и дальній путь непривыченъ. И зачѣмъ тебѣ отъ меня отлучаться, когда братья твои за этимъ-же дѣломъ поѣхали. Неужели и ты хочешь уйти отъ меня?! Вѣдь тогда вы всѣ трое будете далеко отъ меня и можете долго не возвратиться, а я уже нахожусь въ престарѣлыхъ годахъ и хожу подъ Богомъ. И ежели во время вашей отлучки Богъ отниметъ отъ меня жизнь, то кто-же останется вмѣсто меня и будетъ управлять моимъ царствомъ? Вѣдь тогда можетъ произойти бунтъ и выйти несогласіе между нашими подданными, и унять ихъ некому будетъ. А также можетъ подступить подъ наши области непріятель, такъ управлять нашимъ войскомъ будетъ некому». — Однако, какъ ни старался царь Выславъ уговорить и удержать при себѣ,—но ничего не могъ съ нимъ подѣлать, и снисходя на неотступныя просьбы Царевича — вынужденъ былъ согласиться на отпущекъ своего послѣдняго сына и на дорогу далъ ему свое родительское благословеніе.

Иванъ-Царевичъ, получивъ родительское благословеніе, выбралъ себѣ коня и поѣхалъ въ путь.

Ѣхалъ онъ—Ѣхалъ, самъ не зная куда, и пріѣхалъ онъ въ чистое поле, на зеленые луга, и увидѣлъ тамъ въ чистомъ полѣ столбъ, на которомъ написаны были слѣдующія слова: — «ежели кто поѣдетъ отъ столба прямо, такъ тотъ будетъ голоденъ и холоденъ, а кто поѣдетъ въ правую сторону,—то тотъ самъ будетъ живъ, здоровъ и невредимъ, а конь его будетъ мертвъ. Кто-же поѣдетъ въ лѣвую сторону—тотъ будетъ убитъ, а конь его живъ останется».

Иванъ-Царевичъ, прочитавъ эту надпись, поѣхалъ въ правую сторону, разсудивъ, что ежели конь его и будетъ убитъ, то все-таки самъ онъ останется живъ, а коня можно будетъ послѣ добыть другого.

Ѣдетъ Иванъ-Царевичъ по избранной имъ дорогѣ день, другой и третій, и никого по дорогѣ не видать было. Какъ вдругъ, откуда ни возьмись, выходитъ ему на встрѣчу огромный сѣрый волкъ и говоритъ Царевичу: — «Охъ, ты, гой еси, молодой юноша, Иванъ-Царевичъ! Вѣдь ты читалъ на столбѣ, что конь твой будетъ мертвъ, такъ зачѣмъ-же ты сюда ѣдешь?» Сказавъ эти слова, волкъ разорвалъ коню шю и пошелъ прочь въ сторону.

Иванъ-Царевичъ очень горевалъ о конѣ своемъ и горько заплакавъ пошелъ пѣшкомъ. Пройдя весь день тотъ, онъ очень усталъ и хотѣлъ было отдохнуть, но лишь только онъ собрался приѣхать, какъ его нагналъ сѣрый волкъ и сказалъ ему: — «Жаль мнѣ тебя Иванъ-Царевичъ, что ты пѣшкомъ изнуряешься; жаль мнѣ тебя и потому еще, что я заѣлъ твоего коня добраго. Ну, ладно! садись на меня

сѣраго волка и скажи куда везти тебя и зачѣмъ? Иванъ-Царевичъ сказалъ куда ему ѣхать надобно, и сѣрый волкъ помчался съ нимъ быстрѣе коня его. Черезъ нѣкоторое время привезъ онъ Ивана-Царевича къ каменной стѣнѣ, не очень высокой. Остановившись здѣсь волкъ сказалъ своему сѣдоку: — «Ну, Иванъ-Царевичъ, слезай съ меня сѣраго волка и полезай черезъ эту каменную стѣну. Здѣсь за стѣною есть садъ, а въ этомъ саду, въ золотой клѣткѣ и сидитъ та самая Жаръ-птица, которая нужна тебѣ. Ты Жаръ-птицу возьми, а золотой клѣтки не трогай, а ежели ты и ее возьмешь, то тебѣ отсюда не уйти будетъ: тебя непременно поймаютъ».

Иванъ-Царевичъ перелѣзъ каменную стѣну и очутился въ саду. Увидѣвъ Жаръ-Птицу въ золотой клѣткѣ, онъ подошелъ къ ней и вынулъ ее изъ клѣтки пошелъ обратно. Но по дорогѣ одумался и рѣшилъ, что безъ клѣтки ему некуда посадить Жаръ-птицу и не въ чемъ будетъ ее доставить до своего государства. Поэтому онъ вернулся и взялъ клѣтку. Но лишь только онъ снялъ съ дерева клѣтку, какъ по всему саду раздался стукъ и громъ, потому что къ этой клѣткѣ были проведены струны, которыя давали знать караульнымъ, что клѣтку съ Жаръ-Птицей тронули съ мѣста.

Услыхавъ тревогу, караульные проснулись, и прибѣжавъ въ садъ, поймали Ивана-Царевича съ Жаръ-птицею, и тотчасъ повели его къ своему царю, котораго звали Долматомъ.

Царь Долмать очень разгнѣвался на Ивана-Царевича и закричалъ на него своимъ громкимъ сердитымъ голосомъ: — «Какъ не стыдно тебѣ, юный рыцарь, воровать! Кто ты таковъ, какой земли, и какого отца сынъ, и какъ зовутъ тебя по имени?» — «Зовутъ меня Иванъ-Царевичъ, — отвѣчалъ пойманный съ поличнымъ, — а изъ царства я Выслава, и

отецъ мой есть царь Выславъ Андроновичъ. Твоя Жаръ-Птица повадилась къ намъ въ садъ летать и срывала каждую ночь съ любимой отца моего яблони золотыя яблочки, и почти все дерево испортила. Поэтому родитель мой послалъ меня, чтобы я розыскалъ Жаръ-птицу и доставилъ-бы ее къ нему.» — «О, молодой, Иванъ-Царевичъ! — проговорилъ царь Долмать, — ну пригоже-ли тебѣ дѣлать такъ, какъ сдѣлалъ? Ты пришелъ-бы ко мнѣ, — продолжалъ царь Долмать, — и я честно-бы отдалъ тебѣ эту Жаръ-Птицу. А теперь хорошо-ли будетъ, когда я разошлю во все государство объявить объ тебѣ, какъ ты въ моемъ государствѣ нечестно поступилъ. Однако, слушай, Иванъ-Царевичъ: если послужишь мнѣ службу, и съѣдешь за тридцать земель, въ тридцатое государство и достанешь мнѣ отъ царя Аерона коня златогриваго, то я тебѣ всю вину прощу и Жаръ-Птицу отдамъ тебѣ съ великою честью. Ежели же не послужишь мнѣ этой службы, то я о тебѣ дамъ знать во все государство, что ты нечестный рыцарь».

Иванъ-Царевичъ ушелъ отъ царя Долмата крайне опечаленный, обѣщая тому все-таки добыть коня-златогриваго. Пришелъ Царевичъ опять къ сѣрому волку и подробно рассказалъ ему обо всемъ. Выслушавъ его признаніе, волкъ отвѣчалъ ему: — «Охъ, ты, гой еси, молодой юноша, Иванъ-Царевичъ! Вѣдь предупреждалъ-же я тебя объ этой бѣдѣ, и отчего ты сразу не послушался меня?! Ну, что дѣлать! быть такъ! Садись на меня, я свезу тебя — куда тебѣ нужно.

Иванъ-Царевичъ усѣлся сѣрому волку на спину и тотъ помчалъ его съ такой быстротой, что стрѣла, пущенная изъ тугонатянутаго лука. Долго-ли, коротко-ли, — но примчалъ его сѣрый волкъ въ то самое царство царя Аерона, гдѣ находился чудный конь съ золотой гривой. Прибыли

они туда ночью, и волкъ подвезъ его къ самымъ каменнымъ конюшнямъ. Ссадивъ своего сѣдока, сѣрый сказалъ ему: — «Ступай Иванъ - Царевичъ прямо въ эти конюшни и бери того самаго коня-златогриваго, но тутъ рядомъ на стѣнѣ виситъ золотая узда, то ты не тронь ее, а то тебѣ опять худо будетъ.

Пошелъ Иванъ-Царевичъ въ указанную конюшню и пользуясь тѣмъ, что все караульные въ это время спали, онъ взялъ себѣ преспокойно драгоцѣннаго царскаго коня-златогриваго и повелъ его изъ стойла. Но по дорогѣ увидѣлъ на стѣнѣ золотую узду и такъ ей прельстился, что не могъ утерпѣть, и забывъ предупрежденіе волка, взялъ и снялъ уздечку съ гвозди и хотѣлъ было вытѣсть съ конемъ унести и эту драгоцѣнность. Но едва только успѣлъ онъ снять эту узду, какъ по всемъ конюшнямъ пошелъ такой громъ и шумъ, что все караульные сразу проснулись, такъ какъ къ гвоздю, на которомъ висѣла золотая узда, были проведены многія струны для сигнала караульнымъ конюхамъ, на случай кто будетъ трогать ту узду.

Проснувшись, конюха поймали Царевича и повели его прямо къ самому царю Аерону. Царь началъ допрашивать пойманнаго съ конемъ и уздечкой Царевича: — «Скажи мнѣ молодой юноша, изъ котораго ты государства и кто твой отецъ и какъ зовутъ тебя самаго?» — «Я, — отвѣчалъ ему пойманный, — родомъ изъ царства царя Выслава, и царь Выславъ Андроновичъ родной мой отецъ. Зовутъ-же меня по имени — Иванъ-Царевичъ!» Охъ, ты молодой Иванъ-Царевичъ! Ну честное-ли рыцарское дѣло сдѣлалъ ты? Ты пришелъ-бы ко мнѣ прямо, и я бы отдалъ тебѣ коня златогриваго съ честью. А теперь хорошо-ли будетъ тебѣ,

когда разошлю я во все царства известіе о томъ, что сдѣлалъ ты въ моемъ государствѣ безчестный поступокъ?..— Однако, вотъ что, слушай: ежели ты, Иванъ-Царевичъ сослужишь мнѣ службу, и съѣдешь за тридевять земель и въ тридешатое государство, и достанешь мнѣ оттуда королевну—Прекрасную Елену, въ которую душой и сердцемъ влюбился я.—то тогда за твою услугу отдамъ я тебѣ честно и коня-золотогриваго и золотую уздечку, а ежели ты не исполнишь этого порученія, то я объ тебѣ дамъ знать во все государство и подробно пропишу, какъ ты безчестно и не по рыцарски поступилъ въ моемъ государствѣ.

Нечего было дѣлать—объщался Иванъ-Царевичъ царю Аерону достать ту королевну, но выйдя изъ царскихъ палатъ горько-прегорько заплакалъ.

Вернувшись къ ожидавшему его сѣрому волку, Царевичъ разсказалъ ему обо всемъ случившемся со всеми подробностями. «Охъ, ты, гой еси, молодой юноша!—проговорилъ сѣрый другъ его,—вѣдь и тутъ предупреждалъ я тебя о томъ, что можетъ случиться, почему же ты не послушался словъ моихъ и взялъ ту золотую уздечку, которая принесла тебѣ только печаль одну?!»—«Виновать я передъ тобою», отвѣчалъ Царевичъ.—«Ну, дѣлать нечего! Садись опять на меня сѣраго волка, свезу тебя куда тебѣ надобно!».

Иванъ-Царевичъ сѣлъ на спину своего сѣраго волка и тотъ что стрѣла помчалъ его. Мчались они быстро и черезъ недолгое время уже были въ томъ самомъ государствѣ, гдѣ находилась королевна Прекрасная Елена. Сѣрый волкъ подвезъ Царевича къ золотой рѣшеткѣ, которая окружала великолѣпный садъ, и сказалъ ему:—«Ну, теперь слѣзай и

ступай обратно по этой-же дорогѣ, гдѣ мы все время ѣхали съ тобою. Когда выйдешь въ чистое поле, то увидишь зеленый дубъ. Садись подъ этимъ дубомъ и ожидай меня».

Иванъ-Царевичъ слѣзъ съ сѣраго друга и пошелъ по указанному пути, какъ велѣно ему было, а сѣрый волкъ сѣлъ у рѣшетки, поджидая когда въ садъ на прогулку выйдетъ королевна Прекрасная Елена.

Къ вечеру когда солнышко стало клониться къ западу и дневной жаръ сталъ понемногу спадать, королевна Прекрасная Елена пошла прогуливаться въ свой роскошный садъ. Вышла-же королевна изъ дворца своего въ сопровожденіи многочисленныхъ нянюшекъ, мамушекъ и придворныхъ боярышень.

Выйдя въ садъ, Прекрасная Елена подошла къ тому мѣсту рѣшетки, гдѣ сидѣлъ и подкарауливалъ ея прихода сѣрый хищникъ. Только что Елена приблизилась къ своему неожиданному похитителю — сѣрому волку, какъ послѣдній вдругъ перескочилъ черезъ рѣшетку и схвативъ растерявшуюся и перепуганную королевну, мигомъ перескочилъ опять обратно вовъ изъ сада, и стремглавъ помчался съ красавицей Еленой къ ожидавшему его въ назначенномъ мѣстѣ Ивану-Царевичу. Прибѣжавъ подъ зеленый дубъ, онъ проговорилъ Царевичу:—«Иванъ-Царевичъ! садись какъ можно скорѣе на меня и бѣжимъ, что есть духу, подальше отсюда!» Иванъ-Царевичъ не заставилъ ждать себя и быстро вскочилъ по привычкѣ на спину сѣраго волка и тотъ, что молнія помчался съ двумя сѣдоками обратно въ государство царя Аерона.

Когда сѣрый другъ Царевича такъ неожиданно похитилъ Прекрасную Елену, на глазахъ у всехъ бывшихъ съ нею

нянюшекъ, мамушекъ и придворныхъ боярышень, то всё сопровождавшія королевну до смерти перепугавшись неожиданнаго никѣмъ происшествія, бросились сейчасъ сообщить о случившемся несчастіи во дворецъ и оттуда немедленно же была снаряжена и послана въ слѣдъ похитителю многочисленная стража въ погоню, чтобы отбить у сѣраго злодѣя красавицу-королевну. Но какъ не шибко скакала погоня, однако догнать сѣраго волка не сумѣла, и послѣдній, далеко опередивъ погоню, скрылся изъ виду, и посланнымъ ничего не оставалось другого, какъ только вернуться обратно, что они и сдѣлали.

Иванъ-же Царевичъ, пока мчался къ царю Аерону и сидѣлъ вмѣстѣ съ прекрасной королевной у сѣраго похитителя на спинѣ, такъ страстно и горячо полюбилъ Елену, а та въ свою очередь его, что Царевичъ не на шутку запечалился когда стали они подъѣзжать къ государству царя Аерона. И чѣмъ ближе становилась минута, когда надо было отдать другому красавицу-королевну, тѣмъ грустнѣе дѣлался Иванъ-Царевичъ, и подъ конецъ не выдержалъ и горько заплакалъ.

— «О чемъ это ты плачешь, Иванъ-Царевичъ, — спросилъ его сѣрый волкъ? — Какъ-же мнѣ не плакать, доброму молодцу, сѣрый ты другъ мой, — отвѣчалъ ему Иванъ-Царевичъ, — какъ не кручиниться мнѣ сердцемъ и душою, коли я полюбилъ больше жизни эту красавицу, королевну Елену, и долженъ теперь отдать ее другому, этому царю Аерону за его коня золотогриваго; а если я не отдамъ ему нашей добычи, дорогой красавицы Елены, то царь Аеронъ за такой поступокъ не проститъ мнѣ первой вины моей и обезчеститъ меня самымъ сквернымъ образомъ во всѣхъ государствахъ».

— «Много службъ сослужилъ я тебѣ Иванъ-Царевичъ, — сказалъ ему сѣрый волкъ, — сослужу тебѣ еще и эту службу и спасу тебя отъ бѣды. — Слушай, — продолжалъ сѣрый другъ Царевича, — я сдѣлаюсь прекрасною королевною Еленою, а ты меня отведи къ царю Аерону и возьми за то коня-золотогриваго и золотую уздечку. Царь, ничего не вѣдая, почтетъ меня за настоящую королевну Елену, и когда ты сѣвши на того коня золотогриваго, уѣдешь далеко, то я попрошусь у царя Аерона въ чистое поле погулять, и какъ только онъ меня отпуститъ съ нянюшками, мамушками и съ своими придворными дамами и всё мы вмѣстѣ будемъ въ чистомъ полѣ, то меня вспомни и я опять буду у тебя, готовый къ твоимъ услугамъ».

Проговоривъ все это, сѣрый волкъ ударился о сырую землю и вдругъ превратился въ красавицу-королевну Елену, да такъ ловко вышло это превращеніе у него, что никто и ни за что не могъ-бы узнать, что это не настоящая Прекрасная Елена.

Иванъ-Царевичъ, взявъ съ собою сѣраго волка, превратившагося въ Прекрасную Елену, повелъ его во дворецъ къ царю Аерону, а настоящей красавицѣ королевнѣ Еленѣ велѣлъ дожидаться его за городомъ.

Когда Иванъ-Царевичъ пришелъ къ царю Аерону съ мнимой Еленою, то царь отъ всего сердца обрадовался, что ему удалось получить такое сокровище, которое онъ давнымъ-давно только и желалъ. Принявъ съ радостію подлѣльную Елену, и отдавъ за нее Царевичу коня-золотогриваго и золотую уздечку, онъ оставилъ въ своихъ покояхъ эту дивную красавицу. А Иванъ-Царевичъ сѣвъ на коня, поѣхалъ за городъ, гдѣ его дожидалась настоящая королевна, и взявъ

Елену вмѣстѣ съ собою, сталъ держать путь къ государству царя Долмата.

Сѣрый-же волкъ оставшись жить у царя Аерона, прожилъ у него вмѣсто Прекрасной Елены день, другой и третій, а на четвертый явился къ царю Аерону и сталъ проситься позволить ему погулять въ чистомъ полѣ, а то дескать ужъ очень тоска одолѣла, такъ пойти хотъ развѣять ее въ чистомъ полѣ.

Услышавъ эту просьбу красавицы Елены, царь Аеронъ съ радостью согласился отпустить мнимую королевну гулять въ поле, только лишь-бы она была весела и не тосковала. «Я готовъ все сдѣлать для тебя, что только пожелаешь», отвѣчалъ царь Аеронъ сѣрому волку въ образѣ чудной красавицы, и сейчасъ-же приказалъ нянюшкамъ и мамушкамъ и всѣмъ придворнымъ боярышнямъ идти и сопровождать красавицу Елену-волка въ прогулкѣ по чистому полю.

Иванъ-Царевичъ, поѣхавъ себѣ вдвоемъ съ красавицею королевною Еленою, совсѣмъ было забылъ про своего сѣраго друга, но потомъ вдругъ вспомнилъ о немъ: — «Ахъ! гдѣ-то теперь мой сѣрый волкъ?» — Вдругъ откуда не возмись — стоитъ передъ нимъ его сѣрый пріятель и говорить: — «Садись Иванъ-Царевичъ на меня на сѣраго, а Прекрасная королевна Елена пусть ѣдетъ на золотогривомъ». Иванъ-Царевичъ послушался сѣраго друга и пересѣлъ на его спину, а красавица королевна осталась на конѣ золотогривомъ, и они отправились далѣе въ путь, въ государство царя Долмата.

Когда они стали подъѣзжать къ тому государству, то не дожидая версты трехъ до самаго царства, Иванъ-Царевичъ обратился къ сѣрому волку и сталъ просить его: — «Слушай, другъ ты мой любезный, сѣрый волкъ! Ты много сослужалъ

мнѣ службъ, сослужи еще одну и послѣднюю службу: не можешь-ли ты оборотиться въ коня золотогриваго, вмѣсто того, который мною полученъ отъ царя Аерона; такъ какъ съ этимъ мнѣ не хотѣлось бы разставаться».

Услышавъ эту просьбу, сѣрый волкъ, не говоря ни слова, ударился о землю и сразу сталъ конемъ золотогривымъ, такъ что никто-бы и различить не могъ его съ настоящимъ конемъ. Иванъ-Царевичъ, оставя за городомъ прекрасную королевну Елену вмѣстѣ съ конемъ золотогривымъ, сѣлъ на превращеннаго сѣраго волка, какъ будто-бы на дѣйствительнаго коня и поѣхалъ во дворецъ къ царю Долмату. И какъ только царь Долматъ увидѣлъ Ивана-Царевича ѣдущимъ на конѣ золотогривомъ, то радости его не было конца.

Царь, выйдя тотчасъ-же изъ своихъ палатъ, самъ встрѣтилъ его на широкомъ дворѣ своемъ и поцѣловавъ Царевича прямо въ уста сахарныя, взялъ его за руку и повелъ въ свои палаты бѣлокаменные. Кромѣ того, царь на радостяхъ, велѣлъ своимъ приближеннымъ, чтобы былъ устроенъ великій пиръ, и всѣ сидя за столами дубовыми, покрытыми скатертями бранными и установленными всякими кушаньями и винами, — ѣли, пили, веселились и всячески забавлялись.

Послѣ пира того, царь Долматъ велѣлъ принести Жарьптицу и собственноручно передалъ ее вмѣстѣ съ золотою клѣткою, при очень пышной церемоніи, въ руки Ивана-Царевича.

Пробывъ день и другой въ государствѣ царя Долмата и наконецъ получивъ столь трудно-доставшуюся ему Жарьптицу, Иванъ-Царевичъ на третій день, простясь съ царемъ, отправился за городъ, гдѣ его дожидалась Елена съ конемъ золотогривымъ. Придя къ тому мѣсту, Царевичъ сѣлъ также

на златогриваго и они вдвоемъ съ королевною отправились теперь въ свое отечество, то есть, въ государство отца Ивана-Царевича—царя Выслава Андроновича.

На другой день послѣ отъѣзда Царевича, царь Долмать вздумалъ объѣздить своего коня златогриваго и приказалъ своимъ конюхамъ осѣдлать его. Когда конь былъ ему поданъ, то онъ, сѣвъ на него, поѣхалъ въ чистое поле. Тамъ царь только что разгорячилъ коня, какъ тотъ вдругъ сбросилъ его съ себя и ударившись объ землю, превратился опять въ сѣраго волка и послѣ того побѣжалъ вдоль по полю что есть силы, а царь Долмать, удивленный всѣмъ случившимся и оставшійся безъ коня среди чистаго поля, принужденъ былъ пѣшкомъ возвратиться въ свои палаты.

Сѣрый волкъ, превратившись изъ коня-златогриваго въ свой настоящій видъ, побѣжалъ по слѣдамъ уѣхавшаго Ивана-Царевича, и наконецъ нагнавъ его, сказалъ ему:—«Слушай, Иванъ-Царевичъ! Садись ты опять на меня на сѣраго, а Прекрасная Елена пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ». — Иванъ-Царевичъ послушался своего сѣраго пріятеля и пересѣлъ на него, и они опять поѣхали все вмѣстѣ въ дальнѣйшій путь.

Наконецъ, послѣ нѣкотораго времени, доѣхали они до того мѣста, гдѣ при первой встрѣчѣ Ивана-Царевича съ сѣрымъ волкомъ, послѣдній разорвалъ коня его. Здѣсь остановившись, сѣрый волкъ обратился къ Ивану-Царевичу и сказалъ ему: «Ну, Иванъ-Царевичъ, послужилъ я тебѣ вѣрою и правдою довольно, теперь слѣзай съ меня сѣраго волка и садись на своего коня-златогриваго и поѣзжай куда тебѣ надобно». Проговоривъ все это, сѣрый волкъ побѣжалъ прочь въ сторону, а Иванъ-Царевичъ горько-прегорько заплакалъ по немъ

и потомъ сѣвъ на своего коня златогриваго поѣхалъ дальше вмѣстѣ съ королевною Прекрасной-Еленою.

Не доѣхавъ до своего государства верстъ за двадцать, Царевичъ съ Еленою остановились и сошли съ коня, чтобы хотя немного отдохнуть и явиться домой болѣе бодрыми. Они оба расположились на травѣ подъ деревомъ, которое укрывало ихъ отъ жара солнечныхъ лучей; коня Царевичъ привязалъ къ дереву, а клѣтку съ Жаръ-птицею поставилъ возлѣ себя.

Отдыхая такъ подъ деревомъ, молодые люди вели между собою любовные разговоры, и такъ-какъ оба отъ дальней дороги порядкомъ утомились, то скоро поддались сну и крѣпко заснули.

Въ это самое время братья Ивана-Царевича—старшій Дмитрій и средній Василій,—ѣздившіе по разнымъ государствамъ для отысканія Жаръ-птицы, и не нашедъ послѣдней, возвращавшіеся домой, въ свое отечество съ пустыми руками,—вдругъ совершенно случайно наѣхали какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ уставшіе Иванъ-Царевичъ съ Прекрасною Еленою,—расположившіеся на отдыхъ, уснули крѣпкимъ сномъ. Увидѣвъ возлѣ спавшаго брата то самое сокровище, ради котораго они положили столько труда и потеряли такъ много времени, да кромѣ того тутъ-же былъ еще конь златогривый и красавица-дѣвица, они всѣмъ этимъ очень прельстились, и желая воспользоваться чужимъ добромъ, вѣроломные братья рѣшились на преступленіе и задумали убить своего родного брата до смерти. Дмитрій-Царевичъ вынулъ изъ ноженъ мечъ свой и закололъ Ивана-Царевича, а потомъ тѣло его изрубилъ на мелкіе кусочки.

Совершивъ это гнусное дѣло, братья разбудили все-еще

спавшую королевну Елену и начали её допрашивать: — «Скажи, прекрасная дѣвица, изъ котораго ты государства и кто отецъ твой, а также, скажи намъ, какъ зовутъ тебя по имени?» — «Зовутъ меня, — отвѣчала красавица, — Прекрасная королевна Елена, а досталъ меня Иванъ-Царевичъ, котораго вы, злодѣи, предали злой смерти», сказала она и горько заплакала, увидѣвъ все случившееся. — «Вы тогда-бы были добрые рыцари, — продолжала королевна, — если-бы убили его живого и не соннаго, такъ какъ сонный — что мертвый, а въ открытомъ бою и въ чистомъ полѣ, а теперь какую похвалу вы получите себѣ?»

Услыхавъ столь смѣлыя рѣчи отъ молодой королевны, Василій-Царевичъ схватилъ свой мечъ и представилъ его прямо къ сердцу красавицы, сказавъ ей въ отвѣтъ на ея слова: — «Слушай, Прекрасная Елена! ты теперь въ нашихъ рукахъ: мы повеземъ тебя къ нашему батюшкѣ царю Выславу Андроновичу и ты должна сказать ему, что какъ тебя, такъ и Жаръ-птицу и коня златогриваго, все это достали мы съ братомъ Дмитріемъ. А ежели ты сказать это откажешься, то я сейчасъ-же предамъ тебя тутъ-же на мѣстѣ смерти!»

Прекрасная Елена, видя свою безпомощность, крайне перепугалась и боясь исполненія этой жестокой угрозы, обѣщалась этимъ злодѣямъ сдѣлать и сказать все такъ, какъ они прикажутъ и въ подтвержденіе своихъ словъ поклялась имъ всеѣмъ святымъ для нея.

Успокоившись за сохраненіе ихъ преступной тайны братья начали кидать между собою жребій: кому должна достаться красавица Елена, и кому конь златогривый. По жребію — Прекрасная Елена досталась Василю-Царевичу, а конь златогривый — Дмитрію-Царевичу. Согласно этому Царе-

вичи раздѣлили свою добычу. Василій взялъ красавицу королевну и посадилъ ее съ собою на своего добраго коня, а Дмитрій — коня златогриваго и Жаръ-птицу, для того, чтобы вручить ее своему родителю царю Выславу Андроновичу.

Подѣливъ и захвативъ съ собою, каждый свою часть добычи, они тронулись съ мѣста и поѣхали въ дальній путь, оставивъ послѣ себя неубранными даже слѣды своего преступления: — изрубленное на мелкіе куски тѣло своего роднаго брата Ивана-Царевича.

Послѣ совершившагося убійства прошло ровно тридцать дней, и все это время, разрубленный на куски своими злодѣями-братьями, Иванъ-Царевичъ оставался лежать на томъ-же мѣстѣ гдѣ произошло убійство. Случайно приближалъ къ тому мѣсту старый пріятель Царевича, сѣрый волкъ. Увидѣвъ разрубленное тѣло, онъ по духу узналъ, что это убитъ Иванъ-Царевичъ. Жаль ему было своего друга и очень хотѣлось помочь ему, да не зналъ онъ что бы такое сдѣлать, чтобы вновь оживить его. И вдругъ видитъ сѣрый волкъ, что одинъ большой и два маленькихъ ворона высоко летаютъ надъ трупомъ и хотѣть спуститься и начать клевать мертвое мясо. Волкъ взялъ и спрятался за бывшій тутъ-же кустъ. Въ это самое время маленькіе воронята спустились и начали было клевать мясо Ивана-Царевича. Только-что они принялись было за ѣду, какъ сѣрый волкъ мгновенно выскочилъ изъ-за куста и схвативъ одного вороненка хотѣлъ было разорвать его на двое.

Увидѣвъ въ бѣдѣ свое дѣтище, старый воронъ быстро спустился на землю и сѣвъ поодаль сѣраго волка, сталъ просить его: — «Охъ ты гои еси, сѣрый волкъ! не трогай ты моего дѣтища». Услышавъ это, сѣрый волкъ рѣшилъ

воспользоваться случаемъ и сказалъ тутъ ворону: — «Хорошо, я не трону его, если ты за это сослужишь мнѣ службу и слѣтаешь за тридцать земель въ тридесятое государство, и принесешь мнѣ оттуда мертвой и живой воды». Услышавъ отъ волка про его просьбу, воронъ очень обрадовался, что можетъ, услуживъ сѣрому, спасти своего дѣтеныша и съ готовностію отвѣчалъ ему: — «Изволь, я тебѣ эту службу сослужу, только ты не трогай пожалуйста моего сына», и сказавъ это, воронъ поднялся, полетѣлъ и скоро совсѣмъ скрылся изъ виду.

Только на третій день прилетѣлъ обратно воронъ и принесъ съ собою два пузырька: одинъ съ мертвой, а другой съ живою водою и оба ихъ отдалъ сѣрому волку. Сѣрый, взявъ отъ ворона пузырьки, тотчасъ-же разорвалъ вороненка на двое—и sprыснулъ его мертвою водою, вороненокъ сразу сросся; потомъ онъ sprыснулъ его живою водою—и вороненокъ встрепенулся и какъ ни въ чемъ не бывало, полетѣлъ себѣ преспокойно прочь отъ того мѣста.

Произведя надъ вороненкомъ этотъ опытъ и убѣдившись въ дѣйствительной чудодѣйственной силѣ принесенныхъ ворономъ водъ, сѣрый рѣшился теперь употребить эти воды и для оживленія своего друга. Взявъ пузырекъ съ мертвой водою и sprыснувъ ей разрубленное на мелкіе куски тѣло, онъ увидѣлъ какъ вдругъ тѣло срослось и стало все снова цѣлымъ. Тутъ онъ взялъ пузырекъ съ живою водою и изъ него sprыснулъ мертвое тѣло своего друга—и Иванъ-Царевичъ всталъ живымъ, какъ ни въ чемъ не бывало и проговорилъ: — «Ахъ, какъ я долго спалъ!» — А сѣрый волкъ въ отвѣтъ ему и говорить: — «Да, Иванъ-Царевичъ, спать бы тебѣ еще дольше, вѣчно не пробудиться-бы тебѣ отъ сна,

если-бы не я случился здѣсь на твое счастье. Вѣдь тебя братья твои изрубили на мелкіе куски, а Прекрасную Елену, коня золотогриваго и Жаръ-птицу увезли съ собою. Теперь ты, Иванъ-Царевичъ, поспѣши въ отечество твое, какъ можно скорѣе, а то сегодня братъ твой Василій женится на твоей невѣстѣ, прекрасной королевнѣ Еленѣ. А чтобы скорѣе ты могъ добраться туда, то садись-ко ты лучше на меня и я живо доставлю тебя въ твое государство».

Иванъ-Царевичъ сѣлъ на спину своею сѣраго друга и тотъ быстро помчался съ нимъ въ царство Выслава Андронича. Прибѣжавъ туда, онъ остановился около города и Царевичъ, сойдя съ сѣраго волка, дружески распростился съ нимъ и вошелъ пѣшкомъ въ городъ.

Придя во дворецъ отца своего, Иванъ-Царевичъ засталъ тамъ пиръ, тамъ женился его старшій братъ Василій на королевнѣ Прекрасной Еленѣ, и молодые были уже пріѣхавши отъ вѣнца и сидѣли за столомъ.

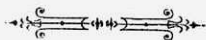
Какъ только Иванъ-Царевичъ вошелъ въ палаты и прошелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣли новобрачные, то Прекрасная королевна Елена, едва только увидѣла своего дорогаго нареченнаго, выскочила изъ-за стола и кинувшись къ нему, начала его цѣловать и миловать и закричала во все услышаніе: — «Вотъ мой настоящій женихъ, онъ, Иванъ-Царевичъ, а не тотъ злодѣй, который за столомъ сидитъ».

Услышавъ такое неожиданное открытіе, изумленный царь Выславъ Андроничъ всталъ съ своего мѣста и въ сильномъ негодованіи сталъ спрашивать Елену, что такое говорить она и что все это означать. Тогда Прекрасная королевна рассказала царю всю истину, со всеми мельчайшими

подробностями, которые только были самой ей известны. Разсказала о томъ, какъ досталъ Иванъ-Царевичъ коня золотогриваго, какъ Жаръ-птицу и наконецъ ее самою, и потомъ какъ ѣхали они сюда, а по дорогѣ наѣхали братья и воспользовавшись тѣмъ, что они отъ долгаго пути крѣпко уснули, убили соннаго Ивана-Царевича на-смерть и забравъ себѣ Жаръ-птицу и коня золотогриваго, принудили ее клятвенно обѣщаться имъ не выдавать ихъ, а сказать что все это, что везутъ они съ собою въ отечество, добыто ими самими, и что она королева, испугавшись ихъ угрозы и боясь быть убитой, со страху на всю ихъ подлость согласилась.

Услышавъ разсказъ этотъ изъ устъ Прекрасной Елены царь Выславъ такъ сильно разсердился, что тутъ-же отдалъ приказъ, посадить сию-же минуту обоихъ старшихъ сыновей его—Царевичей Дмитрія и Василя—въ темницу, а Ивану-Царевичу приказалъ жениться на своей возлюбленной невѣстѣ красавицѣ королевнѣ Еленѣ.

Иванъ-Царевичъ, женись на горячо имъ любимой Прекрасной Еленѣ сталъ съ нею жить въ полномъ мирѣ и согласіи, и они такъ искренно любили другъ друга, что всю жизнь не могли быть одинъ безъ другаго ни одной минуты и жили такъ они счастливо и дружески долгое время и всегда были хорошимъ примѣромъ для другихъ супруговъ.

СКАЗКА

объ Иванѣ-богатырѣ крестьянскомъ сынѣ.

Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ и онъ былъ не очень богатъ. Жилъ онъ съ своей женой три года, а дѣтей у нихъ не было. Наконецъ, на четвертое лѣто жена его забеременила и по прошествіи надлежащаго времени родила сына, котораго назвали Иваномъ.

Когда этому Ивану было уже пять лѣтъ, то онъ все еще не могъ ходить, потому что имѣя, слабыя ноги, онъ былъ сидень. Это обстоятельство сильно заставляло горевать мать и отца Ивана и они день и ночь горячо молили Бога, чтобы онъ далъ здоровья ихъ сыну. Но какъ они ни молились, а сынъ ихъ Иванъ все продолжалъ быть съ слабыми

ногами и по прежнему сидѣлъ все на мѣстѣ сиднемъ. И такимъ образомъ несчастный Иванъ просидѣлъ тридцать три года.

Въ одно прекрасное время отецъ и мать Ивана пошли въ церковь къ обѣднѣ. Въ ихъ отсутствіе подошелъ къ окну избы ихъ нищій и сталъ просить у безногаго Ивана милостыню. Иванъ отвѣтилъ ему, что—«и радъ бы подать я тебѣ, да не могу встать съ мѣста». На это нищій сказалъ ему:—«Встань и сотвори мнѣ милостыню, ноги твои здоровы и исцѣлены».

Услыша эти слова, крестьянскій сынъ Иванъ тотчасъ-же всталъ съ мѣста и несказанно обрадовавшись, что его ноги совсѣмъ стали здоровы и невредимы, кликнулъ того нищаго въ избу и чѣмъ было, накормилъ его до сыта. Поѣвъ, нищій попросилъ Ивана дать ему напиться пива. Иванъ тотчасъ-же принесъ пива и подалъ его нищему. Но нищій самъ пива не пилъ, и велѣлъ всю принесенную кружку выпить Ивану, который не возражая, сейчасъ-же все выпилъ. Тогда нищій спросилъ его:—«Ну, что, Иванушка, много-ли ты теперь въ себѣ силы чувствуешь?»—«Очень много», отвѣчалъ ему Иванъ.—«Ну, теперь прощай-же!» проговорилъ нищій и сказавъ это сталъ невидимъ, а Иванъ остался въ великомъ удивленіи.

Вскорѣ вернулись отъ обѣдни—мать и отецъ Ивана, и увидѣвъ своего сына на ногахъ и совершенно здороваго и невредимаго, были крайне изумлены совершившимся въ ихъ отсутствіе чудомъ. Они стали спрашивать обо всемъ случившимся и сынъ передалъ имъ по порядку все то, что было и какъ онъ вдругъ изъ безногаго сдѣлался совершенно здоровымъ. Услышавъ рассказъ Ивана о приходившемъ въ ихъ избу нищемъ, они рѣшили, что то былъ не нищій, а

какой нибудь святой, и послѣ столь радостнаго событія начали весело пировать, а сынъ ихъ Иванъ пошелъ въ огородъ пробовать свою силу. Войдя въ огородъ, взялъ онъ въ руки громадный колъ и воткнулъ его по срединѣ самаго огорода, а потомъ онъ взялъ и повернулъ этотъ колъ, да такъ сильно,—что вмѣстѣ съ коломъ повернулась и вся деревня.

Увидя въ себѣ такую богатырскую силу, Иванъ пошелъ къ своимъ старикамъ и сталъ съ ними прощаться, прося ихъ, чтобы они благословили его на дорогу. Услышавъ отъ сына про его намѣреніе уйдти изъ дому и оставить ихъ стариковъ однихъ, они крайне опечалились и горько заплакавъ начали просить сына, чтобы онъ хотя-бы еще малое время пожилъ съ ними и не бросалъ-бы ихъ такъ скоро однихъ. Но Иванъ и слушать не хотѣлъ объ этомъ и сказалъ имъ:—«ежели вы не отпустите меня по добру и не дадите родительскаго благословенія, то и не надо, я и такъ уйду». Видя, что имъ не совладать съ своимъ сыномъ и что онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія ни на слезы ихъ, ни на ихъ просьбы, старики рѣшились отпустить его по хорошему и дали на дорогу ему свое благословеніе.

Получивъ родительское благословеніе, Иванъ, крестьянскій сынъ помолился Богу на всѣ четыре стороны и распростившись съ своимъ отцомъ и съ матерью, пошелъ прочь со двора и выйдя изъ дому, повернулъ на правую сторону и затѣмъ пошелъ далѣе, куда глаза глядятъ.

Шелъ Иванъ ровно десять дней и десять ночей и пришелъ онъ въ одно государство, и лишь только вступилъ онъ на ту землю, какъ поднялся вдругъ крикъ и шумъ величайшій, такъ что царь той земли былъ очень смущенъ и придя въ большой ужасъ велѣлъ кличь кликать, и объ-

шался тому, кто уйметъ этотъ крикъ и шумъ, отдать въ жены свою дочь, а за ней въ приданое половину своего государства.

Услышавъ этотъ кличъ, Иванушка пошелъ прямо на царскій дворъ и велѣлъ тамъ доложить царю, что онъ беретъ унять тотъ крикъ и шумъ, что поднялся по всему царству. Едва только превратникъ услышалъ тѣ слова отъ Ивана, какъ немедленно-же отправился къ царю и доложилъ ему обо всемъ слышанномъ.

Царь тотчасъ-же приказалъ позвать къ себѣ Ивана, крестьянскаго сына и когда тотъ пришелъ къ нему, то царь спросилъ его:—«Другъ мой, правда-ли то, чѣмъ ты хвалился превратнику?—Да, я, Иванъ, крестьянскій сынъ дѣйствительно хвалился ему тѣмъ, и за то вичего больше отъ тебя не требую, какъ только, отдай ты мнѣ тотъ шумъ и гамъ» сказалъ Иванъ. Услыхавъ столь странную просьбу, царь былъ крайне изумленъ ею, и потомъ разсмѣявшись, отвѣтилъ Ивану: — «Пожалуй, возьми, когда тебѣ надобно».

Получивъ согласіе царя на предложенныя имъ условія, Иванъ, поклонившись царю, вышелъ изъ его покоевъ и отправился прямо къ превратнику и потребовалъ отъ него, чтобы онъ сейчасъ-же далъ ему сто человѣкъ рабочихъ людей. Превратникъ исполнилъ требованіе Ивана и нарядилъ въ его распоряженіе указанное число рабочихъ, которыхъ Иванъ привелъ къ царскимъ покоямъ и заставилъ тотчасъ же рыть землю противъ этихъ покоевъ.

Когда рабочіе, согласно приказа Ивана, вырыли уже достаточное количество земли, то увидѣли подъ той землею желѣзную дверь съ мѣднымъ кольцомъ. Эту самую дверь, Иванъ, крестьянскій сынъ отломалъ одною рукою и выбросивъ ее

вонъ, увидѣлъ тамъ добраго коня богатырскаго со всею сбруею и богатырскими доспѣхами, и едва только конь рассмотрѣлъ Ивана, и узналъ въ немъ сѣдока по себѣ, какъ тотчасъ же лалъ предъ нимъ на колѣни и проговорилъ человѣческимъ голосомъ:—«Охъ ты, гои еси, добрый молодецъ, Иванъ, сынъ крестьянскій! слушай, что скажу я тебѣ: я засажень сюда былъ сильнымъ и храбрымъ богатыремъ Лукоперомъ и сижу я здѣсь несмѣтные годы и все ждалъ тебя я ровно тридцать лѣтъ и три года и только теперь, наконецъ-то дождался. Садись ты на меня и поѣзжай, куда тебѣ надобно, я буду служить тебѣ вѣрой и правдою, какъ ранѣе служилъ сильному и храброму богатырю Лукоперу».

Тогда Иванъ началъ сѣдлатъ коня и надѣвъ на него черкасское сѣдло и тисменную уздечку, подтянулъ двѣнадцать подпругъ изъ чистаго шелка шемоханскаго и затѣмъ сѣвъ на коня ударилъ его по крутымъ бедрамъ. Конь разсердился и поднявшись отъ земли, понесъ Ивана, крестьянскаго сына, выше лѣса стоячаго, пониже облака ходячаго. Доли и горы межъ ногъ пускаетъ, великія рѣки хвостомъ устилаетъ; изъ ушей своихъ пускаетъ дымъ густой, а изъ ноздрей великое пламя.

И ѣхалъ такъ Иванъ, крестьянскій сынъ, ровно тридцать дней и тридцать ночей, и пріѣхалъ онъ въ незнакомую сторонущу, въ китайское государство. Пріѣхавъ туда, онъ слѣзъ съ своего коня добраго и пустилъ его гулять въ чистое поле, на просторъ, а самъ пошелъ въ городъ и купивъ тамъ пузырь надѣлъ его себѣ на голову и въ такомъ видѣ сталъ ходить около царскаго дворца.

Когда Ивана увидали въ столь странномъ видѣ другіе, то стали спрашивать—откуда пришелъ онъ и какого рода

человѣкъ и кто его отецъ съ матерью? А Иванъ только и отвѣчалъ имъ на всѣ распросы—«не знаю».

Видя его въ такомъ смѣшномъ украшеніи и слыша отъ него одно только малообъясняющее слово—«не знаю», всѣ сочли Ивана за дурака и доложили о немъ самому китайскому царю. Царь велѣлъ своимъ приближеннымъ привести къ нему лично появившагося въ его государствѣ неизвѣстнаго дурака, и когда послѣдній доставленъ былъ во дворецъ предъ лице самаго китайскаго повелителя, то сей, какъ и другіе, началъ тоже выпрашивать у крестьянскаго сына о его происхожденіи, какъ зовутъ его и откуда и зачѣмъ пришелъ онъ сюда? Но и царю былъ тотъ же отвѣтъ, что и другимъ: Иванъ на всѣ вопросы отвѣчалъ одно и то же—«не знаю».

Выведенный изъ терпѣнія такимъ безсмысленнымъ отвѣтомъ, китайскій повелитель приказалъ дурака согнать прочь со двора. Но на ту пору, какъ-то случайно, пришлось быть здѣсь по близости царскому садовнику, который, услыша о распоряженіи своего повелителя на счетъ дурака, обратился къ царю и сталъ просить его, чтобы онъ, вмѣсто того чтобы прогнать чужеземнаго дурака прочь со двора, отдалъ-бы лучше его для садовыхъ работъ въ распоряженіе ему, садовнику, на что повелитель изъявилъ согласіе и такимъ образомъ крестьянскій сынъ неожиданно попалъ въ придворные садовники.

Садовникъ, взявъ съ собою дурака-Ивана, повелъ его въ царскій садъ и приказалъ ему, чтобы онъ чистилъ этотъ садъ. Отдавъ таковой приказъ, садовникъ ушелъ прочь изъ сада, а крестьянскій сынъ Иванъ, вмѣсто того, чтобы за-

няться исполненіемъ приказаннаго, легъ себѣ преспокойно подъ одно дерево и уснулъ сномъ богатырскимъ.

Проспавъ такъ до глубокой ночи, Иванъ, наконецъ, проснулся. Вставъ, онъ принялся не за чистку порученнаго ему сада, а сталъ ломать одно за другимъ деревья въ этомъ саду, и ломалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не сокрушилъ всѣ до единого.

Рано утромъ пришелъ въ садъ старшій садовникъ, и увидя такой погромъ всего сада, сталъ всячески бранить и журить своего дурака-помощника. Потомъ началъ садовникъ допрашивать Ивана о томъ, кто переломалъ всѣ деревья, а Иванъ только и твердитъ одно свое слово—«не знаю». Садовникъ пришелъ просто въ отчаяніе, не зная чѣмъ и пособить горю, а докладывать объ случившемся своему царю боялся, какъ-бы тотъ не прогнѣвался на него и черезъ то не вышло бы еще худшей бѣды.

Однако, какъ ни старался садовникъ скрыть объ этомъ происшествіи, все-таки дочь царя усмотрѣла изъ своего окна все случившееся, и призвавъ къ себѣ садовника, стала спрашивать его, — кто переломалъ деревья? — Садовникъ отвѣтилъ ей, что бѣду эту натворилъ Незнайко, — но только онъ просилъ царевну, чтобы она ничего не говорила бы отцу своему, и обѣщался царевнѣ въ самомъ скоромъ времени развести и выростить еще лучше этого садъ.

На другую ночь Незнайко не спалъ ни минуты, а все время носилъ изъ колодца воду и поливалъ тѣ ломанья деревья, что попортилъ онъ въ предыдущую ночь. Къ утру всѣ эти деревья стали расти, и какъ только взошло солнышко — онѣ распустились окончательно и разрослись еще пуще прежняго, такъ что новый садъ сталъ

красивѣе стараго. Когда пришелъ садовникъ и увидалъ это диво, то онъ крайне изумился такому неожиданному чуду, но тѣмъ не менѣе, у Незнайки не сталъ ничего спрашивать, такъ какъ рѣшилъ, что все равно отъ него не добиться никакого толку.

Проснувшись и царица, и вставъ съ ложа, подошла къ своему окну, и увидя вмѣсто прежняго — новый садъ, да еще въ болѣе лучшемъ видѣ, чѣмъ былъ старый, царская дочь просто изумилась и тотчасъ же приказала опять призвать къ себѣ садовника. Когда тотъ явился къ ней, то она стала спрашивать его, какъ такъ скоро могъ вырасти новый садъ, да еще лучше, чѣмъ былъ прежде? Но садовникъ отвѣтилъ ей, что онъ и самъ не знаетъ: отчего и какъ произошло такое необъяснимое диво.

Съ этой минуты, царица увидала въ Незнайкѣ великую мудрость и полюбила его больше самой себя, и каждый день она посылала Незнайкѣ обѣдъ со своего царскаго стола,

У китайскаго царя, гдѣ поселился крестьянскій сынъ Иванъ, было три дочери. Старшую изъ нихъ звали Дуаю, среднюю — Спаю, а младшую, которая полюбила Ивана — Лотаю. Въ одинъ прекрасный день царь велѣлъ призвать къ себѣ всѣхъ трехъ своихъ дочерей, и когда они явились на зовъ отца, то послѣдній, обратясь къ нимъ, сталъ говорить имъ: — «Вселюбезнѣйшія мои дочери! пришло уже то время, когда пора подумать вамъ о своемъ будущемъ, и каждой изъ васъ, выбравъ себѣ соответствующую партію — сочетаться брачнымъ союзомъ. А потому, я предоставляю вамъ, каждой по своему собственному желанію выбрать себѣ кого-либо изъ царевичей или королевичей женихомъ,

и съ своимъ избранникомъ повѣнчаться законнымъ бракомъ. Вотъ та цѣль, ради которой призвалъ я васъ къ себѣ». Двѣ старшія сестры выбрали себѣ по царевичу, которые только извѣстны имъ были, а младшая Лота со слезами на глазахъ стала просить родителей своего, чтобы онъ позволилъ ей выйти ни за кого другого — какъ за Незнайку. Услышавъ отъ своей дочери о ея странномъ желаніи, царь былъ просто изумленъ, и обратясь къ ней сказалъ: — «Да ты, дочь моя, никакъ съума сошла! Просишь, чтобы я, царь, и вдругъ позволилъ тебѣ, моей родной царской дочери выйти замужъ за какого-то неизвѣстнаго и простаго рода чужеземнаго пришельца, набитаго — къ тому же — дурака, который и говорить-то не умѣетъ ни одного слова, кромѣ своего дурацкаго — «не знаю». — Да, что ты говоришь, опомнись!» — Но напрасно царь старался отговорить свою дочь отъ ея несоответствующаго и постыднаго для ея царскаго происхожденія выбора. Лота стояла на своемъ и ни о какомъ другомъ женихѣ и слышать не хотѣла, и не смотря ни на какіе доводы своего царственнаго отца, повторила ему только одно: — «Государь, мой батюшка! я прошу васъ выдать меня за того, кого избрала я и кто любъ моему сердцу». Тогда царь, видя всю бесполезность, ни къ чему не ведущихъ его увѣщаній и доводовъ, махнулъ на нее рукою и сказалъ ей съ великимъ прискорбіемъ: «Если такъ, то какъ хочешь! ступай, пожалуй за твоего дурака замужъ!»

Въ скоромъ времени отъ китайскаго царя были посланы тѣмъ двумъ женихамъ-царевичамъ, что выбрали себѣ старшія сестры Лотаи — царскіе указы, въ которыхъ сказано было, чтобы по полученіи таковыхъ, царичи тѣ немедленно-же прибыли-бы въ китайское царство, для сочетанія

брачнымъ союзомъ съ дочерями китайскаго повелителя. Когда указы получены были избранниками царскихъ дочекъ молодыми царевичами-женихами, то послѣдніе тотчасъ-же собравшись въ путь, немедленно-же отправились въ китайское царство для вѣнчанія съ своими невѣстами царевнами китайскаго повелителя, считая таковой союзъ за величайшую для себя честь.

Когда женихи прибыли въ китайское царство, то въ самомъ скоромъ времени были назначены свадьбы всѣхъ трехъ царевенъ: двухъ—съ царевичами, и третьей младшей Лотаои—съ избранникомъ ея сердца—дуракомъ Незнайкою, чему очень смѣялись всѣ приближенные, а въ особенности злорадствовали надъ этимъ выборомъ младшей царевны—ея старшія сестры, выходившія также по собственному желанію и выбору за молодыхъ и знатныхъ царевичей.

Послѣ свадебъ молодыхъ царевенъ прошло нѣкоторое время. Какъ вдругъ неожиданно-негаданно подступилъ подъ самое китайское царство могучій и сильный богатырь Полканъ и привелъ съ собою богатырь этотъ несмѣтное количество войска. Полканъ-богатырь послалъ къ китайскому царю своихъ пословъ, чрезъ которыхъ требовалъ отъ царя, чтобы тотъ отдалъ-бы ему въ жены,—уже вышедшую за Ивана крестьянскаго сына замужъ—младшую царевну Лотаю. Угрожая, въ противномъ случаѣ, если китайскій повелитель не согласится добровольно исполнить этого требованія,—сжечь до основанія все китайское государство, а войско его изрубить мечемъ, царя-же съ царицею засадить въ темницу, а дочь ихъ, красавицу-царевну—все-равно взять отъ нихъ силою.

Китайскій повелитель, услыхавъ отъ Полкана-Богатыря о

такихъ страшныхъ угрозахъ, перепугался до крайности, но тѣмъ не менѣе исполнить его требованія царь не могъ, да и не хотѣлъ. а потому приказалъ своимъ приближеннымъ немедленно-же созвать войско, и тотчасъ-же вести его противъ рати Полкана-Богатыря, а начальство надъ этимъ войскомъ поручилъ двумъ молодымъ зятьямъ своимъ, мужьямъ старшихъ дочерей, которые не задолго передъ этимъ поженились на царевнахъ.

Когда войско было собрано, то молодые царевичи повели его на бой противъ рати Полкана. И два войска, что двѣ грозныя тучи, наступили одно на другое. Но какъ ни храбро было войско китайское, однако Полканъ-Богатырь побивалъ его съ необычайной быстротою и съ каждой минутою ряды китайской рати становились все малочисленнѣе и малочисленнѣе, такъ что чрезъ малое время надо было ожидать, что скоро и совсѣмъ погибнетъ все войско китайское и побѣдитель-богатырь приведетъ въ исполненіе свои страшныя и дикія угрозы.

Тогда младшая дочь китайскаго царя — прекрасная Лотаоя,—видя всю затруднительность и почти безвыходность изъ того положенія, въ какое попало китайское войско со своими главнокомандующими — молодыми царевичами, мужьями ея старшихъ сестеръ,—и, предчувствуя, что скоро уже придетъ тотъ моментъ, когда войска непріятеля окончательно добьютъ китайскую рать и все государство погибнетъ отъ пламени вражескаго огня, а сама она очутится въ рукахъ ненавистнаго ей врага ея отечества, она, Лотаоя, рѣшилась прибѣгнуть къ мудрости своего любимаго мужа и просить его о спасеніи отъ гибели всей ихъ родной страны; а потому, младшая царевна, не теряя ни минуты, явилась къ мужу своему, по прежнему почитавшемуся за дурака-

Незнайку, и горячо и убедительнѣйше стала просить его о желанномъ спасеніи, говоря ему слѣдующія слова:—«Дорогой и вселюбивѣйшій другъ мой Незнаюшка! Вѣдь меня хотятъ отнять у тебя! Подъ самое наше государство подступилъ съ несмѣтнымъ числомъ войска злой богатырь-Полканъ и требовалъ моей ему выдачи, а когда въ томъ ему, само-собою, разумѣется, было отказано, то онъ началъ войну противъ моего батюшки и теперь побиваетъ съ несказанною быстротою все наше войско, и если сейчасъ же не остановить его, то отъ его грознаго меча и рати несмѣтной—погибнетъ вся наша рать и могучій богатырь Полканъ приведетъ въ исполненіе всѣ свои ужасныя угрозы и меня силою отобьетъ и отниметъ отъ тебя моего дорогого и милаго муженька!»

Услышавъ отъ жены своей про такую страшную напасть, Иванъ-крестьянскій сынъ сказалъ женѣ, чтобы она не тревожилась и напрасно не волновалась бы, а оставалась бы въ полномъ покоѣ за свою участь и за дальнѣйшую судьбу ея отечества, и пока шла бы себѣ въ свои покои, а его оставила здѣсь одного.

Едва царевна Лотаоя ушла изъ комнаты мужа, какъ тотъ въ одинъ мигъ выскочилъ изъ окна и быстро направился въ чистое поле, гдѣ пасся на волѣ его дивный, какъ и самъ онъ, богатырскій конь. Придя въ чистое поле, Иванъ крикнулъ своимъ зычнымъ богатырскимъ голосомъ: — «Гей, ты, сивка, бурка, вешняя каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!»...

На призывъ Ивана вдругъ мчится его конь богатырскій: отъ топота его копытъ вся земля дрожить, и изъ ушей коня дымъ столбомъ валитъ, а изъ ноздрей пламя пышетъ.

Примчался конь къ богатырю крестьянскому сыну и сталъ предъ нимъ, какъ вкопанный. Въ одно мгновеніе Иванъ влѣзъ въ ушко своего коня:—напился тамъ, наѣлся, въ дорогой нарядѣ нарядился и вылѣзъ изъ другого ушка,—и сталъ такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать и ни въ сказкѣ сказать.

Принявъ такой чудный видъ, Иванъ быстро вскочилъ на своего коня богатырскаго, и быстрѣе молніи полетѣлъ въ станъ вражескій. И едва только онъ прискакалъ въ рать Полкана и сталъ рубить и колоть направо и налѣво враговъ своихъ, какъ тѣ, видя непосильную борьбу свою съ нимъ, стали отступать назадъ и въ самомъ непродолжительномъ времени все Полканово войско было обращено въ бѣгство и прогнано прочь отъ китайскаго царства.

Когда битва окончилась и полная побѣда была на сторонѣ китайскаго царя, то послѣдній увидавъ и узнавъ, кто былъ его спасителемъ, подѣхалъ самъ къ крестьянскому сыну Ивану и не признавъ въ немъ, конечно, своего зятя, но тѣмъ не менѣе, будучи ему благодаренъ за спасеніе отъ угрожавшей бѣды, сталъ убедительно просить Ивана къ себѣ во дворецъ. Но Иванъ отвѣтилъ ему:—«я не твой слуга и не тебѣ служу»—отѣхалъ отъ царя прочь и уѣхалъ со-всѣмъ изъ рати китайской. Приѣхавъ опять въ чистое поле и отпустивъ на свободу своего коня богатырскаго, Иванъ пошелъ къ себѣ домой и придя въ царскій домъ, гдѣ проживалъ онъ съ женою своей царевной Лотаою, влѣзъ также, какъ и вылѣзъ—въ окно и надѣвъ на голову пузырь, легъ себѣ преспокойно въ постель и заснулъ крѣпкимъ сномъ богатырскимъ.—А китайскій повелитель тѣмъ временемъ, будучи въ великой радости, приказалъ своимъ приближеннымъ устроить большой пиръ и всѣхъ угощать на славу, и пиръ

тотъ продолжался нѣсколько дней къ ряду, такъ что всѣ подданные китайскаго царя послѣ избавленія ихъ Иваномъ отъ непріятеля долго ликовали и веселились отъ всей души.

Но прошли не долгое время, какъ вдругъ опять надвинулась гроза на китайское царство: богатырь Полканъ снова подступилъ къ китайскому государству и съ прежними же угрозами сталъ требовать, чтобы китайскій повелитель выдалъ бы за него въ супружество свою младшую дочь. Но этого, конечно, царь не сдѣлалъ, а приказалъ скорѣе, какъ можно, собрать все его войско и когда таковое было собрано, то послалъ его сражаться противъ рати Полкана. Но и на этотъ разъ повторилось опять то-же, что было и раньше: войска богатыря Полкана немилосердно стали побивать рать царя китайскаго, и видя прежнюю неудачу и ожидая поэтому, въ случаѣ побѣды врага, ужасныхъ послѣдствій, царица Лотаоя опять пошла къ своему мужу Незнайкѣ и стала его, какъ и ранѣе, просить о защитѣ и спасеніи ихъ государства, напомнивъ при этомъ мужу, что главная цѣль Полкана заключается въ томъ, чтобы отбить ее отъ него и взять бы себѣ въ жены.

Крестьянскій сынъ Иванъ, успокоивъ жену насчетъ безопасности, сказалъ ей, чтобы она ни о чемъ не думала и напрасно не тревожилась, а шла бы преспокойно къ себѣ въ покои и оставила бы его одного. И когда царица Лотаоя вышла изъ комнаты мужа, то Иванъ въ мгновеніе ока, выскочивъ изъ окна, быстро пошелъ въ чистое поле и тамъ по прежнему призвавъ своего коня богатырскаго, и, измѣнивъ свою внѣшность, сѣлъ на своего вѣрнаго коня и тотъ вихремъ помчался въ станъ непріятельскій. Прискакавъ туда, богатырь Иванъ началъ направо и налево рубить и колоть рать Полканову, и чрезъ самое малое время истре-

билъ многое множество враговъ своихъ, и тѣ, видя опять неудачу, стали отступать назадъ, а затѣмъ—и совсѣмъ обратились въ постыдное бѣгство, чувствуя себя безсильными къ дальнѣйшей борьбѣ съ могучимъ богатыремъ, крестьянскимъ сыномъ.

Когда непріятельское войско все поголовно было прогнано отъ царства китайскаго, то повелитель этого государства, будучи пренеполненъ чувствомъ искренней благодарности къ своему избавителю, вторично спасаго его и все царство китайское отъ неминуемой гибели и ужаснаго позора, самъ лично подѣхалъ къ богатырю Ивану и, не узнавъ въ измѣнившемся Незнайкѣ своего зятя, жившаго въ его же дворцѣ, сталъ убѣдительно просить мужа царицы Лотаои поѣхать съ нимъ къ нему во дворецъ и тамъ принять участіе въ торжественномъ пирѣ по случаю избавленія отъ опасности и полной побѣды надъ страшнымъ врагомъ. Но Иванъ сынъ крестьянскій поступилъ такъ же, какъ и въ первый разъ, т. е. наотрѣзъ отказался отъ приглашенія китайскаго царя, и ударивъ по крутымъ бедрамъ своего коня богатырскаго, быстро поскакалъ прочь отъ повелителя китайскаго и направился прямо въ чистое поле, гдѣ слѣзши съ коня, отпустилъ послѣдняго гулять по волѣ, а самъ пошелъ опять во дворецъ своего тестя и придя домой, залегъ себѣ, какъ ни въ чемъ ни бывало, преспокойно спать и скоро же заснулъ крѣпкимъ сномъ богатырскимъ.

Китайскій же повелитель, вернувшись съ поля брани, приказалъ своимъ приближеннымъ устроить по случаю побѣды пышный пиръ и собравъ всѣхъ своихъ лучшихъ воиновъ и полководцевъ, началъ съ ними на радостяхъ пировать и веселиться вмѣстѣ. И какъ ни старался китайскій царь узнать о томъ, кто былъ его избавителемъ, и что за

храбрый рыцарь тотъ, который такъ славно и скоро уничтожилъ на половину рать Полканову—но никакъ не могъ ни отъ кого ничего разузнать о томъ ни полностію, ни частію хотя бы, такъ-какъ никому не могло придти въ голову, что былъ это ни кто иной, какъ царскій зять — дуракъ Незнайка.

Наконецъ, по прошествіи нѣкотораго времени, и въ третій разъ подступилъ богатырь Полканъ со своимъ многочисленнымъ войскомъ подъ царство китайское, и такъ же, какъ и въ предыдущіе оба раза, опять сталъ требовать отъ царя выдачи въ жены ему младшей царевны Лотаон, угрожая въ противномъ случаѣ, если царь не сдѣлаетъ того добровольно, то отомститъ ему за это еще большими бѣдами и невзгодами, чѣмъ грозилъ онъ Полканъ въ прежніе два раза. Но китайскій повелитель не убоился угрозъ Полкана-богатыря, а приказалъ своимъ полководцамъ тотчасъ же собрать все войско китайское и идти въ бой съ многочисленной ратью Полкановой.

Въ самомъ непродолжительномъ времени со всего царства китайскаго были собраны всѣ войны государя и снаряжены въ битву съ сильной ратью непріятельской. Когда начался бой—да такой,—что не происходилъ ни въ первый, ни во второй разы,—то войско Полканово стало немилосердно побивать рать китайскую, которая не будучи такой многочисленной, какъ непріятельская, стала было уже уступать врагу, и еще бы немного—и на сторонѣ Полкана-богатыря была бы полная побѣда.

Видя такой печальный оборотъ для китайскаго войска, и боясь въ случаѣ побѣды врага, неминуемой гибели для себя и всего своего отечества, младшая царская дочь Лотаон

опять пошла къ мужу своему Незнайкѣ, и какъ ранѣе—стала снова просить его сдѣлать что либо для спасенія ихъ государства отъ злаго врага богатыря-Полкана и его неслѣдственной рати богатырской. Услышавъ отъ жены про новое нашествіе непріятельской силы, Иванъ по прежнему успокоилъ жену и велѣлъ ей ни о чемъ не беспокоясь идти себѣ въ свои покои и оставить его одного.

Едва только царевна вышла изъ комнаты мужа, какъ крестьянскій сынъ Иванъ съ величайшей поспѣшностію, на подобіе того, какъ и ранѣе онъ дѣлалъ,—мигомъ выскочилъ изъ окна и быстро пошелъ въ чистое поле, къ своему коню вѣрному. Придя въ поле и позвавъ коня своего богатырскаго, крестьянскій сынъ по прежнему измѣнилъ свой настоящій видъ и сѣвъ на коня, быстрѣе молніи полетѣлъ въ рать непріятельскую.

Но только что Иванъ тронулся въ путь, какъ его дивный конь богатырскій вдругъ заговорилъ съ нимъ человѣческимъ голосомъ и сказалъ ему слѣдующее:—«Охъ, ты, гой еси, крестьянскій сынъ Иванъ! служилъ я тебѣ и раньше, но теперь пришла мнѣ служба великая, а тебѣ битва крѣпкая:—обороняйся отъ богатыря-Полкана и стой всей своей богатырской силою, а не то—все воинство китайское и ты съ нимъ вмѣстѣ—погибнете непременно!»

Едва только проговорилъ слова эти конь, какъ Иванъ крестьянскій сынъ приободрившись и разгорячивъ своего коня добраго, еще пуще поскакалъ въ станъ непріятельскій, и влетѣлъ во вражескую рать, что стрѣла каленая. Какъ только онъ врѣзался въ силу непріятельскую, такъ тотчасъ же началъ направо и налево рубить и колоть пуще прежняго враговъ своихъ, и въ самое короткое время уничтожилъ

болѣе половины войска вражескаго. Тогда богатырь-Полканъ, видя, что дѣло приняло плохой для него оборотъ и что войска его побито великое уже множество, разсердился и что вихрь понесся на Ивана-крестьянскаго сына и палетѣвъ на него, напалъ словно лютый левъ. Но и крестьянскій сынъ не поддался тутъ-же ему, а собравшись съ духомъ и съ силой богатырскою такъ же молодецки наскочилъ на Полкана-богатыря.

И сразились тутъ двѣ силы великія, два богатыря могучіе и славные и стали биться они не на животъ, а на смерть, такъ что все войско ихнее — только дивилось имъ. И бились такъ эти два богатыря непобѣдимые очень долгое время и удалось какъ-то Полкану-богатырю ранить въ руку Ивана-богатыря. Но Иванъ, раненный въ лѣвую руку, разсердился и разевирепѣлъ еще больше того, и правой здоровою рукою со всей силы направилъ, и ударилъ что есть мочи своего могучаго противника прямо въ сердце, и ударомъ этимъ прободаль сердце Полкана-богатыря, и затѣмъ — тутъ-же срубилъ и голову ему, и этимъ кончился славный поединокъ между двумя могучими и сильными богатырями. Видя погибель знаменитаго вождя своего, все войско его Полкана-богатыря тотчасъ-же обратилось въ постыдное бѣгство и оставило навсегда китайское царство.

Послѣ этой славной битвы Иванъ крестьянскій сынъ самъ подѣхалъ къ повелителю китайскому и сообщилъ ему, что государство его теперь навсегда избавлено будетъ отъ нашествій столь грознаго врага, какимъ былъ для царства китайскаго Полканъ-богатырь. Бывшая здѣсь-же при отцѣ своемъ царевна Лотаоя, увидѣвъ на рукѣ незнакомаго рыцаря, текшую кровь, и не узнавъ въ рыцарѣ этомъ своего мужа, а только по чувству долга челоуѣколюбія и благо-

дарности поспѣшила въ свою очередь придти на помощь къ своему избавителю, и тотчасъ же, взявъ платокъ свой, перевязала имъ раненную руку этого храбраго воина, такъ великодушно вступившагося за ее отечество и благодаря своей силѣ и храбрости отвратившаго великій позоръ ея родины и немилую неволю ея самой.

Пока царская дочка Лотаоя перевязывала рану храбраго богатыря, ея отецъ убѣдительно просилъ его не отказаться и поѣхать съ ними въ ихъ царскій дворецъ. Китайскій повелитель, не смотря на свой высокій санъ, началъ кланяться до лица земли Ивану, уговаривая его исполнить просьбу и поѣхать вмѣстѣ съ ними. Царевна Лотаоя, благодарная этому неизвѣстному ей богатырю, неузнанному своему мужу, тоже присоединилась къ просьбамъ отца и съ своей стороны также упрашивала незнакомаго рыцаря ѣхать съ нимъ вмѣстѣ во дворецъ для принятія почестей и на пиръ по случаю одержанной надъ такимъ страшнымъ врагомъ побѣды. Но не смотря на все упрашиванія и уговоры отца и дочери, крестьянскій сынъ Иванъ наотрѣзъ отказался ѣхать въ гости къ китайскому царю и тотчасъ-же усакалъ отъ нихъ прочь.

Уѣхавъ съ поля брани, Иванъ направился опять туда, гдѣ и ранѣ гулялъ его добрый конь на вольной волюшкѣ, и пріѣхавъ въ чистое поле, отпустилъ своего слугу вѣрнаго коня-богатырскаго гулять себѣ на полѣ въ широкомъ просторѣ и пользоваться полной свободой. Отпустивъ коня, богатырь Иванъ пошелъ обратно въ царскій домъ, въ свои покои, и придя домой залегъ себѣ, по своему обыкновенію, преспокойнѣйшимъ образомъ спать и уснуть скоро крѣпкимъ сномъ богатырскимъ.

Тѣмъ временемъ китайскій повелитель, на радостяхъ, приказалъ устроить для всѣхъ своихъ подданныхъ такой пиръ, какого никогда не бывало еще въ томъ государствѣ и повелѣлъ на пиръ тотъ звать всѣхъ, кто былъ на полѣ брани. И такъ долго веселились и пировали царскіе воины и другіе изъ подданныхъ и приближенныхъ государя, а съ ними тутъ-же были и всѣ члены царскаго семейства, и не доставало только одного зятя, мужа младшей царевны Лотаои—дурака Незнайки.

Тогда царевна, видя, что отсутствіе ея мужа не совсѣмъ удобно въ то время, когда другіе зятя царскіе присутствуютъ здѣсь-же на пирѣ, она пошла въ комнату мужа своего, звать его быть на пирѣ вмѣстѣ съ другими. Но придя къ нему она увидѣла его спящимъ и какъ не старалась она, но никакъ пробудиться не могла его. Во время буженія царевна вдругъ замѣтила на головѣ мужа золотые волосы, что привело ее въ немалое изумленіе. Потомъ, когда она снова принялась было будить Ивана, то вдругъ видѣла на рукѣ его свой платокъ, тотъ самый, которымъ она предъ этимъ завязала неизвѣстному ей рыцарю, послѣ брани, раненную руку и который не смотря на всѣ ихъ упрямства отказался ѣхать на пиръ во дворецъ. Тутъ только царевна поняла, что это онъ, мужъ ея Незнайка, былъ избавителемъ ея отечества и три раза подъярь побивалъ вражеское войско, и наконецъ въ третій разъ убилъ и самого вождя непріятельскаго Полкана-богатыря.

Сдѣлавъ такое неожиданное открытіе, и узнавъ теперь—кто истинный избавитель ея отечества и кому она обязана своимъ личнымъ спасеніемъ, царевна тотчасъ-же побѣжала къ отцу своему и сказала, чтобы онъ шелъ съ нею въ комнату ея мужа.

Китайскій повелитель сію-же минуту отправился вмѣстѣ съ младшею дочерью въ покои ея мужа, гдѣ въ это время крестьянскій сынъ Иванъ по прежнему продолжалъ почивать своимъ крѣпкимъ сномъ богатырскимъ и ничего не подозревалъ о томъ, что надъ нимъ производилось наблюденіе: сперва его женою, а потомъ и самимъ царемъ, разглядывавшими его Ивана съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ. При этомъ, младшая царевна Лотаоя, обратясь къ своему царственному отцу, съ гордостію и сознаніемъ собственнаго достоинства, сказала ему:

— «Ну, вотъ, государь-батюшка, вы говорили мнѣ, когда я просила вашего согласія на бракъ съ моимъ теперешнимъ мужемъ, что онъ дуракъ и не умѣетъ даже говорить какъ слѣдуетъ, и то же продолжали говорить и послѣ свадьбы нашей, что я вышла за дурака, но посмотрите попристальнѣе и повнимательнѣе на моего спящаго здѣсь предъ вами мужа, осмотрите его волосы и ту рану, полученную имъ въ славной схваткѣ богатырской отъ врага отечества нашего—Полкана, и собственноручно перевязанную мною моимъ-же платкомъ, — и вы тогда поймете и узнаете подлинно — кто лежитъ здѣсь передъ вами!»

Тутъ только китайскій повелитель узналъ въ спящемъ зятѣ того могучаго и сильнаго богатыря, который такъ великодушно жертвовалъ собою ради спасенія его трона и всего отечества, и три раза выѣзжалъ на жаркій бой съ превосходящимъ численностію войскомъ непріятельскимъ, и всѣ разы, благодаря своей непостижимой ловкости, силѣ и храбрости, оставался побѣдителемъ рати вражеской, закончивъ на послѣдокъ славнымъ поединкомъ съ самимъ предводителемъ той рати, грознымъ Полканомъ-богатыремъ, котораго

убивъ, навсегда устранилъ опасность новаго нашествія на китайское государство того войска. Только теперь понялъ царь какого рѣдкостнаго и дивнаго пріобрѣлъ онъ зятя, въ лицѣ спящаго передъ нимъ человѣка, котораго выбрала въ мужа себѣ его мудрая дочь Лотаоя, и который для него сталъ теперь милъ, такъ-же, какъ для царевны милъ былъ ея мужъ и во все предыдущее время. И послѣ такого неожиданнаго открытія, радости и веселію царя не было предѣловъ.

Когда проснулся отъ долгаго и крѣпкаго сна крестьянскій сынъ Иванъ, то царь тотчасъ-же подхватилъ своего богатыря-зятя подъ бѣлыя руки и повелъ его торжественно въ свои роскошные и полные великолѣпія и блеска парадные чертоги, гдѣ публично предъ всѣми собравшимися тамъ членами своего семейства и знатыми приближенными искренно благодарилъ Ивана за его храброе заступничество, за честь войска и государства китайскаго и за полное пораженіе вражеской рати, и тѣмъ оказанное на всегда избавленіе отъ новаго нашествія этого погибшаго нынѣ, грознаго богатыря-Полкана,—на царство китайское.

Послѣ описаннаго выше событія, китайскій повелитель такъ сильно полюбилъ и привязался къ своему младшему зятю Ивану, что сталъ подумывать о томъ, чтобы по смерти своей сдѣлать Ивана наслѣдникомъ всего государства. А такъ какъ царь былъ уже въ довольно преклонныхъ лѣтахъ, то и рѣшилъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, передать управленіе всѣмъ царствомъ еще при жизни своей, и вскорѣ послѣ этого рѣшенія возложилъ вѣнецъ царскій на главу своего зятя, мужа дочери Лотаои, коего почиталъ онъ за своего сына, и передалъ ему все управленіе государствомъ, какъ бы послѣ смерти своей, и такимъ образомъ сдѣлалъ

онъ Ивана крестьянскаго сына полнымъ властелиномъ всего государства и законнымъ повелителемъ Китая.

Принявъ отъ тестя своего китайскій престолъ, Иванъ началъ разумно и мудро управлять ввѣреннымъ ему государствомъ и былъ однимъ изъ лучшихъ повелителей Китая.

Съ супругою своею, царевною Лотаю, которой онъ обязанъ былъ трономъ, онъ жилъ весьма любовно и въ полномъ во всемъ согласіи, и прожили они такъ долгую жизнь. Проправителю много летъ и счастливо проживъ съ женою, они съ честію кончили вѣкъ свой, оставивъ по себѣ, въ средѣ своихъ подданныхъ и приближенныхъ добрую память.

Сказка о хозяинѣ и работникѣ.

Въ одной деревнѣ, отстоящей въ верстахъ четырехъ отъ города, жилъ-былъ одинъ человекъ, имѣвшій очень вспыльчивый нравъ, благодаря которому онъ часто оскорблялъ крестьянъ, приводя тѣмъ послѣднихъ въ сильное негодованіе.

Въ одинъ прекрасный день, человекъ этотъ, далъ своему работнику нѣсколько денегъ, приказавъ купить на данныя деньги десятокъ яицъ для него, и купивъ сварить ихъ такъ, чтобы онѣ были не очень густы и не очень жидки. Получивъ этотъ приказъ, работникъ живо собрался и съѣздили въ городъ, гдѣ купилъ назначенное ему количество яицъ и поѣхалъ съ ними обратно, варить яйца эти въ смятку.

Приступивъ къ варкѣ и стараясь точно выполнить желаніе хозяина, онъ сталъ внимательно слѣдить за ихъ готовностію, зная, что въ случаѣ неудачи, его хозяинъ, будучи крайне вспыльчиваго характера, можетъ очень про-

гнѣваться на него. А потому, работникъ ежеминутно наблюдалъ съ особеннымъ вниманіемъ за варившимися въ кастрюлѣ яйцами. Но какъ не старался онъ о томъ, чтобы яйца не переварились, или не доварились, — все-таки никакъ не могъ узнать опредѣленно о внутреннемъ состояніи ихъ, и поэтому рѣшился на единственное, по его мнѣнію, средство, приготовить яйца, какъ желалъ того его хозяинъ: онъ взялъ одно яйцо и, разбивъ его, — вылилъ себѣ въ ротъ. Потомъ, желая справиться о другомъ яйцѣ, — онъ поступилъ по примѣру перваго, а затѣмъ сталъ удостовѣряться о готовности варившихся яицъ, продолжая надъ ними одинаковый съ первымъ способъ.

Въ скоромъ времени отъ десятка осталось всего три штуки яицъ, которыя работникъ не рѣшился ужѣ пробовать, а вынуть изъ кастрюли и, положивъ на тарелку, — подалъ ихъ своему хозяину.

Увидѣвъ вмѣсто десяти — только три яйца, хозяинъ, вспыхнувъ, громогласно закричалъ на своего работника: «Какъ, развѣ я приказывалъ тебѣ купить столько, сколько лежить здѣсь предо мною?!». Испугавшись хозяйскаго гнѣва, работникъ со страхомъ отвѣчалъ своему сердитому хозяину: — «Милостивый государь! я въ точности исполнилъ ваше приказаніе и купилъ ровно столько, сколько вы приказать изволили; но, желая угодить вашей милости и приготовить яйца такими, какъ вы того хотѣли, я, боясь, какъ-бы они не переварились, и вмѣсто въ смятку, чтобы не сдѣлались бы въ крутую, я ихъ пробовалъ и семь штукъ изъ нихъ употребилъ на пробу».

— «Ахъ ты, плутъ, этакій! — вскричалъ хозяинъ, — какъ, ты ихъ съѣлъ?!» послѣдній вопросъ, разсерженный

хозяинъ повторилъ раза три. При такомъ оборотѣ дѣла, бѣдный работникъ растерялся окончательно и не зналъ что сказать и что ему дѣлать, и предположивъ, что хозяинъ повтореніемъ вопроса желаетъ узнать о томъ, какъ именно ѣлъ онъ варившіяся яйца, купленные для хозяйскаго стола, работникъ рѣшился показать хозяину надъ послѣдними оставшимися тремя наглядный примѣръ того, какъ пробовалъ онъ первыя семь штукъ, и взявъ эти три яйца съ тарелки, послѣдовательно разбилъ и выпилъ одно за другимъ все три штуки, проговоривъ при этомъ: — «Вотъ, сударь, какъ я ихъ ѣлъ».

Какъ ни былъ раздраженъ и разгнѣванъ въ этотъ моментъ хозяинъ, но видя такую своеобразную находчивость и сообразительность въ своемъ виноватомъ работникѣ, не могъ удержаться отъ смѣха и на сей разъ простилъ его за сдѣланный имъ проступокъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, послѣ описаннаго выше случая, хозяинъ, собираясь ѣхать въ гости къ своей сестрѣ, сказалъ своему работнику, чтобы онъ приготовился самъ, а также подготовилъ бы и все необходимое для дороги къ утру другого дня. Выслушавъ приказаніе хозяина, работникъ спросилъ его: — «не прикажете-ли прихватить съ собою за одно и хорошаго завтрака или ужина?».

Но хозяинъ возсталъ противъ намѣренія своего работника, строго запретивъ ему обременять какими-бы то ни было лишними припасами, ѣхавшую лошадь, добавивъ при этомъ, что надѣется пріѣхать къ мѣсту назначенія еще за долго до захожденія солнца.

Но, работникъ, зная быстроту бѣга хозяйской лошади, разсудилъ иначе, и запасся на дорогу изряднымъ количе-

ствомъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ на ужинъ, припрятавъ весь запасъ, какъ можно подалѣе отъ глазъ хозяина.

На другой день, едва только утренняя заря успѣла прогнать ночную тьму, какъ хозяинъ приказалъ своему работнику подавать лошадь, и сѣвъ въ экипажъ, они тронулись въ назначенный путь. Ёхали они долго, а проѣхали всего только половину пути, и хозяинъ, видя, что ошибся въ своемъ предположеніи, сталъ говорить своему работнику, что, какъ не торопись, а до ночи имъ, пожалуй, все равно не успѣть добраться до конечной цѣли ихъ пути; да къ тому-же начинало уже и смеркаться, и, понимая теперь ясно, что далѣе, въ ночной темнотѣ ѣхать будетъ не особенно-то хорошо да и не совсѣмъ безопасно, — хозяинъ тотчасъ-же приказалъ своему работнику остановиться и не ѣхать дальше, пока не станетъ разсвѣтать, рѣшивъ при этомъ, остаться ночевать здѣсь на полѣ, въ своей повозкѣ.

Подѣхавъ къ стоявшему въ сторонкѣ сѣнному стогу, работникъ распрягъ лошадь и вынулъ изъ повозки мѣшокъ и захваченный имъ на дорогу запасъ провизіи, забралъ съ собою все эти предметы и полѣзъ себѣ преспокойно на сѣнный стогъ. Забравшись туда, запасливый работникъ влѣзъ въ взятый съ собою мѣшокъ и, расположившись такимъ образомъ, какъ только можно было поудобнѣе, принялся за свой ужинъ.

Тѣмъ временемъ, хозяинъ, расположившійся было на ночлегъ, почувствовалъ сильнѣйшій голодъ, и услыхавъ что работникъ его на стогѣ что-то ѣлъ, спросилъ его: — «работникъ, чѣмъ ты утоляешь свой голодъ?» А работникъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, отвѣчалъ ему: — «Сѣномъ, сударь» — «Такъ подѣлись и со мною», сказалъ хозяинъ. Работникъ

тотчасъ же выскочилъ изъ своего мѣшка, и выдернувъ изъ стога клочекъ сѣна, подаль послѣднее своему недогадливому хозяину. Взявъ поданное сѣно, и отдѣливъ изъ него нѣсколько травинокъ, хозяинъ положилъ ихъ въ ротъ, и сталъ нехотя жевать это необычайное для человѣческаго вкуса блюдо. Но едва онъ только началъ пережевывать сухое сѣно, какъ въ ту-же минуту почувствовалъ къ этому странному блюду полное отвращеніе и съ величайшимъ омерзѣніемъ выплюнулъ его вонъ, дивясь въ то-же время, какъ это могъ ѣсть его работникъ такую отвратительную гадость, да къ тому-же еще, твердую до того, что всѣ зубы переломались.

И такъ, не ставъ продолжать предложеннаго ему работникомъ его ужина, нашъ хозяинъ остался на всю ночь голоднымъ, и потому, желая какъ-нибудь поскорѣ скоротать предстоящую впереди, только-что еще начавшуюся ночь, хозяинъ рѣшилъ, лучше опять лечь спать и такимъ образомъ незамѣтно дожидаться слѣдующаго утра.

Но видно судьба преслѣдовала нашего хозяина въ эту злополучную для него ночь. Едва только улегся онъ спать на дно своей повозки, какъ вдругъ неожиданно задулъ сильнѣйшій сѣверный вѣтеръ, и нашъ хозяинъ такъ здорово продрогъ отъ стужи, что не зналъ чѣмъ и какъ спастись отъ нея, такъ-какъ самъ онъ одѣтъ былъ по лѣтнему, а съ собою на случай холода ничего не захватилъ. И вотъ опять обратился хозяинъ къ своему работнику, мысленно надѣясь, узнавъ какъ тотъ спасается отъ холода, — перенять отъ него примѣръ и самому поступить также. На вопросъ хозяина: — «на чемъ ты лежишь?» работникъ отвѣчалъ ему — «на мѣшкѣ». — «А что у тебя въ головахъ?» продолжалъ допытываться хозяинъ. — «Мѣшокъ-же». А въ ногахъ?» Тоже мѣ-

шокъ, сударь» — а чѣмъ-же ты одѣваешься?» Мѣшкомъ-же и одѣваюсь я, сударь». Тыфу, ты! что за чортъ! да сколько-же у тебя мѣшковъ? Дай мнѣ ты хотя одинъ». «Да у меня, сударь, у самаго всего только одинъ мѣшокъ имѣется, который всѣ нужды мои исправляетъ».

Такъ и пришлось хозяину, оставшись ни съ чѣмъ, мучаться всю ночь до самой утренней зари отъ голода и холода. А хозяйскій работникъ спалъ во всю эту ночь самымъ преспокойнымъ образомъ, такъ-какъ плотно поужинавъ, запасенной имъ на дорогу провизіи, тепло и уютно устроился себѣ на сѣнномъ стогу, весь съ головой залѣзши въ большой и толстый мѣшокъ, который ни малѣйшей не пропустилъ сквозь себя стужи и вѣтра.

На слѣдующее — послѣ описанной ночи — утро, едва только стало разсвѣтать, хозяинъ, промучившійся всю эту ночь, приказалъ своему работнику немедленно-же готовиться въ дальнѣйшій путь и какъ можно скорѣ запрягать лошадь. Когда все было уже готово и можно было отправляться въ дорогу, то хозяинъ вздумалъ почему то разыграть изъ-себя что-такое, что было ему одному только понятно. Онъ вдругъ обратился къ своему работнику и началъ отдавать ему слѣдующее приказаніе: — «Какъ только мы пріѣдемъ съ тобой въ домъ сестры моей, то я, войдя въ комнату и сѣвъ на стулъ, закричу тебѣ неизвѣстныя слова, а ты, услыхавъ это, тотчасъ-же объясни сестрѣ моей, что это по нѣмецки я приказываю тебѣ накрывать немедленно-же на столъ, что въ точности сію-же минуту и исполни. Выслушавъ сказанное хозяиномъ, работникъ отвѣчалъ ему, что все это будетъ исполнено такъ, какъ онъ, хозяинъ, того желаетъ.

Наконецъ, послѣ не ближняго пути, хозяинъ съ работникомъ прѣѣхали въ мѣсто жительства сестры хозяина. Когда послѣдній взшелъ въ домъ, то, какъ и говорилъ ранѣе, усѣлся въ комнатѣ на стуль, и закричалъ неизвѣстныя и ни для кого непонятныя слова, полагая, что сестра его, не знавшая по нѣмецки, будетъ крайне изумлена, услышавъ отъ брата незнакомую рѣчь.

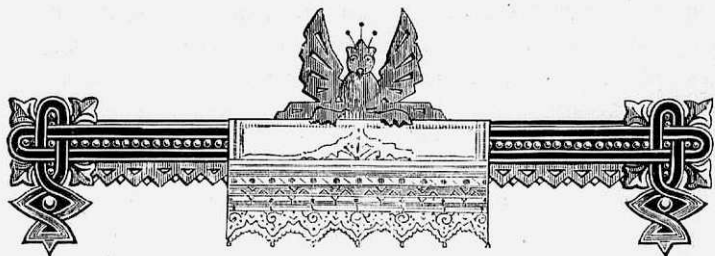
Но работникъ, хотя и обѣщалъ хозяину исполнить его желаніе, тѣмъ не менѣе, всетаки вздумалъ поступить иначе и проучить своего хозяина, чтобы впредь онъ былъ умнѣе и не разыгрывалъ-бы изъ себя образованнаго господина, когда на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, а потому, работникъ, вмѣсто накрыванія стола, подошелъ къ сестрѣ хозяина и тихонько шепнулъ ей на ухо, чтобы она поскорѣ приказала-бы затопить свою баню, и сказавъ это, самъ тотчасъ-же вышелъ вовъ изъ комнаты. Оставшись одинъ, хозяинъ полагалъ, что его работникъ пошелъ готовить посуду для накрыванія стола, а потому все время терпѣливо сидѣлъ и ожидалъ: когда-же будетъ наконецъ накрытъ столъ и подано кушанье. Но сколько онъ ни сидѣлъ, а все ни кто не явился въ комнату, и прошло уже нѣсколько часовъ, когда наконецъ въ комнату вошла его сестра и согласно его приказанія на нѣмецкомъ языкѣ предлагала ему идти въ баню.

Видя, что дѣло не ладно, хозяинъ закричалъ своего слугу уже по русски, и когда тотъ явился, то хозяинъ накинулся на него и сказалъ съ озлобленіемъ: — «Вѣдь я-же тебя предупредилъ объ томъ, что скажу нѣмецкія слова, которые означаютъ, чтобы накрывали на столъ, почему-же ты не исполнилъ моего приказанія?!» — «Ахъ, сударь,—отвѣ-

чалъ работникъ,—такъ вотъ вы и сказали-бы прямо по русски, и я въ точности исполнилъ-бы ваше приказаніе, а то говорите по нѣмецки, когда сами изволите знать, что я на нѣмецкомъ языкѣ ни говорить, ни понять—ничего не могу».

И такъ, этимъ послѣднимъ событіемъ, работникъ далъ урокъ хозяину, чтобы этотъ послѣдній впредь былъ бы умнѣе и не говорилъ-бы по нѣмецки съ тѣми, кто этого языка не знаетъ.

СКАЗКА О ПЪТУХЪ и КУРАХЪ.

I.

Господину нашему, всякой милости творителю,
И при своемъ благодарномъ домѣ хранителю;
И съ любезною нашею сожительницею,
Всякій день нашею кормительницею:
Слезное прошеніе приносимъ.
И милостивое рѣшеніе учинить просимъ:
Бьютъ челомъ и плачутся по вашей охотѣ,
Обрѣтающіяся куры при домашней ротѣ:
На мужа своего куропатку.
За непостоянную его ухватку.
А о чемъ наше прошеніе слезное:
Просимъ учинить милосердіе полезное.
Жительство мы имѣемъ, ваши курицы, —

Въ артиллерійской-Пушкарской улицѣ;
А при насъ вышенисанный мужъ нашъ пѣтухъ бѣлый;
Къ топтанью насъ былъ смѣлый.
И уже тому третій годъ находится,
Какъ онъ съ нами при нашемъ домѣ водится;
Къ тому-жъ тутъ отъ курицы рожденіе имѣлъ.
Гдѣ ни захватилъ насъ—топтать былъ смѣлъ:
Чѣмъ мы зѣло были отъ него довольны.
Всегда послушны и ему склонны.
И отъ него были одолжены, такъ какъ послушныя его
жены;
И послѣ топтанья хвостомъ трясали.
А вамъ отъ того часто яйца несли;
И при домѣ нашемъ во всякой вѣрности служили.
И многихъ на племя дѣтокъ выводили.

Извѣстны о томъ ближнія наши сосѣдки,
Что нынѣшнимъ лѣтомъ были у насъ три насѣдки;
И одна такъ на яйпахъ сидѣть трудилась,
Что отъ великой прилежности умертвилась.
Изъ насъ-же одна, бѣдная, попеченіе имѣла:
Не оставивши яйца,—благополучно досидѣла.
О вѣрности нашей самимъ вамъ извѣстно,
Какъ служить вамъ неслестно.
А сего мѣсяца, только не упомяну, котораго числа,
Внезанно къ намъ старая курица пришла;
Объявила намъ непристойныя вѣсти,
Которыя мы сошлись слушать вмѣстѣ:
Что, вышенисанный, мужъ нашъ, пѣтухъ,
Безъ вѣдома нашего пропалъ вдругъ.
Прежде обрѣтался всегда съ нами вмѣстѣ,
А сего числа оставилъ насъ однѣхъ на насѣсти;

И видимое дѣло изъ дому нашего бѣжалъ,
А изъ насъ куръ никто его не видалъ.
И такъ, насъ, бѣдныхъ въ печали оставилъ,
Вѣчно по себѣ тужить заставилъ.
А безъ него некому насъ стало топтать.
А къ другому мужу не скоро можемъ пристать.
Иной такъ намъ не можетъ услужить,
А съ нимъ мы обыкли совѣстно жить.
Безъ насъ онъ мало и корму клевалъ:
Всѣхъ насъ во едину компанію скликалъ.
А примѣтами—платьемъ—былъ бѣлый;
И своимъ видомъ очень веселый.
Хохолъ не большой, однако-жъ, въ особой примѣтѣ
Какъ женщина въ презрѣдномъ корнетѣ;
Хвостъ, какъ павлинъ выпускаетъ;
Голосъ пѣніемъ ясно распространяетъ:
Слыша то пѣніе, всякому человѣку,
Днемъ и ночью—любимый донъ-Кекереку.
Ноги имѣлъ короткія и бѣгалъ скоро.
Въ немъ-же иногда находилась ссора;
Часто получалъ и великіе прибытки:
Съ прочими пѣтухами выходилъ на поединки,
Которыхъ доставлялъ до немалой бѣды:
Разбивалъ головы ихъ и гребни до руды.
Пресильно къ баталіи былъ смѣлъ,
И паче въ ногтяхъ острыхъ крѣпость имѣлъ.
Мы въ его вѣдомствѣ были регулярны:
Самъ идетъ по улицѣ предъ нами впереди,
А мы искусно слѣдуемъ всѣ сзади.
Водилъ насъ строимъ къ корыту кормъ кушать,
А мы его повелѣнія готовы были слушать.

А теперь не кому насъ бѣдныхъ строимъ водить,
И довольно пищею кормить.

Того ради вамъ, нашему хозяину объявляемъ:
Что мы своего мужа сутки не выдаемъ.
Соблаговолите объ ономъ написать билеты,
И изъяснить вышеписанныя его примѣты.
А паче обыскать во всѣхъ улицахъ:
Не сыщется ли гдѣ при чужихъ курицахъ?
Можетъ быть кромѣ насъ полюбить,
То такъ смѣленько и поступилъ.
И прежде находился въ таковыхъ доводахъ:
Съ чужими курами гулялъ не въ своихъ огородахъ.
Изъ насъ нѣкоторыя въ домѣ старыя куры —
Присмотрѣли за нимъ не малые амуры.
И о вышеписанномъ вамъ рапортуемъ во извѣстіе.
А намъ мужъ нашъ учинилъ безчестіе
Рапортъ присланъ изъ Тулы
Того мѣсяца Іюля.
Мы куриного роду —
Пьемъ всегда воду,
Къ рапорту рукъ не приложили,
Но такъ предложили.
Понеже ходимъ не руками,
Но по нашей природѣ ногами.
На томъ рапортѣ подписано полученіе
И того пѣтуха отлученіе.
Полученъ вышеписаннаго числа и лѣта.
А о побѣгѣ пѣтуха бумажка эта.
Взявъ въ курятникъ написать билеты,
И того пѣтуха прописать примѣты,
Которыя немедленно объявить,

Дабы онаго бѣглеца ловить.
Изъ куриного роду того регулярства
Послать въ погоню куръ цѣлое капральство,
И съ ними индѣйскаго пѣтуха съ билетомъ яснымъ,
Купно и носомъ его краснымъ.
Поймавъ того пѣтуха, ни въ чемъ не помогать:
Взявъ, въ тяжкія желѣза заковать,
И вести къ курамъ скованнаго всю дорогу,
А ѣсть давать очень по немногу.
Приведши въ курятникъ
Въ желѣзахъ посадить,
А о томъ приводѣ
Мнѣ объявить.

Посылается билетъ съ индѣйскимъ пѣтухомъ.

Билетъ объявляется въ Пушкарской слободѣ, жителямъ,
Той слободы и постороннимъ служителямъ,
Что сего мѣсяца нечаянно вдругъ
Изъ дому моего бѣжалъ пѣтухъ;
А примѣтами оный: перьями бѣлый
Со всего виду, а корпусомъ веселый.
Еще-жъ былъ въ особливой примѣтѣ:
Хохолъ подобенъ—яко-бы женщина въ корнетѣ.
Ногами отъ прочихъ—гораздо коротенецъ,
Ростомъ не великъ, но маленецъ,
Отъ роду ему не будетъ болѣе трехъ лѣтъ,
У котораго еще и бороды нѣтъ;
А имя ему—Куропаткою назывался,
Когда онъ при домѣ моемъ обрѣтался.
И ежели у кого сыщется на насѣсти,
Съ домашними курами вмѣстѣ,
Тѣ-бъ люди въ домѣ у себя не держали,

Немедленно мнѣ объ немъ объявляли;
А за такое ихъ скорое объявленіе
Дано будетъ не малое награжденіе,
А именно: яйцо выѣденное, пустое,
А другое, лишь, скорлупа толстая.
Сверхъ того—кто сего опредѣленія не послушаетъ,
За обысканіе пѣтуха вмѣстѣ съ курами—покушаетъ
Квасной гущи, смѣшанной съ отрубями,
И почтенъ будетъ предъ прочими людьми.

II.

О ОБЪЯВЛЕНИИ ПѢТУХА.

Сего мѣсяца, какъ стало быть извѣстно,
Пришелъ обыскатель, объявилъ словесно:
Что бѣлаго пѣтуха въ слободѣ нашель,
Чего ради и объявить объ немъ пришелъ.
А сыскалъ-де ни у кого болѣе инаго,
Кромѣ челоуѣка мастерового.
Противъ оный пѣтухъ найденъ,
И въ домъ хозяина приведенъ,
Который спрашивая и въ допросѣ показалъ,
Зачѣмъ отъ двора своего отсталъ.

III.

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ.

Вопросъ 1.

Сколько тебѣ пѣтухъ отъ роду лѣтъ и годовъ;
Изъ какихъ ты бывалъ прежде родовъ;
Давно-ль при домѣ хозяйскомъ обрѣтаешься
И съ курами его въ компаніи знаешься?

Ответъ.

Отъ роду мнѣ болѣе трехъ лѣтъ не признаваю,
И съ того времени съ курами пребываю.
Родился я въ Пушкарекой улицѣ,
Въ домѣ хозяина, отъ бѣлой курицы.
Высиженъ изъ яйца, изъ него дупился,
И съ того времени неотлучно при домѣ находился.

Вопросъ 2.

А сего мѣсяца и числа съ какого виду отлучился,
И хозяина въ домѣ не спросился;

Также и женамъ про то не объявилъ,
Такъ самовольно поступилъ,
И почеваль съ чужими курами вмѣстѣ
Не въ своемъ домѣ, — на чужемъ насѣсти?

Отвѣтъ.

Того числа я изъ дому отлучился,
И въ вышеписанномъ домѣ на насѣсти явился;
Затѣмъ хотя того и чинить было не надлежало,
Только одна ко мнѣ курица прибѣжала,
Позвала къ себѣ на время посидѣть:
Хотѣла со мною компанію возымѣть.
Того ради и съ тѣмъ резонномъ и отлучился,
Вмѣстѣ съ нею кушалъ и повеселился.

Вопросъ 3.

Противъ твоей отлучки ни имѣлъ-ли амуръ:
Ни топталъ-ли чужихъ куръ?
И ежели топталъ какихъ примѣтомъ
И много-ли оныхъ было счетомъ?

Отвѣтъ.

Чужихъ куръ топталъ, что мнѣ повинны,
А домашнія стали быть противны.
Когда захочу топтать — то не присѣдаютъ,
Но, видя меня, далеко прочь отбѣгаютъ;

А я на короткихъ ногахъ не могу догнать:
Того ради принужденъ чужихъ топтать;
И оныхъ я не считалъ:
Гдѣ которую поймалъ — тутъ и топталъ.
Чужія вѣрно любить меня обязались;
Старыя и молодыя куры часто попадались.

Вопросъ 4.

О ономъ безъ позволенія, признаешь-ли себя винна,
Что такъ учинилъ противна?

Отвѣтъ.

Я въ той винности мало признался;
Развѣ о своемъ отлученіи вамъ не сказался;
А впредь того дѣла и чинить не буду:
Чужихъ куръ топтать позабуду.

Вопросъ 5.

А о томъ твоёмъ побѣгѣ, безъ всякихъ фигуръ —
Не видалъ-ли кто изъ домашнихъ куръ?

Отвѣтъ.

Никто не видалъ: я самъ тайно ушелъ,
И къ чужимъ курамъ въ гости пришелъ.

Вопросъ 6.

Въ томъ сущую правду сказалъ?

Отвѣтъ.

Истинно. Ни единого слова не солгалъ.
Ахъ, мои лапушки вѣрныя,
Супруги неліцемерныя!
Почто оставили пѣтушка,
Любезнаго своего дружка.
Перестаньте на меня нападать:
Биньте крупнокъ поклевать.
Истинно устали мои ножки;
А въ zobу нѣтъ ни крошки.
Какъ-бы я чужихъ куръ не топталъ,
То-бы и колодокъ не видалъ.
Хотя имъ и мужемъ нарекался,
А теперь для ихъ въ бѣду попался.

IV.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПО СУДУ.

Настоящимъ дѣломъ
Учинить штрафъ надъ пѣтухомъ бѣлымъ:
За отлучку его изъ дому отъ своихъ куръ
И о возымѣніи съ чужими амуръ:—
Посадить въ курятникъ въ двѣ колодки
А на караулъ поставить изъ куръ двѣ молодежи.
И въ томъ курятникѣ три дня пребывать,
И ѣсть ему ничего не давать.
Послѣ трехъ дней вѣникомъ бить,
Чтобы пересталъ къ чужимъ курамъ ходить.
И наказанье учинить при собраніи куръ въ строй;
А каждая курица при экзекуціи стой.
И объявить: ежели, впредь, будетъ такъ поступать,
То не такой штрафъ учинять;
И ни какихъ опредѣленіевъ не послушаютъ,—
Пріятно въ пирогъ скушаютъ.

Снѣжный ребенокъ.

Поѣхалъ въ Астрахань изъ Вологды купецъ,
И тамъ жену оставилъ.
На Волгѣ въ три года онъ всё дѣла исправилъ.
И наконецъ
Къ женѣ въ свой городъ возвратился.
Но какъ-же удивился,
Увидя мальчика при ней почти двухъ лѣтъ.
— «Скажи-ка мнѣ мой свѣтъ»,
Спросилъ онъ у нея, — «да чей ребенокъ это?»
— «Нашъ, батюшка. Вотъ третье лѣто
Въ Петровъ постъ будетъ, какъ я Петю родила».
— «Помилуй; три года ты безъ меня была!»
— «Что дѣлать—виновата:
Снѣжинка какъ-то въ ротъ попала мнѣ зимой
И отъ того, родной мой,

Я сдѣлалась брюхата.
Не вѣришь?—скажетъ, вотъ, Ивановна, кума,
Что дѣвочку она такъ родила сама.
Смотри какъ Петя милъ: какой онъ бѣлый, нѣжный,
И видно, что ужъ снѣжный.
Да подѣлуй его. Купецъ поцѣловалъ,
И болѣе—жены спрашивать не сталъ.
Она лисой къ нему ласкалась,
Всѣмъ угождать ему старалась,—
И только, что съ одной, Ивановной, кумой,
Тайкомъ, надъ нимъ смѣялась.
Лѣтъ черезъ шесть купчина мой
Собрался въ Астрахань опять, и взялъ съ собой
Петрушку пасынка. Тогда была весна;
А воротиться съ нимъ онъ общалъ зимою.
Не смѣла тутъ ему противиться жена:
Скрѣпясь, сына благословила,
И правду молвить—не безъ слезъ,—
Въ путь дальнѣй съ мужемъ отпустила.
А тотъ—въ Москву приемыша завезъ,
Да противъ женина желанья,
Въ сиротскій отдалъ домъ для воспитанья.
Пришла зима. Пріѣхалъ мужъ одинъ.
Мать бѣдная бѣды своей еще не знаетъ,
И за воротами хозяина встрѣчаетъ.
— «А, здравствуй, батюшка! гдѣ-жъ Петинька, нашъ сынъ!»
Охъ, не озябъ-ли онъ?—«Нѣтъ, не озябъ, разтаялъ
Онъ въ Астрахани отъ жаровъ.
Признаться:—этого, жена, я самъ не чаялъ,
Да сдѣлался ужъ грѣхъ таковъ!

Немудрено: — ребенокъ слабый, нѣжный, —
А тамъ жары не то, что здѣсь, —
Въ минуту бѣдненькій растаялъ весь.
И, видно, что былъ снѣжный!»!

Смирный мужикъ и дурачливая жена.

Жилъ одинъ мужичекъ вмѣстѣ съ своею женою въ большой бѣдности, и былъ онъ такъ смиренъ, какъ теленокъ, а жена его, напротивъ, — такъ зла, какъ змѣя лютая. Всегда эта злая баба ругала и бранила своего мужа, какъ нельзя хуже и даже нерѣдко случалось, что и била его, и все это за самую малую бездѣлицу.

Въ одно прекрасное время, злая жена, не имѣя у себя изъ чего испечь хлѣба, выпросила у своего ближняго соотѣда ржи, на одинъ только хлѣбъ, и снарядивъ своего мужа, отправила его къ мельнику просить, чтобы тотъ позволилъ смолоть принесенную рожь.

Когда, посланный своею злою супругою, смирный мужичекъ, пришелъ къ мельнику и сталъ просить его по-

зволить смолоть рожь, то мельникъ, видя и зная его крайнюю нужду и ужасную бѣдность, сжалился надъ нимъ и позволилъ ему бесплатно перемолоть свою рожь. Мужичекъ, поблагодаривъ добраго мельника, принялся за размоль, и такъ-какъ ржи было немного—всего на одинъ только хлѣбъ,—то онъ скоро и смолоть ее.

Смоловши рожь, нашъ мужичекъ собралъ свою муку въ принесенную съ рожью чашку и направился себѣ въ обратный путь къ своему дому. Но, видно, на его ужъ несчастье, подулъ вдругъ такой сильнѣйшій вѣтеръ, что въ одно мгновеніе сдулъ всю муку изъ его чашки, и онъ принужденъ былъ возвратиться домой безъ ржи и безъ муки, съ одною только пустою посудою. Но помочь бѣдѣ было нечѣмъ, и приходилось волей-неволей подчиниться злой судьбѣ, да кромѣ того, что приходилось теперь оставаться безъ хлѣба,—еще нужно было дома ожидать величайшей непріятности отъ его злой дрожайшей половины, и поэтому бѣдный мужичекъ шелъ домой, скрѣпя сердце и ожидая всяческой ругани и брани.

И дѣйствительно, едва только успѣлъ переступить порогъ онъ и рассказалъ женѣ своей о случившейся бѣдѣ, какъ та, что, сорвавшаяся съ цѣпи злая собака накинулась на своего бѣднаго и безъотвѣтнаго мужа и на чемъ свѣтъ стоитъ принялась всячески ругать и бранить его. Ужъ какъ только ни ругала она и не бранила его: на всѣ-то лады! И видя, что мужъ ей не прекословить, она еще пуще развирѣпѣла и принялась, что есть мочи бить и колотить своего смирнаго, какъ теленокъ, мужа.

Колотила она его до тѣхъ поръ, пока не умиралась сама. Уставши отъ битья, она снова принялась ругать его, и затѣмъ стала посылать его къ вѣтру, который муку изъ чашки развѣялъ, чтобы онъ, мужъ, потребовалъ съ того

вѣтра за причиненный убытокъ и получилъ-бы съ него деньгами или-же мукой столько-же, сколько было у него въ чашкѣ, когда онъ шелъ домой къ себѣ.

Вытерпѣвъ столько мученій и перенесъ отъ злой жены своей такіе тяжкіе побои, бѣдный мужикъ не зналъ теперь, что и дѣлать ему: возражать женѣ онъ не смѣлъ, а идти съ требованіемъ къ вѣтру—не зналъ куда. Но чтобы не нажить еще большей бѣды и не вызвать на свою голову новыхъ непріятностей и побоевъ, мужикъ, ничего не сказавъ, противъ безсмысленнаго желанія злой вѣдьмы-жены, надѣлъ шапку и вышелъ вонъ изъ дому.

Выйдя изъ дому и отойдя на далекое разстояніе отъ избы своей, бѣдный мужичекъ залился горькими—прегорькими слезами, и пошелъ, самъ не зная куда, продолжая во всю дорогу горько плакать, и за слезами—самъ того не замѣтивъ какъ зашелъ въ дремучій и огромный лѣсъ и не вѣдая дороги, сталъ по тому лѣсу ходить безъ всякой цѣли. Вдругъ на встрѣчу ему попала старуха, и увидя плакавшаго мужичка была очень удивлена его приходомъ сюда и остановивъ бѣднягу, обратилась къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:—«Скажи мнѣ, добрый человѣкъ, куда идешь ты, куда путь держишь, и какъ тебя занесло сюда въ эту сторонушку: вѣдь сюда и птица-то мало залетаетъ, и звѣрь-то рѣдко забѣгаетъ?» Увидавъ старушку и обрадовавшись, что встрѣтилъ хоть живого человѣка, да къ тому-же еще съ такимъ участіемъ отнесшагося къ нему въ его горѣ, онъ, мужичекъ, тотчасъ-же и охотно отвѣтилъ спросившей его старушкѣ:—«Матушка-старушка, завела меня сюда неволя»,—и тутъ-же рассказалъ онъ про свою напасть, такъ неожиданно—негадано постигшую его.—«Ходилъ я на мельницу рожь молоть, и смоловши, высыпалъ муку въ чашку и

пошелъ себѣ домой. Только-что вышелъ я съ мельницы, какъ ни съ того ни съ сего—подулъ вдругъ такой сильный вѣтеръ, что всю муку мою, до послѣдней пылинки, выдулъ сразу изъ чашки и пришлось мнѣ безъ муки и безъ ржи, съ одними пустыми руками возвратиться домой. Когда я пришелъ домой и рассказалъ о приключившейся бѣдѣ злой женѣ моей, то злая баба, какъ лютый звѣрь накинулась на меня и всячески, какъ нельзя хуже изругала, а потомъ и избивала меня и прогнала вонъ изъ дому, заставляя меня, чтобы я шелъ къ тому вѣтру, который сдулъ всю муку мою изъ чашки, и потребовалъ-бы съ него за причиненный убытокъ наличными деньгами или мукою, столько-же, сколько несъ я обратно съ мельницы. И вотъ теперь я хожу и ищу вездѣ вѣтра, да къ несчастію моему, не знаю гдѣ найти его».

Выслушавъ со вниманіемъ печальный рассказъ бѣднаго мужичка, старушка сказала ему:—«Иди за мною. Я мать вѣтрова. У меня ихъ четыре сына: первый — восточный, второй—полуденный, третій—западный и четвертый — полуночный. Такъ скажи-же мнѣ теперь, который изъ нихъ муку у тебя раздулъ». «Полуденный, матушка», проговорилъ мужичекъ. Старуха повела мужика далѣе, въ глубину лѣса, и привела его къ небольшой хижинкѣ, ввела въ нее и сказала ему:—«Вотъ мужичекъ, я здѣсь живу. Ты, пока полезай на печь и тамъ хорошенько укутайся. Въ скоромъ времени и всѣ дѣтки мои домой придутъ». «А для чего-же, бабушка, ты велишь мнѣ укутываться?»—«а для того, отвѣчала ему старуха, что сынъ мой, полуночный вѣтеръ, очень холоденъ, и онъ можетъ зазнобить тебя.

Въ скоромъ времени стали собираться въ хижинку дѣти старухи и когда явился полуденный вѣтеръ, то старушка

крикнула мужичку, чтобы тотъ слезалъ съ печи, а сама тотчасъ-же начала говорить своему сыну:—«Сынъ мой любезный, полуденный вѣтерочекъ! На тебя есть жалоба, зачѣмъ-же ты бѣдныхъ людей обижаешь? Ты вотъ у этого самого мужичка всю муку развѣялъ изъ чашки, которую несъ онъ съ мельницы домой къ себѣ. Теперь изволь заплатить ему деньгами, или хоть другимъ чѣмъ хочешь». «Хорошо, матушка,—отвѣчалъ полуденный вѣтеръ,—я согласенъ на твоё предложеніе и этому мужичку заплачу».

Тотчасъ-же, полуденный вѣтеръ, поздравляя къ себѣ мужичка и сказалъ ему:—«Слушай, мужичекъ, возьми себѣ вотъ эту коробочку: въ ней есть все, что только-бы ты не вздумалъ: денегъ-ли, хлѣба-ли, кушаній-ли, скота-ли, питья-ли какихъ,—то скажи только:—«коробочка дай мнѣ вотъ то-то и то-то»—и она, коробочка эта, тотчасъ-же дастъ все тебѣ, чего-бы ты ни пожелалъ. Это я даю тебѣ въ платежъ за муку, которую развѣялъ по полю. Иди теперь домой себѣ». Мужичекъ низко поклонился вѣтру и поблагодаривъ его за сдѣланный подарокъ вышелъ изъ хижины и направился въ обратный путь, къ себѣ домой.

Привезя данную ему полуденнымъ вѣтромъ чудодѣйственную коробочку къ себѣ въ домъ, мужичекъ отдалъ эту драгоценность своей женѣ и сказалъ ей при этомъ: «Вотъ тебѣ жена, коробочка и въ ней есть все, что только тебѣ понадобится. Чего-бы ты не захотѣла, то только попроси—и коробочка сейчасъ-же все доставитъ тебѣ, что понадобится».

Взявъ отъ мужа принесенную коробочку, жена тотчасъ-же обратилась къ ней и сказала:—«Коробочка, дай мнѣ хорошей муки на хлѣбъ»,—и коробочка дала ей сколько она просила. Затѣмъ жена мужичка стала просить у коробочки и

еще кой-что—и коробочка въ ту-же минуту исполняла всякое требованіе, обращенное къ ней.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ была принесена мужичкомъ отъ полуденнаго вѣтра чудодѣйственная коробочка, мимо избы мужичка проѣзжалъ какой-то знатный баринъ. Едва только увидѣла жена мужика, проѣзжавшаго помѣщика, какъ ни съ того, ни съ сего вздумалось взбаламошной бабѣ, чтобы мужъ зазвалъ-бы того барина къ нимъ въ гости, угрожая въ противномъ случаѣ избить мужика до полусмерти.

Бѣдный мужичекъ, зная, что съ его злой бабой шутки шутить нельзя, и все равно ничѣмъ ее не урезонишь, а только еще пуще озлобишь ее возраженіемъ, ничего не сказавъ ей напротивъ, пошелъ звать того знатнаго дворянина къ себѣ на пиръ, и нагнавъ его, сталъ всячески упрашивать не отказать пожаловать къ нему въ гости на богатый пиръ. Этимъ временемъ злая жена стала требовать у коробочки разныхъ кушаній и напитковъ, и набравъ всего этого вдоволь, накрыла на столъ, устала все добытое отъ коробочки, и сѣла себѣ подъ окномъ, сложивши руки, ожидая съ минуты на минуту знатнаго барина къ себѣ въ гости.

Проѣзжавшій мимо мужиковой избы богатый помѣщикъ, будучи остановленъ мужемъ бабы, просившимъ его пожаловать на пиръ, какъ того желала баба, едва только понявъ въ чемъ заключалась просьба мужика, былъ крайне изумленъ этимъ приглашеніемъ, и смѣясь отвѣтилъ, что самъ онъ заѣхать къ нему теперь не можетъ, но изъ любопытства приказалъ своимъ людямъ, которые ѣхали тутъ-же вмѣстѣ съ нимъ, отправиться къ приглашавшему его мужику, и посмотреть что тамъ за пиръ у него и чѣмъ онъ будетъ угощать своихъ гостей.

Люди помѣщика, не смѣя ослушаться приказанія своего господина, отправились къ бѣдному мужику и пріѣхавъ въ его бѣдную хижину, были очень удивлены, когда увидѣли столъ, уставленный всякими кушаньями и дорогими напитками, и не могли они никакъ сообразить того, какъ это у бѣднаго мужичка, изба котораго имѣла очень непривлекательный видъ, было столько разныхъ дорогихъ кушаній и напитковъ, какъ у богатаго господина.

Проводя весело время у гостепріимнаго мужичка и вдоволь напившись и наѣвшись, чего имъ ранѣе не приходилось и въ глаза видѣть, они послѣ пира сидѣли и прохлаждались, благо мужичекъ не гналъ ихъ отъ себя. И вотъ они наконецъ подмѣтили, что мужикова жена, все, что ей-бы не понравилось, просила у коробочки и та ей все немедленно доставляла.

Гости, не выходя изъ избы, послали одного изъ своихъ товарищей, чтобы онъ гдѣ-бы то ни было, немедленно же заказалъ бы точно такую-же коробочку, какую видѣли они у мужиковой жены и чтобы коробочка эта была сдѣлана сейчасъ-же при немъ, какъ можно скорѣе, и затѣмъ чтобы онъ принесъ ее сюда къ нимъ, да такъ аккуратно, чтобы ни мужикъ ни баба не видали, когда онъ будетъ передавать ее имъ въ руки.

Посланный живо пошелъ, отыскать такого мастера, который взялся сейчасъ-же сдѣлать требуемую вещь и чрезъ самое непродолжительное время заказанная коробочка была готова и отдана ему. Получивъ отъ мастера точно такую коробочку, какая была у мужиковой жены, посланный немедленно-же побѣжалъ въ домъ хлѣбосольнаго хозяина, гдѣ дожидались своего товарища всѣ остальные слуги знатнаго

господина. Прибѣжавъ къ мужичку, посланный незамѣтно передалъ товарищамъ ту самую коробочку, которую сдѣлалъ сейчасъ мастеръ, а тѣ, въ свою очередь, выбравъ удобный моментъ, когда баба куда-то зачѣмъ-то вышла, а мужичекъ тоже куда-то на минуту отвернулся въ сторону, они ловко подмѣнили этой принесенной коробочкой ту настоящую, которая дана была мужику въ награду отъ полуденнаго вѣтра. Похитивъ эту драгоценную чудодѣйственную коробочку, гости не стали далѣе засиживать и поторопились поскорѣе собраться и ѣхать къ себѣ домой.

На другой день злая жена, ничего не подозрѣвая о случившемся, взяла и повыкидала всю оставшуюся отъ вчерашняго дня провизію, надѣясь, что коробочка дастъ ей немедленно-же по ея первому требованію всего свѣжаго. Но когда она подошла къ своей волшебной коробочкѣ, которая въ дѣйствительности была уже далеко отъ ихъ дома, и стала у нея по прежнему просить того и другого, что ей только было надобно, то коробочка ничего ей не дала.

Видя такое неожиданное неудовольствіе, злая баба разсвирѣпѣла до-нельзя и тотчасъ-же призвавъ своего бѣднаго беззотвѣтнаго мужика, стала его опять ругать всячески и сказала ему: «Ахъ ты старый хрычъ! какую ты принесъ коробочку? Вѣдь она служила намъ только временно, а вотъ теперь и ничего не даетъ больше. Что-жъ въ ней толку!— Ступай сейчасъ опять къ полуденному вѣтру и потребуй съ него, чтобы онъ немедленно-же отдалъ-бы намъ ту муку, которую развѣялъ у тебя ихъ чашки, или же заплатилъ-бы за нее деньгами. А если, ты, старый хрычъ придешь съ пустыми руками и не принесешь ни того, ни другого, то тебѣ достанется отъ меня плохо: лучше и не приходи такъ, а не то, такъ прибью тебя до смерти!».

Нечего было дѣлать бѣдному мужичку и приходилось подчиняться приказу своей злой жены, и онъ вновь направился, по извѣстному уже пути, къ хижинѣ той старухи, вѣтровой матери, гдѣ въ первый разъ узналъ онъ о полуденномъ вѣтрѣ и отъ послѣдняго получилъ чудную коробочку. Придя въ лѣсъ, и скоро найдя знакомую уже хижину, явился мужичекъ къ старухѣ, вѣтровой матери, и сталъ жаловаться ей на свою бѣду, и на свою злую жену. Выслушавъ жалобы мужичка, старуха ему сказала: — «Подожди немного, онъ скоро самъ будетъ здѣсь, сынъ мой полуденный вѣтеръ».

Въ скоромъ времени явился въ хижину старухинъ сынъ, полуденный вѣтеръ. Мужикъ разсказалъ и ему о своей бѣдѣ и сталъ жаловаться на свою злую, что лютая змѣя, жену. Когда мужичекъ окончилъ свой печальный разсказъ, вѣтеръ сказалъ ему: — «Жаль мнѣ тебя, старика, что у тебя такая злая жена. Однако я тебѣ въ этомъ помогу, и твоя жена не будетъ уже болѣе колотить тебя никогда». Сказавъ это, полуденный вѣтеръ подаль мужику бочку и добавилъ. — «Возьми съ собою вотъ эту бочку, и когда придешь ты домой, то ежели жена твоя станетъ собираться тебя бить, то ты сейчасъ-же стань за бочку и скажи: пятеро изъ бочки бейте мою жену! и когда они ее порядочно таки поколотятъ, то скажи:—пятеро опять въ бочку!» Выслушавъ все наставленія вѣтра и взявъ съ собою бочку, мужикъ поблагодарилъ своего благодѣтеля и распрощавшись съ нимъ и съ его старухой матерью, отправился обратно къ себѣ домой.

Придя къ своей женѣ, мужикъ принесъ въ избу данную ему вѣтромъ бочку и сказалъ ей: — «Вотъ тебѣ, жена, вмѣсто коробочки—бочка!» — Жена очень разсердилась на своего

старика и отвѣтила: — «Что мнѣ въ твоей бочкѣ! Вѣдь я тебѣ приказала потребовать съ вѣтра не бочку, а муку, которую онъ развѣялъ у тебя изъ чашки, или же деньги за нее, а ты что принесъ? Почему ты не принесъ того, что приказала я тебѣ?!» — Говоря эти послѣднія слова, злая жена схватила стоявшій тутъ подъ рукой ухватъ и совсѣмъ уже хотѣла было начать вразумлять своего безтолковаго мужа. Тутъ бѣдный мужичекъ вспомнилъ наставленія вѣтра и въ одинъ мигъ успѣлъ отскочить отъ озлобившейся на него бабы, тотчасъ-же спрятался за бочку и крикнулъ: — «Пятеро изъ бочки! бейте мою жену, да смотрите, чтобы хорошенько!»

Только мужъ крикнулъ эти слова, какъ вдругъ изъ пустой бочки въ одно мгновеніе выскочили пять молодцевъ и принялись со всей силы дубасить по чемъ ни попадая злую вѣдму-жену. Мужъ только стоялъ, да любовался, какъ его змѣю лютую наконецъ-то взяли учиться уму-разуму. Наконецъ, видя что на этотъ разъ надолго останется въ памяти у жены его, какъ нужно относиться къ мужу, да къ тому-же и сама жена его, чувствуя что дѣло ея плохо, стала умолять и упрашивать своего мужа о прощеніи и помилованіи; онъ, мужичекъ, приказалъ молодцамъ прекратить экзекуцію и сказалъ: — «Пятеро опять въ бочку!» — и тотчасъ-же всѣ до одного молодца моментально вскочили обратно въ бочку и пропали, словно провалились.

Съ этихъ поръ драчливая и злая жена мужичка стала гораздо смирнѣе. Когда въ ихъ семьѣ стало спокойнѣе, то мужичекъ на свободѣ сталъ подумывать и о пропавшей силѣ его волшебной коробочки, такъ щедро всѣмъ награждавшей ихъ во всякое время. И вотъ мужичекъ сталъ вспоминать

всѣ подробности, и тутъ-же припомнилъ, что сила коробочки пропала послѣ того на другой день, какъ ушли отъ него тѣ слуги господскіе, которыхъ онъ принималъ у себя и такъ радушно угощалъ ихъ всѣмъ. А векорѣ мужичекъ догадался и о томъ, что коробочка та навѣрное подмѣнена другой и сталъ по поводу этого соображенія совѣтоваться съ своею женою, какъ-бы опять вернуть имъ къ себѣ ту настоящую драгоценную коробочку. И жена его сказала, что самое лучшее, это—прибѣгнуть къ содѣйствію бочки: — «Когда у тебя есть такая диковинная бочка, — говорила она, — что можешь ты не только съ однимъ человѣкомъ, но и со многими тысячами людей управиться, то поди къ дворянину и вызови его на поединокъ, требуя, чтобы онъ приказалъ тѣмъ, кто похитилъ у насъ драгоценную коробочку, чтобы немедленно-же они ее возвратили намъ обратно».

Выслушавъ отъ своей жены всѣ эти разумныя наставленія, мужикъ рѣшилъ, что и на самомъ дѣлѣ лучше всего будетъ, поступить въ настоящемъ случаѣ согласно совѣта жены, и поэтому сейчасъ-же собрался и отправился къ тому самому барину, который прислалъ тогда вмѣсто себя своихъ слугъ, укравшихъ ту чудесную коробочку.

Придя къ знатному дворянину, бѣдный мужичекъ объяснилъ ему о пѣли своего прихода и просилъ сперва по хорошему, чтобы тотъ распорядился о возвращеніи украденной у него мужичка слугами дворянина рѣдкостной коробочки, дававшей ему съ женою не только пропитаніе, но даже и то, что рѣдко приходилось пить и ѣсть людямъ и много богаче его. Но помѣщикъ не обратилъ никакого вниманія на его просьбу, а только смѣялся надъ нимъ.

Тогда нашъ мужичекъ сталъ вызывать этого знатнаго барина на поединокъ, но баринъ еще болѣе сталъ насмѣхаться надъ бѣднякомъ, и только, видя со стороны послѣдняго крайнее упорство и настоятельное требованіе — или коробочки, или поединка, — вынужденъ былъ согласиться исполнить то или другое требованіе его, и продолжая смѣяться, велѣлъ мужику выходить для поединка въ чистое поле.

Между тѣмъ, знатный баринъ отдалъ приказъ своимъ людямъ, чтобы тѣ, собравшись въ достаточномъ количествѣ, отправились-бы также въ поле вмѣстѣ съ нимъ и какъ-бы шуткою — хорошенько отколотили-бы этого дерзкаго мужика.

Когда всѣ, по приказу барина, снарядились, то послѣдній направился съ своими людьми къ ожидавшему его на поединокъ, среди поля, нашему мужичку. Едва только подъѣхалъ этотъ баринъ къ мужику, какъ всѣ бариновы слуги, наученные своимъ господиномъ ранѣе, стали затрогивать мужичка и уже кой-кто изъ нихъ даже дерзалъ уже и ударить бѣднаго мужичка. Тогда, послѣдній, видя, что дѣло плохо: ихъ много, а онъ пока еще одинъ, и всѣ они съ нимъ лѣзутъ въ драку, — крикнулъ пріѣхавшему дворянину: — «Эй, баринъ! вели лучше по хорошему отдать мою коробочку и прикажи имъ не трогать меня, а не то — тебѣ и всѣмъ прибывшимъ съ тобою — плохо будетъ вамъ!» Но баринъ, конечно, только засмѣялся этой угрозою, полагая, что слова мужика не имѣютъ никакого значенія. Мужичекъ же, видя, что добромъ здѣсь ничего нельзя подѣлать, а только еще изобьютъ и изувѣчатъ понапрасно, обратился къ своей бочкѣ, стоявшей здѣсь же при немъ на полѣ, и крикнулъ громко: — «По пяти на каждого изъ бочки, да смотрите бейте хорошенько!»

Едва только мужичекъ успѣлъ проговорить послѣднія слова, какъ вдругъ выскочило изъ бочки множество молодцовъ и кинулись всѣ, по пяти на каждого противника, и стали ихъ такъ колотить, что смотрѣть даже страшно. Баринъ, видя такое неожиданное приключеніе, испугался, какъ-бы и его-то не убили, и закричалъ во весь голосъ: — «Мужичекъ! перестань такъ немилостиво бить людей моихъ, и велю имъ отдать твою коробочку!» Услыша слова барина, мужичекъ крикнулъ своимъ бравымъ молодцамъ: — «Эй, вы, молодцы! живо опять ступайте всѣ въ бочку!» И въ одно мгновеніе молодцовъ какъ и не было: всѣ до единаго, бросивъ бить господскихъ вороватыхъ слугъ, мигомъ вскочили по приказу мужичка опять на свое мѣсто, въ бочку.

Послѣ такого приключенія дворянинъ понялъ, что съ мужикомъ шутки плохи, и приказалъ не медленно-же, чтобы тѣ, кто укралъ у жены мужичка коробочку, сейчасъ-же возвратили-бы эту диковинную вещь ея владѣльцу бѣдному мужичку.

Получивъ наконецъ отъ укравшихъ слугъ свою драгоценную коробочку, мужичекъ взялъ ее и съ великой радостію поспѣшилъ поскорѣе домой, чтобы обрадовать и свою жену, и принесъ ее въ свой домъ, отдалъ опять эту коробочку своей бабѣ, которая стала вновь требовать все, что ей нужно было для хозяйства. И съ этихъ поръ въ домѣ мужичка водворилась полная тишина и спокойствіе, и бѣднякъ, наконецъ-то, могъ жить съ своею женою не только не зная нужды, а даже во всемъ при полномъ достаткѣ и многомъ излишкѣ. И жена не была уже бѣднаго мужа, а стала относиться къ нему какъ нельзя лучше, а мужичекъ

съ своей стороны отвѣчалъ ей тѣмъ-же, и у нихъ всегда и во всемъ было полное согласіе; и они долго жили, будучи счастливы и довольны своей судьбой.

ЗАБАВНАЯ ПОВѢСТЬ

О КУПЦОВОЙ ЖЕНѢ И О ПРИКАЩИКѢ.

Въ одномъ изъ городовъ Франціи жилъ одинъ знатный купецъ, и по своему богатству пользовался славной извѣстностію въ томъ городѣ. Купецъ этотъ былъ уже преклонныхъ лѣтъ, и имѣлъ жену, которая была еще совершенно молодой.

Хотя молодая жена и не любила стараго мужа, но зная его богатство—своего къ нему отвращенія не высказывала, а на оборотъ: — дѣлала видъ, что она его будто горячо и страстно любитъ.

Въ домѣ того купца проживало не мало людей, служившихъ у него при торговыхъ дѣлахъ. И вотъ одного изъ этихъ

молодцовъ молодая хозяйка дѣйствительно горячо и всѣмъ сердцемъ любила. Избранникъ сердца молодой купчихи былъ тоже еще очень молодой человѣкъ, и притомъ, довольно красивой наружности и вмѣстѣ съ тѣмъ порядочно развитый парень.

Въ одно прекрасное время у молодого прикащика, обратившаго на себя вниманіе своей молоденькой хозяйки, было какое-то спѣшное торговое дѣло, и онъ, придя въ свою комнату, занялся имъ, и началъ что-то нужное ему писать въ торговыхъ книгахъ. Въ это время, смѣясь, вошла его хозяйка и шутя начала говорить ему: — «Что, господинъ прикащикъ, дѣлаете, какія это письма разбираете»? Занятому въ это время серьезнымъ и спѣшнымъ дѣломъ молодому прикащику было, очень не свободно и не до шутокъ, а потому онъ тотчасъ-же съ сердцемъ отвѣтилъ своей влюбленной хозяйкѣ: — «А это, сударыня, пишу я про разныхъ бабы навѣтки и увѣтки». Это выраженіе сорвалось у него съ языка вслѣдствіе раздражительности, а то, конечно, онъ отвѣтилъ-бы ей иначе. Хозяйка-же, услыша отъ молодого красавчика такой отвѣтъ, очень удивилась: «почемъ-же онъ знаетъ про бабы увѣтки»? и рѣшила, что молодецъ отвѣтилъ ей такъ, не подумавъ о томъ, что говорить. И молодая женщина вздумала на опытъ убѣдиться: знаетъ-ли и вправду прикащикъ про бабы увѣтки и счумѣеть-ли онъ подмѣтить въ ней ихъ.

И вотъ молоденькая хозяйка ушла къ себѣ и въ своей спальнѣ сѣла на кровать, а сама велѣла позвать къ себѣ того молодого прикащика. Когда позванный явился, то хозяйка начала спрашивать его о дѣлахъ и сказала что — «нужно записать домашній расходъ» ..

Все это происходило въ отсутствіе купца, мужа хозяйки, и вотъ вдругъ вѣзжающъ на дворъ самъ хозяинъ. Хозяйка до того растерялась, что не знала, что и сказать. Потомъ, видя, что такъ или иначе, нужно-же куда нибудь дѣвать прикащика изъ спальни, сказала молодцу: — «Ступай поскорѣе и спрячься за картину, а то какъ разъ наведешь на причину. Мужъ и такъ догадывается, что я люблю тебя; а какъ если увидитъ, что я разговариваю съ тобою наединѣ, то будетъ бѣда тогда намъ обоимъ».

Испугавшись пріѣзда хозяина, да еще болѣе того напуганный словами хозяйки, прикащикъ готовъ былъ на все, только увернуться отъ такой напасти, а потому съ радостію поспѣшно кинулся прятаться за картину, и такъ — какъ картина была большая, то онъ сталъ за нее и его было ничуть не видно.

Только что перепуганный прикащикъ успѣлъ спрятаться за картиной, какъ въ то-же самое время вошелъ хозяинъ въ комнату. Жена кинулась къ нему, стала ласкаться и ластиться, и наконецъ спрашиваетъ его: гдѣ былъ онъ? а купецъ такъ любезно отвѣтилъ ей, что вмѣстѣ съ другими купцами ѣздилъ на охоту и стрѣлялъ птицу. Услыша этотъ отвѣтъ, жена вдругъ и говоритъ ему: — «Ахъ, батюшки мои! Ну какъ тебѣ не стыдно на старости лѣтъ и стрѣлять птицу. Да и куда тебѣ стрѣлять ужъ: ты вотъ и въ картину-то въ эту — даромъ, что она большая, — и то не попадешь!» и молодая хозяйка указала мужу на ту самую картину, за которой былъ спрятанъ позванный ей передъ тѣмъ молодой прикащикъ. Хозяинъ, слыша надъ собой подтруниваніе жены и не желая, что называется — ударить лицомъ въ грязь передъ ней, пошелъ, живо вернулся съ ру-

жьемъ и сталъ его тутъ-же заряжать дробью, говоря при этомъ своей женѣ:—«Ты посмотри только, дружокъ, какихъ дѣлъ надѣлаю я: не только эту картину, а и самую стѣну прошибу насквозь!» И какъ нарочно набилъ въ ружье болѣе обыкновеннаго пороху.

Прикащикъ-же, стоя за картиной и слыша все отъ слова до слова, былъ, что называется,—ни живъ, ни мертвъ, —такъ испугался онъ словъ коварной хозяйки и глупой старческой выходки своего хозяина, который хотѣлъ воочію доказать передъ молодой свою удалъ, и ничего не подозревая собирався выпалить какъ разъ въ упоръ въ свою невидимую жертву, ловко подведенную подъ убой коварной красавицей. Стоить молодецъ за картиной и думаетъ:—«вотъ она, смертушка моя, пришла нечаянна, негадана, и теперь мнѣ отъ этой напасти не спастись: того гляди, что старый дуракъ бацнетъ изъ своего ружья»... И дѣйствительно въ эту минуту раздался выстрѣлъ, и весь зарядъ дрови влѣпился въ уголъ, поверхъ картины, въ стѣну, потому что, тогда старикъ хотѣлъ стрѣлять, то молодая женщина подбѣжавъ, какъ-бы играя съ нимъ, толкнула его подъ руку, и стала потомъ цѣловать его, а зарядъ вмѣсто картины —проскочилъ, чрезъ это, мимо.

— «Ну, что, вѣдь говорила: не попасть тебѣ старому, не то что въ птицу, а и въ большую картину,—такъ оно вотъ и вышло по моему,» стала подтрунивать, какъ-бы смѣясь, молодая купчиха надъ своимъ старикомъ мужемъ.—«Еще-бы, гдѣ-же было попасть, когда ты помѣшала рукою», оправдывался неудачный мужъ. — «Нѣтъ, ужъ, видно, не ваше дѣло изъ ружья стрѣлять, когда вы купцы привыкли только товарами торговать», заключила красавица-жена по

поводу охоты мужа. Все это она говорила со смѣхомъ, будучи въ веселомъ и игривомъ настроеніи. Мужъ-же, видя такое радостное и шутовское настроеніе своей молодой жены, и самъ пришелъ не менѣе ее въ веселое расположеніе духа, и отвѣчая ласками на шутки жены, разцѣловавъ послѣднюю, сказалъ, что ему надо опять ѣхать къ какому-то своему хорошему знакомому, который ожидаетъ его къ себѣ для компаніи. И тотчасъ-же, повѣсивъ на прежнее мѣсто свое охотничье ружье, живо опять собрался и тотчасъ-же уѣхалъ изъ дому.

Едва только успѣлъ старый мужъ уѣхать со двора, какъ молодая женщина, кликнувъ прикащика, велѣла ему теперь, ничего не боясь, смѣло выходить изъ-за картины, и когда тотъ, не успѣвъ еще оправиться отъ висѣвшей надъ головою неминуемой опасности, вышелъ, то молодая хозяйка, смѣясь, обратилась къ нему съ вопросомъ:—«Ну, что, каковы тебѣ кажутся теперь бабьи увертки»? Оправившійся отъ испуга прикащикъ отвѣчалъ своей мучительницѣ, что онъ былъ готовъ уже совсѣмъ къ смерти. — «Ну, вотъ, а говоришь про бабьи увертки, когда еще не знаешь объ нихъ», добавила хозяйка, и тотчасъ-же поднесла для успокоенія молодцу водки, сказавъ при этомъ, чтобы онъ впредь всегда былъ-бы остороженъ и остерегался говорить зря.

Пока такъ молодые люди вели между собою бесѣду, старый купецъ успѣлъ уже въ это время побывать у своего знакомаго и обратно ѣхалъ уже къ себѣ въ домъ. Когда коляска мужа въѣхала во дворъ, то молодая хозяйка, увидавъ въ окно возвращающагося мужа, воскликнула, какъ-бы испугавшись, что мужъ застанетъ ихъ вдвоемъ съ прикащикомъ: — «Ахъ, бѣда намъ! Что тутъ дѣлать не знаю, и

какъ сказать теперь, — не могу придумать!» и тотчасъ же, обратясь къ прикащику, сказала ему, чтобы тотъ скорѣе бы сталъ въ большой шкафъ, находившійся здѣсь же, въ комнатѣ хозяйки, и когда молодецъ залѣзъ въ шкафъ, то молодая женщина заперла его на ключъ и сію же минуту кинулась въ постель, притворяясь, что будто бы сильно расхворалась.

Когда въ комнату вошелъ мужъ и увидѣлъ лежащую въ постели жену, то очень обезпокоился за ее здоровье и съ нѣжнымъ участіемъ сталъ спрашивать ее, что съ нею? И сказалъ, что нужно сейчасъ же послать и купить для поправленія здоровья необходимаго лѣкарства. Услышавъ отъ мужа про его намѣреніе, молодая жена стала говорить ему: — «И зачѣмъ это, государь мой, покупать намъ лѣкарства, когда у насъ и дома всякаго достаточно есть; возьми вотъ ключи и достань изъ шкафа какого только нужно тебѣ лѣкарства». Мужъ тотчасъ же кинулся исполнять желаніе жены и схвативъ ключи, быстро подошелъ къ шкафу, намѣреваясь открыть послѣдній, и достать изъ него пужное въ данную минуту цѣлебное средство. Но едва только мужъ хотѣлъ отпереть шкафъ и доставать изъ него, что надо, какъ молодая жена, словно ни въ чемъ ни бывало, въ мгновеніе ока вскочила съ кровати и быстро подбѣжавъ къ старому мужу, кинулась ему со смѣхомъ на шею и принялась его ласково обнимать и цѣловать, заливаясь звонкимъ смѣхомъ и говоря при этомъ: — «Ну, теперь, я вижу, что ты, милый, другъ мой, дѣйствительно горячо и искренно любишь меня и нелицемѣрно жалѣешь меня. А то я сомнѣвалась въ твоей вѣрности и полагала, что ты обманываешь меня, такъ часто уѣзжая изъ дому и оставляя меня здѣсь скучать безъ тебя одну». Старый мужъ, видя такую нѣжность и горячую лю-

бовь со стороны своей молодой жены, — и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовавшись, что она пошутила на счетъ своей болѣзни, а на самомъ дѣлѣ совершенно здорова, — еще болѣе прежняго развѣлѣлъ отъ удовольствія и пришелъ въ неописуемый восторгъ и самое радужное и прекрасное расположеніе духа и началъ отъ радости всячески шутить и веселиться съ своей молодой женою, и пробывъ дома не особенно долгое время, сталъ говорить женѣ, что ему опять надо куда-то ѣхать и посѣтить какого-то друга, и затѣмъ въ скоромъ же времени собрался и опять уѣхалъ со двора, оставивъ молодую хозяйку съ запертымъ въ шкафѣ молодымъ прикащикомъ.

И опять, едва только успѣлъ старый купецъ уѣхать изъ дому, какъ его молодая жена тотчасъ же выпустила изъ шкафа на свободу своего молодца и вновь заговорила съ нимъ про бабьи увертки. Но прикащику было не до того; онъ такъ перепугался вторичнаго пріѣзда своего хозяина, что не могъ даже и слова выговорить. И когда молодой человѣкъ опаматовался, то отвѣчалъ на слова хозяйки, что онъ готовъ бы предпочесть смерть этому неожиданному приключенію. И тутъ-же, — опасаясь новыхъ какихъ-либо подвоховъ со стороны молодой купчихи, — торжественно отрекся отъ своихъ прежнихъ словъ, сказавъ, что — «теперь я примѣтилъ, что на свѣтѣ не бываетъ никакихъ бабьихъ увертокъ».

Но, хотя молодой прикащикъ и отрекся отъ сказанныхъ имъ спервоначала словъ, тѣмъ не менѣе купцова жена не оставила его въ покоѣ, и не довольствуясь веѣми своими продѣлками надъ бѣднымъ молодцомъ, вздумала еще одну штуку продѣлать надъ молодымъ прикащикомъ и послѣдній долженъ былъ переживать вновь страшныя минуты висѣ-

шей надъ его головою опасности, и главное, ожидавшая молодца, выходка его бѣдовой хозяйки, была самая безобразная и вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря этой дикой фантазіи молодой бабы, нашъ молодецъ рисковалъ понасть въ бѣду совершенно напрасно и сдѣлаться безъ вины виноватымъ въ глазахъ своего недогадливаго старика хозяина.

Вотъ что придумала бѣдовая бабенка для мытарства своего избранника. — Когда старый купецъ, напѣжничавшись съ ней, вновь собрался и поѣхалъ со двора, то она тотчасъ же, послѣ вышеописанной бесѣды, велѣла молодому прикащику идти съ нею и привела его въ ихъ домашнюю баню. Молодецъ, боясь хозяйки, конечно, не рѣшался ей противорѣчить и во всемъ безпрекословно повиновался этой молодой сумасбродкѣ. Молодая же купчиха, видя его податливость еще болѣе командовала имъ и заставляла дѣлать почти невозможныя вещи. Такъ, приведя нашего молодца съ собой въ баню, приказала ему немедленно же раздѣваться и сама раздѣлась совсѣмъ до нага.

Видя, что возражать хозяйкѣ нельзя, онъ, тѣмъ не менѣе, все-таки первоначально опасался, боясь внезапнаго пріѣзда купца, но увидѣвъ, что хозяйка ничуть не стѣсняется его присутствіемъ и обнажила свое бѣлое тѣло, онъ также послѣдовалъ ея примѣру, и забывъ робость, поторопился тоже скорѣе раздѣться и взойти вмѣстѣ съ молодой женщиной, ожидавшей его, въ самую баню, гдѣ обыкновенно всѣ моются.

Войдя въ баню, молодая хозяйка, дѣлая видъ — будто не замѣчаетъ своего компаніона, сѣла себѣ преспокойно на скамью, и стала не спѣша тщательно мыться.

Когда молодые люди — хозяйка и прикащикъ расположились для мытья въ сказанной банѣ, то хозяйка не говорила ни одного слова и только молча все поглядывала въ окно на дворъ, какъ-бы ожидая, что вотъ вотъ къ нимъ въ домъ кто-нибудь да пріѣдетъ. Прикащикъ же, хотя и съ завистью и страстно глядѣлъ на красивое тѣло своей молодой госпожи, но видя серьезность и горделиво-молчаливое отношеніе со стороны послѣдней и боясь, что можетъ разсердить ее, начавъ съ нею говорить, — такъ же какъ и она, молчалъ и продолжалъ себѣ мыться въ компаніи молодой женщины.

Въ это время, когда нашъ молодецъ съ чужой женою былъ наединѣ въ банѣ, мужъ купчихи пріѣхалъ изъ гостей домой, и вѣхавъ во дворъ, направился мимо стоявшей на проѣздѣ бани, къ крыльцу дома, намѣреваясь тамъ вылѣзть изъ коляски, но лишь только экипажъ успѣлъ поровняться съ той баней, гдѣ происходило молчаливое и безцеремонное купаніе чужой жены съ молодымъ прикащикомъ, который, ничего не подозрѣвая продолжалъ себѣ по прежнему мыться, какъ вдругъ вѣроломная купчиха, отворивъ банную дверь, закричала громкимъ голосомъ своему старому мужу: — «Дорогой другъ мой, милый муженекъ! поди-ка ты сюда, да посмотри, что здѣсь дѣлается: вѣдь твой прикащикъ парится со мной, вмѣстѣ въ одной банѣ!»

Услышавъ изъ устъ своей молоденькой жены такое откровенное признаніе, старый мужъ просто обезумѣлъ отъ неожиданности сообщенія, и до того взбѣсился и воспылалъ въ тотъ-же моментъ ревностію, что готовъ былъ тутъ-же на мѣстѣ, сейчасъ-же убить своего соперника, злодѣя-обольстителя, молодого прикащика. А еще болѣе купецъ былъ возмущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ словъ жены заклю-

чилъ о присутствіи въ банѣ прикащика, какъ о злонамѣренномъ со стороны послѣдняго поступкѣ, то есть, недогадливый мужъ, будучи вполне увѣренъ въ преданности своей жены, не допускалъ и мысли даже о возможности добровольнаго соглашенія между женою и прикащикомъ, а предположилъ, что разъ уже молодецъ очутился въ банѣ, то онъ туда попалъ не иначе, какъ ворвавшись въ банныя двери насильно. И еще пуще разжигаемый этимъ собственнымъ соображеніемъ, старый мужъ что ураганъ кинулся на зовъ жены къ дверямъ бани, но едва лишь успѣлъ старикъ-купецъ подскочить къ тѣмъ дверямъ, какъ молодая жена его, дѣйствительно бывшая въ это время съ молодымъ прикащикомъ наединѣ въ банѣ, схватила тазъ и наполнивъ его холодной водой, окатила сразу старика-мужа съ ногъ до головы, и въ тоже время сама расхохоталась на всю баню, проговоривъ за тѣмъ сквозь смѣхъ, своему опѣшавшему мужу: — «Ахъ, ты старый другъ мой, сердечный муженекъ! и какъ ты не могъ понять такой простой шутки и на глазахъ у всей дворни, кинулся какъ бѣшеный въ баню! Ну, слыханное-ли то дѣло, чтобы мужняя жена, да на глазахъ у мужа, пошла-бы съ чужимъ молодцомъ мыться наединѣ въ одной банѣ? И какъ-же, милый, ты мой, не могъ сообразить такой простой вещи самъ съ собою? Успокойся: я здѣсь моюсь одна, и около меня не было и нѣтъ никого. А ты лучше ступай-ка теперь въ домъ, да сними твой мокрый кафтанъ и вели его сейчасъ-же высушить». — Простосердечный и довѣрчивый мужъ, слыша шутки и смѣхъ надъ его несообразительностью, — разсмѣялся и самъ своей недогадливости и совершенно успокоенный за свою супружескую честь, и еще болѣе убѣжденный въ вѣрности своей молодой жены, пошелъ тотчасъ-же къ себѣ въ домъ, оставивъ

въ банѣ прикащика мыться съ его коварною супругою и смѣяться надъ его стариковскою несообразительностію.

Когда мужъ-старикъ ушелъ и молодые люди — прикащикъ съ хозяйской женою — остались вдвоемъ, то молодая женщина обратилась къ своему другу милому, и начала говорить ему слѣдующее: — «Ну, теперь довольно показывать мнѣ предъ тобою свои увертки: кажется, ты видѣлъ ихъ достаточно, и полагаю, что убѣдился въ моей способности ловко обманывать и проводить моего стараго мужа, отъ котораго я всегда и во всемъ съумѣю отговориться. И теперь, кто-бы ни сталъ говорить что-либо моему мужу про нашу съ тобою любовь, — онъ ни за что и никому не повѣритъ. Передъ тобою-же я ни въ чемъ не солгала, и показала тебѣ всѣ свои увертки, и теперь мы можемъ съ тобою спокойно любить одинъ другаго всю жизнь».

И затѣмъ, послѣ всего вышеописаннаго, между прикащикомъ и его молодою хозяйкою установилась прочная дружба и вѣрная любовь, и такъ они жили и веселились вмѣстѣ довольно долгое время. Когда-же мужъ-старикъ умеръ, то молодая купчиха, оставшись богатой и свободной вдовой, вышла замужъ за своего возлюбленнаго и нашъ молодецъ изъ прикащика сдѣлался хозяиномъ и сталъ еще веселѣе поживать съ своей молодой женою.

Насмотрѣвшись-же ранѣе на всѣ бабынъ увертки, какія продѣлывала его жена, будучи замужемъ еще за старымъ купцомъ, онъ теперь боялся, какъ-бы и съ нимъ того-же не случилось, а потому относился къ ней съ полнымъ уваженіемъ и обращался всегда, какъ нельзя болѣе, любовно и по хорошему. «А то», — думалъ онъ, — «ее вѣдь не

поймаешь, какъ разъ на глазахъ проведеть!»! И такъ они жили долго и счастливо при полномъ супружескомъ согласіи и во всемъ довольные другъ другомъ.

А н ф і й да М а р ь я .

Жилъ былъ Анфій да Марья; дѣтей у нихъ не было. Разъ Анфій и говоритъ Марьѣ: свари-ка мнѣ три десятка яицъ, я пойду да продамъ! А дѣло было передъ Пасхой и яйца очень дороги. Марья сварила яйца, онъ выкрасилъ ихъ и понесъ продавать. Взялъ онъ по рублю за яйцо, денегъ у него стало тридцать рублей. Пришелъ онъ въ одну гостинницу, подалъ десять рублей и говоритъ: я къ вамъ уже приду, такъ запью и заѣмъ *). Приходить въ другую, тамъ подаетъ 10 руб., также и въ третью.

Вотъ идетъ онъ и видитъ своего ближняго сосѣда, богатаго мужика и сталъ звать его съ собою въ гостинницу.— Пойдемъ, говоритъ, выпьемъ водки.—А богатый сосѣдъ выпивать былъ лютый, пошелъ съ нимъ. Зашли они, Ан-

*) То есть, буду пить и ѣсть на эти деньги.

фій и потребовалъ на 10 руб. водки и закуски. Когда они напились и наѣлись, Анфій ударилъ по столу шапкой (а шапка у него была о четыре угла) и спрашиваетъ: чай пили? Половые отвѣчаютъ: пили.—Денежки платили?—Платили, отвѣчаютъ. И пошли они въ другую гостиницу. И тамъ то же самое, напились, наѣлись, Анфій ударилъ по столу шапкой и спрашиваетъ: — Чай, водку пили?—Пили.—Денежки платили?—Платили.—Встали; пошли въ третью и тамъ то-же самое. Тутъ богатый мужикъ и смѣтилъ: это, думаетъ, у Анфія шапка отвѣчаетъ. И спрашиваетъ его: у тебя не шапка-ли отвѣчаетъ? — Шапка, говоритъ. — Продай мнѣ ее? — Купи.—Дорога-ли?—Сто рублей. Отдалъ мужикъ деньги и вышелъ. И встрѣчаетъ своего товарища и зоветъ его въ гостиницу. Зашли они, богатый мужикъ и потребовалъ всего на сто рублей. Они все съѣли и спили, мужикъ и сталъ колотить шапкой о столъ.—Ѣли и пили? спрашиваетъ.—Пили.—Денежки платили?—Нѣтъ, говорятъ, не платили.—А, говоритъ, постой! Не тѣмъ угломъ колочу — И спрашиваетъ опять: пили?—Пили. Денежки платили? — Нѣтъ, не платили. И зачалъ тутъ богатый мужикъ колотить всей шапкой. Нѣтъ, все говорятъ: не платили.—Ну, Анфій меня обдулъ, говоритъ мужикъ, пойду взыщу съ его! Заплатилъ деньги и пошелъ домой.

А Анфій знаетъ, что богатый мужикъ придетъ, нарядился покойникомъ и легъ подъ образа. Вотъ приходитъ и спрашиваетъ: что, Марья, Анфій померъ?—Померъ.—Охъ, какъ онъ меня обдулъ, дай Богъ ему царство небесное со свѣтлымъ пуговицамъ, подъ ж....у огонь!—

Въ это время Марья подошла къ покойнику и взяла изъ угла подъ образами какую-то ладонку, которая Ан-

фіемъ была приготовлена заранѣе, и поднесла эту ладонку *) ко рту Анфія. Анфій поцѣловалъ поднесенное ему женою и всталъ.—Что, спрашиваетъ богатый мужикъ, ты отъ ладонки воскресъ?—Да, отъ ладонки.—Продай мнѣ эту ладонку? Купи.—А дорога-ли?—А давай сто рублей, да старинное не поминай. — Богатый мужикъ согласился и уплативъ деньги, взялъ съ собою ладонку и пошелъ съ ней домой.—Приходить мужикъ домой и говорить своей женѣ: жена! я ладонку купилъ, теперь мы вѣкъ не умремъ.

Вотъ и сталъ богатый мужикъ ѣздить вездѣ, гдѣ кто умираетъ и слышалъ, что въ одномъ городѣ у богатаго купца умираетъ дочь, и сейчасъ туда. Приѣхалъ, а ужъ она трудится **), а все ревать.—Не ревите, говоритъ, она сейчасъ воскреснетъ. Приложилъ ей ладонку ко рту, она не воскресаетъ.—Должно быть худо приложилъ, думаетъ, надо хорошенько приложить. Приложилъ въ другой — нѣтъ, все не воскресаетъ, а умерла. Купецъ и закричалъ: ахъ ты, сиволаный! ты ее убилъ; я тебя сейчасъ посажу подъ арестъ.—Ой, не сажь, пожалуйста! я тебѣ дамъ сто рублей. Подаль сто рублей и скорѣй домой. — Приѣхалъ домой и говоритъ: опять меня Анфій обдулъ: пойду взыщу съ него 200 рублей.

И пошелъ къ Анфію. А Анфій поймалъ двухъ воронъ и посадилъ одну въ шкафъ, а другую понесъ на базаръ. Уходя, натаскалъ въ избу разнаго хламу и наказалъ женѣ: когда

*) Ладонка — маленький мѣшочекъ, наполненный чѣмъ-либо и похожий на подушечку или-же иногда имѣетъ форму простого шарика.

**) Находится въ предсмертной агоніи.

мы придемъ съ сосѣдомъ богачемъ, чтобы все это было прибрано и закуска приготовлена.

Приходитъ сосѣдъ, богатый мужикъ, а въ избѣ ломъ и душище. И спрашиваетъ онъ: гдѣ Анфій? А жена говоритъ: на базарѣ. —Пойду на базаръ, говоритъ мужикъ, тамъ съ него взыщу. Пошелъ онъ на базаръ и отыскалъ тамъ Анфія. —А, что отдашь деньги? — Отдамъ, говоритъ, пойдемъ домой. — Не пойду, у васъ въ избѣ такое душище. —А вотъ я отпущу вѣстника, такъ онъ скажетъ дома и тамъ все приберутъ. —Какого вѣстника? — Вынулъ Анфій изъ-за пазухи ворону и наказываетъ ей: поди, говоритъ, полетай домой и скажи моей женѣ, а твоей тетюшкѣ, чтобы она въ избѣ разобрала и угощеніе припасла. Отпустилъ ворону, та и полетѣла.

Походили они по базару и пошли въ деревню къ Анфію. Приходятъ, а у него въ домѣ все чисто и угощеніе готово; ворона изъ шкапа выпущена и овесъ клюетъ. —Богатый мужикъ и спрашиваетъ: что, Анфій, это вѣстникъ — тотъ и есть? — Да, это и есть. —Продай мнѣ его? — Купи. — А дорогъ-ли? — Давай сто рублей, да старинное не поминай.

Купилъ богатый мужикъ ворону и унесъ ее къ себѣ домой. Принесъ и говоритъ своей женѣ: жена! я купилъ ворону, которая все можетъ сказать. Нанеси ты въ избу разнаго хлама и лому, а я уйду на базаръ, а оттуда пришлю ее сказать тебѣ, чтобы все въ избѣ было прибрано и она сейчасъ прилетитъ сюда передать тебѣ мое приказаніе.

И вотъ, мужъ съ женою наносили въ избу всякаго лому и мужикъ пошелъ на базаръ и прийдя туда отпустилъ на волю ворону, наказавъ ей на дорогу какъ дѣлать то на его глазахъ Анфій, чтобы она сказала дома о его желаніи:—

«Лети ты домой и скажи моей хозяйкѣ, чтобы все въ избѣ было убрано и приготовлено для меня съ пріятелемъ угощеніе».

Послѣ этого онъ походилъ по базару и встрѣтивъ своего знакомаго, повелъ того къ себѣ домой, говоря, что тамъ для нихъ приготовлено уже всякое угощеніе. Но когда мужикъ съ пріятелемъ пришли въ избу, то, конечно, ничего тамъ, кромѣ хламу и лому не увидели и никакой вороны не прилетало.

Тутъ богатый сосѣдъ Анфія, понялъ, что опять Анфій надулъ его, и поэтому болѣе не сталъ уже ничего ни требовать, ни ходить къ послѣднему, рѣшивъ, что все равно пропавшаго не вернуть, а только, чего добраго — пожалуй еще чѣмъ-либо другимъ обманетъ его и даромъ возьметъ съ него деньги.

Такимъ образомъ у Анфія и остались всѣ денежки его богатаго сосѣда, съ котораго онъ, благодаря своимъ выдумкамъ и находчивости, съумѣлъ такъ искусно выманить подрядъ три раза, и вмѣстѣ съ тѣмъ научилъ этого богача впредь быть умнѣе и не кидаться на разныя приманки, сулящія выгоду.

СКАЗКА

ОБЪ УТКЪ СЪ ЗОЛОТЫМИ ЯИЧКАМИ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой, и у нихъ былъ сынъ, которому шелъ 15-тый годъ. Старика этого звали Абросимъ, а старуху Фетинья; сына-же ихъ звать было Иванушка. Жили они всей семьею въ большой бѣдности и нуждались, подѣ-часть, даже въ хлѣбѣ.

Однажды старикъ раздобылъ гдѣ-то хлѣба, и принесъ его домой, сталъ было рѣзать краюшку на части, чтобы удѣлить своей женѣ и сыну. Въ это время выскочилъ вдругъ изъ-за печки кручина и выхвативъ изъ рукъ старика хлѣбъ, ушелъ себѣ опять туда-же за печку, откуда и явился онъ.

Видя такую напасть, и зная что его семья сидитъ голодная, старикъ сталъ кланяться и просить кручину, чтобы тотъ отдалъ ему назадъ отнятый хлѣбъ. Но кручина отвѣтилъ старику, что я краюшки твоей тебѣ не отдамъ, а подарю тебѣ за это уточку, которая будетъ каждый день нести по золотому яичку.

Абросимъ согласился на это и рѣшилъ, что сегодня какъ-нибудь они пробудутъ и безъ ужина. Затѣмъ, обратясь къ кручинѣ, старикъ сказалъ ему, чтобы онъ не обманулъ его и сказалъ-бы гдѣ эта рѣдкостная уточка. На это кручина отвѣчалъ Абросиму: — «Завтра по утру, какъ только встанешь, такъ пооди въ свой огородъ и тамъ увидишь ту уточку, которую поймай и возьми къ себѣ въ домъ».

Выслушавъ сказанное кручиною, Абросимъ успокоился и легъ себѣ спать. Вставъ на другой день рано по утру, онъ пошелъ въ огородъ и тамъ дѣйствительно увидать, какъ говорилъ ему на-канунѣ кручина, золотую уточку, которую тотчасъ же поймалъ и принесъ въ домъ, отдалъ женѣ своей Фетиньѣ. Старуха пощупавъ уточку, сказала, что та съ яичкомъ и они оба съ мужемъ несказанно обрадовались и посадили уточку въ корчагу, накрывъ скерху рѣшетомъ. Черезъ часъ старики заглянули въ корчагу и увидѣли тамъ золотое яичко. Тогда они, взявъ оттуда яичко, пустили уточку гулять по полю, а яичко старикъ тотчасъ-же понесъ въ городъ продавать, и тамъ продалъ его за сто рублей, и на эти деньги купилъ всякаго харчу и принесъ его домой.

На другой день та-же уточка снесла опять золотое яичко, и старикъ тотчасъ-же опять понесъ и продалъ его на базарѣ. И такимъ образомъ эта уточка продолжала каж-

дый день нести по золотому яичку, а старикъ эти яйца ходилъ и продавалъ.

По прошествіи непродолжительнаго времени старикъ такъ разбогатѣлъ, что выстроилъ въ городѣ большой домъ и множество лавокъ, въ которыя понавезъ всякаго товару и открылъ большую торговлю.

Когда Абросимъ завелъ торговлю и нанялъ прикащиковъ, то старуха Фетинья позналась съ однимъ изъ молодцовъ, служившихъ въ лавкѣ ея мужа, и стала тайно съ нимъ видаться, но этотъ прикащикъ не любилъ своей старой хозяйки, а только знался съ нею изъ-за денегъ, которыя выманивалъ у глупой старухи. Въ одно время, когда старика не было дома, молодецъ пришелъ къ Фетиньѣ и увидѣлъ ту утку, которая несла золотыя яички, и поймавъ эту утку, сталъ ею любоваться, и случайно замѣтилъ подъ ея крыльшками надпись, сдѣланную золотыми буквами и гласившую, что кто эту утку съѣстъ, тотъ царемъ будетъ.

Не сказавъ ни слова объ этой надписи, прикащикъ сталъ просить Фетинью, чтобы та изъ любви къ нему зарѣзала и зажарила-бы эту утку. Но Фетинья сперва не согласилась на это, говоря, что въ утокѣ все счастье ихъ, да при томъ и мужа она боялась, и не рѣшалась на такой поступокъ. Прикащикъ же не отставалъ отъ нея и всячески упрасивалъ исполнить его просьбу, и въ концѣ концовъ Фетинья не устояла противъ просьбы любовника и зарѣзавъ утку, поставила ее въ печь жариться.

Пока мужъ былъ дома, любовнику хозяйки невозможно было явиться и поэтому онъ дожидаясь ухода хозяина, чтобы отправиться къ Фетиньѣ и тамъ съѣсть приготовленную для

него утку. Но вотъ старикъ ушелъ, а прикащикъ еще не успѣлъ придти; Фетинья-же въ это время куда-то вышла изъ дому не надолго. Какъ разъ въ ея отсутствіе пришелъ домой сынъ ихъ Иванушка и будучи очень голоденъ и торопясь скорѣе что-либо поѣсть, самъ полѣзъ въ печь, и доставъ оттуда зажаренную утку, — съѣлъ ее всю до чиста. Наѣвшись до-сыта, хозяйскій сынъ пошелъ тотчасъ-же обратно въ свои лавки, гдѣ онъ помогалъ отцу торговать.

Послѣ ухода Иванушки, пришелъ вскорѣ и прикащикъ и сталъ требовать, чтобы Фетинья подала ему жаренную утку. Старуха полѣзла въ печь и увидѣвъ, что утки тамъ нѣтъ, очень перепугалась и сказала объ этомъ своему возлюбленному. Но прикащикъ, услыша объ этой пропажѣ, сталъ упрекать Фетинью въ томъ, что она сама навѣрное съѣла жаркое, и затѣмъ очень разсердившись на старуху, ушелъ вонъ изъ дому.

Къ вечеру, когда Абросимъ пришелъ домой и увидѣлъ что нѣтъ утки, сталъ спрашивать объ ней Фетинью. Но та отвѣчала, что она ничего не знаетъ о томъ, куда подѣвалась эта утка, и также не видѣла нигдѣ ее, какъ и онъ. Пришедшій въ это время домой Иванушка, когда услышалъ разговоръ отца съ матерью, то сказалъ Абросиму: — «Кормилецъ батюшка, я давеча пришелъ домой пообѣдать, а матушки дома не было, поэтому я самъ полѣзъ въ печь и увидавъ тамъ жаренную утку, досталъ ее и съѣлъ всю до чиста. Но была-ли эта та самая утка, или другая, про то не знаю».

Когда старикъ узналъ объ этомъ происшествіи съ его уткой, то до того взбѣсился, что свою жену прибилъ

чуть-ли не до полусмерти, а сына тотчасъ-же выгналъ вонъ изъ дому.

И вотъ бѣдному Иванушкѣ пришлось уходить изъ родительскаго дому невѣдомо куда, и онъ пошелъ себѣ по первой попавшейся дорогѣ, самъ не зная куда приведетъ она его. И шелъ онъ такъ, куда глаза глядятъ, ровно 10 дней и 10 ночей и пришелъ въ неизвѣстное государство. Когда онъ сталъ подходить къ городу, то увидѣлъ у городскихъ воротъ множество народа, который стоялъ и разсуждалъ о важномъ дѣлѣ: въ томъ государствѣ умеръ царь, и вотъ они не знали кого посадить надъ собой властвовать, и порѣшили тѣмъ, что тотъ будетъ ихъ царемъ, кто первый взойдетъ въ городскія ворота. И когда Иванушка вступилъ въ городъ, то народъ закричалъ: — «Вотъ идетъ нашъ царь!» — и Иванушку тотчасъ-же подхватили подъ руки старѣйшіе и повели его въ царскіе чертоги и облекли его въ царскія ризы и посадивъ на царскій тронъ начали ему все кланяться, какъ истинному царю своему, и спрашивали отъ него разныхъ приказовъ.

Все это происшедшее такъ неожиданно показалось Иванушкѣ сномъ. Но когда онъ опомнился и убѣдился въ дѣйствительности всего происходящаго, то очень обрадовался всему случившемуся и началъ повелѣвать поданнымъ ему народомъ и вести себя, какъ подобаетъ царю. Въ скоромъ времени онъ учредилъ многія новыя чиновныя должности и опредѣлялъ на нихъ чиновныхъ людей.

По прошествіи нѣкотораго времени, онъ призвалъ къ себѣ одного чиновника, по имени Луга, и сказалъ ему слѣдующее: — «Вѣрный и добрый мой кавалеръ Луга! сослужи ты мнѣ службу и съѣзди ты въ мое отечество, и пріѣхавъ

туда, иди прямо къ самому царю тамошнему, и скажи ты ему отъ моего имени, чтобы онъ отдалъ тебѣ виновнаго купца Абросима съ его женою Фетиньей, и когда онъ тебѣ ихъ отдастъ, то привези ихъ обоихъ сюда ко мнѣ. А ежели царь не отдастъ, то скажи ему, что я его государство все огнемъ сожгу, а его царя — въ плѣнъ возьму».

Выслушавъ приказъ своего царя, Луга тотчасъ-же отправился въ Иванушкино отечество, и пріѣхавъ туда, пошелъ прямо къ самому царю тамошнему и сталъ у него просить виноватыхъ Абросима съ Фетиньей. — Царь, зная, что Абросимъ одинъ изъ богатѣйшихъ купцовъ въ его государствѣ, сперва не хотѣлъ было отдавать ихъ, но потомъ, разсудивъ, что государство Иванушки очень сильное и имѣетъ много воинства, убоялся мести и отпустилъ Абросима съ его женою.

Луга-же, принявъ виновныхъ отъ царя, привезъ ихъ въ свое отечество и представилъ своему царю. Увидѣвъ своихъ родителей, Иванушка сказалъ имъ: — «Государь батюшка, ты выгналъ меня изъ дому своего, а я принимаю тебя къ себѣ за то. Живите оба съ матушкою, до конца своей жизни!»

Увидавъ сына царемъ, услышавъ отъ него такія ласковыя слова, Абросимъ и Фетинья были обрадованы, какъ нельзя болѣе. И съ этого дня они стали жить вмѣстѣ съ сыномъ и жили долгіе годы, пока не померли тутъ-же во дворцѣ. Иванушка процарствовалъ 30 лѣтъ въ добромъ здоровіи и благополучіи и все подданные его искренно любили и были преданы ему до послѣдней минуты его жизни.

СКАЗКА

О СЕМИ МУДРЕЦАХЪ И О ЮНОШЬ.

Нѣкоторый король имѣлъ у себя семь мудрецовъ, и когда у короля случались какія нибудь важныя дѣла, то онъ въ такихъ случаяхъ всегда призывалъ къ себѣ своихъ мудрецовъ и съ ними совѣтовался; и можно сказать, что безъ нихъ— онъ не дѣлывалъ никакого дѣла, считая совѣты мудрецовъ своихъ очень разумными и вообще находилъ послѣднихъ весьма искусными во всѣхъ дѣлахъ, подлежащихъ его королевскому рѣшенію. Онъ даже препоручилъ имъ свое королевство, съ тѣмъ, чтобы мудрецы его надсматривали за управленіемъ страной и ходомъ дѣлъ въ послѣдней.

Видя со стороны своего государя такую увѣренность въ ихъ мудрецахъ разумныхъ совѣтахъ и, вмѣстѣ съ этимъ,

пользуясь во всемъ полнымъ и неограниченнымъ довѣріемъ и расположеніемъ своего короля, мудрецы, не довольствуясь тѣмъ, что видѣли добраго и хорошаго отъ ихъ повелителя, задумали еще болѣе забрать царя своего въ свою полную власть и съ этою цѣлью они рѣшились на злодѣйское дѣло и подыскавъ для сего удобный способъ, лишили короля своего зрѣнія, но лишили они возможности созерцать только при тѣхъ случаяхъ, когда король выходилъ изъ своихъ палатъ на воздухъ, гдѣ онъ положительно ничего не видѣлъ и не могъ различать даже ближайшихъ окружающихъ его предметовъ,—тогда какъ будучи у себя въ своихъ королевскихъ палатахъ—государь видѣлъ все и всѣхъ, какъ и ранѣе того. Сдѣлали-же мудрецы эту подлость ради того, чтобы лишить короля вмѣстѣ съ зрѣніемъ способности наблюдать за ними самими, и такимъ образомъ, будучи свободны отъ надзора за собою королевскихъ очей,—они, мудрецы, могли жить вполне привольно, никого и ничѣмъ не стѣсняясь и дѣлать все, что имъ вздумается и захочется для своего личнаго обогащенія. Придумавъ и выполнивъ свой злодѣйскій умыселъ, мудрецы радовались тому, что имъ удалось сдѣлать своего довѣрчиваго государя полуслѣпымъ. Но не довольствуясь еще этимъ отвратительно-гнуснымъ поступкомъ по отношенію къ своему доброму государю, они задумали и настояли, почти звѣрскимъ образомъ, на томъ, чтобы король далъ свое согласіе на то, чтобы можно было имъ обнародовать такіе указы королевскимъ подданнымъ, которыми отъ королевскаго имени повелѣвалось всѣмъ тѣмъ поданнымъ, которымъ привидится сонъ, чтобы они немедленно-же являлись къ нимъ мудрецамъ за истолкованіемъ видѣннаго сна. Но прежде чѣмъ окончательно выразить свое согласіе на просьбу мудрецовъ король съ своей стороны обратился къ нимъ за объясненіемъ для чего имъ непременно

понадобились подобные указы? И что означает такая странная съ их стороны просьба?—Хитрые, крайне лукавые мудрецы, желая одновременно—польстить королю своей заботливостію о его персонѣ и, въ тоже время—поскорѣ достигъ задуманнаго,—тотчасъ на королевскій вопросъ отвѣтили въ одинъ голосъ, конечно, будучи заранѣе подготовлены къ такому вопросу своего владыки и потому—обо всемъ сговорившись и условившись, дабы не выходило разницы въ отвѣтъ, сказали, что—«для того мы просимъ разрѣшенія на обнародованіе такихъ указовъ, чтобы изъ тѣхъ сновъ, какіе будутъ видѣться подданнымъ Вашимъ, можно было-бы хотя отчасти уловить ту печальную причину, вслѣдствіе которой такъ чудно испортилось зрѣніе Вашего Величества».

Услышавъ подобный отвѣтъ, король несказанно былъ обрадованъ разумному способу своихъ мудрецовъ, отыскать причину постигшаго его несчастья, и, конечно, тотчасъ выразивъ имъ свою благодарность за ихъ заботу о его здоровіи, немедленно-же изъявилъ согласіе на просимые мудрецами указы, приказавъ оные обнародовать какъ можно скорѣе по всей странѣ, къ свѣдѣнію подданныхъ королевства.

Но, хотя указы короля были въ самомъ скоромъ времени и обнародованы, но государю отъ этого пользы не было никакой, да и быть таковой не могло никимъ образомъ, потому что вся эта затѣя была выдумана, какъ сказано выше, исключительно ради личныхъ корыстныхъ цѣлей хитрыхъ и плутоватыхъ мудрецовъ, которые и воспользовались своей выдумкой какъ нельзя болѣе—удачно, такъ-какъ каждый изъ подданныхъ короля, явившійся къ мудрецамъ за толкованіемъ видѣннаго сна, обязанъ былъ уплачивать

мудрецамъ золотыя монеты, которыя, благодаря ловкой выдумкѣ, мудрецы безсовѣстно вытягивали со всѣхъ и каждаго къ нимъ явившихся, разнообразя только количество беромыхъ монетъ: такъ, кто былъ побѣднѣ, съ того брали не менѣе трехъ золотыхъ, а кто побогаче—съ того и болѣе; вообще брали эти безсовѣстные обманщики самымъ наглымъ образомъ съ кого сколько взглянется, конечно, принимая во вниманіе внѣшній видъ и одежду приходившаго и смотря по человѣку—назначали и свою таксу.—Вслѣдствіе такого гнуснаго способа обирать подданныхъ короля, дозволеннаго послѣднимъ, всѣ мудрецы въ самый короткій срокъ приобрѣли громадныя богатства.

Въ одинъ прекрасный день, король, будучи у себя въ палатахъ, велъ бесѣду на-единѣ съ своей супругою-королевой, которая, между прочимъ, стала говорить мужу о болѣзни его глазъ.—«Милостивѣйшій государь, мой любезный супругъ, я просто не могу понять, что за странная болѣзнь у васъ въ глазахъ, отъ которой вы никакъ не можете избавиться, между тѣмъ какъ у васъ есть мудрецы, которые вашихъ-же подданныхъ исцѣляютъ не только отъ болѣзней глазъ, но и отъ многихъ другихъ страданій; въ то-же время истолковываютъ самые чудные и загадочные сны, которые сняты тѣмъ-же подданнымъ вашимъ, и вообще производятъ массу разнородныхъ дѣйствій для всего народа; неужели-же они не могутъ исцѣлить васъ, своего государя, когда то-же самое дѣлаютъ для его народа? Мнѣ кажется, что вамъ стоило-бы только призвать ихъ къ себѣ и приказать имъ исцѣлить глаза ваши такъ, чтобы вы могли-бы ими видѣть по прежнему все хорошо и ясно. А разъ вы мудрецамъ то строго прикажете, то они не по-

смѣютъ выйти изъ вашего повелѣнія, а въ противномъ случаѣ пригрозите имъ смертною казнію».

Выслушавъ добрый и сердечный совѣтъ своей супруги, король согласно сему поступилъ съ своими мудрецами: призвалъ къ себѣ и, какъ учила его королева, приказалъ, что-бы мудрецы занялись-бы тотчасъ исцѣленіемъ его глазъ, угрожая въ противномъ случаѣ немедленно-же смертною казнію имъ всѣмъ. Услышавъ такое строгое повелѣніе своего государя и опасаясь за свою жизнь, они тотчасъ стали продѣлывать все, что имъ было извѣстно въ подобныхъ случаяхъ, но всѣ ихъ усилія не достигали желаемого результата, и король по прежнему на воздухъ не могъ ничего видѣть.

Перепробовавъ всѣ извѣстныя имъ средства и не видя никакой отъ того пользы для ихъ дѣла, мудрецы, желая спасти свою жизнь, рѣшили призвать со всѣхъ концовъ земли волхвовъ, которые-бы могли вмѣсто ихъ исцѣлить короля отъ его болѣзни, такъ какъ сами мудрецы, говоря правду, не знали и не понимали ни болѣзни, ни средствъ для устраниенія ея. Когда между ими было рѣшено обратиться къ содѣйствію волхвовъ, то для розысканія послѣднихъ были немедленно-же снаряжены и отправлены въ разныя стороны нарочные гонцы, которымъ приказано было, какъ можно скорѣе розыскать и привести къ королю тѣхъ самыхъ волхвовъ.

Въ то самое время, когда нарочные гонцы по приказу мудрецовъ поскакали за волхвами во всѣ стороны, къ мудрецамъ пришелъ одинъ мѣщанинъ, изъ ихъ-же города, и сталъ рассказывать имъ свой сонъ, прося истолкованія послѣднему. — «Милостивые государи, — говорилъ мѣщанинъ, —

мнѣ приснилось, будто-бы въ моемъ огородѣ выросло высокое дерево, подъ которымъ копошилось множество червей; потомъ представилось мнѣ, что весь мой огородъ вдругъ затопило водою».

Выслушавъ рассказъ пришедшаго мѣщанина, мудрецы, не долго думая, отвѣтили ему вмѣсто всякаго толкованія, слѣдующее: — «О, конечно ты съ вечера былъ пьянъ и легъ спать не протрезвившись, а потому тебѣ и приснилось воды много, и сонъ твой поэтому бесполезенъ и никакого значенія имѣть ни для кого не можетъ». — Выйдя отъ мудрецовъ, мѣщанинъ, крайне опечаленный, пошелъ къ себѣ домой; его возмущало то обстоятельство, что мудрецы, взявъ съ него три золотыя монеты, никакого толкованія его сну не дали, и потому просто-на-просто — даромъ взяли съ него заработанные имъ трудовые гроши. Размышляя о низости мудрецовъ и ихъ корыстолюбіи, мѣщанинъ подошелъ уже къ своему дому, около котораго на улицѣ увидѣлъ незнакомаго юношу, бросающаго камушками. Поровнявшись съ юношей, мѣщанинъ вдругъ услышалъ отъ незнакомца слѣдующее. — «Другъ мой, не жалѣй ты того золота, которое безъ пользы отдалъ мудрецамъ, и подойди ко мнѣ поближе и я растолкую тебѣ сонъ твой обстоятельно, только скажи, лишь, что тебѣ приснилось?».

Мѣщанинъ былъ крайне удивленъ и изумленъ столь неожиданному обстоятельству и невольно спрашивалъ въ умѣ своемъ: какъ и почему этотъ юноша могъ узнать что я видѣлъ сонъ, за толкованіемъ котораго пошелъ къ мудрецамъ, которые, ничего не разъяснивъ мнѣ, взяли съ меня даромъ мои золотые деньги? Но какъ ни старался уяснить себѣ столь не понятное для него, однако ничего придумать

не могъ, и потому рѣшился лучше прямо подойти къ юношѣ. Когда онъ приблизился къ незнакомцу, то, не долго думая, разсказалъ юношѣ сонъ, весь цѣликомъ, какъ говорилъ его мудрецамъ. Выслушавъ разсказанное, юноша тотчасъ отвѣтилъ мѣщанину:—«О! сонъ твой предзнаменуетъ великое богатство, которое ты получить долженъ; иди въ свой огородъ на то самое мѣсто, гдѣ ты видѣлъ множество червей, и взявъ съ собою лопату, начинай рыть землю: и увидишь, что тамъ найдешь ты».

Придя домой, мѣщанинъ тотчасъ схватилъ лопату и быстро направился въ свой огородъ, къ тому самому мѣсту, гдѣ видѣлъ онъ наканунѣ множество червей, и какъ велѣлъ ему юноша, приступилъ къ немедленной работѣ, начавъ проворно рыть землю. Едва успѣлъ немного выгрести изъ того мѣста земли, какъ былъ пораженъ тѣмъ, что увидѣлъ тамъ: на небольшой глубинѣ было зарыто золото, которое, чѣмъ болѣе углублялся онъ, тѣмъ болѣе попадалось оно ему, и въ непродолжительное время онъ досталъ изъ земли великое множество золота. Отвѣсивъ два фунта онаго, мѣщанинъ пошелъ къ юношѣ, чтобы подѣлиться съ послѣднимъ своей находкой, которую откопалъ благодаря ему; но когда онъ вышелъ со двора, то на встрѣчу ему попались мудрецы, къ которымъ мѣщанинъ тотчасъ-же подошелъ и сказалъ имъ:—«Господа, главные мудрецы! не стыдно-ли вамъ, что вы не могли растолковать мнѣ моего сна, а вотъ этотъ юноша, котораго вы видите здѣсь на улицѣ, онъ мнѣ объяснилъ все такъ, что все то, что онъ сказалъ мнѣ — сбылось въ дѣйствительности». И тутъ-же онъ подробно разсказалъ обо всемъ происшедшемъ мудрецамъ. Мудрецы были крайне изумлены словами мѣщанина, и не увѣряя въ его словахъ, сами пошли къ юношѣ вмѣстѣ съ мѣщаниномъ, который

тутъ-же отдалъ ему два фунта золота, но юноша отъ золота отказался, сказавъ при этомъ мѣщанину: избави меня Богъ, чтобы я рѣшился взять отъ тебя то, что далъ тебѣ Богъ!»! Видя юношу и слыша его столь благородныя слова, они были крайне удивлены его благородствомъ и безкорыстіемъ, и тотчасъ-же поняли, что юноша этотъ обладаетъ великимъ умомъ и премудростію, данной свыше. Мудрецы обратились къ юношѣ и стали спрашивать какъ зовутъ его? Юноша отвѣтилъ, что имя его Мирсаянъ. Мудрецы снова, обращаясь къ юношѣ, начали говорить ему: «любезный юноша, можешь-ли ты отгадать ту загадку, о которой мы тебя спросимъ?»—Съ охотою постараюсь истолковать вамъ то, о чемъ спросите. Тогда одинъ изъ мудрецовъ сталъ говорить ему: «наша загадка заключается въ слѣдующемъ: Государь нашъ, когда пребываетъ въ своихъ палатахъ, то видитъ все, а когда выйдетъ на воздухъ, то глаза его ничего не видятъ».

«Знаю,—отвѣчалъ юноша, — что означаетъ сія загадка: и государя вашего могу излѣчить отъ его болѣзни такъ, что къ нему вернется его прежнее зрѣніе».—Едва мудрецы услышали эту радостную вѣсть, какъ тотчасъ-же стали звать юношу къ своему государю: «пойдемъ-же скорѣе къ нашему государю, ты и отъ него и отъ насъ, если излѣчишь болѣзнь, получишь великіе дары».

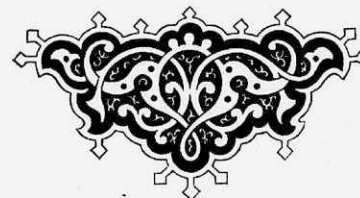
Когда юноша былъ приведенъ во дворецъ и представленъ королю, то мудрецы начали говорить, обращаясь къ своему государю:—«Ваше Величество! вотъ сей юноша общается излѣчить вашу чудную болѣзнь». Услышавъ это, король былъ чрезвычайно удивленъ, что юноша могъ быть такимъ искуснымъ, какъ докладывали о немъ мудрецы, и тутъ-же сказалъ юношѣ: «неужели-же ты можешь излѣчить глаза

мои»?! Всемиловѣйшій Государь, отвѣчалъ юноша, я буду всѣми силами стараться излѣчить болѣзнь вашу, только прошу васъ позволить мнѣ пойти съ вами въ вашу спальню». Король охотно исполнилъ желаніе юноши, и когда они туда пришли, юноша сказалъ королю: «Ваше величество, теперь извольте приказать снять съ вашего ложа постель». Король приказалъ немедленно-же сдѣлать и это. Когда постель была снята съ кровати, тогда подъ оною юноша нашелъ большой орѣхъ, около котораго обились семь червей.—«Видишь-ли Государь, сказалъ онъ королю, сихъ малыхъ насѣкомыхъ, которыя причиною твоей слѣпоты на воздухѣ?»—«Видю, отвѣчалъ король, но отчего они явились здѣсь?» — «Я все это объясню, проговорилъ юноша, изволь лишь меня выслушать: сіи семь червей означаютъ твоихъ семи мудрецовъ, которые служатъ тебѣ лицемѣрнымъ образомъ, хотя ты жалуешь ихъ болѣе другихъ достойныхъ людей; но они, не смотря на то, и не довольствуясь твоею милостію, повредили твои глаза нарочно для того, чтобы ты не видалъ, какъ они твое королевство разоряютъ»...— «Но, скажи мнѣ пожалуйста, перебилъ юношу король, могли ли я получить излѣченіе глазамъ моимъ?»—Очень можешь, отвѣчалъ юноша, но только тогда, когда этихъ червей не будетъ на семь мѣстъ»... «Какъ, спросилъ удивленный король, развѣ ихъ нельзя снять съ этого мѣста?» — «Конечно нельзя, отвѣчалъ юноша: ибо если ты велишь ихъ снять, то зрѣніе совсѣмъ потеряешь!»—«Да какъ-же отъ нихъ избавиться, спросилъ король?»—«Прикажи всѣмъ твоимъ мудрецамъ отрубить головы, сказалъ юноша, и тогда зрѣніе вернется къ тебѣ, и избавишься отъ этихъ насѣкомыхъ, которыя тотчасъ-же пропадутъ сами, и вмѣстѣ съ тѣмъ — будешь безопасенъ отъ своихъ злодѣевъ, т. е. отъ твоихъ

мудрецовъ, которые положили подъ твою постель этихъ червей, для того, чтобы лишить тебя зрѣнія на воздухѣ».

Выслушавъ юношу, король приказалъ немедленно-же отрубить всѣмъ своимъ мудрецамъ головы, и когда приказаніе это было исполнено, то зрѣніе вновь вернулось къ королю и на воздухѣ, и черви также исчезли мгновенно.

Послѣ сего король щедро наградилъ своего спасителя-юношу и всѣхъ его родственниковъ.

Василиса Прекрасная.

Жилъ-былъ купецъ съ женою, и была у нихъ дочь Василиса прекрасная. Жена у купца умерла, и онъ женился на другой, вдовѣ, у которой были свои двѣ дочери. Не возлюбили мачиха и ея дочки Василису прекрасную и задумали ее извести. Послали онѣ Василису прекрасную къ бабѣ-ягѣ огня достать, а баба-яга была злющая и людей какъ курь ѣла. Пошла Василиса прекрасная и взяла съ собою куколку, которую ей мать, умирая, оставила и наказала съ ней совѣтоваться во всякомъ дѣлѣ. Пришла Василиса прекрасная къ бабѣ-ягѣ и все работы у нея передѣлала. Баба-яга спросила ее, какъ она сумѣла все работы сдѣлать, а Василиса прекрасная отвѣтила, что благословеніе матери помогало ей во всемъ. Прогнала баба-яга Василису прекрасную отъ себя, говоря, что не нужно ей благословен-

ныхъ, и дала ей на дорогу черепъ съ горящими глазами, чтобы онъ свѣтилъ ей ночью. Пришла Василиса прекрасная домой, а черепъ съ горящими глазами и спалилъ и мачиху и ея дочекъ. Василиса прекрасная пошла въ городъ, попросилась на житье къ одной старушкѣ, наткала полотна и послала старуху отнести его въ подарокъ къ царю. Царь велѣлъ сшить изъ полотна рубашки. Василиса прекрасная сшила и такъ угодила царю, что онъ велѣлъ ее привести къ себѣ. Пришла Василиса прекрасная; царь, увидавъ ее, влюбился и женился на ней.

Жарь-птица.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ царь, и было у него три сына: Петръ-царевичъ, Аникита-царевичъ и Иванъ-царевичъ. У царя былъ садъ, а въ саду росла яблоня съ золотыми яблочками. Только стали яблоки съ яблони пропадать; царь и велѣлъ своимъ сыновьямъ подстеречь вора. Два старшіе сына не поймали вора, потому что проспали, а Иванъ-царевичъ подстергъ жарь-птицу и вырвалъ у нея изъ хвоста золотое перо. Захотѣлось царю достать Жарь-птицу и послалъ онъ за ней своихъ сыновей. Они поѣхали. Иванъ-царевичъ Жарь-птицу добылъ и повезъ домой. По дорогѣ онъ встрѣтилъ братьевъ: они позавидовали удачѣ Ивана-царевича и сбросили его соннаго въ глубокую яму, а сами съ Жарь-птицей поѣхали домой. Иванъ-царевичъ изъ ямы вылѣзъ и пришелъ въ одинъ городъ. А въ го-

родѣ этомъ жилъ въ озерѣ змѣй, который дѣвушекъ пожиралъ, и теперь хотѣлъ съѣсть царскую дочь-красавицу. Иванъ-царевичъ змѣя убилъ, а царь въ благодарность отдалъ ему дочь въ замужество. Захотѣлось Ивану-царевичу домой. Царь далъ ему двухъ вороновъ и полетѣлъ на нихъ Иванъ-царевичъ съ молодой женой. Прилетѣлъ Иванъ-царевичъ въ свое царство и разказалъ отцу про обманъ старшихъ братьевъ. Царь очень прогнѣвался и велѣлъ старшимъ сыновьямъ скотину пасти, а Ивану-царевичу отдалъ свое царство.

СКАЗКА

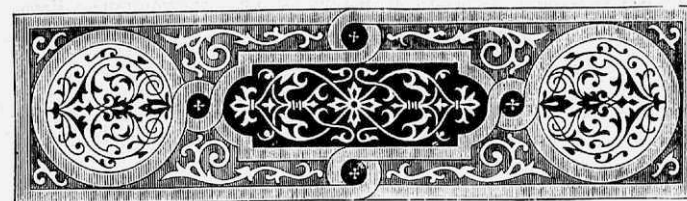
о томъ, какъ топили брата дурака.

Были три брата: два умныхъ, а третій дуракъ. Надоѣлъ дуракъ своимъ умнымъ братьямъ; они взяли его, сунули въ кожаный мѣшокъ и везутъ на озеро топить. Только на дорогѣ остановились у одного кабака и вошли туда. Пока умные были въ кабакѣ, дуракъ мечется въ мѣшкѣ и кричить: «Боже мой, Боже мой, что мнѣ дѣлать: меня хотятъ

сдѣлать царемъ, а я не умѣю ни писать, ни читать!» Въ то самое время какой-то купецъ гналъ мимо стадо коровъ и овецъ. Услышалъ онъ, какъ кричить дуракъ въ мѣшкѣ. Подошелъ онъ къ нему и говорить: «молчи, мужикъ, молчи, вылезай изъ мѣшка! пойду я за тебя: я умѣю и писать и читать!» Развязалъ купецъ мѣшокъ. Дуракъ тотчасъ выскочилъ, а купецъ залѣзъ въ мѣшокъ, Дуракъ завязалъ мѣшокъ и самъ ушелъ вмѣсто купца. А купецъ въ мѣшкѣ ужъ не кричитъ, а лежитъ тихохонько: думаетъ все о великой чести царю. Наконецъ вышли умные братья изъ кабака и поѣхали своею дорогою—повезли мѣшокъ на озеро и утопили. Приѣхали они домой и вотъ видятъ третій ихъ братъ живъ и невредимъ, и пригоняетъ домой цѣлое стадо скота и овецъ. И спрашиваютъ его старшіе братья: «откуда ты все это взялъ?» А онъ говорить: «я выгналъ этотъ скотъ изъ озера и захватилъ, сколько могъ; еслибы вы меня забросили гдѣ поглубже, то я выгналъ бы еще и побольше этого». «Что это такое!» подумали братья: вѣдь если онъ, дуракъ, могъ выгнать изъ озера столько скота, такъ столько-же, мы, умные, выгонимъ, если насъ бросить въ озеро? Подумали, подумали они и говорятъ дураку: «братъ, сунь насъ въ мѣшокъ, возьми на озеро и потопи насъ въ самомъ глубокомъ мѣстѣ!» Ладно. Дуракъ взялъ своихъ братьевъ, сунулъ каждого въ особый мѣшокъ и повезъ на озеро..... Довезъ онъ ихъ до озера и сдѣлалъ прорубь посреди самага озера. Взялъ онъ одного брата и бросилъ въ прорубь. Тотъ опустился на дно, только вода забуркала на томъ мѣстѣ. А другой братъ въ мѣшкѣ слышитъ, какъ вода бурлитъ, и спрашиваетъ: «что онъ говорить?» — «Охъ, онъ ужъ гонитъ скотъ», отвѣчаетъ дуракъ. «Брось меня поскорѣе тоже въ воду; не захватилъ бы онъ тамъ и моей доли!» Ну, забросилъ дуракъ и другого

брата въ прорубь, и тотъ буркая пошелъ ко дну. Затѣмъ уже дуракъ поѣхалъ домой и съ тѣхъ поръ сталъ жить да поживать единственнымъ хозяиномъ на своей отцовской землѣ.

Лично мною записано въ Вологодской губ.

СКАЗКА

о работникѣ и чортѣ

Однажды какой-то мужикъ нанялся у чорта въ работники. Въ первый день службы оба, мужикъ—работникъ и чортъ пошли въ лѣсъ за дровами. Чортъ сказалъ работнику: «возьми съ собою мой топоръ». А топоръ былъ очень тяжелъ и работникъ его не смогъ-бы поднять; онъ и не подошелъ къ топору, а сказалъ: «развѣ мы дѣти, на что намъ топоръ? Подойдемъ къ любому дереву, да и вырвемъ его съ корнемъ». Хорошо. Подошли они оба къ коренастому дубу, и чортъ говоритъ работнику: «ну—ка вырывай!» А работникъ отвѣчаетъ: «коли я примусь, то дубъ раскрошится,

и будетъ труднѣ нести его домой. Вырывайте вы, баринъ!» Чортъ схватился за дубъ и вырвалъ его съ корнемъ. Вырвавъ, онъ сказалъ работнику: «возьмись ты за тонкій конецъ, а я возьмусь за толстый, и понесемъ дубъ домой». «Нѣтъ, баринъ, я возьмусь за толстый конецъ, а вы возьмитесь за тонкій, но только съ такимъ уговоромъ: кто оглянется назадъ, у того оба глаза вонъ». Ладно. Чортъ взялся за тонкій конецъ, а работникъ сѣлъ на толстый — пускай чортъ его тащить домой. Притащилъ чортъ домой дерево, встряхнулся и утеръ себѣ потъ съ лица. А работникъ его спрашиваетъ: «никакъ у васъ потъ? У меня, какъ видите, лицо вовсе не мокро». Позвалъ чортъ работника погулять. Дошли они оба до одного пчельника. Увидѣлъ чортъ ульи и спросилъ: «что это такое?» А работникъ отвѣчалъ: «это, мои отцовскія табакерки». Чортъ снова спросилъ, «а можно немножко понюхать изъ нихъ?—Мой отецъ съ одного раза вынюхиваетъ цѣлую табакерку», отвѣчалъ работникъ. Сталъ чортъ нюхать. Пчелы заползли ему въ носъ. Чортъ сталъ весь міръ проклинять: «чтобъ его, какой у твоего отца крѣпкій табакъ!»

Пошли они дальше и нашли на пашнѣ желѣзную борону. Чортъ спрашиваетъ: «что это такое?» А работникъ отвѣчаетъ: «это мой отцовскій гребешокъ». Попробовалъ и чортъ почесать этимъ гребешкомъ свою голову, но разодралъ только кожу, и сталъ весь міръ проклинять: «чтобъ его, какой у твоего отца крѣпкій гребешокъ!»

Пошли они дальше. У чорта былъ съ собой претяжелый молотокъ. Работникъ ни какъ не могъ поднять этотъ молотокъ. Схватилъ его чортъ и швырнулъ въ воздухъ, такъ что онъ взлетѣлъ вверхъ на цѣлую версту. Сдѣлавъ это,

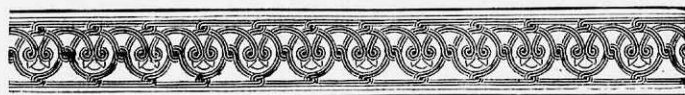
чортъ спросилъ своего работника: «сможешь-ли ты швырнуть такъ высоко?» Работникъ посмотрѣлъ на небо и сказалъ: «если-бъ оно (небо) было открыто, то я подбросилъ-бы такъ высоко, что молотокъ вовсе не возвратился-бы.» Чортъ вскрикнулъ: «это не дѣлай, работникъ! Это мой отцовскій молотокъ».

Пошли они дальше. Вдругъ чорту захотѣлось повѣдать отца работника. Но вотъ на дорогѣ они нашли заряженное ружье. Чортъ спросилъ. «что это такое?» А работникъ отвѣчалъ «это моя отцовская трубка.» Чортъ спросилъ: «можно покурить изъ нея?» — «Мой отецъ однимъ разомъ вытягивалъ всю трубку». Чортъ взялъ конецъ ствола въ ротъ, а работнику пришлось огонь подложить къ другому концу. Приложилъ работникъ огонь, и ружье выстрѣлило, а чортъ отплевывался и сказалъ: какой у твоего отца крѣпкій табакъ!»

Пошли они дальше и вдругъ видятъ: лежитъ большой медвѣдь. Чортъ спросилъ: «это твой отецъ, что-ли?» А работникъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, это мой дѣдушка, отецъ мой гораздо больше. Подойдите къ нему баринъ, и ударьте его по задницѣ; онъ тогда встанетъ». Подошелъ къ медвѣдю чортъ и ударилъ его по задницѣ. Вскочилъ медвѣдь и разорвалъ чорта. А работнику достались всѣ чортовы деньги.

Лично мною записано въ Вологодской гу 6.

О блужденіи души *).

Пасли однажды два пастуха скотъ. Они жили въ ладахъ и сговорились, чтобы попеременно пасти скотъ: одинъ будетъ пасти, а другой спать. Одинъ изъ нихъ легъ и скорохонько заснулъ. Другой шелъ мимо его и видитъ: изъ рта товарища выползла рыжеватая мышь не больше сверчка и побѣжала. Захотѣлось ему узнать что это за мышь. Онъ оставилъ скотъ и побѣжалъ за ней. Мышь бѣгала по горамъ и долинамъ, по лѣсамъ и полямъ, и наконецъ забѣжала въ большое болото. Въ болотѣ стоялъ большой, высокій пенъ

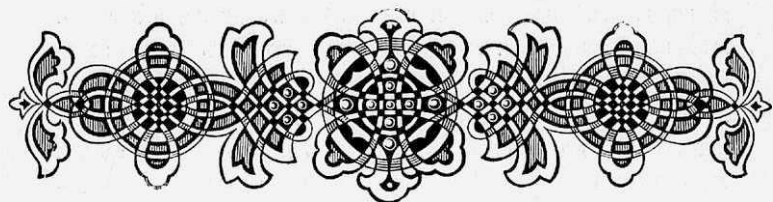
*) См. сборн. матер. по этнографіи, стр. 135.

(онъ былъ разбитъ молніей и въ срединѣ его было дупло). Мышь влѣзла на пенъ и спустилась въ дупло, а пастухъ стоитъ и дожидается: хочетъ узнать, что изъ всего этого выйдетъ. Немного спустя мышь выбѣгаетъ изъ пня и тѣмъ же путемъ обратно. Прибѣжала она къ спящему и вползла въ ротъ. Товарищъ разбудилъ его теперь и спрашиваетъ: «что ты видѣлъ во снѣ?» Тотъ ему отвѣчаетъ: я ходилъ по горамъ, долинамъ, по лѣсамъ, полямъ и болотамъ; наконецъ полѣзъ я на высокую башню и видѣлъ я много денегъ. Но почему ты меня объ этомъ спрашиваешь?» Товарищъ ему рассказалъ, какъ изъ его рта выбѣжала мышь, куда она бѣгала и какъ она вползла обратно въ его ротъ.

Пастухи посоветовались и пошли ко пню; одинъ изъ нихъ влѣзъ въ него и нашелъ въ самомъ дѣлѣ много денегъ. Они побѣжали домой за топорами, мѣшками и лошадыми; пріѣхали, раскололи пенъ и всѣ деньги повезли домой. Вскорѣ послѣ того и болото высохло.

Оба пастуха раздѣлили между собою деньги поровну, жили богато и дружно и живутъ еще нынѣ. Они рассказывали это бабушкѣ, и та сказала, что мышь—была душа пастуха.

СКАЗКА

о баринѣ — покойникѣ и кучерѣ Иванѣ.

Жилъ-былъ женатый баринъ. Только баринъ этотъ находился въ связи съ чортомъ. Былъ у него кучеръ, красивый малый; звали его Иваномъ. Жили они, жили, и наконецъ баринъ этотъ умеръ. Влюбился Иванъ въ свою красивую барыню—вдову. Она и не прочь выйти за него замужъ, только говоритъ ему: «хорошо! ступай въ погребъ, гдѣ лежитъ покойный баринъ, да проспи подлѣ него въ гробу три noci сряду. Коли сдѣлаешь это — пойду за тебя и сдѣлаю тебя бариномъ. Хорошо. Иванъ тотчасъ заказываетъ мѣднику рубаху изъ бляхъ, надѣваетъ ее, идетъ подъ

вечеръ въ погребъ и ложится подлѣ покойника—барина въ гробъ. Спать онъ, спать,—но только вдругъ къ полуночи баринъ подымается изъ гроба. Что-же теперь дѣлать Ивану? Онъ подымается тоже. «Что, Иванъ, ты тоже умеръ?» спрашиваетъ его баринъ.—«Да, я тоже умеръ», отвѣчаетъ Иванъ. «А ты не врешь?»—«Коли баринъ не вѣрите, пощупайте мое тѣло». Пощупалъ баринъ рубаху изъ бляхъ, нашелъ, что тѣло дѣйствительно холодно, и повѣрилъ. «Куда пойдемъ?» Условились идти въ домъ барина. Пошли они вдвоемъ въ домъ, перебивали во всѣхъ палатахъ, перекидали, переломали все, что ни попалося имъ въ руки, и пошли обратно въ погребъ; баринъ и говоритъ Ивану: «ложись ты, Иванъ, первый въ гробъ». А Иванъ отпѣкивается: «нѣтъ, баринъ, при жизни я за вами слѣдовалъ, хочу и мертвымъ за вами». Дѣлать нечего; ложится баринъ сперва въ гробъ, а потомъ и Иванъ.

Въ другую ночь случилось тоже; къ полуночи баринъ подымается изъ гроба,—Иванъ тоже. Условились на этотъ разъ идти вдвоемъ по полямъ. Обходили, перепортили всѣ поля и вернулись опять въ гробъ. Опять начали они спорить, кому первымъ ложиться, и опять Иванъ настоялъ на томъ, чтобы какъ при жизни, такъ и здѣсь слѣдовать за бариномъ.

Въ третью ночь точно также; подымается изъ гроба баринъ, подымается и Иванъ. Порѣшили они на этотъ разъ посѣтить скотъ въ скотномъ дворѣ и лошадей въ конюшнѣ. На дорогѣ туда баринъ и говоритъ; «кто-бы подумалъ, что подъ порогомъ конюшни столь много денегъ, и какъ легко ихъ достать».—Побывали они въ хлѣвѣ и конюшнѣ, пере-душили много скота и лошадей и пошли назадъ въ погребъ.

Въ погребѣ баринъ и говорить: «если-бъ только одинъ живой человѣкъ постучалъ колѣнами на моемъ гробу и сказалъ-бы: «Боже отецъ, Боже сынъ,—спи спокойно!» то не могъ-бы я больше вставать. И денегъ тѣхъ тотъ человѣкъ могъ-бы достать себѣ изъ подъ порога. Но хорошо, что мы оба мертвы—никто не будетъ знать этого». Но вотъ за-спорили они опять, кому первымъ лечь въ гробъ. Иванъ все стоялъ на томъ, что онъ при жизни барина слѣдовалъ за нимъ, и хочетъ и мертвымъ услужить ему. (Боялся Иванъ, чтобы баринъ его не задушилъ). Спорили они, спорили, пока наконецъ не запѣлъ пѣтухъ. Какъ услышалъ баринъ пѣніе пѣтуха, онъ тотчасъ бросился въ гробъ, а Иванъ немедленно вскочилъ на гробъ, пристукнулъ три раза колѣнами и сказалъ: «Боже отецъ, Боже сынъ,—спи спокойно!» Не поднялся болѣе баринъ изъ гроба; только еще успѣлъ сказать: «еслибъ я зналъ, что ты живъ, я растеръ бы тебя въ прахъ». Затѣмъ Иванъ пошелъ домой, женился на барынѣ—вдовѣ, выкопалъ деньги изъ подъ порога ко-нюшни, и жилъ себѣ какъ баринъ.

Лично мною записано со словъ крестьянина Прокофьева изъ Кадникова.

СКАЗКА

о солдатѣ и смерти *).

Въ одномъ государствѣ жилъ былъ славный и сильный король; у него было очень много войска и онъ сильно полюбилъ одного солдата, который служилъ ему вѣрою и правдою и былъ главнымъ его конюхомъ. Прошло срочное время, отслужилъ солдатъ службу королю и сталъ проситься у короля на родину съ родными повидаться. Сначала было король не спускалъ его, но потомъ согласился, надѣлилъ его златомъ-серебромъ и отпустилъ его на все четыре стороны. Вотъ получилъ солдатъ отставку и пошелъ съ това-

*) Барсовъ, прич. сѣвер. край, стр. 295.

рищами прощаться, а товарищи и говорят ему: неужь-ли на простилах-то не поднесешь, а прежде вѣдь мы хорошо жили. Вотъ солдатъ и началъ подносить своимъ товарищамъ, подносилъ-подносилъ, глядь, а денегъ-то осталось у него только пять пятаковъ. Вотъ идетъ нашъ солдатъ, близко-ли, далеко-ли, видитъ стоитъ въ сторонѣ кабачекъ,— зашелъ солдатъ въ кабачекъ, на копѣйку выпилъ, на грошъ закусилъ и пошелъ далѣе. Подошелъ эдакъ не много, встрѣтилась ему старуха и стала милостину просить, солдатъ и подалъ ей пятакъ. Подошелъ опять немного, смотритъ: а та же старуха опять идетъ на встрѣчу и просить милостину; солдатъ подалъ другой пятакъ, а самъ и дивуется, какъ это старуха опять очутилась напередѣ, межъ тѣмъ, какъ не видѣлъ, чтобы она прошла мимо его. Смотритъ, а старуха опять напередѣ и просить милостину; солдатъ и третій пятакъ подалъ. Подошелъ опять эдакъ съ версту,— смотритъ, а старуха опять напередѣ и просить милостину; разозлился солдатъ, нестерпиво ретивое, выдернулъ тесакъ да и хотѣлъ было раскроить ей голову, и только лишь замахнулся, старуха бросила къ его ногамъ котомку и скрылась. Взялъ солдатъ котомку, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ да и говорить; куда мнѣ съ этой дрянью? У меня и своей довольно! и хотѣлъ было ужъ бросить,—вдругъ откуда не возьмись, явились предъ нимъ, какъ изъ земли два молодца и говорятъ ему: что вамъ угодно? Солдатъ остоленѣлъ отъ удивленія и ничего немогъ имъ сказать; онъ думалъ, что это привиденіе да и закричалъ: что вамъ отъ меня надобно? Одинъ изъ нихъ-щеголь собой, подошелъ поближе къ служивому и говоритъ: мы служители твои покорные, но слушаемся не тебя, а вотъ этой волшебной сумочки, и если тебѣ что нужно, приказывай, я все сдѣлаю! Солдатъ думалъ, что это всё ему грезится, протеръ глаза, рѣшился

спробовать да и говорить: если ты говоришь правду, то я приказываю тебѣ, чтобы сейчасъ же была койка, столъ, закуска, водка и трубка съ табакомъ! Не успѣлъ солдатъ еще и окончить, а ужъ всё и явилось, какъ будто съ неба упало. Выпилъ солдатъ, закусилъ, повалился на койку и закурилъ трубку. Полежалъ онъ такъ довольно времени, потомъ махнулъ котомочкой и, когда явился лакей (служитель котомочки), солдатъ и говоритъ: «а долго ли я буду здѣсь лежать на этой койкѣ и курить табакъ?» «Сколько угодно, сказалъ лакей». «—Ну, такъ обери все, сказалъ солдатъ и пошелъ далѣе. Вотъ шелъ онъ, послѣ этого, близко ли—далеко ли, и пришелъ къ вечеру въ одну усадьбу и тутъ славный барской домъ, да баринъ въ этомъ дому не жилъ, а жилъ въ другомъ,—въ хорошемъ-то дому черти водились. Вотъ и сталъ солдатъ у мужиковъ спрашивать: «гдѣ баринъ живетъ?».—А мужики и говорятъ: «да что тебѣ въ нашемъ баринѣ?».—«Да ночевать бы надо попроситься!».—«Ну, говорятъ мужики: только поди, такъ онъ ужъ отправить тебя чертямъ на обѣдъ!».—«Ничего, говоритъ солдатъ: и съ чертами раздѣлаться можно, а это въ сторону, а скажите, гдѣ баринъ-то живетъ?».—Мужики показали барскій домъ и солдатъ пошелъ къ нему; а какъ пришелъ къ барину и сталъ у него ночевать проситься. Баринъ и говоритъ: «пустишь-то я, пожалуй, и пущу, да только у меня тамъ не тихо!».—Ничего, говоритъ солдатъ! Вотъ баринъ и повелъ солдата въ хорошій домъ, а какъ привелъ, солдатъ махнулъ своей волшебной сумочкой и, когда явился лакей, велѣлъ приготовить столъ на двухъ человѣкъ. Не успѣлъ баринъ повернуться, а ужъ и явилось всё. Баринъ, хоть и богатъ былъ, а такой закуски никогда еще у него не бывало! Стали они закусывать, а баринъ и укралъ золотую ложку; вотъ какъ кончили закуску, солдатъ мах-

нуль опять котомочкой и велѣлъ обратъ всё, а лакей и говорить: я не могу обратъ—не всё на столѣ. Солдатъ посмотрѣлъ, да и говорить: ты, баринъ, для чего ложку взялъ? Я не взялъ, говорить баринъ. Солдатъ обыскалъ барина, отдалъ ложку лакею, а самъ и началъ благодарить барина за ночлегъ, да такъ его изрядно помялъ, что баринъ, со злости пошелъ да и заперъ на замокъ всё двери. Солдатъ заперъ всё окна и двери изъ другихъ покоевъ, закрестилъ и сталъ чертей дожидаться. Этакъ около полуночи вдругъ слышнѣть, что кто-то у дверей пищитъ. Пождалъ еще солдатъ немного и вдругъ набралось множество нечистой силы и подняли такой крикъ, что хоть уши затыкай! Одинъ тамъ кричить: напирай-напирай, а другой на мѣсто ему кричить: да куда напирать, коли крестовъ наставлено!..... Солдатъ слушалъ, слушалъ, а у самого волосы такъ-таки дыбомъ и встають, даромъ что нетрусливаго десятка былъ. Наконецъ и закричалъ: «да что вамъ тутъ отъ меня надо, босоногіе?»—«Пусти, кричатъ ему изъ за дверей черти».—«Да на что я васъ пушчу сюда?»—«Да такъ, пусти!»—Солдатъ посмотрѣлъ кругомъ и увидѣлъ въ углу мѣшокъ съ гириями, взялъ мѣшокъ, вытряхнулъ гири, да и говорить: а что много ли васъ босоногихъ войдетъ ко мнѣ въ мѣшокъ?»—«Всѣ войдемъ, говорятъ ему изъ за дверей черти!» Солдатъ надѣлалъ на мѣшкѣ крестовъ углемъ, пріотворилъ немного дверей да и говорить: ну-ка я посмотрю, правду ли вы говорили, что всѣ войдете? Черти всѣ до одного залѣзли въ мѣшокъ, солдатъ завязалъ устье мѣшка, перекрестилъ, взялъ 20-ти фунтовую гирию да и давай по мѣшку бить. Бьетъ, бьетъ да и пощупаетъ, мягко-ли? Вотъ видѣть солдатъ, что, наконецъ, мягко стало, отворилъ окно, развязалъ мѣшокъ, да и вытряхнулъ чертей вонъ;—смотреть, а черти всѣ изуродованы и никто съ мѣста не дви-

гается. Вотъ солдатъ какъ крикнетъ: а вы что тутъ, босоногіе, расположились-то? другой бани что ли дожидаетесь, а? черти всѣ кой-какъ разбѣжались, а солдатъ кричитъ имъ въ догонку: еще придите сюда, такъ я вамъ не то еще задамъ! На утро пришли мужики и отворили двери, а солдатъ пришелъ къ барину и говорить: ну, баринъ, переходи теперь въ тотъ домъ и не бойся ужъ ничего, а мнѣ за труды надо на дорогу дать! Баринъ далъ ему сколько-то денегъ, и солдатъ пошелъ себѣ дальше. Вотъ шелъ онъ такъ счастливо и весело ужъ долгонько, и до дому не далеко осталось, всего какихъ либо на три дни ходьбы! Вдругъ поветрѣчалась съ нимъ старуха, такая это худая да страшная, несетъ полную котомочку пожей, да шилъ, да разныхъ топориковъ, а косою подпирается! Дошла она до солдата и загородила ему дорогу, а солдатъ не стерпѣлъ этого, выдернулъ тесакъ да и закричалъ: что тебѣ надо отъ меня, старая? Хонь я тебѣ голову раскрою? Смерть (это была она) и говорить: я послана Господомъ взять у тебя душу! Сдрогнуло солдатское сердце, упалъ онъ на колѣна да и говорить: «смилуйся, матушка смерть, дай мнѣ сроку только на три года,—прослужилъ я королю-батюшкѣ свою долгую солдатскую службу и теперь иду съ родными повидаться.»—«Нѣтъ, говорить смерть, не видаться тебѣ съ родными и не дамъ я тебѣ сроку на три года!»—«Дай хоть на три мѣсяца?»—«Не дамъ и на три недѣли!»—«Дай хоть на три дня?»—«Не дамъ тебѣ и на три минуты, сказала смерть, махнула косою и уморила солдата! Вотъ очутился солдатъ на томъ свѣтѣ да и пошелъ было въ рай, да его туда не пустили, недостойнъ, значить былъ! Пошелъ солдатъ изъ раю да и попалъ въ адъ, а тутъ приближали къ нему черти да и хотѣли было въ огонь тащить, а солдатъ и говорить: вамъ что надо отъ меня? Ахъ вы, босоногіе, аль позабыли

ужь барскую-то баню, а? Черти всё и побѣжали отъ него, а сатана кричитъ: «вы куда, дѣтки, побѣжали-то?» — «Ой, батенько, говорятъ ему чертенята, вѣдь солдатъ-то здѣсь!» — Какъ услышалъ сатана это да и самъ побѣжалъ въ огонь.

Старикъ и старуха *).

Жилъ былъ старикъ да старуха, старикъ былъ настоящий человѣкъ, а у старухи одна половина была какъ у человѣка, а другая — какъ у звѣря. Послѣ смерти старика у ней родился сынъ, такой же какъ она. Росъ онъ очень скоро и сдѣлался хорошимъ охотникомъ. Однажды возвратясь съ охоты, онъ сказалъ матери: я хочу жениться и ты найди мнѣ невѣсту.

Мать согласилась, и на другой день, когда сынъ ушелъ на охоту, пошла къ недалеко проживавшимъ старику и старухѣ, у которыхъ было три дочери.

Ея приходу всё удивились. Пригласили сѣсть, но она отвѣтила: не сяду, пока не кончу дѣла. Стала сватать стар-

*) Русскія Лопари Н. Харузина, стр. 345.

шую дочь, и та согласилась. Въ тотъ же день она привела ее къ сыну. Когда молодая пришла въ вѣжу, то мужа не было дома. Онъ былъ на охотѣ. Старуха указала невѣсткѣ мѣсто, гдѣ она должна спать и приказала ей спать. Смотрѣть же не велѣла никуда, пока будетъ вариться ужинъ.

Невѣстка для виду и легла спать, но незамѣтно стала смотрѣть, что будетъ дѣлать свекровь. Свекровь вымыла мясо и стала варить его въ кожанномъ мѣшкѣ, который скоро и потекъ. Увидавъ, что дѣвушка это замѣтила, старуха осерчала и сказала: говорила не смотри: не послушалась—будь же теперь камнемъ. Невѣстка окаменѣла. Пришелъ сынъ и спросилъ: гдѣ жена? Мать указала на каменную фигуру и прибавила: она была упряма, вотъ ей и наказаніе.

Сынъ на другой день, отправляясь на охоту, сказалъ: не забудь привести мнѣ жену. Мать опять пошла къ старику и привела отъ него вторую дочь подъ предлогомъ, будто первой скучно.

Тоже сказала и этой. Она опять не послушалась и окаменѣла. Возвратившемуся сыну опять показала на окаменѣвшую. Онъ посмотрѣлъ и сказалъ: завтра должна быть у меня жена, а нѣтъ—прощайся со мною.

Мать, услышавъ это, отвѣтила: онѣ были не послушны и потому тебѣ въ жены негодны. Приведу завтра меньшую сестру ихъ, изъ нея, быть можетъ, и будетъ тебѣ жена.

Послѣ сына, который ушелъ на охоту, старуха опять пошла за третьей сестрой. Привела ее и опять тоже сказала. Она, посмотрѣвъ на окаменѣвшихъ, испугалась и вполне послушалась свекрови. Послѣ приготовленнаго ужина, старуха разбудила невѣстку и сказала: собака лаетъ, поди

встрѣчай мужа. Она встрѣтила его, поужинали и стали жить. Вскорѣ у нихъ родился сынъ, такой же какъ отецъ. Мужъ при этомъ сказалъ: жена смотри, чтобы у сына постель никогда не была мокра. Разъ, однако, отецъ увидалъ, что у сына постель мокра: онъ сейчасъ же сталъ собираться въ дорогу. Сынъ тоже сталъ приготовляться уйти съ нимъ. Мать не могла удержать ни мужа, ни сына — они ушли и сдѣлались дикими оленями. При прощаньи мать сказала сыну: черныхъ звѣрей бойся, а бѣлыхъ не бойся. Не бойся и гапгасовъ (веревки, которыми ловятъ дикихъ оленей).

Иванко-Медвѣдко *).

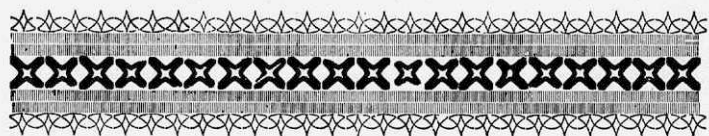
Въ нѣкоторомъ селѣ жилъ-былъ богатый мужикъ съ женою. Вотъ разъ пошла она въ лѣсъ за груздами, запуталась и забрела въ медвѣжью берлогу. Медвѣдь взялъ ее къ себѣ, и долго ли, коротко ли—прижилъ съ нею сына: до-поясъ человекъ, а отъ пояса медвѣдь; мать назвала того сына Иванко-Медвѣдко. Годы шли да шли, Иванко-Медвѣдко выросъ и захотѣлось ему съ матерью уйти на село къ людямъ; выждали они, когда медвѣдь пошелъ на пчельникъ, собрались и убѣжали. Бѣжали-бѣжали и добрались таки до

*) Взято мною съ лубочнаго изданія. Народная сказка.

мѣста. Увидалъ мужикъ жену, обрадовался — ужъ онъ не чаялъ, чтобы она когда-нибудь домой воротилась; а послѣ глянулъ на ея сына и спрашиваетъ: «а это что за чудище?» Жена рассказала ему все, что и какъ было, какъ она жила въ берлогѣ съ медвѣдемъ и какъ прижила съ нимъ сына: до-поясъ человекъ, а отъ пояса медвѣдь. «Ну, Иванко-Медвѣдко! говоритъ мужикъ, поди на задній дворъ да заколи овцу; надо про васъ обѣдъ готовить.» — А котору заколотъ! «Ну, хоть ту, что на тебя глядѣть станеть.» Иванко-Медвѣдко взялъ ножъ, отправился на задній дворъ, и только скричалъ овцамъ — какъ всѣ овцы на него и усталились. Медвѣдко тотчасъ всѣхъ перекололъ, снималъ съ нихъ шкурки, и пошелъ спросить: куда прибрать мясо и шкуры? «Какъ? заревѣлъ на него мужикъ, я тебѣ велѣлъ заколотъ одну овцу, а ты всѣхъ перерѣзалъ!» — Нѣтъ, батъка! ты велѣлъ мнѣ ту заколотъ, которая на меня взглянетъ; я на задній дворъ — онѣ всѣ до единой такъ на меня и усталились; вольно-жъ имъ было на меня глязѣть! «Экой разумникъ! ступай же, снеси все мясо и шкуры въ анбаръ, а ночью покарауль дверь у анбара-то, какъ-бы воры не украли да собаки не съѣли!» — Хорошо, покараулю. Какъ нарочно, въ ту самую ночь собралась гроза и полилъ сильный дождь. Иванко-Медвѣдко выломилъ у анбара дверь, увѣсь ее въ баню и остался тамъ почевать. Время было темное, ворами сподручное; анбаръ открытъ, караула нѣтъ — бери, что хочешь! Поутру проснулся мужикъ, пошелъ по-смотреть: все ли цѣло? Какъ есть ничего не осталось: что собаки съѣли, а что воры покрали. Сталъ онъ искать сторожа, нашелъ его въ банѣ и принялся ругать пуще прежняго. «Ахъ, батъка! чѣмъ-же я виноватъ? сказалъ Иванко-Медвѣдко; самъ ты велѣлъ дверь караулить — я дверь и караулилъ: вотъ она! ни воры не украли, ни собаки не съѣли!»

—Что съ дуракомъ дѣлать? думаетъ мужикъ; эдакъ мѣсяць-другой поживеть, совсѣмъ разорить! какъ-бы его съ рукъ сбыть? Вотъ и надумался: на другой же день послалъ Иванко-Медвѣдка на озеро изъ песку веревки вить, а въ томъ озерѣ много нечистыхъ водилось: пусть де его затащатъ черти въ омутъ! Иванко-Медвѣдко отправился на озеро, сѣлъ на берегу и началъ изъ песку веревки вить. Вдругъ выскочилъ изъ воды чертёнокъ: «что ты дѣлаешь, Медвѣдко» — Что? веревки вью; хочу озеро мѣрщить, да васъ чертей корчить—затѣмъ что въ нашихъ омутахъ живете, а руги не платите. «Погоди, Медвѣдко! я побѣгу, скажу дѣдушкѣ» — и съ этимъ словомъ бултыхъ въ воду. Минуть черезъ пять снова выскочилъ: «дѣдушка сказалъ: коли ты меня перегонишь, такъ заплатитъ ругу, а коли не перегонишь — велѣлъ тащить тебя самого въ омутъ». — Вишь приткой! ну, гдѣ тебѣ перегнать меня? говоритъ Иванко-Медвѣдко; у меня есть внучекъ, только вчера родился — и тотъ тебя перегонитъ! Не хочешь ли съ нимъ потягаться? «Какой такой внучекъ?» — Вонъ подъ колодой лежитъ, отвѣчаетъ Медвѣдко, да какъ вскрикнетъ на зайца: «ай, Заюшко не подгадь!» Заяцъ бросился безъ памяти въ чистое поле и въ мигъ скрылся изъ виду: чертёнокъ было за нимъ, да куда? на полверсту отсталъ. «Теперь коли хочешь, говоритъ ему Медвѣдко, побѣжимъ со мною, только, братъ, съ уговоромъ: если отстаешь, — я тебя до смерти убью!» — Что ты! сказалъ чертёнокъ — и бултыхъ въ омутъ. Немного погодя выскочилъ опять изъ воды и вынесъ дѣдушкинъ чугунный костыль: «дѣдушка сказалъ: коли вскинешь ты вотъ этотъ костыль выше, чѣмъ я вскину, — такъ заплатитъ ругу». — Ну, кидай ты наперво! Черть вскинулъ костыль такъ высоко, что чуть видно стало; съ страшнымъ гуломъ полетѣлъ костыль назадъ и ушелъ въ землю на половину. «Кидай теперь ты!»

Медвѣдко наложилъ на костыль руку и пошевелить не смогъ: «погоди, говорить, вотъ скоро подойдетъ облачко, такъ на него закину!» — Э, нѣтъ! какъ-же дѣдушкѣ безъ костыля то быть? сказалъ бѣсенокъ, схватилъ чортову дубинку и бросился поскорѣй въ воду. Погода немножко, опять выскочилъ: «дѣдушка сказалъ: коли сможешь ты обнести эту лошадь кругомъ озера хоть одинъ разъ линиѣй супротивъ меня, такъ заплатитъ ругу, а не то ступай самъ въ омутъ». — Эко диво! начинай. Чертёнокъ завалилъ на спину лошадь и потащилъ кругомъ озера; разовъ десять обнёсъ и усталъ окаянный — потъ такъ и льётъ съ рыла! «Ну теперь мой черёдъ!» сказалъ Иванко-Медвѣдко, сѣлъ на лошадь верхомъ и ну ѣздить кругомъ озера: до тѣхъ поръ ѣздилъ пока лошадь пала? «Что, братъ! какво?» спрашиваетъ чертёнка. — Ну, говорить нечистой, ты больше моего носилъ, да еще какъ? — промежъ ногъ, эдакъ мнѣ и разу не обнести! Сколько-жъ руги платить? «А вотъ сколько: насыпь мою шляпу золотомъ, да прослужи у меня годъ въ работникахъ — съ меня и довольно!» Побѣжалъ чертёнокъ за золотомъ, а Иванко-Медвѣдко вырѣзалъ въ шляпѣ дно и поставилъ ее надъ глубокой ямою, чертёнокъ носилъ-носилъ золото, сыпалъ въ шляпу, пѣлый день работалъ, а только къ вечеру сполна насыпалъ. Иванко-Медвѣдко добылъ телегу, накласть ее червонцами и свѣзъ на чертёнкѣ домой: «разживайся, батька! вотъ тебѣ батракъ, а вотъ и золото!»

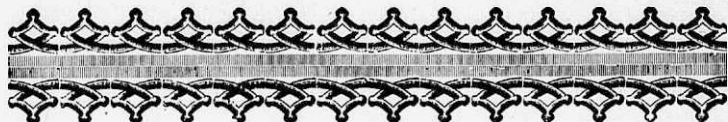
Набитой дуракъ.

Жилъ старикъ со старухой, имѣли при себѣ одного сына, и то дурака. Говорить ему мать: «ты бы, сынокъ, пошелъ около людей потѣрся да ума набрался». — Пстой мама; сейчасъ пойду. Пошелъ по дорогѣ, видитъ—два мужика горохъ моютъ, сейчасъ побѣжалъ къ нимъ: то около одного потрѣтся, то около другаго. «Не дури! говорятъ ему мужики; ступай — откуда пришелъ»; а онъ знай себѣ потирается. Вотъ мужики озлобились и принялись его цѣпами подбивать: такъ ошарашили, что едва домой приползъ. «Что ты, дитятко, плачешь?» спрашиваетъ его старуха. Дуракъ рассказалъ ей свое горе. «Ахъ, сынокъ, куда ты глупешенекъ! Ты бы сказалъ имъ. Богъ помочъ, добрые люди! носить бы вамъ — не переносить; возить бы — не перевозить! Они-бъ

тебѣ дали гороху; вотъ мы бы сварили да и скушали». На другой день идетъ дуракъ по деревнѣ, на встрѣчу несутъ покойника. Увидаль и давай кричать: «Богъ помочъ! носить бы вамъ—не переносить, возить бы—не перевозить!» Спать его прибили; воротился онъ домой и сталъ жаловаться: «вотъ, мама, ты научила, а меня прибили!» — Ахъ ты, дитятко! ты бы сказалъ: капунъ да свѣча! да снялъ бы шапку, началъ бы слезно плакать да поклоны бить; они-бъ тебя накормили-напоили дѣсыта. Пошелъ дуракъ по деревнѣ, слышитъ—въ одной избѣ шумъ, веселье, свадьбу празднуютъ, онъ снялъ шапку, а самъ такъ и разливается, горько-горько плачетъ. «Что это за неvěжа пришелъ! говорятъ пьяные гости; мы всѣ гуляемъ да веселимся, а онъ словно по мертвому плачетъ!» Выскочили и порядкомъ ему бока помаяли... Пришелъ онъ домой и плачетъ. Мать спрашиваетъ его: «объ чемъ ты, дитятко, плачешь?» дуракъ рассказалъ ей свое горе. Ахъ, ты сынокъ, куда ты глупешенекъ, ты бы взялъ гармонію, поигралъ бы да поплясалъ, вотъ бы тебя и похвалили и пирогомъ попотчивали. — Ну, ладно. Идетъ, а у мужика горитъ овинъ, онъ и началъ играть въ гармонію и плясать. Увидаль его мужикъ и порядкомъ помялъ ему бока.

Лично мною записано въ Кадниковѣ, Вологодской губ.

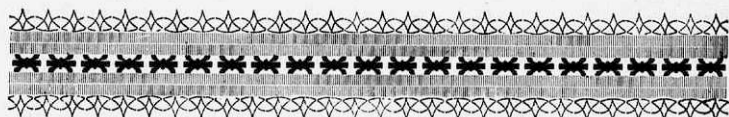
Глупая баба *).

Жили были мужикъ да баба. Мужикъ былъ хорошій и трудолюбивый, а жена лѣнивая и засниха. Страда наступила; мужъ идетъ на свою работу и наказываетъ женѣ, чтобы она шла жать. Пошла она въ поле, выжала такое мѣстечко, чтобы можно было лечь, легла да и проспала весь день. Вечеромъ, какъ пришла домой, мужъ и спрашиваетъ: много ли нажала? А она отвѣчаетъ: выжала мѣстечко. На другой день опять идутъ на работу: мужъ на свою и жена на свою. Баба опять выжала мѣстечко, чтобы лечь, уснула и проспала до самого вечера. Вечеромъ приходитъ домой, мужъ опять у нея спрашиваетъ: много ли,

*) Иваницкій, стр. 186.

жена, нажала? Она опять: выжала мѣстечко. На третій день пошелъ мужъ посмотрѣть, много ли баба нажала, приходитъ и видитъ—полосы не сжаты, а жена спитъ. Взялъ онъ ножницы, обрѣзалъ у жены волосы и ушелъ домой. Пробудилась баба, схватилась за голову, да какъ заоретъ во все горло: я-то бы-я, да голова то не моя! Побѣжала домой, а сама думаетъ: если я—я, то собака наша не залаетъ на меня, а если не я, то залаетъ. Прибѣжала къ воротамъ и просунула голову въ подворотню. Собака залаяла. Баба побѣжала по деревнѣ и заорала: я-то бы я, да голова-то не моя! Едва сосѣди могли ее успокоить! Полно съ тѣхъ поръ баба спать въ полѣ.

Беззаботная жена.

Жили были мужъ съ женой. Жена была баба лѣнивая и беззаботная, да къ тому же еще и большая лакомка: все проѣла на орѣшкахъ да на пряничкахъ, такъ что наконецъ осталась въ одной рубахѣ, и то въ худой—изорванной.

Вотъ подходитъ большой праздникъ, а у бабы нечего и надѣть, кромѣ этой рубахи. И говоритъ она мужу: сходи-ка, мужъ, въ рынокъ, да купи мнѣ къ празднику рубаху. Мужъ пошелъ въ рынокъ, увидалъ, что продають гуся и купилъ его вмѣсто рубахи. Приходитъ домой, жена и спрашиваетъ: купилъ мнѣ рубаху? — Купилъ, отвѣчалъ мужъ, да только гуська. А жена не дослышала и говоритъ: ну и узка, да изношу! Сняла съ себя изорванную рубаху и бросила въ печку. А потомъ и спрашиваетъ: гдѣ же рубаха? дай я надѣну.—Да вѣдь я сказалъ, что купилъ гуська, а не рубаху, отвѣчалъ мужъ. Такъ она и осталась нагишемъ.

Вотъ видятъ они—идуть къ нимъ гости. Жена и говорить мужу: я сяду въ корчагу на полати?—Садись, сказалъ мужъ. Пришли гости. Хозяинъ поставилъ гуся на столъ и потчуетъ. Жена увидѣла и захотѣлось и ей поѣсть гуся. Вотъ она тинулась да тинулась и упала съ корчагой на полъ. Гости испугались и всѣ разбѣжались, а мужъ, пока жена охала да стонала, и доѣлъ гуся, оставивъ женѣ только косточки.

Лично мною записано въ Вологодской губ.

Безпамятный зять.

Пришелъ зять къ тещѣ въ гости, теща и угостила его киселемъ. Зять съѣлъ кисель и спрашиваетъ, это что за кушанье?—Кисель, отвѣчала теща. Зятю кисель очень понравился и думаетъ онъ: дома непременно заставлю жену сварить, только бы не забыть какъ зовется.

Вотъ онъ идетъ домой и твердитъ про себя: кисель, кисель, кисель! Случилась на дорогѣ канава. Хотѣлъ мужикъ перескочить черезъ нее, поскользнулся и упалъ въ канаву. Всталъ и—забылъ, что ѣлъ у тещи. Думалъ, думалъ,—никакъ не можетъ вздумать.

Ѣдетъ мимо баринъ на шестеркѣ и видитъ: мужикъ бродить въ канавѣ. Остановился и спрашиваетъ, что потерялъ, мужичекъ?—Сто рублей.—Кучеръ, поди, поищи, говоритъ

баринъ, а когда найдешь, то все раздѣлимъ пополамъ.—Кучеръ подошелъ къ канавѣ и говоритъ: вишь какъ взболталъ грязь-то въ канавѣ, словно *кисель*!...—Нашелъ, нашелъ! закричалъ мужикъ, выскочилъ изъ канавы и со всехъ ногъ пустился домой, а самъ кричить: кисель, кисель!

Иваницкій, стр. 168.

Глупый народъ *).

Были у одной старухи два сына: младшій изъ нихъ, Проня, умеръ и старуха долго по немъ плакала. Однажды, когда старшаго сына не было дома, къ старухѣ зашелъ бѣглый солдатъ. Старуха и спрашиваетъ: ты откуда, служивый? А солдатъ отвѣчаетъ: сначала накорми да напой, а потомъ и спрашивай. Старуха накормила и напоила его и опять спрашиваетъ: откуда?—Я съ того свѣта выходець, бабушка.—Ой, дитятко! не видалъ ли ты тамъ моего Проню?—Какъ не видать,—видѣлъ; твой Проня тамъ боронить и весь обносился.—Экой бѣдный! Ты не снесешь-ли ему чего? Я бы дала хотъ катаники да полушубокъ. Вотъ, думаетъ солдатъ, посылаетъ Богъ глупую! и говорить: отчего не

*) Иваницкій, матер. по этногр. Волог. губ.

снести? за твою хлѣбъ—соль, пожалуй, снесу.—Отдала старуха полушубокъ и катаники и солдатъ ушелъ.

Приходитъ старшій сынъ домой, старуха и рассказываетъ ему, что былъ у нея съ того свѣта выходець, рассказывать, что нашъ Проня тамъ боронить и весь обносился, такъ я послала ему съ нимъ полушубокъ и катаники.

Сынъ побранилъ глупую мать и пошелъ догонять солдата.

Приходитъ онъ въ одну деревню и видитъ: мужики за-таскиваютъ корову на повѣть, изъ силъ выбиваются.—Что вы дѣлаете? спрашиваетъ онъ мужиковъ.—Да вотъ не можемъ затащить корову на повѣть, чтобы она тамъ сѣно ѣла!—Что дадите мнѣ, я научу васъ, какъ это дѣло лучше дѣлать?—Сто рублей дадимъ, говорятъ мужики, только научи.

Взялъ онъ отъ нихъ сто рублей, велѣлъ принести пестерь, положилъ въ него сѣна, снесъ коровѣ и она стала ѣсть.

— Поживи у насъ, да поучи насъ, говорятъ ему мужики.—Нѣтъ, некогда мнѣ; надо идти, и пошелъ дальше.

Приходитъ въ другую деревню и видитъ: мужики распялили на батоги хомутъ и загоняютъ въ него лошадь.

— Что вы дѣлаете? спрашиваетъ онъ мужиковъ.

— Лошадь надобно запрячь, да не можемъ, говорятъ.—Что дадите, я научу васъ, какъ это дѣло лучше сдѣлать?—Двѣсти рублей дадимъ, только научи.

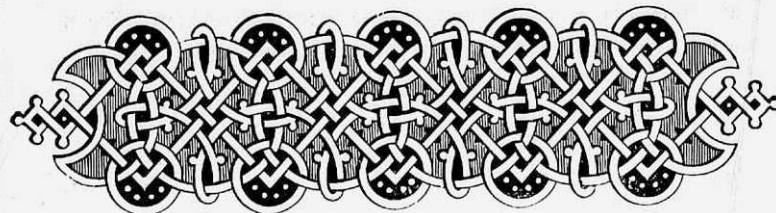
Получилъ онъ съ нихъ двѣсти рублей, взялъ хомутъ въ руки и надѣлъ на лошадь.—Ну, теперь запрягайте.

Мужики запрягли лошадь и говорят ему: поживи у нас?—Нѣтъ, некогда мнѣ, идти надо.

Пришелъ въ одно богатое село и видитъ: на барскомъ дворѣ ходить свинья съ поросятами. Снялъ онъ передъ ней шапку, кланяется и говоритъ: свинушка пестра, моей матушкѣ сестра, прошу пожаловать ко мнѣ на свадьбу.

Услыхала эти слова барыня и думаетъ: отчего не отпустить свинью на свадьбу? Подозвала его къ себѣ и говоритъ: я отпущу свинью на свадьбу, только съ поросятами.

Согласился онъ взять и съ поросятами. Барыня нарядила свинью въ свое лучшее платье и велѣла запречь самую лучшую тройку лошадей. Взялъ мужикъ свинью съ поросятами, сѣлъ на тройку и уѣхалъ. Объ солдатѣ же и думать пересталъ.

Сказка о Петрѣ и Иванѣ *).

Жилъ былъ царь; у царя была дочь. Велѣлъ онъ выстроить замокъ съ одной дверью и ключъ отъ этой двери носить всегда съ собой.

Въ этомъ-то замкѣ царь держалъ свою дочь только съ прислужницей. Не хотѣлось царю, чтобы кто-нибудь изъ простыхъ людей влюбился въ царевну. Но царевна узнала объ этомъ раньше и просила подрядчика сдѣлать тайную дверь въ садъ. Онъ и сдѣлалъ. Гуляла и веселилась царевна съ своей прислужницей въ саду. Однажды имъ захотѣлось яблочковъ; онѣ и сорвали каждая по яблочку; играли, играли ими и наконецъ съѣли. Отъ этихъ-то яблочковъ онѣ забеременѣли, и каждая изъ нихъ родила сына. Царевна на-

*) Записана Ю. Семеновымъ.

звала своего сына Петромъ, а прислужница—Иваномъ. Росли сыновья не по днямъ, а по часамъ; выросли большіе и пошли охотиться. Царь далъ каждому по двѣ лошади и по одному слугѣ. Поѣхали они въ первый день на охоту, увидѣли волчицу съ двумя волчатами и хотѣли ихъ застрѣлить. Но волчица просила: «оставьте насъ живыми!» Они и не убили ихъ, а повели живыхъ домой. На второй день опять поѣхали охотиться. Видятъ: идетъ медвѣдица съ двумя медвѣжатами. Они хотѣли ихъ застрѣлить. Медвѣдица проситъ: «оставьте насъ живыми!» Они оставили и привели ихъ домой. На третій день опять поѣхали. Видятъ: идетъ львица съ двумя львятами. Они хотѣли ихъ застрѣлить. Львица также проситъ: «оставьте насъ живыми!» Они оставили ихъ и привели живыхъ домой.

Теперь они взяли каждый по волченку, медвѣженку и львенку и пошли по міру. Пріѣхали они къ одному мѣсту, гдѣ дорога раздѣлилась. Между дорогами стоитъ береза. Петръ взялъ свой перочинный ножикъ, прорѣзалъ березовую кору, засунулъ ножикъ за кору и сказалъ: «кто изъ насъ первый воротится, пусть посмотритъ этотъ ножикъ: коли онъ чистъ, то другому хорошо, а коли заржавѣлъ, то плохо». Они разстались и поѣхали: Петръ направо, а Иванъ налево.

Вотъ Петръ ѣздитъ, ѣздитъ по правой дорогѣ и наконецъ пріѣхалъ къ городу и увидѣлъ, что весь городъ чернымъ бархатомъ обитъ. Онъ остановился въ гостинницѣ и спрашиваетъ: «что это значить?» Хозяинъ ему отвѣчаетъ: «въ нашемъ царствѣ есть страшный змѣй; нужно его кормить одними людьми. Начали мы съ пастуха, а теперь дошла очередь ужъ до короля; если этому змѣю не дать добро-

вольно, то онъ насъ всѣхъ пожретъ! Завтра же нужно отдать ему на сѣденье младшую царевну».

Вотъ утромъ Петръ всталъ рано, взялъ своихъ звѣрей и поѣхалъ къ тому мѣсту. Пріѣхалъ и видитъ: везутъ царевну въ каретѣ на четырехъ вороныхъ лошадяхъ. Выбросили царевну и поѣхали назадъ. А змѣй о двѣнадцати головахъ и летитъ; увидѣлъ онъ Петра и кричитъ: «что тебѣ надо?» Петръ ему отвѣчаетъ: «а тѣбѣ что надо?» и началъ его рубить, а звѣри его ему помогаютъ. Онъ срубилъ всѣ головы, собралъ и положилъ ихъ подъ огромный камень. Царевна поблагодарила его и повязала каждому изъ его звѣрей по золотой пѣпочкѣ вокругъ шеи. Петръ поѣхалъ дальше охотиться по лѣсу. Ѣздитъ онъ, ѣздитъ, наконецъ пріѣхалъ опять къ этому городу и видитъ, что весь городъ украшенъ. Онъ остановился въ той же самой гостинницѣ и спрашиваетъ хозяина: «что это значить?» Хозяинъ отвѣчаетъ: «нашу царевну спасъ отъ змѣя какой-то незнакомецъ, и король отдаетъ свою дочь замужъ за него; сегодня будутъ ихъ вѣнчать». Петръ поѣхалъ со своими звѣрями прямо во дворецъ. Царевна узнала его и говоритъ отцу: «вотъ мой женихъ! онъ меня спасъ отъ змѣя». Но женихъ не хотѣлъ отказаться, божился, что онъ спасъ царевну. Тогда Петръ повелъ его къ тому мѣсту, гдѣ убилъ змѣя и велѣлъ ему поднять камень; но тотъ и пошевелить его не могъ. А Петръ съ одного раза поднялъ камень и показалъ всѣ двѣнадцать головъ. Тогда царь велѣлъ жениха застрѣлить, а царевну выдать за Петра, и они обвѣнчались.

Прошелъ день, другой. Петръ поѣхалъ на охоту со своими звѣрями; вдругъ видитъ онъ зайца и хочетъ его застрѣлить. Откуда ни возьмись пристаётъ къ нему какая-то

старуха, просить его не стрѣлять въ зайца. Она дала ему ниточку и говорить: «возьми, обвей себѣ эту ниточку три раза около головы, тогда заяцъ за тобою побѣжитъ». Петръ такъ и сдѣлалъ — и превратился со своими звѣрями въ камень.

Иванъ между тѣмъ объѣхалъ далекія земли, а ничего не нашелъ. Воротился онъ назадъ, пріѣхалъ къ березѣ и видитъ, ножикъ совсѣмъ заржавѣлъ. «Теперь Петру плохо, подумалъ онъ; пойду его отыскивать!» Поѣхалъ онъ по правой дорогѣ; ѣздилъ, ѣздилъ, наконецъ пріѣхалъ къ городу и спрашиваетъ: «не видали ли вы Петра»? А тѣ думали, что онъ самъ Петръ, повели его во дворецъ къ царевнѣ. Та и обрадовалась, потому что онъ былъ по лицу и по росту очень похожъ на Петра, и были у него такая же лошадь и такіе же звѣри какъ и у Петра. Царевна не переставала его умолять, чтобы онъ съ ней спалъ. Иванъ сейчасъ подумалъ: «здѣсь что-то не такъ!» Пошелъ онъ съ ней спать, а свою саблю положилъ между царевною и собою, и такъ они проспали всю ночь.

Иванъ всталъ утромъ чѣмъ свѣтъ и поѣхалъ дальше искать Петра; заѣхалъ онъ въ лѣсъ — видитъ: заяцъ бѣжитъ. Онъ прицѣлился. Вдругъ подходитъ къ нему старуха и говорить: «не стрѣлай! на тебѣ ниточку, возьми да обвей себѣ три раза около головы, и заяцъ за тобою побѣжитъ». Онъ взялъ ниточку, бросилъ ее на землю и срубилъ старухѣ голову. Поѣхалъ дальше — видитъ: Петръ и его звѣри стоятъ превращены въ камень. Тутъ онъ догадался, снялъ ниточку съ его головы, и они стали опять живы.

Иванъ ему рассказалъ, какъ онъ сюда попалъ и что ночью съ царевной спалъ. Тутъ Петръ разсердился на Ивана

и отрубилъ ему голову. Пріѣхалъ онъ домой; царевна бросилась передъ нимъ на колѣни и умоляла простить ее, что она вчера заставила незнакомца спать съ собою; но рассказала, что тотъ положилъ свою саблю между ей и собою. Теперь стало Петру очень жаль, что такъ дурно поступилъ съ Иваномъ; но дѣлать было нечего. Съ горя поѣхалъ онъ опять на охоту. Пріѣхалъ въ лѣсъ; видитъ: лежитъ мышь съ отрубленной головой, а другая все приставляетъ ей голову; наконецъ голова приросла, и мышь ожила. Тутъ Петръ вспомнилъ объ Иванѣ, поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ лежалъ, и началъ ему приставлять голову; наконецъ она приросла, и Иванъ ожилъ. Очень тому обрадовался Петръ. Пріѣхали они оба домой и стали жить да поживать. Наконецъ умеръ царь; Петръ получилъ все царство и сдѣлался царемъ.

Невѣрная жена *).

Жилъ-былъ купецъ и овдовѣвъ, оставсе у его сынъ въ полномъ возрастѣ. Онъ сказавъ сыну своему, що «жонисѣ ты, сынъ мой, а мнѣ ужъ не вгоды»... У меня, гыть, всѣ невѣсты сняты на патрѣтъ... Приносить сыну своему патреты невѣсты и говорить: «ну, сынъ мой, выбирай, которую надоть!» Сказавъ сынъ отцю: «батюшко, въ твоихъ патретахъ нѣтъ невѣсты мнѣ». Ну, гыть, выбирай самъ невѣсту, отвицаявъ отецъ. Сынъ говоритъ: «стану выбирать невѣсту по Божьему повелѣнью, какую мнѣ Богъ благословить». Заутра сынъ отпираетъ лафку и говоритъ «которая первая придетъ въ лафку возростная дѣвица, то и невѣста моя». Какъ отперъ купецъ лафку и приходитъ воз(в)ростная дѣвица торговать (покупать); вотъ и говоритъ (ей) купеческой сынъ: «пойдемъ за меня въ замужество»! Она отвицаетъ

«Изъ Живой Стар.», стр. 421 записано А. Шустиковымъ.

ему: «господинъ купецъ! я низка передъ вами». — «Какихъ ты родовъ?» — У меня мать бобылочка!» «Въ какой улицѣ твоя фатера?» спрашиваетъ купеческой сынъ. — «Въ такой-то улицѣ», отвицаетъ, подъ такимъ-то номеромъ. «Хорошо, я буду свататсѣ къ вамъ». Вотъ запираетъ онъ лафку и приходитъ свататсѣ, а вдова бобылочка и говоритъ (ему): «господинъ купецъ! у насъ денегъ нѣтъ свадьбу сурядить». Онъ имъ денегъ далъ множество на свадьбу и сказалъ вдовѣ: «мнѣ безчостно ѣхать въ килью жонитсѣ, запимай ты у каково нибудь купца фатеру, будто вы изъ другой земли прѣѣхали, а денегъ мало будетъ — пиши письмо, я ищо дамъ». Вотъ онъ и взявъ ее взамужество.

Къ нимъ въ городъ прислали изъ другою города полковника, ему и были избраны двѣ фатеры у этово купца, фатеровать. Полковникъ и посылаетъ письмо съ деньщикомъ, желаетъ въ гости купеческую жону къ сибѣ. Приняла купеческая жона письмо это, прочитала, и говоритъ: «не пойду въ гости къ нему, не желаю и видѣть». Приходя деньщикъ и сказавъ полковнику, що не хочетъ идти въ гости (купеческая жона). Полковникъ осерчалъ на ее.

Вотъ потомъ купецъ балъ завелъ, посылаетъ своео прислужника къ полковнику, звать въ гости. Полковникъ сказавъ: «нейду я къ вамъ для купеческой жоны». Сказавъ полковнику прислужникъ, що не для ее, а для купца иди, такъ мнѣ хозѣинъ сказавъ. Полковникъ пошовъ въ гости къ купцу. Послѣ тово опѣтъ полковникъ писавъ съ денщикомъ письмо и звалъ въ гости купеческую жону. Она подумала умомъ: «въ первый разъ звалъ не пошла, осерчавъ полковникъ, ну и пойду, разѣ»? Вотъ она и пришла въ гости къ полковнику, подносятъ ей полковникъ чашу напитоковъ, она

сказала ему: «не хочу пить». «Ты не ради себя пей, а ради меня хоть выпей!» Она выпила. Вотъ онъ потомъ и влюбивсе въ нее, а она въ ево...

Этово полковника перемѣстили опѣть въ другой городъ, онъ и сказавъ купеческой жонѣ: «пойдемъ со мной!» Она удумала ѣхать съ нимъ. Вотъ сказала хозѣину, що отправлюсе въ экой-то городъ (куда именно перемѣщали полковника), я маленькая была нищо, меня мать овичала (завѣщала?) сходить Богу молитьсе». А купецъ ей сказавъ: «на што пѣшой идти, занимай пару коней и бери денегъ колько (сколько) требуетсе». «Мнѣ, гыть, не надо пара коней, я пѣшной пойду». Заправиласе напередъ полковника въ дорогу, потому що настигѣтъ, такъ посадить въ карету. Господь создавъ тучу и убило ее громомъ и наѣзжаеъ на это тѣло полковникъ и привозить къ купцю въ домъ: «господинъ купецъ, гыть, убило твою жону громомъ». И какъ тогда купецъ туживъ, плакавъ и жалѣвъ своя жоны!.. Снесли мертвое тѣло въ церкву, приходитъ купецъ къ священнику: «батюшка, гыть, пусти меня въ церкву на ночь, стану я псавтырь читать надъ мертвымъ тѣломъ». Священникъ ево пустивъ въ церкву псавтырь читать. Вотъ онъ читаетъ и плачетъ, жаліетъ своя жоны. Вдругъ изъ алтаря выходитъ старичокъ и говорить купцю: «купецъ, жаль жоны?» «Жаль», гыть. Старичокъ выносить три листа бумаги да три свици. «Зажги свицю, гыть, прочитай листъ; ту погаси, другую зажги и другой прочитай листъ; ту погаси и третью зажги, прочитай и третій листъ, — воскресишь свою жону!».. Произвелъ все это купецъ и воскресивъ свою жону. Заутра отложили (отперли) церкву, — ожилася ево жона. Ну, и учувъ полковникъ, що ожилася купеческая жонка, только слухъ у ее отбило. Опѣть зоветъ ее полковникъ ѣхать съ собой,

она и ладить ѣхать — забыла наказанье Божье. Вотъ она и говорить служанкѣ своей: «я пойду на рицьку съ платьемъ мыть и пробуду довго тамъ, ты провѣдай меня», а сама склалася да уѣхала съ полковникомъ въ другой городъ. Пришовъ хозинъ изъ лафки и спросивъ: «гдѣ жона моя?» Сказала (ему) служанка, що «ушла на рицьку да заказала мнѣ, що не буду довго, — провѣдай меня, а я вотъ и забыла ее». Пришли на рицьку, только и знамя оставила — платье одно. Купецъ съ горя все имѣнье продавъ и пошовъ къ царю на лицѣ: «Ваше царское величество, гыть, я иду въ солдаты охотой». И принявъ ево въ солдаты царя. А тотъ полковникъ подавъ заявленіе царю, що надо смѣнить деньщиковъ. Царь назначивъ деньщиковъ новыхъ, этово солдата-охотника, тамъ и другихъ хорошихъ назначивъ къ нему (полковнику). Вотъ полковникъ и говорить своей наложницѣ, що «придутъ новые деньщики, угости ты ихъ на первой разъ». Приходятъ къ полковнику новые деньщики, увидала наложница новыхъ деньщиковъ и познала (признала) мужа своего купця, ну и самоваръ составила, по стакану водки подала, а сама себя избидила: ободрала рожу. Приходитъ полковникъ, она смутитсе ему стала на деньщиковъ: «пришли деньщики, ты велѣвъ ихъ угостить, я угостила ихъ, самоваръ составила, водки подала, ну, вотъ этотъ (указываетъ на мужа, надо ево избыть, — пояснилъ рассказикъ) меня избидивъ, оцарапавъ рожу». Дѣло по дѣламъ пошло, ево назначили сквозъ строй прогнать, онъ и говорить своему товарищу: «мнѣ не вымогчи, рѣшать меня, такъ пожалуста я тибѣ скажу, постарайся для Бога, ты можешь меня воскресить, я скажу тибѣ: ты возьми у меня въ сундукъ три свици и три листа и прочитай надъ моимъ мертвымъ тѣломъ, произведи всѣ три свици, а сначала меня выкопай

изъ ямы да въ угомонное (въ тихое) мѣсто снеси ты тѣло мое». Вотъ ево прогнали сквозъ строй и убили до смерти, закопали ево тѣло въ землю и поставили троихъ часовыхъ дневныхъ и ночныхъ для того, що онъ ее, наложницу воскресивъ, такъ надо, щобы и самъ не воскресъ. И приходитъ къ могилѣ тотъ деньщикъ и называетъ: «братья мои, часовые! доброй души былъ этотъ деньщикъ, пойдите-тко въ трактиръ, да помянемъ его за упокой!» «Мы рады бы съ тобой идти въ трактиръ, отвицѣють часовые, да у насъ денегъ нѣтъ помянуть за упокой!» «Пойдите со мной, я денегъ дамъ». Увелъ часовыхъ въ трактиръ и напоивъ такъ, що онѣ свалились. Вотъ этотъ деньщикъ нанявъ такихъ людей, щобы достать солдата изъ земли да въ угомонное мѣсто отнести. Вотъ достали и отнесли, онъ и начавъ читать эти три листа и три свизи произжохъ, прочитавъ и воскресивъ ево. «Благодарю, землякъ, сказавъ воскресшой, денегъ у мене много, хоть всѣ бери»!..

Въ то время у царя дочь померла, приходитъ солдатъ-охотникъ къ царю: «ваше царское величество, гытъ, я воскрешу твою дочь!» А царь сказавъ ему: кабы могъ воскресить мою дочь, то будешь ты царемъ, а моя дочь — царица». «Гдѣ твоя дочь находится?» — «Въ залѣ!» Вотъ его допустили къ мертвому тѣлу, онъ зажогъ свизи — прочитавъ листъ, прочитавъ и всѣ листы и прижогъ свизи — воскресивъ царскую дочь. Царь и произвелъ ево въ цари, на свое царство посадивъ. Вотъ и пошовъ новой царь по силѣ (войско) своей, по полковникамъ. У которо-бы полковника и не ладно, да ладно все, приходитъ въ тотъ полкъ, гдѣ его жона наложницей находится. У этово полковника що и ладно да не ладно все. Сказавъ новой царь полковнику: «снимай ополеты съ себя!» Сказавъ ишо царь

тому деньщику, который ево воскресивъ: «снимай мундиръ свой и накладывай ополеты полковника, а солдатской мундиръ отдай ему. Призываетъ наложницу полковника, приказываетъ царь: растрелять ее!...»

Вологодской губ.

Какъ понамарь отдалъ свою пономарицу замужъ*).

Умеръ купецъ, осталася вдова съ сыномъ-малолѣткомъ; вотъ она и стала ево приучеть къ торговлѣ. Сынъ хорошо ужъ сталъ заниматся торговать, она и завила ему одному стоять въ лафкѣ. Вотъ онъ торгуетъ одинъ, приходятъ дѣвки къ ему на торгъ, онъ и даетъ имъ все въ долгъ, и много ужъ товару изнурилъ безъ денегъ. А рядомъ была лафка дѣди ево; дѣдя и видитъ этотъ торгъ у племянника, какъ онъ товаръ изнуряетъ и сказываетъ братовѣ женѣ, що дѣвкамъ онъ безъ денегъ товаръ отпускаетъ. Приходитъ купчиха вдова въ лафку, а у ево товаровъ многое множество утрачено, а денегъ нѣтъ; она и не завила ему больше одному торговать.

*) «Живая старина», стр. 421, записано А. Шустиковымъ.

Отправляется дѣдя за море торговать, вдова и говоритъ ему: «возьми, дѣдя, сына моего съ собой!»—«Не надо мнѣ твой сынъ, онъ распутново поведенья!» сказавъ дѣдя. Опѣтъ сноха говоритъ: «возьми, дѣдя, я дамъ тебѣ 100 рублей». «Вотъ, що,—сказавъ дѣдя,—сто рублей какія деньги, давай ста три и пуцай онъ учиться, навикаетъ торговать!» Она дала 300 рублей, вотъ онъ и отправились за море торговать. Прибыли они за море и говоритъ купеческой сынъ: «Дѣдя! дай мнѣ сто рублей, схожу въ городъ товару закупать». Дѣдя даетъ ему 100 рублей. Идетъ онъ по городу, и (видитъ) стоитъ подомарь въ лафкѣ съ вертушкой. «Эй, землякъ! иди сюда, вернемъ!» кричитъ ему подомарь. На это купеческой сынъ сказавъ: «О много-ли?»—«О стѣ рублей!» отвицетъ подомарь. Вотъ онъ и вернули; купеческій сынъ и провернулъ 100 рублей подомарю. Подомарь и говоритъ: «пойдемъ ко мнѣ въ домъ, угощу я тебя и подомарици покажу.» Подомарь приходитъ къ своему дому; заперта подомарица за семью дверьми и семью замками у ево, отлажаетъ замки, открываетъ двери и (войдя) хвастаетъ своей подомарицѣ: «я у этово земляка вывернулъ сто рублей, угостить ево надоть.» Вотъ подомарици составила самоваръ, на купеческого сына посмотри, що красавецъ, и онъ на ее посмотри (видитъ), що красавица. Подомарь для тово и держитъ ее подъ замками, що бы не озарились чужіе люди. Угостивъ подомарь купеческого сына и сказавъ: «ну, ступай-же теперь вонъ!» и самъ поновъ въ лафку на вертушку.

Заутра опѣтъ купеческой сынъ говоритъ дѣдѣ: «дѣдя дай ищо сто рублей денегъ!»—«А що скоро издержавъ?» спрашиваетъ его дѣдя.—«Закупивъ, гытъ, товаровъ, не хватило 100 рублей.» Дѣдя далъ ему 100 рублей. Вотъ онъ

идеть по городу, а подомарь, опѣть увидявъ ево кричить: «эй, землякъ! иди сюда, вернѣмъ!» — «О много ли вернѣмъ?» — «О стѣ рублей!» Вернули, купеческой сынъ опѣть про-
вернувъ подомарю 100 рублей. Подомарь на радостѣхъ опѣть зоветъ ево въ гости, угостить надо таково чело-
вѣка. Пришли, отпираетъ подомарь семеры двери и кричить: «по-
домарица дома?» — «Гдѣ-жо, гыть, отвицѣть та, — какъ не
дома, когда запираешь семеры двери?» «Я опѣть сто руб-
левъ вывернувъ у этово земляка», хвастаетъ подомарь. Ну,
вотъ купеческого сына угощаютъ; угостили, подомарь и
сказавъ: «ну, ступай-жо теперь вонъ!» и самъ пошовъ въ
лафку на вертушку. А купеческой сынъ завтра опѣть къ
дѣдѣ: «дѣда, дай ищо 100 рублей!» «Да дано тебѣ два-ста,
гыть дѣда, що скоро издержавъ?» — «Да закупивъ товару,
много, а денегъ не хватило.» — «На, гыть, ищо сто рублей,
а больше не проси, не дамъ!» Вотъ идетъ купеческой сынъ
по городу, а подомарь опѣть кричить: «иди, землякъ, вер-
нѣмъ!» Опѣть вернули, купеческой сынъ и послѣднѣ про-
вернувъ. Подомарь опѣть сталъ звать въ гости купеческого
сына, также угостивъ и выславъ вонъ изъ дому. Купече-
скому сыну дѣлать больше нечево, денегъ нѣтъ и дѣда от-
казавъ, вотъ онъ и пошовъ вокругъ подомарева дому, а тамъ,
за дворомъ стоитъ килья, посмотривъ, а подомарица сидитъ
въ этой кильѣ, онъ и зашовъ; глядитъ на ее: «а що жо,
гыть, я тебя какъ видавъ?» — «Да и я тебя какъ видала?
отвицѣть подомарица; вотъ они тутъ и признали другъ-
другу. «Пойдемъ-жо, гыть, со мной», сказала она. Вотъ
она отпираетъ запанъ въ землю, опустилисе въ эту запанъ,
потомъ подынулисѣ въ тѣ-жо залы, гдѣ она раньше угощала
ево. Онъ говорить ей: «Какжо, у меня больше денегъ нѣтъ
вертеть съ подомаремъ?» Она ему только сказала: «ночуй
у меня.» — «А подомарь-то придетъ?» — «Не придетъ, гыть.»

Ну, онъ и ночевалъ у ее. Она завтра даетъ ему 100 руб-
левъ денегъ да перстятки (перчатки) на руки да и гово-
рить: «ну, поиди къ подомарю на вертушку, а какъ подо-
марь вернетъ, ты въ это время брось руки на вертушку и
скрижи: «стой, подомарь, не ладно вернувъ!» Онъ прови-
рнѣтъ тибѣ 100 рублей да и опознаетъ твои перчатки, по-
ведетъ тебя на свидѣтельство къ сибѣ; онъ станетъ отпи-
рать семеры двери, а ты бѣжи проворнѣе къ этой кильѣ и
брось перчатки...»

Вотъ идетъ купеческой сынъ по городу, а подомарь
стоитъ въ лафкѣ на вертушкѣ и кричить: «ей, землякъ!
иди сюда, вернѣмъ!» — «О много-ли?» «О стѣ рублей!» По-
домарь вернувъ, а купеческой сынъ скрижавъ: «стой, подо-
марь, не ладно!» и бросивъ руки свои въ перстяткахъ на
вертушку; подомарь и провернувъ 100 рублей, провернувъ
да и опознавъ перстятки: «Ты, братецъ, укравъ у меня
перстятки, пойдѣмъ, гыть, на свидѣтельство домой.» Вотъ
онъ и приходятъ; подомарь отпираетъ семеры двери, а ку-
печеской сынъ приотпнативсе да ищо бросивъ въ эту килью
перстятки. Отворивъ подомарь семеры двери, да и кричить.
«подомарица дома?» — «А гдѣ-жо твоя подомарица, какъ не
дома?» отвицѣть та. — «Вотъ онъ укравъ у насъ перстятки,
я видѣвъ на рукахъ у ево были, поиди-ко, подомарица, по-
смотри на комодѣ есть-ли, нѣтъ-ли перстятки?» Подомарица
приноситъ ему перстятки и называетъ: «Охъ, ты глупой
подомарь! да развѣ столько перстяткохъ, що твои, а у лю-
дей развѣ нѣтъ?» Подомарь опѣть прогнавъ купеческого сына,
а самъ пошовъ въ лафку на вертушку. Купеческой сынъ
приходя (sic.) въ эту килью къ бабушкѣ, а подомарица
тутъ. «Ну, пойдѣмъ-жо, гыть подомарица, въ ту-жо комнату,
гдѣ вѣчоръ ночевали!» Вотъ онъ и отправилисѣ, онъ тамъ

опѣть ночевалъ. Заутра она дастъ ему тресту*), «пойди-жо, гыть, къ подомарю на вертушку, какъ онъ вернетъ,—ты трестой ищо махни на вертушку, да опѣть скрици: «стой, подомарь, не ладно;» онъ опѣть провернетъ тибѣ 100 рублей.»—Идетъ купеческой сынъ по городу, подомарь опѣть кричить изъ лафки: «иди, землякъ, вернемъ!» Подомарь вернувшись, а купеческой сынъ трестой махнувъ: «стой, гыть, подомарь, не ладно!» Вотъ подомарь опѣть провернувъ 100 рублей да и опознавъ тресту, що ево; опѣть и повелъ на свидѣтельство домой. Вотъ онъ отпираетъ семеры двери, а купеческой сынъ пріотшативсе да и бросивъ эту тресту въ килью. Отперъ подомарь всѣ двери да и кричитъ: «Подомарица дома?»—«А гдѣ-жо, какъ не дома, твоя подомарица? отвицѣть та.—«Вотъ онъ у меня, гыть, тресту укравъ, я опознаю, сходи-ко въ залю, стоитъ-ли тамъ треста, гдѣ поставлена?» Подомарица приноситъ тресту да и говоритъ: «охъ, ты глупой подомарь, да развѣ столько трестовъ, що у тебя у одново? ты ее купивъ да хваставъ, що осталисе ощо**) двѣ тресты...» Опѣть вышли вонъ, подомарь пошовъ въ лафку на вертушку, а купеческой сынъ въ килью, а подомарица ужъ ждетъ ево. Ну, опять ушли онѣ въ тѣ-жо комнаты, купеческой сынъ опѣть ночевавъ съ подомарицей. Заутра подомарица дастъ ему подрясникъ подомаревъ и наказываетъ: «какъ подомарь вернетъ, ты опѣть скрици: стой, подомарь, не ладно! да полой подрясника ищо махни о вертушку, опѣть деньги твои будутъ...»

Вотъ идетъ купеческой сынъ по городу, а подомарь кричитъ: «эй, землякъ, зайди, вернемъ!» Опѣть онъ вернули

*) Трестѣ—трость.

**) Ощо—еще.

о стѣ рублей; лишь только вернувъ подомарь, а купеческой сынъ и скрипявъ: «стой, подомарь, не ладно!» и махнувъ полой подрясника,—вывернувъ 100 рублей. Подомарь опѣть опознавъ подрясникъ, що ево и повелъ купеческого сына на свидѣтельство домой. Вотъ отпираетъ семеры двери, а купеческой сынъ опѣть бросивъ въ килью подрясникъ. Отперъ подомарь двери и кричитъ: «Подомарица! посмотри-ко скоряя дома-ли, нѣтъ-ли мой подрясникъ?» Подомарица принесла ему подрясникъ. Подомарь посмотри говоритъ: «Ну, я съ нимъ больше вертить не стану, онъ волшебникъ какой-то, всѣ деньги у меня вывертитъ!..»

Вотъ опѣть подомарь пошовъ въ лафку на вертушку, а купеческой сынъ въ килью, а подомарица ужъ ждетъ ево. Вотъ онѣ ушли въ тѣ-жо комнаты, подомарица и говоритъ: «Онъ съ тобой больше вертить не станетъ, волшебникомъ обзывается; ты пойдѣ-жо къ ему въ лафку да и скажи, що вотъ, подомарь, у насъ съ тобой топеръ дѣло знакомое, ты жони меня! Онъ тогда поперебираетъ невѣсгъ да и скажегъ: эка, паре, да гдѣ-же мнѣ невѣсту взять тибѣ? А ты и скажи: а вотъ, подомарь, за дворомъ-то у тебя килья есть, я видѣвъ тутъ дѣвка хорошая есть, сватай-ко ее, не отдадутъ-ли за меня? Онъ скажетъ опѣть тибѣ, що нѣтъ тутъ дѣвки, а ты скажи що есть, видѣвъ я; онъ на то скажетъ: ужо, я спрошу у подомарицы, есть-ли, нѣтъ?»

Вотъ купеческой сынъ, какъ было сказано, такъ и сдѣлавъ. Подомарь приходитъ изъ лафки домой и спрашиваетъ у подомарицы: «мнѣ сто рублей денегъ даетъ этотъ землякъ, съ которымъ вертили на вертушкѣ, кабы, гыть, меня жонивъ, а посылаетъ свататее въ килью этамтѣ *), во дворѣ-

*) Этамтѣ—тамъ-то.

то... Що-жо, подомариця, я не видалъ тутъ дѣвки? Я хочу спросить у тебя: есть-ли нѣтъ дѣвка?» А подомариця и говоритъ ему: «а много-ли у тебя подомарицю-то видали люди? такъ столько и ты выдавъ дѣвку!» Вотъ подомарь и пошовъ свататсе въ эту килью и спрашиваетъ онъ у бабушки: «есть-ли нѣтъ у тя дѣвка? Я у тебя, гыть, не выдавъ? Бабушка ему отвицѣтъ: «а много-ли у тебя подомарицю видали?—столько и ты выдавъ мою невѣсту!» Вотъ подомарь и высватавъ у килейници невѣсту, пошовъ къ священнику на уговорку—когда винцѣтъ? Заплативъ впередъ и за винцѣнье, условивсе, що отъ винця столы производить у попа. Потомъ сходявъ за женихомъ и пошли въ эту килью по невѣсту и выводить бабушка невѣсту за столъ, а подомарь глядитъ на эту невѣсту да думаетъ: «какъ моя подомариця, и ростомъ, и лицѣмъ, и оклажемъ.» Вотъ изъ кильи и въ церкву пошли, повинцѣлисѣ, потомъ къ попу, столы производить. Ну, и що было доброво, и питья, и кушанья, и напитоковъ разныхъ! но подомарь не можетъ не пить, не истъ: «совсѣмъ моя подомариця,» думаетъ. Столы произвели, молодыхъ свели къ бабушкѣ въ килью. Приходить подомарь домой, отпираетъ семеры двери у себя и кричитъ зычно: «подомариця дома-ли?» Слышишь: «А гдѣ-жо, какъ не дома?» Вотъ онъ и ставъ рассказывать подомарицѣ про все: «вотъ що, подомариця, меня изъ ума выбивать стало, будто я тебя отдалъ взамужъ; совсѣмъ ты: и ростомъ, и лицѣмъ, и волосомъ—вся ты! Я не могъ не пить, не могъ не истъ, а що было добреньково за столами-тъ!... Ну, слава Богу, хоть ты дома... Нынѣ и истъ стану, и пить стапу; неси напитоковъ и закусковъ,—сердце на мистѣ нынѣ...» Вотъ онъ напивсе и наѣвсе, легъ спать и заснувъ самымъ крѣпкимъ сномъ, пьяной, а у молодыхъ ужъ запасъ сдѣланъ, корабль купленъ, изъ лафки товары

сгрузили въ корабль, а она и деньги всѣ взяла съ собой. Вотъ онъ и отправилисѣ всѣ на кораб(ль), входъ ево пустили, поплыли на свою сторону. Подомарь проснувсе и и кричитъ свою подомарицю: «дома-ли подомариця?—отвѣта нѣтъ. Вотъ онъ тутъ и догадавсе, що отдавъ взамужъ свою подомарицю; пришовъ въ лафку свою—ничево нѣтъ, обрала подомариця все, и деньги, и товаръ. Подомарь не могъ стерпнть этово горя, зелья хлебнувъ—и умеръ...

Ома Беренниковъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ-государствѣ жилъ-былъ мужикъ Омка Беренниковъ—такой сильной да дородной, что если пролетитъ мимо воробей да зацѣпитъ его крыломъ, такъ онъ и съ ногъ свалится! Плохо ему на бѣломъ свѣтѣ, всё его обижаютъ, и вздумалъ онъ: «дай пойду, утоплюся съ горя!» подходитъ къ болоту; увидели его лягушки и прыгнули въ воду. «Постой! думаетъ Омка, не стану топиться; и меня поди бояться!» Воротился домой, сталъ на пашню собирать; а лошадевка у него была дрянная, на работѣ замученная; натѣрло ей хомутомъ шею до крови и облѣпили ее слѣпни да мухи видимо-невидимо. Ома подошелъ, какъ ударить ладонью—однимъ махомъ сто побивахомъ! и говоритъ: «охъ да я самъ богатырь! не хочу пахать, хочу воевать!» Со-сѣди надъ нимъ смѣются: «куда тебѣ, дураку, воевать; тебѣ

въ пору свиньямъ кормъ давать!» Ни тутъ-то было, назвался Омка богатыремъ, взялъ тупицу и косарь, что лучину скупають, надѣлъ на себя старой кафтанъ да высокой яломокъ, сѣлъ на свою клячу и поѣхалъ въ чистое поле ступю бредучею. Въ чистомъ полѣ врылъ въ землю столбъ и написалъ на немъ: «ѣду сражаться въ иные города—однимъ махомъ сто побивахомъ!» Только что успѣлъ отѣхать съ мѣста, прискакали къ столбу два могучихъ богатыря, прочитали надпись и говорятъ: «что за богатырь такой! куда онъ поѣхалъ? скоку молодецкого не слышно, слѣду богатырскаго не видно!» Кинулись за нимъ по дорогѣ; увидалъ ихъ Омка и спрашиваетъ: «вы кто таковы?» — Миръ тебѣ, добрый человекъ! Мы—сильно-могучіе богатыри. «А по скольку головъ сразу рубите?» Одинъ говоритъ: по пяти, другой: по десятку. «Какіе-жъ вы сильно-могучіе богатыри? вы просто дрянъ! вотъ я такъ богатырь; однимъ махомъ сто побивахомъ!»—Прими насъ въ товарищи, будь намъ старшій братъ. «Пожалуй, говоритъ Омка; поѣзжайте сзади.» Пристроились къ нему сильно-могучіе богатыри и отправились все вмѣстѣ въ заповѣдныя луга царскіе. Приѣхали, сами легли отдыхъ взять, а лошадей пустили шолокову траву щипать. Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, усмотрѣлъ ихъ царь: «что, говоритъ, за невѣжи такіе въ моихъ лугахъ прохлаждаются! доселѣва тутъ ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала, а теперь гости пожаловали!» Сейчасъ собралъ войско великое, и даетъ приказъ очистить свои луга заповѣдны. Идетъ сила-ратъ несмѣтная; увидели могучіе богатыри, доложили про то названному старшему брату, а онъ имъ въ отвѣтъ: «ступайтека, перевѣдайтесь, а я посмотрю—какова ваша храбрость есть?» Вотъ они сѣли на своихъ богатырскихъ коней, припустили ихъ на войско вра-

жее, полетѣли, какъ ясные соколы на стадо голубей, при-
топтали, прирубили всѣхъ до одинаго. Дѣло-то не ладно!
думаетъ царь; опять собираетъ войско великое, чуть ни
вдвое больше прежняго, а впереди всего войска посылаетъ
силача-великана: голова что пивной котель, лобъ что твоя
заслонка, а самъ что гора! Сѣлъ Оомка на свою клячу,
выѣхалъ на встрѣчу и говоритъ великану: «ты — сильно-
могучій богатырь, и я—таковъ-же! Ни честь, ни хвала бу-
детъ намъ, добрымъ молодцамъ, коли станемъ сражаться не
поздоровавшись! Наперѣдъ надо другъ другу поклонъ отдать,
а потомъ и въ бой вступать.» — Ладно! отвѣчаетъ великанъ.
Разъѣхались они и стали кланяться. Пока великанъ нахло-
нулъ свою голову, прошло полчаса времени; а другое пол-
часа надо, чтобъ поднять ее. Оома малъ да удалъ, не за-
хотѣлъ дожидаться, хватилъ косаремъ разъ-другой, и поле-
тѣла голова съ плечъ долой. Войско дрогнуло и рассыпа-
лось въ разныя стороны; а Оома взобрался на богатырскаго
коня, давай нагонять да конемъ топтать. Нечего дѣлать,
покорился царь; послалъ звать къ себѣ сильно-могучаго
богатыря Оому Беренникова и двухъ меньшихъ его братьевъ.
Угостилъ ихъ, учествовалъ на славу, выдалъ за Оомку дочь
свою царевну и далъ полцарство въ приданое.

Долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, нескоро
дѣло дѣлается—подступаетъ подъ то царство басурманской ко-
роль съ силами несмѣтными, требуетъ дани-окупу великаго.
Не захотѣлъ царь платить дани-окупу великаго, нарядилъ свое
войско храброе, поставилъ зятя начальникомъ, и накрѣпко
приказалъ, чтобы всѣ на Оомку смотрѣли: что онъ станетъ
дѣлать, и они-бъ тоже дѣлали. Снялся Оомка и поѣхалъ
сражаться. Ъдетъ онъ лѣсомъ, войско за нимъ. Онъ сру-
билъ себѣ березку, и солдаты срубили себѣ по березкѣ.

Пришли къ глубокой рѣкѣ—мосту нѣтъ, а обходу двѣсти
вѣрстъ; Оомка бросилъ свою березку въ воду, и солдаты
побросали свои туда-же, запрудили рѣку и перешли на дру-
гую сторону. Басурманской король засѣлъ въ крѣпкомъ го-
родѣ. Оомка остановился передъ тѣмъ городомъ, развелъ
костѣрь, раздѣлся весь до-гола—сидитъ да грѣется; солдаты
увидали, тотчасъ-же насобирали хворосту, нарубили по-
лѣньевъ, и запалили костры по всему чистому полю. «За-
кусить бы надо!» сказалъ Оомка Беренниковъ, вытащилъ
изъ сумки здобную лепешку и сталъ уписывать. Откуда
ни возьмись—прибѣжала собака, вырвала лепешку и давай
Богъ ноги! Оомка ухватилъ горячую головешку, и какъ
былъ голый — такъ и пустился за нею: во всю прыть бѣ-
жить да во все горло кричить: «держите! держите!» Глядя
на него, и солдаты сидѣли у огня голые, а тутъ повска-
кивали, похватили горячія головешки и побѣжали вслѣдъ
за нимъ. Собака-то была королевская, бросилась прямо въ
городъ да во дворецъ; Оомка за собакою, солдаты за Оом-
кою: все, что ни попадетъ подъ руку, жгутъ и палятъ безъ
пощады. Поднялась въ городѣ суматоха; король не зналъ —
что дѣлать съ испугу, сталъ просить замиренія.

Маленькой дитинушка зелененькой.

Было во славномъ во городѣ въ Кіевѣ, у князя было у Владиміра, у ево заводилось пированьицѣ, токо цестѣнь-пощестѣнь пирѣ-отъ радощѣнь (радостенъ), и всѣ на пиру напивалисѣ, и всѣ на пиру наѣдалисѣ, и всѣ на пиру порасхвасталисѣ. Глухой-ѣтъ похваставъ доброй женой, разумной похваставъ златой казной; и сидитъ тутъ маленькой дитинушка, зелененькой, онъ похваставъ да добрымъ конѣмъ. Тутъ и говоритъ князь Владиміръ: «ежели у тебя такой конь, то наложу на тебя службу: и съизди ты во далѣцѣ-далѣци, во чистыя во полюшка, въ угорморьяца *) зеленыя, привези ты мнѣ таково челоуѣка, що бы онъ зналъ думу царскую, думу государскую». Вотъ и пошли всѣ по домамъ

*) Угорморьяца — заливный луга.

съ пиру веселово, и дитинушка пошовъ домой и повисивъ свою буйную голову ниже могучихъ плещь. Отецъ и мать ево встріцали и такіа рици ему говорили: «што-же наше цядо милое, дитя любимое, всѣ идуть съ пиру веселые, а ты идешь не весель, свою голову повисивъ? Онъ и говоритъ имъ таковы слова: какъ-жо мнѣ батюшко и матушка воселитцѣ, накинувъ на меня князь службу не легкую—тяжолую: приказавъ мнѣ съиздѣть во далѣцѣ-далѣци, во полюшка во чистыя, во луга зеленые и найти таково челоуѣка, чтобы знавъ думу царскую, думу государскую».

Обсѣдлавъ, обуздавъ своево добра коня и поѣхавъ маленькой дитинушка, зелененькой. Вотъ онъ сутки идетъ *), другія идетъ и третій идетъ—конь притомивсе и самъ йистъ захотѣвъ, и наѣхавъ онъ на рать силу великую и силу побитую, и столько сило побито, што порному ворону въ сутки не облитить, а доброму молодцу на конѣ не объѣхать. И издивъ онъ въ этой силѣ и нашовъ живово челоуѣка, у жива челоуѣка онъ и спрашиваетъ: «кто это силу билъ и губивъ?»—«Это Иванъ русской богатырь!»—«За что онъ ее билъ и убивъ?»—«А за то онъ билъ и убивъ, што надоть (ему) у нашово короля женитцѣ, насильно взеть взамужество доць, она доброй волей нейдетъ за нево и отецъ не отдаеть; вотъ за то самое онъ силу и бьетъ». Вотъ и поѣхавъ дитинушка отъ той силы проць, и сутки ѣхавъ, и и другія ѣхавъ, и третіе ѣхавъ, и наѣхавъ на рать силу великую, силу побитую; порному ворону эту силу не облитите, доброму молодцу на конѣ въ сутки не объѣхать, — столько побито силы!

*) Это слово понимать надо «ѣдетъ».

Вотъ онъ нашовъ опѣтъ жива целовѣка и спрашиваетъ жива целовѣка: «кто эту силу билъ и губивъ?» Въ отвѣтъ сказавъ живъ целовѣкъ, што эту силу билъ и губивъ Иванъ русской богатырь». — За што онъ ее билъ и губивъ? «А за то онъ бьетъ и губить, што надо у нашево короля неволей взеть прекрасную королевну замужество, она доброй волей за ево нейдетъ и отецъ не отдаетъ».

Вотъ опѣтъ маленькой дитинушка, зелененькой ѣдетъ сутки, другія и третіе, и наѣзжаетъ онъ на рать силу великую, силу побитую, и увидѣвъ въ цистомъ полѣ стоитъ бѣлополотняной шатѣръ, у этово шатра стоитъ столбъ, а у этово столба видить золотое кольцо, къ этому кольцу привязанъ доброй конь и разослана бѣлая повсть *) и надавано бѣлоярыя пшеници. Маленькой дитинушка, зелененькой слезавъ съ добра коня и припущавъ къ одному корму, и отбивъ ево конь Ивана руссково богатыря коня отъ тово корму, и маленьково дитинушки конь зоблѣтъ бѣлоярую пшеницу, а Ивана руссково богатыря конь ходить по зеленымъ лужкамъ и щиплетъ травку зеленую. Заходявъ дитинушка во бѣлъ шатѣръ, во бѣломъ шатрѣ Иванъ русской богатырь спить своимъ богатырскимъ сномъ, и увидявъ маленькой дитинушка зелененькой бочку бѣлодубову со пьянымъ питьемъ, съ зеленымъ виномъ и на этой бочкѣ опружена **) цяша золоцѣная, и на этой цяшѣ надпись надписана: «эта цяша полтора ведра»; онъ первую цяшу нацѣживалъ, на похмельицѣ выкушивалъ, и другую цяшу нацѣживалъ, на здравьицѣ выкушивалъ, и третью цяшу нацѣживалъ — на безумьицѣ выкушивалъ, и вышло питья пол-пята ведра. И сталъ дити-

*) Повсть—скатанный изъ шерсти коверъ.

**) Опружена—опрокинута, повернута вверхъ дномъ.

нушка пьянымъ хмелѣнъ, и росколовъ онъ бочку бѣлодубову со пьянымъ питьемъ, съ зеленымъ виномъ, и расшибъ онъ цяшу золоцѣную, и прибивъ онъ пригубивъ столы бѣлодубовыя со ѣствами со сахарными и со напитками пьяными, и росколовъ онъ икону Спасову, притушивъ свици воску ярово, самъ спать повалисѣ.

Тутъ пробуждався Иванъ русской богатырь, самъ себѣ удивлѣтсѣ: што это такое за безъумицѣ наѣхало? припущивъ своево коня къ моему корму, росколовъ у меня бочку бѣлодубову со пьянымъ виномъ, расшибъ цяшу золоцѣную, пригубивъ столы бѣлодубовы съ ѣдою сахарною и напитками пьяными, приколовъ все иконы Спасовы и притушивъ свици воску ярово, и зазявъ *) онъ саблю вострую и ладить ему отсѣкци ево буйну голову, самъ да пораздумавсѣ: «сонново убить все одно, што мертвово, всяко отъ моихъ рукъ не уйдѣтъ»!..

И проснувсѣ тутъ маленькой дитинушка зелененькой и сѣвъ на постелюшку: «Ахъ, Иванъ русской богатырь! я теперь у тебя въ гостяхъ, — напой меня»... Тотъ на отвѣтъ ему сказалъ: «не стоишь ты меня, што я тебя стану поить». «Какъ-жо не стою, по крайней миръ я у тебя гость!» — «Да ты таковъ гость, што въ цистомъ полѣ кость; ты нечево богатырь не стоишь»... А онъ ему сказавъ въ отвѣтъ таковы слова: «а ты въ своемъ шатрѣ богатырь, а въ цистомъ полѣ нѣсть!» И видить Иванъ, што невидимая бѣда наѣхала на бѣлъ-шатѣръ, и бралъ онъ цяшу и черпалъ воды и подноситъ ему напиться. Вотъ онъ тутъ попили, поили, и пошли два богатыря въ чистое поле другъ у дружки силы пробовать.

*) Зазявъ—поднял, замахнулся.

И маленькой дитинушка зелененькій поѣхавъ ступью бредущею, Иванъ русской богатырь во всю прыть лошадиную, и разѣхались онѣ на одну версту, и съѣхались въ одно мѣсто и другъ дружку ударили, а больно не ранили, и разѣхались онѣ на двѣ версты, и съѣхались опѣть въ одно мѣсто, другъ дружку ударили, а больно не ранили. Третій разъ онѣ разѣхались на три версты, съѣхались въ одно мѣсто, и маленький дитинушка зелененькій вышибъ руссково богатыря изъ сѣдла вонъ и ево конь приступивъ Ивана руссково богатыря на доспѣшной ожерѣлокъ. Вотъ и говорить маленькой дитинушка зелененькой таковы слова: «подсоби Богъ заколотъ Ивана русскаго богатыря тупымъ концомъ (коня), а вострымъ и начинать нецено, и спрашивалъ у ево; цено ты хочѣшь, смерти али живота?» — «Ахъ, ты, говорить, маленькой дитинушко! у насъ съ тобой прежде брани не было и впредь больше не будетъ». И слезавъ маленькой дитинушка, зелененькой со своего добра коня и бравъ за бѣлыя руки Ивана руссково богатыря, становилъ на свои рѣзвы ноги, цѣловалъ во уста во сахарнія, и назвались онѣ тутъ братьями, и маленькой дитинушка зелененькой большимъ братомъ, а Иванъ русской богатырь меньшимъ братомъ, и приѣзжаютъ онѣ во бѣлъ шатеръ полотняной, и стали тутъ и пить, и ѣсть, и веселитцѣ.

Вотъ и поѣхавъ Иванъ русской богатырь къ королю жонитѣ и пригласивъ съ собою брата маленьково дитинушку зелененьково въ поѣздъ, и встрѣтивъ ихъ король, какъ добрыхъ людей, и тутъ онѣ у ево пировали цѣлыя сутки. Вотъ Иванъ русской богатырь и жонивсе у этого короля, а маленькой дѣтинушка и спрашиваетъ короля: не знаетъ ли онъ таково целовѣка, штобы знавъ думу царскую, думу государскую! Король намовъ таково целовѣка изъ-подъ зна-

мени, изъ-подъ красново, и этотъ целовѣкъ знаетъ думу царскую.

Маленькій дитинушка зелененькой бравъ этово целовѣка съ собой и привозитъ ко князю Владиміру. «Ну говоритъ Владиміръ,—ты мнѣ службу выслуживъ и дружбу удруживъ, и бери ты у меня за эту дружбу и городовъ и пригородковъ и разныхъ губерней»!.. Онъ не обзавидовавъ не чему, не городамъ, не пригородкамъ, не разнымъ губернямъ. Была у князя Владиміра прекрасная дочь, королевна, вотъ онъ и говоритъ Владиміру: «отдай ты се взамужество за меня, а подъ-последъ смерти сдай ты мнѣ свое мѣсто.

Тутъ князь Владиміръ подписавсе, што отдаю за ево дочь, и подъ последъ смерти сдавъ свое королевство зятю...

(Записана со словъ кр-ки Астафія Матушкина изъ дер. Горы въ Ширыхановѣ).

Два брата и сестра.

Жили при озерѣ два брата. У нихъ была одна только сестра, и они, уходя куда-нибудь изъ дома, оставляли ей всегда дровъ и воды, чтобы она не выходила изъ дому и чтобы, такимъ образомъ, кто-нибудь, увидавъ, не похитилъ ее. Разъ они пошли и почему-то не оставили ей ни дровъ, ни воды. Дѣвушка пошла на озеро за водой: изъ озера вышелъ человѣкъ, схватилъ ее и увлекъ къ себѣ. Братья воротились и увидали, что сестры нѣтъ. Пошли они къ озеру, нашли лишь одно ведро, а сестры, сколько ни искали, найти не могли; они и кричали и звали ее, наконецъ сказали: «вѣрно утащили ее». Имъ было жаль сестры и они стали думать, какъ-бы вернуть ее обратно къ себѣ. О ни нарубили березовыхъ вѣтвей и сплели изъ него кольцами веревку; работали они такъ семь лѣтъ, и когда сдѣлали

веревку, то одинъ изъ братьевъ (младшій) спустился по ней въ озеро; прежде чѣмъ спускаться, онъ сказалъ брату: «ты теперь меня спусти въ воду и до тѣхъ поръ не тани веревки обратно, пока я не начну дергать ее—тогда и тани.» Спустившись черезъ воду до дна, онъ привязалъ веревку къ камню, а самъ пошелъ искать сестру. Прошелъ онъ не очень много—увидалъ избу. Онъ подошелъ къ ней и сказалъ: «избушка, повернись окошками къ лѣсу, а ко мнѣ дверью (пыръ ергаль мятца ікіней, муу гаръ мунне и сей»). Какъ только онъ это сказалъ, такъ избушка повернулась, и онъ увидалъ дверь. Отворилъ дверь, вошелъ въ избушку, видитъ въ ней сидитъ старуха. Старуха и говоритъ: «вотъ ко мнѣ мясо пришло.» Онъ и говоритъ: «это мясо неводно—худо: я иду издалека, голодный и у меня только одно костье осталось. Лучше будь добра: скажи, не знаешь-ли моей сестры, кто ее сюда взялъ—вотъ уже восьмой годъ». «Я не знаю,—говоритъ старуха,—у меня есть меньшая сестра—она живетъ дальше—она скорѣе это знаетъ.» Онъ и говоритъ: «какъ я ее могу найти?» «Я тебѣ опаса (проводника) дамъ; а теперь пока, коли ты голоденъ, садись и ѣшь, и что дамъ, съѣшь все.» Она дала ему полсвиньи. Онъ сѣлъ и сталъ ѣсть, но всего съѣсть не могъ. У него было на рукѣ кольцо, онъ снялъ его и бросилъ на полъ—кольцо зазвѣяло; собака, бывшая въ избѣ, залаяла, и старуха вышла на улицу посмотреть, нѣтъ-ли кого. Въ это время онъ мясо припряталъ подальше въ уголъ, и когда старуха воротилась, у него уже ничего не было. Она и спрашиваетъ: «Что, неужели все съѣлъ?» «Да, говоритъ, благодарю». «Ну вотъ возьми опаса,» говоритъ старуха и дала ему клубокъ шерсти, «брось на землю, какъ выйдешь изъ избы: куда онъ покатится, туда и ты иди.» Взялъ его, поблагодарилъ, простился и пошелъ. Бросилъ клубокъ, какъ

ему велѣла старуха; онъ покотился; лопарь и пошелъ за нимъ. Прошелъ онъ довольно далеко и опять увидалъ избушку. Подошелъ къ ней и сказалъ то-же, что и передъ первой и она повернулась къ нему дверями. Зашелъ онъ въ избу и увидалъ женку среднихъ лѣтъ. Она языкомъ своимъ подметала полъ, а руками изъ печки безъ всякой лопаты тянула хлѣбы. Увидя его женка сказала: вотъ ко мнѣ и мясо идетъ.» «Отъ мяса, тетушка, говоритъ онъ, сыта не будешь; я чуть съ голода не умеръ, да благодаренъ твоей сестрѣ—накормила меня, вотъ и дошелъ такъ, а нѣтъ на дорогѣ-бы умеръ. Ты лучше скажи мнѣ, не знаешь-ли моей сестры? Ее кто-то взялъ, вотъ уже восьмой годъ». Женка посмотрѣла на него и говоритъ: «такъ и быть, помогу тебѣ: вотъ, возьми этотъ клубокъ шерсти, брось его на улицѣ, и куда онъ покатится, туда и ты иди. Ты придеши съ нимъ къ моей старшей сестрѣ; вотъ у ней-то и можешь узнать про свою сестру.» Поблагодарилъ ее лопарь и пошелъ куда клубокъ повелъ. Дошелъ онъ до третьей избушки. Опять сказалъ: «избушка, повернись къ лѣсу окнами, а ко мнѣ дверями.» Она повернулась, онъ вошелъ въ избу: видитъ сидитъ старая, престарая старуха. Онъ поздоровался и поклонился ей. Старуха на это ничего не отвѣтила, а сказала: «вотъ ко мнѣ мясо само пришло.» Бабушка, мое мясо не годно. Едва я въ дальней дорогѣ не умеръ, да накормила меня твоя сестра; вотъ благодаря ей и другой твоей сестрѣ я и пришелъ сюда. Будь лучше добра ко мнѣ; скажи, не знаешь-ли, гдѣ моя сестра живетъ, у кого: ее взялъ кто-то, вотъ уже восьмой годъ.» «Ну ты голодный, говоритъ старуха, садись-же сперва ѣшь и положила ему полсвиньи. Какъ все съѣшь, скажу гдѣ твоя сестра и дамъ тебѣ опаса.» Съѣлъ лопарь и сталъ ѣсть. Увидѣлъ опять, что всего ему не съѣсть. Снялъ съ пальца кольцо, опустилъ его на полъ;

оно зазвенѣло, и собака залаяла. Старуха вышла посмотрѣть, нѣтъ-ли кого, а онъ въ это время остатки припряталъ. Вернулась старуха: видитъ что ничего нѣтъ и говоритъ: «Ну, что все съѣлъ?» «Все, говоритъ, благодарю.» Ложись теперь и отдохни, а завтра поѣдешь къ сестрѣ.» Онъ легъ и заснулъ. Проснулся уже утромъ. Старуха ему и говоритъ: «иди теперь направо отъ избы: тамъ увидишь лошадей; которую первую увидишь, на той и поѣзжай къ сестрѣ.» Онъ пошелъ и не далеко отъ избушки увидалъ лошадь очень маленькую, мало и похожую на лошадь. Онъ схватилъ было ее, посмотрѣлъ и подумалъ: «далеко-ли на ней уѣду: ее саму нужно тянуть, да старуха велѣла—поведу.» Лошадь заупрямилась, и онъ отпустить ее. Въ это-же время онъ увидалъ и другую большую лошадь; она ему понравилась; схватилъ ее и повелъ къ избѣ. Привелъ и вошелъ въ избу. Старуха и спрашиваетъ: «что привелъ?» «Привелъ», говоритъ. Она вышла посмотрѣть и когда увидала первого большого коня спросила: «Этого-ты взялъ, развѣ онъ первый тебѣ попался?» «Нѣтъ, говоритъ, первый маленькій: онъ мнѣ не понравился. Куда я на немъ и поѣду—самому нужно будетъ тянуть его, да онъ еще и заупрямился, я и спустилъ его. Этого увидалъ и взялъ.» «Взялъ, теперь дѣла пока не поправитъ. Поѣзжай, но не будь тебѣ живому.» Съѣлъ онъ на коня и поѣхалъ. Черезъ нѣсколько времени увидалъ онъ избу; около избы играютъ три парня. Ребята и закричали: «мать, дядя ѣдетъ, дядя!» Она и кричитъ имъ изъ избы: «откуда вы взяли дядю? Сюда мало кто отъ насъ прѣзжаетъ». Посмотрѣла однако въ окно и увидала брата, вышла на встрѣчу ему, поздоровалась, позвала въ избу. Дала ему поскорѣй поѣсть и говоритъ: «ѣшь скорѣй и поѣзжай, иначе мой мужъ тебя убьетъ». Онъ поѣлъ и поѣхалъ обратно. Сталло-сталъ, мужъ сестры, векорѣ послѣ его отъ-

ѣзда вернулся домой. Дѣти и говорятъ ему: «у насъ здѣсь дядя былъ». «Какой дядя?» «Матери братъ». Онъ сейчасъ у жены спросилъ: «давно-ли онъ уѣхалъ?» Дѣти и закричали: «недавно». «А какой конь былъ и чей?» «Конь былъ старухинъ, на которомъ она возить воду». Ну, этотъ ничего не стоитъ». Сказавъ это, онъ сейчасъ-же побѣжалъ, догналъ лопаря и убилъ его. Послѣ этого онъ пришелъ домой, а лошадь старухина къ ней прибѣжала. Старуха, увидавъ коня, отправилась искать лопаря и нашла его; она сломала три свѣжихъ березовыхъ прута, ударила ими по лопарю — онъ пошевелился; ударила другой разъ — онъ сѣлъ; ударила третій разъ — онъ всталъ на ноги и говоритъ: «какъ я долго спалъ». «Да еще дольше-бы спалъ и вовсе-бы даже не всталъ, если-бы не я. Пойдемъ теперь ко мнѣ: тамъ дѣло какънибудь поправимъ». Пришли къ старухѣ: она опять послала его за лошадей и посоветовала ему взять маленькую. Онъ опять схватилъ маленькаго коня, но тотъ заупрямился, и онъ увидалъ бѣлаго большаго коня, отпустилъ маленькаго и привелъ бѣлаго. Старуха вышла, увидала, что онъ привелъ не маленькаго коня, опять сказала ему: «не будешь ты живъ и на этомъ конѣ». Онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ; пріѣхалъ къ дому сестры; ребята опять закричали матери! «дядя ѣдетъ, дядя». «Какой дядя, вашъ отецъ убилъ его. Дядя больше не пріѣдетъ». Посмотрѣла въ окно, увидала брата. Накормила его поскорѣй и приказала скорѣе уѣзжать. Какъ только онъ уѣхалъ, пришелъ Сталло-сталь; дѣти опять сказали ему: «у насъ дядя былъ». «Какой дядя былъ?» «Да тотъ-же самый, который вчера былъ». «Давно-ли онъ былъ и на какомъ конѣ пріѣзжалъ?» «Конь былъ бабкинъ, на которомъ она дрова возить». Побѣжалъ, догналъ лопаря, убилъ его и пришелъ домой, а лошадь опять прибѣжала къ старухѣ. Старуха отыскала лопаря, ударила его три раза

березовыми прутьями; послѣ третьяго удара онъ всталъ и говоритъ: «долго я проспалъ опять». «Да спалъ-бы и еще, если-бы не я». Онъ поблагодарилъ ее и они вмѣстѣ вернулись; она опять послала его за лошадей и приказала ему взять непременно маленькаго коня, «а иначе тебѣ никакой помощи не будетъ отъ меня». Лопарь пошелъ и привелъ маленькую лошадь. Старуха вышла, посмотрѣла и сказала: «вотъ давно-бы такъ сдѣлалъ, тогда и сестра была-бы уже у тебя». Она дала ему еще двѣ собаки и приказала бросить имъ, когда поѣдетъ обратно, два хлѣба; а собакъ онъ долженъ былъ оставить на подорогѣ. Лопарь сѣлъ на лошадь и поѣхалъ: собаки за нимъ побѣжали; на подороги онъ ихъ оставилъ. Пріѣхалъ къ дому сестры; ребята опять закричали: «дядя ѣдетъ, дядя». «Какой дядя: отецъ вашъ убилъ его; развѣ онъ самъ ѣдетъ». Посмотрѣла въ окно, увидала брата, привела его въ избу, накормила и приказала ѣхать скорѣй обратно; въ противномъ случаѣ ни ему, ни ей не остаться въ живыхъ. Онъ уѣхалъ; тотчасъ по уходѣ его пришелъ Сталло-сталь. Дѣти опять закричали: «у насъ дядя былъ». Онъ посмотрѣлъ на нихъ сердито и спросилъ: «Давно-ли?» «Недавно». «А на какомъ конѣ онъ пріѣзжалъ?» «Конь у него былъ бабкинъ и очень маленькій». «Какой?» «Очень, очень маленькій». «Ну, и я, этого коня, должно быть не знаю». Онъ побѣжалъ въ погоню. Лопарь на маленькой лошади скачетъ словно птица, но Сталло-сталь началъ его понемногу догонять и закричалъ ему: «Подожди, вмѣстѣ поѣдемъ!» Тотъ немного подождалъ, а какъ только Сталло-сталь приближался, гналъ еще скорѣе. Такъ онъ дѣлалъ до трехъ разъ. Наконецъ доѣхалъ и до мѣста, гдѣ онъ оставилъ собакъ; одна стоитъ на одной сторонѣ дороги, другая на — другой. Бросилъ онъ имъ хлѣба, тѣ схватили и сѣли. Добѣжалъ до нихъ Сталло-сталь; со-

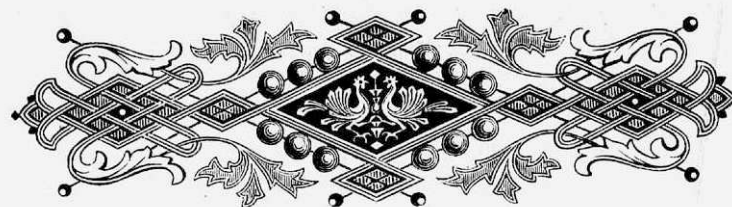
баки схватили его, разорвали на двѣ части и стали его ѣсть. Лопарь повернулъ и поѣхалъ обратно къ сестрѣ. Ребята опять закричали: «дядя ѣдетъ, дядя?» Мать на нихъ заворчала: «ѣдетъ отецъ, говорить, а вы меня дразните». Посмотрѣла въ окно, увидала брата и удивилась. Онъ вошелъ въ избу и говорить: «довольно тебѣ мучиться! собирайся и поѣдемъ домой». Положила она всѣ свои пожитки въ ящикъ, — тѣ пожитки, которые получше, а что похуже было, то оставила. Дѣтей рѣшили убить. Убили двухъ, а третій — старшій — сказалъ: «не убивайте меня, возьмите съ собой: я пригожусь вамъ». Его оставили въ живыхъ и всѣ втроемъ поѣхали. Доѣхали до старухи, отдали ей коня и пошли пѣшкомъ домой. Шли они долго, наконецъ дошли до озера. Нужно было его переѣхать, потому что обходить было далеко. Стали искать на чемъ бы переѣхать и увидали желѣзный карбасъ, полный водой. Сынъ и сказалъ: «у меня прежде отецъ поднималъ карбасъ немного къ верху и вода убѣгала». Лопарь взялъ карбасъ за корму, а племянникъ его за носъ: немного приподняли карбасъ и воды не стало. Сѣли въ карбасъ, переѣхали черезъ озеро и пошли дальше. Черезъ нѣсколько времени пришли къ рѣкѣ, гдѣ карбаса не было; они не знали, какъ переправиться. Сынъ Сталло-сталъ опять сказалъ: «у меня отецъ былъ, такъ онъ вырубилъ двѣ чурки — бревна, поставилъ ихъ на край рѣки и спустить. Онѣ и падутъ другимъ концемъ на другую сторону; по нимъ онъ и переходилъ». Сдѣлали такъ и перешли. Наконецъ дошли они до веревки. Лопарь отвязалъ ее отъ камня; привязалъ къ веревкѣ сестру, потомъ ящикъ, потомъ себя, потомъ парня. Стали за веревку дергать и ихъ потянули на верхъ. Вытянулъ старшій братъ сперва сестру и спросилъ у ней: «кто тамъ еще?» «Ящикъ». Вытянулъ и ящикъ: взяли и его. «Еще кто?» «Братъ». Вытя-

нулъ и его. «А тамъ еще кто?» «Сынъ сестры». «Нѣтъ его не надо, это родъ Сталло-стала и можетъ намъ вредъ принести». Веревку перерѣзали и онъ пошелъ ко дну. Братъ съ сестрой зажили очень хорошо, и она рада была, что избавилась отъ сына, такъ какъ онъ ее часто билъ.

Сынъ, оставшійся подъ землей, пошелъ куда глаза глядятъ. Шелъ онъ, шелъ, увидалъ оленей. Подошелъ къ нимъ, сталъ звать людей, но никого не было; сталъ смотрѣть — увидѣлъ кережу. Онъ схватилъ оленя, запрегъ его въ кережу и поѣхалъ не правя. Олень ѣхалъ, ѣхалъ и на встрѣчу сыну Сталло-стала попался человѣкъ; человѣкъ этотъ и спросилъ: «куда ты поѣхалъ». «Самъ не знаю куда», говорить и рассказать, какъ онъ нашелъ оленей и поѣхалъ. Человѣкъ удивился этому и сталъ звать его къ себѣ въ работники. Онъ согласился, «для меня все равно жить: гдѣ нибудь да надобно». Поѣхали они вдвоемъ въ кережѣ; ѣхали долго — наконецъ увидали, что ѣдетъ лопарь. Остановились и стали разговаривать. Лопарь оказался младшимъ братомъ спасенной сестры; онъ узналъ парня, а тотъ не узналъ его. Лопарь и сталъ просить этого человѣка, чтобы онъ уступилъ ему парня въ работники. Тотъ и говорить: «я взялъ его не оттого, что мнѣ нуженъ, а потому что ему все равно гдѣ жить, лишь бы у мѣста». Вотъ парень и поѣхалъ съ нимъ. Приѣхали домой и парень узналъ свою мать. Съ нимъ съ виду обходились хорошо, но въ дѣйствительности братьямъ хотѣлось его убить. Такъ имъ убить его не хотѣлось и они рѣшили убить его, когда будутъ рубить лѣсъ: «тогда сдѣлаемъ такъ, чтобы дерево на него упало и убило его». Они такъ и сдѣлали; дерево упало и убило парня: они тутъ его и похоронили. Послѣ этого одинъ изъ братьевъ ушелъ домой, а другой въ кегоры. Тамъ ему

встрѣтились три человѣка, въ бѣлыхъ одеждахъ и спросили его: «у васъ, мы слышали, есть парень, гдѣ онъ»? Онъ сегодня убился: на него упало дерево». «Жаль его, говорятъ, а мы хотѣли взять его къ себѣ въ работники. Теперь же его нѣтъ—нечего и дѣлать. Намъ теперь идти больше не хочется, а не дашь ли ты намъ трехъ быковъ-оленей, мы и поѣдемъ сами. Оленей потомъ спустимъ: они прибѣгутъ». Онъ на радостяхъ, что избавился отъ парня, далъ имъ оленей; они и сказали: ты не будешь раскаиваться, что далъ намъ оленей: у васъ будетъ вдвое больше оленей, и все будутъ здоровы». Они уѣхали; олени вскорѣ прибѣжали назадъ. Братья послѣ этого зажили хорошо и богато и были счастливы».

(Архангельской губ. Кольскаго уѣзда изъ быта русскихъ лопарей.
Н. Харузина).

Илья Муромецъ.

Изъ-за лѣсу, лѣсу было темно, изъ-за темно дремуцево, не туця-ли тамъ затуцилась, не туманъ-ли затумавивсе. Поднимаетце тамъ злодій Калинъ царь на Кіевъ градъ, за нимъ было сорокъ царей царевицей, сорокъ королей королевичей, и за каждымъ царемъ царевицѣмъ и за каждымъ королемъ королевичѣмъ было силы за ними по сорока тысящ; за самымъ злодіемъ Калиномъ царемъ было силы три тмы и три тисеци. Подошли онъ подъ Кіевъ градъ и обетали кругомъ Кіева, и злодій Калинъ царь въ первой день ходивъ до вечера, первую ночь до бѣла свѣта и выкликавъ сибѣ таково целовѣка, што-бы знавъ говорить по русски и тавмачить по татарски. И другой день ходивъ до вечера, и другую ночь ходивъ до бѣла свѣта и выкликавъ таково целовѣка, што-бы знавъ говорить по русски и

товмачить по татарски. И третій день ходивъ до вечера, третью ночь ходивъ до бѣла свѣта и выкликавъ таково целовѣка, што-бы знавъ говорить по русски и товмачить по татарски. И пашовсѣ такой целовѣкъ, што знаетъ говорить по русски и товмачить по татарски, и онъ ему наказъ наказывалъ: «пойди-жо ты во Кіевъ градъ, иди прямо ко князю Владиміру во свѣтлую свитлицу и во столовую горницу, и гдѣ-ка оподиваетъ князь Владиміръ, и не снимай съ себя шапки соболіныя и не крести своею бѣлою лица, и говори ты съ нимъ таковы слова не съ упадкою: «ахъ, ты князь Владиміръ! мы къ тебѣ пришли не въ гость гостить, ты отдай намъ Кіевъ градъ безъ бою, безъ драки и безъ большово кроволитія»...

Повисивъ князь Владиміръ свою буйну голову ниже могучихъ плечъ. У ево была жона Апраксія, у ево она спрашивала: «што-жо ты, мой возлюбленной мужъ, повисивъ свою буйну голову ниже своихъ могучихъ плечъ?»*). — «Да, говорить, жона моя Апраксія! какъ мнѣ своя голова не повисить: просить злодѣй Калинъ царь Кіевъ градъ отдать безъ бою, безъ драки, безъ большово кроволитія»?... Говорила тутъ ему жона ево Апраксія: «есть у насъ въ глубокомъ погребу сильной могуцей богатырь Илья Муромецъ, возьми ты тарелки золоцѣныя, на эти тарелки насыпи

*) Желая быть точнымъ, мы удерживаемъ буквально мѣстный выговоръ, по которому мужчины въ Ширихановѣ придерживаются болѣе или менѣе вологодскаго говора, а женщины—слонецкаго, съ преобладающимъ звукомъ «ц» напр. слово «что» мужчины всегда выражаютъ «што», а женщины «цто». Но и у мужчинъ болѣе слышится «ц» нежели «ч», и кромѣ того вмѣсто твердаго знака, часто употребляется мягкій «ь» вмѣсто «а»—«я».

злата и серебра и драгоцѣнново каменья; набери съ собой куницъ и лисицъ и драгоцѣнныхъ соболей, и принеси ты ему покорность и говори таковы слова: Ты прими отъ меня сильной могуцей богатырь, Илья Муромецъ, богатой подарокъ и выйди ты на бѣлъ свѣтъ изъ глубокого погребя и постои ты за церкви соборныя, за души младенческія, за вѣру христіанскую»!.. Тутъ выходилъ Илья Муромецъ изъ глубокого погребя и кричавъ онъ своимъ богатырскимъ голосомъ, свиставъ молодецкимъ посвистомъ своею добровою коня; и бѣжить ево добрый конь наступчивой, не потерявъ онъ войлоцка косячатова, не потерявъ онъ сидѣлышка черкасково, не потерявъ онъ и копы догмомѣрново, не потерявъ онъ и палочки воинскія, богатырскія... Садивсе Илья Муромецъ на своею добровою коня, поѣзжавъ во зеленныя луга и гдѣ-ка живъ тамъ злодѣй Калинъ царь. Ъхавъ-поѣхавъ и самъ сибѣ подраздумавсе «што-жо я поѣхавъ на рать силу великую, силу не побитую, а не у ково не просивъ благословенья?»

Въ цистомъ полѣ живеть у ево дядюшка Самсонъ Колывановицъ, прѣзжаетъ онъ къ этому дядюшкѣ и дядюшка обрадѣвъ своему племяннику и спрашивалъ ево: «куда-жо ты, племянникѣкъ, поѣхавъ?» — «Есть, говорить, дядюшка пашовъ на Кіевъ градъ Калинъ царь за нимъ 40 царей, царицей, 40 королей, королевей, за каждымъ царемъ царицей, за каждымъ королемъ королевей, силы по сороку тысящей, за самимъ злодѣемъ Калиномъ царемъ силы три тмы и три тсеци, и лажу я постою за церкви соборныя, за души младенскія и за вѣру христіанскую. Говорить ему тутъ Самсонъ Колывановицъ: «ну племянникѣкъ, ты съзиди по завтракай, а меня оставлей пообѣдать»; и дасть ему другой лукъ и стрѣлку каленую, и говорить, наказъ наказы-

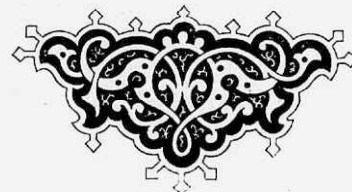
васть: «если обовладіть тебя сила поганая и возмуть тебя во полонъ, ты натегивай тугой лукъ и накладывай стрѣлу каленую и стрѣль приговаривай: «полети-жо ты, каленая стрѣла, не пады-жо ты не на воды, не на землю, пади ты Самсону Колывановичу на бѣль шатеръ полотняной и сшиби маковку золоцѣную!»

Пріѣзжаетъ Илья Муромецъ во чистое полеушко въ силу великую, силу непобитую; куды пройдетъ — тутъ улица, куды на добромъ конѣ поворотитцѣ — тутъ площадь, и видитъ тутъ злодѣй Калинъ царь, што съ этимъ богатыремъ нечево не подѣлать. Приказываетъ (Калинъ царь) своей силѣ копать перекопи глубокиа и ставить копыа вострыа; и вскочивъ ево доброй конь, Ильи Муромца, черезъ одну перекопъ, изколовсѣ весь, и взяли тутъ Илью Муромца во полонъ... Натягивалъ Илья Муромецъ тугой лукъ, накладывалъ стрѣлу каленую и стрѣль приговаривавъ: «полети стрѣла каленая, не пади ты не на воду, не на землю, а пади моему дядюшкѣ Самсону Колывановичу на бѣль шатеръ полотняной и сшиби ты съ бѣла шатра маковку золоцѣную»...

И догодавсе тутъ ево дядюшка Самсонъ Колывановичъ, што племянникъ во полонъ взять, Илья Муромецъ. Вотъ онъ (Самсонъ Колывановичъ) осѣдлавъ, обуздавъ своево доброво коня и поѣхавъ въ чистое поле ко злодѣю Калину царю и сталъ онъ поѣзживать, своево племянника выручивать. Куды пройдетъ — улица, куды поворотитсе — площадь; столько стало валитсе нечисти поганые. Вотъ онъ приломавъ свое конье довгомѣрное, изломавъ свою палочку воинскую, богатырскую, — воевать больше стало нецѣмъ; и схвати онъ тутъ татарина: «ахъ, говоритъ, какое мнѣ попало побо-

ищо *), гнетце — не ломитце, по суставамъ не сорветце»... И прибилъ онъ тутъ у злодѣя Калина царя всю силу, и злодѣя Калина царя взявъ въ полонъ, и съ живово кожу снесли и выручивъ своево племянника Илью Муромца.

Записано А. Шустиковымъ.

*) Побойщо-орудіе, въ данномъ случаѣ человекъ служилъ орудіемъ Самсону Колывановичу.

Русская народная сказка „Дурень“ *).

А жилъ былъ Дурень,
А жилъ былъ Бабинъ;
Вздумалъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Отшедши Дурень
Версту другу,
Нашелъ онъ Дурень
Двѣ избы пусты,
Въ третей людей нѣтъ;
Заглянеть въ подполье,
Въ подпольѣ черти

*) Древнія Рос. стихотв., собр. Киршею Даниловымъ.

Востроголовы,
Глаза что часы,
Усы что вилы,
Руки что грабли,—
Въ карты играютъ,
Костью бросаютъ,
Деньги считаютъ,
Груды переводятъ;
Онъ имъ молвилъ:
«Богъ вамъ въ помочъ
Добрымъ людямъ».
А черти не любятъ,
Схватили Дурня,
Зачали бити,
Зачали давити,
Едва его Дурня
Жива отпустили.
Пришедши Дурень
Домой-то плачетъ,
Голосомъ воетъ;
А мать бранитъ,
Жена пѣнати.
Сестра-то также:
«Ты глупой дурень,
Неразумной Бабинъ!
То же бы ты слово,
Не также бы молвилъ:
А ты бы молвилъ;
Будь врагъ проклятъ
Именемъ Господнимъ,
Во вѣки вѣковъ, аминь
Чертибъ убѣжали,

Тебѣ бы Дуренью
Деньги достались
Вмѣсто кладу». —
Добро ты баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду!

* * *

Пошелъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидѣлъ Дурень
Четырехъ братьевъ —
Ячмень молотятъ,
Онъ имъ молвилъ:
«Будь врагъ проклять
Именемъ Господнимъ». —
Бросились къ Дуренью
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали его колотити —
Едва его Дурня
Жива отпустили.
Пришедши Дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ;
А мать бранити,

Жена пѣняти,
Сестра-то также:
«А глупой Дурень,
Неразумной Бабинь!
Тоже бы ты слово,
Не также бы молвилъ —
Ты бы молвилъ
Четыремъ братьямъ,
Крестьянскимъ дѣтямъ:
«Дай вамъ Боже!
По сту на день,
По тысячѣ на недѣлю». —
Добро ты баба
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду!

* * *

Пошелъ же Дурень,
Пошелъ же Бабинь,
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидѣлъ Дурень
Семь братьевъ,
Мать хоронять,
Отца поминають,
Всѣ тутъ плачутъ,
Голосомъ воютъ;
Онъ имъ молвилъ:

«Богъ вамъ въ помощь
Семь васъ братьевъ!
Мать хоронити,
Отца поминати,—
Дай Господь Богъ вамъ
По сту на день,
По тысячѣ на недѣлю».
Схватили его Дурья
Семь-то братьевъ,
Зачали его бити,
По землѣ таскати,
Въ : валяти, —
Едва его Дурья
Жива отпустили.
Идетъ-то Дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ;
Мать бранити,
Жена пѣнати,
Сестра-то также:
«А глупой Дурень,
Неразумной Бабинѣ!
Тоже бы ты слово,
Не также бы молвилъ,
Ты бы молвилъ: прости!
Боже благослови!
Дай Боже имъ
Царство небесное,
Въ землѣ упокой,
Пресвѣтлой рай всѣмъ!
Тебя бы Дурья
Вливами накормили,

Кутсей напители».
Добро ты баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду.

* * *

Пошелъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
Встрѣчу ему свадьба,
Онъ имъ молвилъ «прости!
Боже благослови!
Дай вамъ Господь Богъ
Царство небесное,
Въ землѣ упокой,
Пресвѣтлой рай всѣмъ!»
Наѣхали дружки,
Наѣхали бояра,
Стали Дурья
Плетьми стегати,
По ушамъ хлестати.
Пошелъ, заплакалъ.
Идетъ да воетъ;
Мать его бранити,
Жена пѣнати,
Сестра-то также:
«Ты глупой Дурень,

Неразумной Бабинь!
Тоже бы слово,
Не также бы молвить,
Ты бы молвилъ:
Дай Господь Богъ
Новобрачному Князю
Сужено поняти,
Подъ златъ вѣнецъ стати,
Законъ Божій пріяти,
Любовно жити,
Дѣтей сводити!»
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду!

* *
*

Пошелъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Встрѣчу Дурню
Идетъ старецъ,
Онъ ему молвилъ:
«Дай Господь Богъ
Тебѣ же старцу
Сужено поняти,
Подъ златъ вѣнецъ стати,
Любовно жити,
Дѣтей сводити!»
Бросился старецъ,
Схватилъ его Дурня,
Сталъ его бити,

Костылемъ коверкать —
И костыль изломалъ весь;
Не жаль старцу дурака-то,
Не жаль ему старцу костыля-то.
Идетъ-то Дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ,
Матери расскажетъ;
Мать его бранити,
Жена журити,
Сестра-то также:
«Ты глупой Дурень,
Неразумной Бабинь!
Тоже бы ты слово,
Не также бы молвить,
Ты бы молвилъ:
Благослови меня отче
Святой Игумень!
А самъ бы мимо».
Добро ты баба
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Впредь таковъ не буду!

* *
*

Пошелъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Въ лѣсу ходити.
Увидѣлъ Дурень

Медвѣди за сосной;
Кочку роетъ,
Корову коверкать;
Онъ ему молвилъ:
«Благослови мя отче
Святой Игуменъ!
А отъ тебя духъ дурень».
Схваталъ его медвѣдь-ать,
Зачалъ драти,
И всего ломати,
И смертно коверкать,
И выѣлъ;
Едва его Дурья
Жива оставилъ.
Пришедши Дурень
Домой-то плачетъ,
Голосомъ воетъ,
Матери расскажетъ;
Мать его бранити
Жена пѣнати,
Сестра-то также:
«Ты глупой Дурень,
Неразумной Бабинъ!
Тоже бы слово,
Не также бы молвилъ
Ты бы заускалъ,
Ты бы загайкалъ,
Ты бы заулюкалъ».
Добро ты баба,
Баба Бабариха!
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!

Потомъ я Дурень
Таковъ не буду!

* *
*

Пошелъ же Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Будетъ Дурень
Въ чистомъ полѣ,
Встрѣчу Дурню
Шишковъ Полковникъ;
Онъ заускалъ,
Онъ загайкалъ,
Онъ заулюкалъ, —
Наѣхали на Дурья
Солдаты,
Наѣжали драгуны,
Стали Дурья бити,
Стали колотити.
Тутъ ему Дурню
Голову сломили,
И подъ кокору
Бросили.
Тутъ ему Дурню
И смерть случилась.

Какъ мужикъ ходилъ къ солнцу *).

Жилъ, былъ мужикъ. Онъ бѣдно жилъ. Онъ думалъ, какъ-бы къ солнцу понасть. Онъ пошелъ, шелъ, шелъ нѣсколько дней, пришелъ въ путасъ (глубокое мѣсто рѣки, гдѣ нельзя перейти въ бродъ); черезъ рѣку китъ высохъ, будто дорога, будто мостъ черезъ рѣку; по китовой спивѣ ходитъ народъ; пребольщинская дорога, словно улица. Онъ пошелъ по спинѣ кита. Китъ и спрашиваетъ: «куда ты, хорошій человѣкъ, пошелъ понадать?» Онъ отвѣчаетъ: «къ солнцу пошелъ понадать.» Китъ говоритъ: «когда придешь къ солнцу, спроси, за какіе грѣхи я высохъ и не могу выйти.» Онъ шелъ, шелъ опять — видитъ двѣ

*) Ст. русскіе лопари Н. Харузина, стр. 463.

жонки изъ проруби воду черпаютъ у озера. Спрашиваютъ: «хорошій человѣкъ, куда ты пошелъ понадать?» Онъ отвѣчаетъ: «къ солнцу иду понадать.» Онѣ и говорятъ: «когда придешь къ солнцу, спроси, за какіе грѣхи мы черпаемъ третій годъ, а изъ проруби воды ни убавляется, ни прибавляется.» Онъ пошелъ; шелъ, шелъ нѣсколько дней; попадаетъ въ избушку; въ той избушкѣ старикъ со старухой живутъ, тоже 3-й годъ. Спрашиваютъ его: «куда ты, хорошій человѣкъ, пошелъ понадать?» Онъ отвѣчаетъ: «къ солнцу иду понадать.» Они и говорятъ: «спроси у солнца, за какіе грѣхи мы 3-й годъ живемъ! ни ѣсть, ни пить нечего.» Шелъ, шелъ, пришелъ на берегъ; пришелъ къ рѣкѣ; тамъ старикъ постоянно на карбасѣ ѣздитъ, перевозить; старикъ старый, волосы сѣдые, длинные, борода бѣлая. Старикъ спрашиваетъ: «куда ты, хорошій человѣкъ, идешь понадать?» Онъ отвѣчаетъ: «къ солнцу иду понадать.» Старикъ карбасъ (лодку) повернулъ кормой къ берегу; мужикъ сѣлъ. Старикъ говоритъ: «тяжело мнѣ порато (очень) перевозить порато тяжело; придешь къ солнцу, спроси, за какіе грѣхи я перевожу.» Опять шелъ, шелъ — пришелъ къ лѣсу! въ лѣсу избушка; въ той избушкѣ дѣвочка маленькая (7—8 лѣтъ) живетъ, у дѣвочки груди большіи, большіе ея. Она и спрашиваетъ: «куда ты, хорошій человѣкъ идешь понадать?» Онъ говоритъ: «къ солнцу иду понадать.» Она баню истопила, напоила, накормила его. Онъ ее спрашиваетъ: «нѣтъ-ли подводы какой?» А она дала палочку и говоритъ: «куда эта палочка идетъ, туда ты вслѣлъ иди.» Онъ шелъ по палочкѣ: куда палочка, туда и онъ. Онъ шелъ, шелъ, палочка и пришла къ избушкѣ и назадъ поѣхала. Въ той избушкѣ дѣвушка (большая) сидитъ: на лѣвомъ боку платя нѣтъ — совсѣмъ голо. Она спрашиваетъ: «куда ты, хорошій человѣкъ, идешь понадать?» онъ гово-

рить: «къ солнцу иду попадать.» Она накормила его, а онъ говоритъ: «не дашь-ли ты мнѣ подводу?» а она дала лошадь: «куда лошадь идти, ты туда иди», и сани дала. Онъ шелъ, шелъ, пришелъ къ избушкѣ. Онъ остался, а лошадь сама поѣхала назадъ. Въ избушкѣ старушка живетъ; у старушки груди большія. Она спрашиваетъ: «куда ты?..» онъ говоритъ: «къ солнцу иду попадать; нѣтъ-ли подводы, не знаю куда къ солнцу итти.» А она говоритъ: «будетъ первая избушка, тамъ солнцева мать (пейвъ-іэнь) живетъ.» Старуха дала клубокъ мужику: «куда клубъ идти, туда и ты иди.» Клубъ шелъ, шелъ, пришелъ къ избушкѣ. Избушка снаружи серебряная, внутри золотая. Клубъ этотъ по дорогѣ назадъ пошелъ. Онъ пришелъ въ избу, тамъ женщина не очень старая, ходитъ, красивая: волосы растрепаны, на правомъ боку голая, только какъ жаръ горитъ правый бокъ. Она спрашиваетъ: «куда ты...?» Онъ отвѣчаетъ: «къ солнцу иду попадать.» Она какъ схватитъ его за руку и говоритъ: «пойдемъ, посмотримъ со мной, каково солнце.» Она вела его, вела, пришла въ темную комнату, нигдѣ свѣта нѣтъ; она ушла. Онъ тамъ сидѣлъ, сидѣлъ, потомъ свѣтло сдѣлалось, солнце запекло, жарко такъ. Потомъ вдругъ темно опять сдѣлалось. Какъ темно сдѣлалось, идетъ эта жонка, за руку мужика взяла и повела опять въ свою избу. Привела въ избу и спрашиваетъ: «видѣлъ-ли ты солнце?» Онъ отвѣчаетъ: «я видѣлъ.» Она ему свою грудь показываетъ: «видишь, я солнцева мать, какая у меня грудь горячая.» Онъ пощупалъ—горячая, горячая. Она ему дала золота, серебра много. Потомъ онъ сталъ рассказывать: «кто эти женщины, которые мнѣ давали поводы?» «Кто эта старушка, что мнѣ дала клубъ?»—«Это мнѣ старшая дочь.» «Кто эта, которая мнѣ лошадь дала?»—«Это мнѣ средняя дочь.»—«Кто эта, которая мнѣ палочку дала?»—«Это мнѣ младшая дочь.» «За какіе грѣхи, говоритъ, ста-

рикъ поставленъ перевозить, вѣдь ему тяжело.» Она говоритъ: «старикъ посаженъ за то, зачѣмъ онъ кормой на берегъ пристаеъ: это грѣхъ непростительный.»—«Еще, говоритъ, старикъ со старухой живутъ 3-й годъ, живутъ ни ѣсть, ни пить не могутъ: за какіе грѣхи мучатся?» Она ему отвѣчаетъ и говоритъ: «Не будетъ имъ прощенья за то, что они у народа много денегъ украли: они вѣкъ свой будутъ жить въ этой избушкѣ.» Опять мужикъ спрашиваетъ: «за какіе грѣхи женщины изъ проруби воду черпаютъ?» Она и отвѣчаетъ: «за то, что онѣ виномъ торговали и молокомъ и водой наливали вино и молоко, имъ тоже прощенья не будетъ во вѣкъ.» Потомъ онъ опять говоритъ: «за какіе грѣхи китъ засохъ черезъ рѣку?» Она говоритъ: «за то, что китъ порато (очень) много народа пожралъ и карбасовъ и шнякъ—за то; если народъ онъ весь найдетъ, который проглотилъ, то выйдетъ изъ того мѣста.»

Онъ и пошелъ домой, никуда ужъ не заходилъ и пришелъ къ берегу, гдѣ старикъ кормой пристаеъ. Онъ и говоритъ, когда старикъ его перевезетъ: «зачѣмъ ты кормой пристаешь, а приставай носомъ; кого свезешь, тотъ и останется, а ты выйдешь.» Старикъ съ тѣхъ поръ сталъ носомъ приставать. А тотъ къ той избушкѣ пришелъ, гдѣ старикъ со старухой живутъ; въ избушкѣ нѣту никого; ни старика, ни старухи нѣтъ—они ушли и умерли, а на дверяхъ написано въ избѣ: «померли.» Потомъ пришелъ къ женщинамъ, что воду черпаютъ. Женщины и спрашиваютъ: «что намъ будетъ?» Онъ и говоритъ: «ничего вамъ не будетъ—подливали воду въ молоко и въ вино.» Онъ опять пошелъ, пришелъ къ киту. Китъ спрашиваетъ: «хорошій человѣкъ, что мнѣ будетъ?» Онъ говоритъ: «Если всѣхъ, которыхъ проглотилъ найдешь, тогда выдешь изъ этого мѣста.» Китъ

пошелъ искать, всѣхъ нашелъ и вышелъ изъ этого мѣста. Этотъ мужикъ пошелъ домой къ матери и отцу. Отецъ да мать обрадовались. Онъ сталъ благословенія просить жениться: «Дадите-ли (т. е. позвольте-ли) жениться на комъ нибудь?» Они благословили. Онъ и женился на дѣвкѣ на бѣдной. Они лавку заправили и стали торговать. И сказк вся. (Нотозеро).

(Архангельской губ., Кольскаго уѣзда, изъ быта русскихъ лопарей).

Сказка о Царкомъ сынѣ.

Жилъ былъ царь съ царицей и у нихъ между собою было согласно. Царь до того любилъ свою жену, что даже всегда она находилась при немъ, когда онъ дѣлалъ и судъ надъ народомъ. Самъ онъ судилъ болѣе по правдѣ, а царица же сплошь и рядомъ поступала не по правдѣ. Разъ пришла къ нимъ судиться съ мужемъ женщина и царь разсудилъ ихъ правильно: мужа оправдалъ, а жену призналъ виноватою.

Царица, напротивъ, оправдывала жену и когда на семь настояла, то находящійся въ утробѣ матери младенецъ вдругъ

сказалъ: плеха по плехи и тянеть. Она разсердилась на него и про себя подумала: рано сталъ соваться, а когда родишься, тогда мнѣ не будетъ отъ тебя и покою. Устрою же я съ тобой штуку.

Наконецъ она родила сына и хотѣла его было сейчасъ же убить, но стало жаль, и страшно самой это было сдѣлать. Она позвала солдатъ, отдала имъ младенца, приказала его убить и ей принести отъ него сердце. Солдаты также сжалились надъ младенцемъ, они поэтому отдали его на воспитаніе пастуху; вмѣсто же его убили маленькаго ягненка и сердце отъ него принесли царицѣ. Сердце это царица приказала изжарить и за столомъ его съѣла. Царь однако зналъ, что у ней родился сынъ и вотъ, чтобы скрыть предъ царемъ свое злодѣяніе, она послала своихъ служанокъ купить ей другаго младенца. Въ это время родился сынъ у кузнеца и у него-то вотъ и купили его и принесли къ царицѣ. Младенца этого растили какъ царевича, но лишь только онъ немного подросъ, какъ сталъ заниматься только молотками и ими ковалъ желѣзо. Царь не понималъ и удивлялся, что сынъ его только занимается кузнеческимъ ремесломъ. Игры его все были около этого ремесла.

Когда же сынъ пастуха—царевичъ подросъ, то онъ во время игръ всегда хотѣлъ быть большимъ между своими ровесниками и нерѣдко между ними дѣлалъ судъ. Наконецъ все его ровесники и онъ самъ сказали: выберемъ мы изъ среды своей царя, будемъ его слушаться и онъ будетъ насъ судить. Царевичъ—сынъ пастуха, сказалъ: купимъ все мы по свѣчи и станемъ съ ними на востокъ и у кого свѣча сама собой загорится, тотъ и будетъ царемъ. Сказано, сдѣлано. Свѣчи купили, стали лицомъ на востокъ, и стали молиться, чтобы Богъ указалъ имъ Царя. Вскорѣ свѣчка ца-

ревича загорѣлась и все ровесники признали его своимъ дѣтскимъ царемъ. Когда кто нибудь во время игръ кого нибудь обидѣлъ, то сейчасъ же и дѣлалъ судъ. Судилъ же онъ всегда по правдѣ и никого напрасно не обижалъ. Молва объ этомъ прошла вездѣ и нерѣдко къ дѣтскому царю обращались и взрослые люди, которые были почему нибудь неправильно судимы настоящимъ царемъ и царицей. Онъ и эти дѣла всегда рѣшалъ справедливо.

Разъ одна бѣдная женщина попросила муки блюдо и съ нимъ пошла домой. Подулъ сильный вѣтеръ и у ней все разнесъ, не оставивъ ни пылинки. Она съ горя пошла къ царю и царицѣ жаловаться на вѣтеръ. Царь выслушалъ жалобу бѣдной старухи на вѣтеръ, посмѣялся надъ ней и сказалъ: глупая ты бабка, какъ я могу судить вѣтеръ?

Бабка была этимъ недовольна очень и сказала: ну, когда ты не могъ разсудить меня съ вѣтромъ, я пойду къ дѣтскому царю. Онъ разсудитъ справедливѣе. Царь и надъ этими словами посмѣялся и сказалъ: поди, посмотрю я, что ты тамъ получишь.

Старуха сейчасъ же отъ царя пошла, и пришла къ дѣтскому царю и сказала: царь-отецъ, разсуди меня съ вѣтромъ! Я попросила муки, понесла на блюдѣ, вѣтеръ палъ, все раздулъ и меня оставилъ голодною.

Дѣтскій царь выслушалъ жалобу со вниманіемъ, пожалѣлъ старуху и сейчасъ же послалъ своего человѣка, въ гавань за капитанами, которые пришли вчера. Капитаны судовъ на зовъ его немедленно явились. По приходѣ ихъ дѣтскій царь спросилъ ихъ: когда вы пришли сюда?

Вчера вечеромъ, отвѣтили они.

Ну это хорошо, но что для васъ лучше, вѣтеръ или тихо?

Конечно, вѣтеръ для насъ лучше всего. Не будь его, намъ бы сюда и не придти вчера.

Такъ вамъ это и хорошо, а вотъ бѣдная бабка плачетъ, что у ней вѣтеръ разнесъ съ блюда послѣднюю христорадную горсть муки, поэтому вы, какъ бы виновники вѣтра, и заплатите ей за муку.

Капитаны отвѣтили: мы не только не за муку заплатимъ, но пусть она пошлетъ намъ мѣшки и мы все ей пошлемъ по пуду.

Старуха обрадовалась этому, благодарила за судъ царя, да благодарила и капитановъ, потому что въ тотъ же день получила столько муки, сколько никогда у ней и не бывало. Капитаны также остались довольны рѣшеніемъ.

Дошла вѣсть объ этомъ и до царя. Ему стало завидно и обидно, что все почти идутъ судиться къ дѣтскому царю, и онъ всякое дѣло рѣшаетъ, не говоря, что не могу.

Дай, подумалъ царь, я сдѣлаю ему штуку и поставлю его въ тупикъ. Царь послалъ къ нему трехъ быковъ, съ приказаніемъ, чтобы они чрезъ извѣстное время сами родили телятъ, какъ самки.

Дѣтскій царь быковъ взялъ и послѣ ухода солдатъ сказалъ: спасибо царю. Быковъ мы убьемъ, намъ мяса будетъ надолго, а кожами, какъ у насъ крыша на избѣ худая, закроемъ избу. Такъ и сдѣлали.

Наконецъ пришло время, когда должно было быковъ съ телятами отвести назадъ. Вотъ дѣтскій царь, научивъ своего

человѣка, что нужно дѣлать, послалъ его къ Царю. Тотъ пошелъ къ царю во дворъ, тамъ ходилъ нѣсколько времени, и наконецъ увидѣлъ царя. Въ это время онъ сталъ снимать свои штаны и закричалъ: рожать хочу, рожать хочу. Царь, услышавъ это, залъ: ты съумасшедшій должно быть, когда мужчины рожали, развѣ могутъ рожать, отвѣчай.

— А ты царь самъ что сдѣлалъ? Самъ послалъ быковъ къ нашему царю, чтобы они были обхожены, развѣ это можно, и бывало когда нибудь?

Царь отъ такого отвѣта пришелъ въ удивленіе и ушелъ скорѣе прочь, не говоря болѣе ни слова.

Вскорѣ послѣ этого царь съ царицей пошли гулять. Увидѣлъ это и дѣтскій царь. Онъ пошелъ къ вѣсамъ (балансу), положилъ на одну скалку много собачьяго кала, а на другую ничего. Кала же все прибавлялъ и прибавлялъ.

Царь, увидя, это, остановился и смотрѣлъ, а про себя думалъ, гдѣ же у него умъ. Говорять, умный.

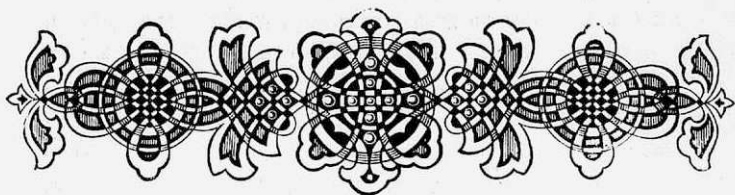
Наконецъ онъ не вытерпѣлъ и спросилъ у него, что ты дѣлаешь?

— Я вѣшу женскій умъ и смотрю какъ онъ легокъ и ничего не стоитъ.

Отвѣтъ этотъ привелъ царя въ удивленіе, и онъ сталъ думать: это, должно быть, не сынъ пастуха и не мой ли еще, потому что мой, кромѣ кованья, ничего не знаетъ. Подумавъ такъ, онъ скорѣе взялъ его къ себѣ и сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ и такимъ образомъ царицѣ надъ правдой не привелось восторжествовать. (Пазрѣка).

(См. русскіе лопари Н. Харузина, стр. 466).

Игрунъ—смѣльчакъ сынъ *).

Жилъ нѣкогда одинъ богатый человѣкъ и имѣлъ онъ одного сына. Умирая, онъ заповѣдалъ своей женѣ, чтобы она сыну его, если онъ попроситъ денегъ, дала ему въ первый разъ не болѣе трехсотъ рублей. Сынъ послѣ смерти его выросъ и сталъ ходить на улицу съ дѣтьми играть. Онъ игралъ съ ними въ бабки и бабки у нихъ отнялъ. Ребята ему и закричали: ты богачъ, а у бѣдняковъ отнимаешь бабки. Стыдъ. Онъ бабки бросилъ имъ и пришелъ къ матери и сказалъ: дай мнѣ сто рублей.

Мать денегъ дала ему и онъ пошелъ на улицу. Здѣсь опять игралъ съ ребятами и побрякивалъ деньгами. Въ это

*) См. русскіе лопари Н. Харузина, стр. 466.

время онъ увидѣлъ: идетъ старикъ и несетъ кошку, и спросилъ его, не продашь ли кошки?

— Купи.

— Много ли просишь?

— У меня кошка смирная и я менѣе ста рублей не продамъ.

Не говоря ни слова, онъ вынулъ деньги изъ кармана, отдалъ ихъ, взялъ кошку и пошелъ домой. Здѣсь ему она такъ понравилась, что онъ не зналъ болѣе никакого дѣла, какъ только съ нею и игралъ. Наконецъ, однако, наскучило ему, и опять пошелъ на улицу къ ребятамъ играть. Играя съ ними, онъ опять отнялъ у нихъ игрушки. Они опять закричали, не стыдно ли богачу, покупающему кошку за сто рублей, брать у бѣдныхъ конфетныя игрушки. Онъ бросилъ ихъ и пошелъ къ матери.

Дѣла опять выпросилъ у матери сто рублей и съ ними пошелъ на улицу играть. Побрякивая деньгами, онъ опять увидѣлъ того же старика, у котораго купилъ кошку, и онъ велъ теперь собаку.

Онъ опять сталъ покупать и купилъ ее за сто рублей, сколько и просилъ хозяинъ. Онъ сказалъ ему, что на его собакъ можно ѣздить и возить дрова.

Привелъ собаку домой и съ нею и кошкой игралъ постоянно. Онъ отъ него не отходили никуда. На собакъ онъ ѣздилъ, а кошку привязывалъ сзади. Этимъ онъ занимался долгонько и наконецъ это ему наскучило.

Опять пошелъ на улицу и игралъ съ ребятами. Отнялъ у нихъ и игрушки, тѣ опять и закричали и онъ, разсер-

дивнись, бросилъ имъ. Пришелъ домой и опять у матери сталъ просить 100 рублей. Мать деньги дала и сказала: это послѣднія, отецъ болѣе тебѣ не оставилъ. Взялъ онъ деньги и пошелъ на улицу. Вскорѣ онъ опять увидѣлъ того же старика, но у него ничего не было уже. Онъ поэтому спросилъ его, куда ты пошелъ?

— Я хожу и хочу кому нибудь продать золотой перстень—*сурмасъ*.

— Продай мнѣ и его. У меня еще есть деньги, хотя уже и послѣднія.

Старикъ согласился продать ему за сто рублей, только прибавилъ: деньги отдай сейчасъ, а за перстнемъ-кольцомъ пойдемъ со мною и у меня дома получишь. Заплатилъ материнъ сынъ деньги и пошелъ съ нимъ. Пошли они сперва мимо домовъ по дорогѣ, и все прошли. Пошли далѣе уже лѣсомъ и пришли къ пахтѣ, каменной горѣ. Здѣсь старикъ снялъ съ отверстія камня и сказалъ: поди туда, а я иду за тобою. Сынъ какъ зашелъ туда, то старикъ сейчасъ же отверстие закрылъ и самъ остался на землѣ. Покупатель очутился въ безвыходномъ положеніи, какъ въ тюрьмѣ. Сперва онъ плакалъ, а потомъ пошелъ, куда понесутъ ноги. Наконецъ у него подъ ногами стали доски и чрезъ щель вдали увидѣлъ свѣтъ-огонь. Потомъ туда и пришелъ къ лѣстницѣ-листочкѣ—*пордисъ*. По ней онъ подвигался и увидѣлъ предъ собою двери. Ихъ онъ отворилъ и увидѣлъ предъ собою комнату, залитую свѣтомъ, потому что горѣло много свѣчъ. Въ ней стоялъ столъ со всякою пищею—*пуромашъ* и виномъ. Будучи голоднымъ, онъ сѣлъ, наѣлся и напился. Послѣ этого онъ сталъ смотрѣть и опять увидѣлъ впереди двери. Пошелъ туда, отворилъ ихъ и опять уви-

дѣлъ такую же комнату со столомъ, кушаньями и виномъ. Онъ былъ сытъ и поэтому только на нихъ посмотрѣлъ. Впереди были опять двери, онъ отворилъ и ихъ. Здѣсь было вездѣ пусто. Стола съ кушаньемъ не было, а, вмѣсто его, въ одномъ углу онъ увидѣлъ лежащаго человѣка. Подошелъ къ нему и увидѣлъ, что онъ мертвый и на рукѣ у него золотой перстень. Смотря на него, онъ подумалъ: мнѣ этотъ-то перстень и продать, должно быть, старикъ. Поэтому онъ перстень съ руки покойника снялъ, надѣлъ себѣ на палецъ и пошелъ назадъ. Миновавъ свѣтлыя комнаты, онъ зашелъ въ непроницаемую тьму, и не зная совершенно куда ступить. Съ горя онъ сталъ перстень съ пальца на палецъ перелаживать и когда надѣлъ его на первый палецъ отъ мизинца на лѣвую руку, тогда передъ нимъ явились два человѣка и спросили: что тебѣ нужно?

— Я желаю отсюда выйти, такъ какъ старикъ, показавшій мнѣ сюда дорогу, со мною не пошелъ, а остался наверху. Меня одного сюда заперъ.

— Теперь немного усни, а послѣ все тебѣ будетъ.— Онъ немного соснулъ, проснулся и увидѣлъ, что отверстие на землю открыто. Перстень переложилъ на средній палецъ, вышелъ изъ пахты и пошелъ своей дорогой домой. Съ радостію вошелъ въ свой домъ, но увидѣлъ, что мать сидитъ почти голодна, потому что не стало у ней ничего. Поѣлъ онъ сухой рѣзки (лопарскій прѣсненнй хлѣбъ, не толстый) и пошелъ спать.

На постелѣ онъ перстень со средняго пальца опять переложилъ ближе къ мизинцу на лѣвую руку и къ нему опять явились тѣ же два человѣка и спросили, что тебѣ нужно?

— Я долго проходилъ изъ своего дома, мать все прожила и нечего стало быть.

Они отвѣтили: теперь спи до утра, а утромъ все тебѣ будетъ. Всталъ онъ утромъ и увидѣлъ, что вездѣ у нихъ всего довольно. Зажилъ онъ хорошо послѣ этого и сталъ думать объ открытіи торговли. Вотъ опять однажды вечеромъ перстень переложилъ на палецъ и опять явились два человѣка и спросили: «что тебѣ нужно?»

— Мнѣ хочется быть купцомъ. — Ну теперь спи, а утромъ все будетъ по твоему. Черезъ ночь все такъ и сдѣлалось. Всталъ и увидѣлъ, что предъ домомъ его стоятъ лавки съ товарами. Торговля пошла у него удачно и такъ онъ прожилъ нѣсколько годовъ. Наконецъ захотѣлось ему жениться и сталъ у матери просить дозволенья... Мать согласилась, но спросила, гдѣ у тебя невеста?

— Я думаю жениться у царя, у него дочь красавица.

— Въ умѣ ли ты, объ этомъ не нужно и думать — то даже.

— Нѣтъ, я такъ хочу непременно, и ты должна идти отъ меня сватьей. Снесешь царю, царицѣ и невестѣ богатые подарки и дѣло устроится какъ нельзя лучше.

— Мнѣ думается, что ты напрасно это задумалъ, потому что царю нужно подарки нести не простые, а драгоценные, а гдѣ ты ихъ возьмешь?

— Объ этомъ не безпокойся. Завтра все будетъ.

На постелѣ онъ перстень переложилъ на палецъ подлѣ мизинца и опять явились два человѣка и сказали: «что тебѣ нужно?»

— Я думаю жениться у царя и мнѣ нужны поэтому подарки: два камня (*жерчи*) драгоценныхъ и одинъ самоцвѣтный.

— Спи до утра и тогда все будетъ, отвѣтили они и ушли.

Всталъ онъ на другой день и увидѣлъ на столѣ три камня, которые горѣли какъ огонь и блестѣли какъ солнце. Пошелъ къ матери и отдалъ ей.

Мать, при видѣ ихъ, пришла въ изумленіе и съ ними пошла къ царю уже смѣло. Ввели ее къ царю, гдѣ она немедленно драгоценные камни подарила царю и царицѣ, а самоцвѣтный — ихъ дочери и сказала: «это осмѣливается поднести вамъ мой сынъ и въ то же время просить покорнѣйше руки вашей дочери.»

Царю и всѣмъ подарки понравились, но на сватовство отвѣтили: если завтра сынъ твой можетъ подарить намъ золотыя тарелки и нѣсколько гусиныхъ яицъ (время было осенью), тогда дочь и мы согласны породниться. Старуха поклонилась имъ, пошла домой и передала это сыну.

Вечеромъ онъ надѣлъ перстень на упомянутый палецъ и опять пришли два человѣка и спросили, что ему нужно?

— Мнѣ требуются золотыя тарелки и гусиные яйца для невесты. «Спи, утромъ они будутъ у тебя». Такъ дѣйствительно и случилось. Мать днемъ пошла, отнесла подарки, осмотрѣли, похвалили и сказали: «если твой сынъ къ утру сдѣлаетъ съ нашей стороны рѣки на его сторону чугунный мостъ, покрытый краснымъ сукномъ, тогда можно будетъ сдѣлать и свадьбу, а въ противномъ случаѣ дочь моя не согласна, потому что она боится ѣздить черезъ рѣку.» Старуха, услыша это, поклонилась и пошла домой. Пришла и

и все передала сыну, присовокупивъ: «вотъ надѣлалъ себѣ хлопотъ.» Это ничего, отвѣтилъ онъ. Къ утру все дѣло поправится. Вечеромъ онъ прибѣгъ къ упомянутому ранѣе средству и два человѣка посулили къ утру все. Черезъ ночь дѣйствительно на рѣкѣ явился мостъ и съ краснымъ сукномъ. Старуха, увидя это, удивилась и опять, посланная сыномъ, пошла къ царю. Онъ принялъ ее ласково, но сказалъ: «дочь жила постоянно дома и ей не хочется отъ матери уйти далеко. Завтра, если явится у твоего сына домъ подлѣ нашего, тогда сыграемъ свадьбу на славу. Старуха поклонилась и ушла. Дома это сказала сыну и тотъ отвѣтилъ: ну и это ничего. Надѣюсь устрою. Вечеромъ онъ сдѣлалъ то же, что и раньше, и явившіеся два человѣка посулили къ утру. Съ разсвѣтомъ дѣйствительно домъ ихъ стоялъ подлѣ царскаго и на этотъ разъ сынъ съ матерью пошелъ къ царю самъ.

Царь столь богатаго и смышленнаго будущаго зятя встрѣтилъ съ невѣстою ласково и вскорѣ была сдѣлана свадьба. Народу на свадьбѣ было много, и всѣ веселились сколько могли. Не мало было и пьяныхъ. Пьяными напились даже и старуха мать жениха, и самъ молодой. Царевна однако вышла за него не по любви, а изъ-за подарковъ и чудныхъ его дѣлъ. Она любила другого жениха.

И вотъ, когда увидѣла, что мужъ пьяный, она, лаская и цѣлуя его, стала спрашивать: «какою ты силою и мостъ сдѣлалъ, да и домъ перенесъ?» Онъ, обласканный ею, съ пьяныхъ глазъ и сказалъ, что у него есть перстень, и показалъ его. Слѣдуетъ его положить на лѣвую руку на палецъ подлѣ мизинца и тогда явятся два человѣка, которые и исполнять къ другому утру черезъ ночь всѣ желанія. Жена, узнавъ это, стала сама угощать его и вотъ, когда

онъ былъ очень пьянъ, она взяла у него съ руки перстень, обрила ему волосы и выбросила на улицу, не смотря на его крикъ. Выбросили за нимъ туда же и мать. Царь послѣ этого также на него осерчалъ и приказалъ запереть въ тюрьму.

Жена его между тѣмъ вечеромъ надѣла перстень на указанный палецъ и къ ней пришли два человѣка.

— «Чего тебѣ нужно царевна?» — «Я хочу, чтобы перенесена была въ другое Норвежское царство къ моему жениху.»

«Теперь спи, а утромъ все будетъ исполнено.»

На утро, когда она проснулась, увидѣла себя у перваго жениха и со всѣмъ своимъ имѣніемъ. Съ нею были даже кошка и собака, оставленные мужемъ, купленные имъ у старика. Звѣри эти ходили и искали своего хозяина, но его нигдѣ не видѣли, а перстень его между тѣмъ днемъ всегда блестѣлъ на правой рукѣ царевны, а ночью же она полагала его въ ротъ, а также и тогда когда спала. Кошкѣ и собакѣ хотѣлось этотъ перстень отнять у ней и передать хозяину. Разъ они увидѣли мышь и рѣшили хвостомъ ея для этого воспользоваться. Кошка схватила мышь и хотѣла ее убить, но она сказала ей: не бей меня, что тебѣ нужно я пособлю.

— Хорошо, я не убью тебя, но ты должна намъ изъ рта достать у хозяйки перстень.

Мышь согласилась и сказала: «ночью я тихонько зайду къ хозяйкѣ на грудь и хвостъ ей вложу въ носъ, она чихнетъ, ты перстеньхвати и бѣжи съ нимъ куда знаешь, а я уже знаю куда мнѣ уйти».

Наступила ночь. Мышь какъ сказала, такъ и сдѣлала. Хозяйка отъ хвоста чихнула, перстень полетѣлъ, кошка сейчасъ же схватила въ ротъ, а собака отворила двери и побѣжали они вмѣстѣ искать своего хозяина. Добѣжали они до широкой рѣки, и не знала кошка какъ ей переплыть. Собака сказала: садись ко мнѣ на спину, и такъ переплывемъ рѣку. На середкѣ рѣки собака однако подумала: кошка хозяину принесетъ перстень, а я ничего. Меня онъ, можетъ, и прогонитъ. Подумавъ такъ, собака сказала: дай мнѣ теперь перстень, я понесу его другую половину.

Что ты выдумала, мы уронимъ его въ воду, когда я буду передавать тебѣ и тогда онъ никому не достанется.

Собака настояла на своемъ и прибавила: у меня ротъ большой, я открою его, ты и опусти. Нѣтъ я не поплыву далѣе. Кошка послушалась и перстень упалъ мимо рта и пошелъ на дно. Съ горя поплыли назадъ и недалеко подошли по берегу, какъ увидѣли избу. Въ ней жилъ старикъ-рыбакъ со старухой. Хозяева ихъ приласкали и они стали тутъ жить.

Разъ хозяинъ осенью привезъ рыбу съ рѣки, и когда ее чистили, ущупали твердое и въ кишкѣ увидѣли перстень. Старикъ со старухой находкѣ обрадовались и, налюбовавшись имъ, положили на полку. Собака и кошка это видѣли и ожидали случая, чтобы утянуть. Хозяева вышли вонъ, кошка вскочила на полку, взяла въ ротъ перстень и сейчасъ же, какъ хозяева въ избу, они на улицу и по дорожкѣ.

Кошка, прибѣжавъ къ рѣкѣ, сказала собакѣ: возьми перстень теперь, а какъ запросишь опять на рѣкѣ, тогда потеряемъ. Собака отвѣтила: храни лучше ты. Садись на спину и поплывемъ черезъ рѣку. Вышли на другой берегъ и по-

бѣжали впередъ искать хозяина. Нашли его въ тюрьмѣ. Стали думать, какъ зайти и надумались такъ: собака дверь немного оттянула и кошка щелью прошла и отдала ему перстень. Вечеромъ онъ надѣлъ перстень на счастливый палецъ, и предъ нимъ явились два человѣка, спросивъ что тебѣ нужно?

— Хочу быть свободнымъ и чтобы жена моя мнѣ была возвращена.

— Теперь спи, отвѣтили люди, а утромъ все будетъ.

Проснулся утромъ и увидѣлъ, что онъ спитъ со своей женой и въ царскихъ покояхъ. Любовникъ же или другой мужъ былъ посаженъ въ тюрьму и послѣ его судили. Смѣльчакъ же, богача сынъ сталъ жить со своею женою и матерью на завидость другимъ. (Пазрѣка).

СКАЗКА о баринѣ и лакеѣ.

Жилъ да былъ помѣщикъ въ Я... губерніи, очень богатый, и былъ у этого помѣщика лакей, по прозванію Афонька.

Вотъ и вздумалъ баринъ попутешествовать и посмотреть людей, да и себя показать. Говоритъ баринъ лакею: «Афонька! собирайся-ка въ путь, въ дорогу, поѣдемъ мы съ тобою путешествовать.»—Афонька скоро собрался въ путь—дороженьку; подали имъ тройку лошадей; простился баринъ съ своей женой и поѣхалъ.

Бдуть они путемъ дорогою, мимо дремучаго лѣса и смотреть въ сторону и видятъ тамъ валяется мертвый человѣкъ. Баринъ и говоритъ:—«Афонька! ступай, тащи сюда

этого мертвеца, да клади въ повозку». — Афонька притащилъ мертвеца и положилъ сзади повозки, и поѣхали дальше. Не успѣли отѣхать еще одной версты, смотреть—еще и другой валяется мертвый человѣкъ. Баринъ опять говоритъ лакею:—«Афонька! тащи и этого сюда въ повозку.» — Положили и поѣхали дальше.

Бдуть они путемъ—дорогою и, доѣхали до полянки. Стоитъ маленькая избушка. Баринъ и говоритъ:—«Афонька! приварачивай на ночлегъ (такъ какъ дѣло было къ вечеру). Подѣхали къ этой избушкѣ; ворота были отворены, а на дворѣ никого не видать. Баринъ и говоритъ.—«Афонька выпрягай лошадей да давай имъ овса, и пойдѣмъ въ избу: мнѣ что-то ѣсть очень хочется». Афонька скоро убралъ лошадей, далъ имъ корму, потомъ взялъ чемоданъ съ закуской и пошли они съ бариномъ въ избу. Входятъ въ сѣни и видятъ: двери въ избу отворены, а изъ избы слышенъ шумъ и гамъ. Вошли они въ избу и видятъ: за столомъ сидятъ двѣнадцать здоровыхъ разбойниковъ, которые никого ни днемъ, ни ночью не пропускали живымъ:—всѣхъ убивали и грабили. Когда баринъ увидалъ этихъ разбойниковъ, то немного было струсилъ, но когда взошелъ и сѣлъ на лавку, то сказалъ:—Афонька! мнѣ очень ѣсть хочется, тащи-ка сюда изъ повозки окорокъ, который сзади привязанъ.

Афонька живо побѣжалъ, притащилъ мертвеца и положилъ его на полъ, противъ барина. Баринъ взялъ тогда ножикъ, отрѣзалъ—«Афонька! этотъ окорокъ немного протухъ, тащи ка сюда другой». —

Афонька живо побѣжалъ и притащилъ другое мертвое тѣло. Баринъ опять взялъ ножъ, отрѣзалъ немного тѣла, понюхалъ и говоритъ:—«И это протухло! нутка, возьми

Афонька и дай сюда изъ-за стола, который будетъ всѣхъ помягче. Тогда всѣ разбойники—какъ.... выскочать изъ за стола, да давай Богъ ноги! кто куда: кто въ двери, кто въ окно и всѣ живо разбѣжались, и остались въ избѣ только баринъ и Афонька.

Ночевали они въ этомъ домѣ, а на утро обошли всѣ кладовыя и нашли денегъ цѣльный погребъ; наклали себѣ цѣльную повозку и поѣхали домой. Тогда баринъ далъ Афонькѣ денегъ и отпустилъ на волю жить.

Лично мною записано въ Ярославской губ. отъ
В. В. Смирнова.

Пьеница.

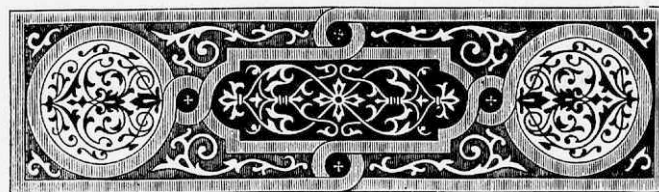
Живъ да бывъ въ одной небольшой деревенькѣ мужицокъ пьеница. Всякой праздникъ и всякое воскресенье—люди въ церковь ко бидни, а онъ въ кабакъ бѣжить. Всю послѣднюю недѣлецу великаго говѣнья пропировалъ, и пришолъ домой уже въ большую субботу, да и этотъ день весь подрыхнулъ. Въ Христовъ день когда заблагоуѣстили къ заутрени, хозяйка будить ево и говоритъ: сходи гыть хоть въ Христовъ то день въ церковь. Мужикъ съ лѣсъ съ говбца, оболокса и пошолъ въ церковь. Ну какъ онъ всю недѣлецу пропировалъ, то голова у ево больно болѣла, то онъ вздумалъ занти передъ заутреней, кобацокъ опохмилиться только. Онъ объ томъ подумавъ,—глядь и видить тутъ знакомова мужицка, тоже пьеницу. Мужикокъ этотъ

подошелъ къ нему и спрашивъ ево: «ты куда пріятель пошовъ,» — «Да голова больно боить, такъ хочу передъ заутреней зайти опохмилиться.» — «Хорошее дѣло, я тоже гыть иду; пойдѣмъ вмѣстѣ.» — Пошли они въ кабацокъ и спрашали полштофа вина; знакомый наливаетъ ему стаканъ и почуеъ, гыть: — «Выпей!» — Мужикокъ взялъ стаканъ въ руки и, поднеся ево ко рту, чтобы выпить, да и сказавъ: — «Господи благослови!» —

И вотъ онъ глядь: вмѣсто стакана-то въ рукахъ у ево сосновая шишка, а самъ онъ очутился въ густомъ прегустомъ лѣсѣ, и сидитъ на долгой ели. Кругомъ и подъ нимъ внизу темнота. Отъ страха мужикокъ цуть не свалился на землю, а слѣзая съ елки, оцарапалъ себѣ рожу и руки о колючіе прутья. Пошелъ домой и въ лѣсѣ заблудился и домой пришелъ лишь на четвертой денекъ праздника и то лишь вечеромъ. Довго послѣ того былъ нездоровъ и ели не умеръ, а царапины на рожѣ, на рукахъ такъ и остались на всю ево жизнь.

Съ того времечка, нашъ мужикокъ — шабанъ въ праздники вино пить.

(Записано лично мною въ Кадниковскомъ уѣздѣ, въ Засодимѣ).

Хитрость лѣнивой бабы.

Жилъ-былъ мужикъ; была у него прелѣнивая баба. Скажетъ, бывало мужикъ бабѣ: «зачѣмъ не прядешь?» а баба сведетъ его въ кѣтъ, вынетъ изъ ларя веретено, покажетъ мужику и скажетъ: «смотри, муженекъ, веретено полнехонько!» Затѣмъ положить она веретено въ ларь и послѣ снова вынетъ его, какъ будто другое, и скажетъ: «смотри, другое веретено полнехонько! Что ты заставляешь меня прять? Лучше ступай въ лѣсъ, да сруби мотовило, чтобы было, на что сматывать пряжу.»

Разъ мужикъ взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ срубить мотовило, а бабѣ велѣлъ починить шубу, покуда онъ въ лѣсу. Но лишь только мужикъ пошелъ въ лѣсъ, какъ баба

побѣжала за нимъ, обѣжала его кругомъ, влѣзла на густую ель подлѣ дороги, по которой долженъ былъ проходить мужикъ, и заплѣла синицей: «чи, чи, чи, кто срубить мотовило, тому скоро смерть, а кто починить шубу, тому долго жить.» Услышавъ пѣсню эту мужикъ, перепугался и не срубилъ мотовила, а пошелъ домой, полѣзъ на печку, да самъ починилъ свою шубу.

Лично мною записано въ Вологодской губ.

О женѣ—дурѣ.

Жила-была жена—дура. Однажды она потчивала гостя капустой и жаловалась, что у нея капуста плоха. Гость надуумилъ ее: «надо прибавить къ капустѣ свиного сала, тогда она и будетъ хороша.» Жена-дура, какъ услышала это, взяла сейчасъ свинину, разрѣзала на ломтики, понесла въ огородъ и положила на каждый кочанъ по ломтику. Положила она и ждать, что вотъ капуста выраститъ на славу. Но почуяли это сосѣднія собаки и повадились приходить въ огородъ за саломъ. Разозлилась жена на собакъ, подстерегла ихъ и поймала одну. Притащила она собаку въ клѣть и привязала ее къ втулкѣ пивной бочки. Начинаетъ она наказывать собаку. Собака рвалась, рвалась, наконецъ вырвала втулку и убѣжала. А пиво такъ и течетъ изъ бочки!

Не знаетъ дура, за что хвататься, оставляетъ бочку и бѣгомъ бѣжить за собакой. Но пока она догнала собаку и отняла втулку, пиво все и вытекло изъ бочки; въ клѣти точно прудъ. Чтожъ теперь дѣлать: и пива нѣтъ и клѣть мокрехонька. Вдругъ ей приходитъ на умъ: вѣдь есть еще у меня полмѣры хорошей пшеничной муки. Взяла она муку и посыпала на мокрый полъ. Пришелъ домой женинъ мужъ, а она предъ нимъ: «муженекъ, муженекъ! я поймала собаку въ огородѣ, привязала ее къ втулкѣ пивной бочки и наказала было, а она шельма этакая сорвалась, вырвала втулку, и пиво вытекло; но бѣды нѣтъ никакой: я посыпала на полъ пшеничной муки.» Что-же теперь дѣлать мужу? Не знаетъ онъ, смѣяться-ли, или браниться.

Лично мною записано въ Вологодской губ.

Два брата.

Не въ которой деревнѣ жили два брата, они и раздѣлились по раздѣлу. Одинъ жилъ бѣдно, а другой богато. У бѣднаго не было ни дровъ, ни лошади и пошелъ онъ къ богатому брату просить лошади и далъ богатый братъ ему лошаадь. Забылъ бѣдный попросить хомута и не смѣлъ подти прошать вдругоредь и привязалъ лошадь къ головицамъ хвостомъ; поѣхалъ по дрова, нарубилъ возъ порядочный, поѣхалъ домой, пріѣхалъ подъ окно къ себѣ и хотѣлъ вздернуть на наземъ, но въ то время подворотка помѣшала: лошадь вздернула и хвостъ себѣ оторвала.—И не смѣсть онъ къ брату вести лошадь. Наконецъ пошелъ онъ къ нему и сказалъ: я у твоей лошади хвостъ оторвалъ. Братъ на него осердился: вотъ я пойду просить на тебя суда къ Шемякину.

И пошли они оба. И выпросились они на квартиру по-
чевать къ богатому мужику. Богатый съ богатымъ угоща-
лись, а бѣдный спать легъ не ѣвши. Подъ палатамъ же ле-
жалъ младенецъ. Бѣдный ворочался, ворочался и съ пола-
тамъ вмѣстѣ упалъ и младенца задавилъ. Тогда и другой
богатый захотѣлъ на него просить и пошли всѣ вмѣстѣ. И
дошли они до города, а въ этомъ городѣ былъ высокій
мостъ, а подъ мостомъ ѣздили на лошадяхъ. Бѣдный по-
шелъ этимъ мостомъ и задумалъ скочить съ мосту, чтобы
убиться. Когда онъ скочилъ съ мосту, въ то время отецъ
съ сыномъ выѣзжали изъ подъ мосту и бѣдный упалъ прямо
имъ въ сани, сына у старика убилъ, а самъ не убился.
Тогда старикъ вмѣстѣ съ двумя богатыми тоже пошелъ про-
сить на него.

И пришли къ судѣ Шемякину всѣ четверо, а бѣдный
взялъ большой камень и завязалъ въ платокъ. И сталъ его
братъ обсказывать объ своей лошади. Въ это время бѣдный
поднялъ платокъ съ камнемъ и погрозилъ имъ судѣ, а
судья подумалъ, что тотъ ему сто рублей денегъ сулитъ, и
разсудилъ такъ, что покуда хвостъ у лошади не вырастетъ,
и пущай бѣдный лошадь у себя. Потомъ сталъ обсказывать
второй богатый объ своемъ младенцѣ, а бѣдный опять кам-
немъ погрозилъ и судья Шемякинъ разсудилъ такъ: ты дай
ему свою жену, такъ онъ и сдѣластъ тебѣ другого младенца.
А старика, у котораго убить былъ сынъ, разсудилъ такъ:
ты, дѣдка, встань на мос(т)ъ, а онъ пущай ѣдетъ на ло-
шади изъ подъ мосту, и скачи прямо на него. Старикъ ско-
чилъ съ мосту, на бѣднаго не поналъ, а самъ убился, а
бѣдный и поѣхалъ преспокойно домой.

РОТОЗЪЙ ВАНЬКА. *).

Отъ чего ему такое прозванье пошло, какъ онъ
клада искалъ и гдѣ кладъ нашель.

О святкахъ набралось въ избу къ дядѣ Приню, парней
и дѣвокъ видимо невидимо. Пришли, стали почесываться,
никто слова не вымолвить. Здорово ребята,—молвилъ имъ
дядя,—по добру—ли по здорову?

— Все по добру по здорову, дядюшка, отвѣчалъ одинъ
парень посмѣлѣе; вишь ты, мы на святкахъ погуляли, да
такая мятелица поднялась, что зги Божіей не видно; такъ
вотъ мы пришли къ тебѣ въ избу отогрѣться.

— Радъ гостямъ,—сказалъ дядя Приней — отогрѣвайтесь,
кто на печи, кто на полатахъ.

*) Взято съ лубочнаго изданія 1855 г.

— Да, вотъ что еще, дядя, сказали тотъ же парень, почесывая затылокъ, — ты человекъ умный, добру насъ учишь, а мы за то тебѣ спасибо, — и ужъ куда хорошо говоришь, такъ въ душу и просится, а вотъ въ сосѣдней деревнѣ гуторятъ, что ты на все руки: мастеръ сказки разсказывать, — а еще мы отъ тебя ни одной не слыхали.

— Что же сказку вамъ что ли, молвилъ дядя Приней; такимъ добрымъ ребятамъ ни въ чемъ не откажу; но только чуръ сказку дослушать до конца, да не перерывать, а иначе что, у меня сказка не сказка, а былъ на сказку похожа, кто конца не дослушаетъ, тотъ словно ничего не слыхалъ. Наколи-ка лучины побольше Федька, а ты Матрена, смотри за свѣтцемъ, да прибавь воды въ шайку, вотъ недалеко отъ насъ деревня вся до тла сгорѣла, отъ того что Маланья забывала воды подъ свѣтецъ поставить; ей мужъ толковалъ: поставь воды подъ свѣтецъ, ну, неравно уголь въ подполицу попадетъ — долго ли до грѣха? А она ему въ отвѣтъ: — эхъ Никитичъ, да что я мертвая что ли сижу? ну упадетъ лучина, затопчу вотъ и все тутъ. — Такъ она говорила, да не такъ вышло: разъ мужа не было дома; Маланья засвѣтила свѣтецъ и сѣла, словно порядочная, прижу прять, и навалила вокругъ себя пакли; пряла, пряла, — да и вздремнула, да такъ сладко, сладко... а тѣмъ часомъ лучина нагорѣла да и свалилась, шайки подъ нею съ водою не было, лучина на полъ, да зажгла паклю, а пакля пошла драть; проснулась Маланья, видитъ полъ горить, такъ и обмерла, чѣмъ бы схватить воды, или квашни, чтобы чѣмъ попало загушить, баба выбѣжала на улицу и ну кричать по всей деревнѣ: — батюшки свѣты! батюшки свѣты! добѣжала до конца деревни, все кричитъ: — батюшки свѣты! — Вышли міряне, спрашиваютъ у ней, — что такое? — а Маланья знай свое, ме-

чется изъ стороны въ сторону, да кричитъ: — батюшки свѣты! Ужъ тогда догадались, когда полымихватило изъ окошка, тогда поднялась вся деревня, туда сюда, кто за ведро, — нѣтъ ведерка — сватья взяла; кто за багоръ, — нѣтъ багра — ребята Богъ вѣсть куда затащили; пока кто за тѣмъ, кто за другимъ, занялась другая изба, потомъ третья, такъ вся деревня и сгорѣла. Ну, что! какъ ты думаешь, Матрена?

— Ну, что тутъ думать, дядюшка, — отвѣчала Матрена, — вѣстимо дѣло, Божій гнѣвъ!

— Вотъ ни дать ни взять и Маланья тоже отвѣтила, молвилъ дядя Приней, когда сосѣди стали корить, что отъ ея лучины они по міру пошли; да только знаешь, что одинъ сосѣдъ ей на это сказалъ, мужикъ былъ умный, а вотъ что: — правда твоя, Маланья, что Божій гнѣвъ былъ, а знаешь-ли за что на тебя Божій гнѣвъ былъ, за то, что сама была не опаслива и насъ и себя погубила: Береженого и Богъ бережетъ! Ну Матрена, не лѣнись, налей шайку пополниѣ, да пододвинь подъ самую лучину, чтобы съ прокомъ было.

— Вѣстимо дядя, толковала Матрена, — на грѣхъ мастера нѣтъ.

— Врешь, дура, это только старыя дѣвки говорятъ, что на грѣхъ мастера нѣтъ; есть мастеръ, это самъ человекъ; ужъ нѣтъ такого другаго мастера и на грѣхъ и на спасенье, какъ самъ человекъ.

— Такъ, дядюшка, промолвила сватья Хавронья, правду ты говоришь; да вѣдь кого Богъ помилуешь? вотъ ты знаешь полгорода сгорѣло, а у Архипа домъ цѣлъ остался и до

сихъ поръ стоитъ; а кругомъ все обгорѣло—пустырь пустыремъ. Ну отъ чего такъ? ужъ такой, видно, положенъ предѣлъ, что полгороду сгорѣть, а Архипову дому остаться.

— А знаешь ли сватья, отъ чего Архипа Иванова Богъ помиловалъ? отъ того, что Архипъ Ивановъ мужикъ умный; и Богу молится, да и самъ не плошаеть. Вотъ я тебѣ расскажу, какъ дѣло было: въ домѣ городничій требовалъ отъ домохозяевъ, чтобы на всякой кровлѣ стоялъ чанъ съ водою, а возлѣ чана длинный шестъ съ навязанною мочалою; вотъ кто сдѣлалъ, а кто нѣтъ; кто поставилъ чанъ разохший, налилъ воду, а вода вытекла, кто и совсѣмъ воды не наливалъ; стоитъ—себѣ чанъ пустой; вѣдь городничему не на каждую крышу взлѣзать, да смотрѣть: налить ли чанъ водою. У Архипа Иванова было иначе; выбралъ онъ, правда, старый чанъ, да плотный, отмочилъ его, поставилъ на крышѣ, налилъ въ него воды, да еще золицы горстей пять приброесилъ, чтобы вода не гнила; а возлѣ положилъ длинный, длинный шестъ съ мочалою, да еще вымазалъ его дегтемъ и высушилъ на солнцѣ, ради прочности. Бывало каждое Воскресенье Архипъ Ивановъ послѣ обѣдни п лѣзетъ на крышу: все осмотритъ, и если вода усохнетъ, дольетъ чанъ и пойдетъ себѣ въ избу; а сосѣди бывало на него зубы точатъ, да скалятъ:

— Ну, полѣзъ Архипъ на крышу въ чану окуней ловить. А Архипъ и слышалъ, что смѣются, да мимо ушей пропускалъ. Да завелъ онъ въ домъ еще такой порядокъ: взялъ топоръ, багоръ, веревку, да полдюжины большихъ рогожъ, да ведро, да длинную веревку, да желѣзную лопату и все положилъ въ особую конуру и строго запретилъ домашнимъ не замать, на какую бы то потребу не было.

Лѣтомъ была сильная жара; все высохло, словно трутть стало; ночью собралась гроза и ударила въ сосѣдній домъ, домъ загорѣлся: пошла тревога въ городѣ; пока прѣбхали трубы, галки отъ вѣтра такъ и полетѣли во все стороны; полетитъ, полетитъ черезъ улицу, да брякъ на крышу, то одинъ, то другой домъ загорится въ разныхъ мѣстахъ; такъ, что пожарные не знаютъ куда и кинуться; а Архипъ Ивановъ, не крича, не спѣша, тотчасъ распорядился, взялъ рогожи, обмакнулъ ихъ въ воду и повѣсилъ на домъ, съ которой стороны вѣтеръ былъ; одного сына поставилъ у колодца и говорить: — Ты, Петрушка, съ мѣста не сходи, все воду качай; а другому далъ въ руки ведро и говорить: а ты, Павлушка не зѣвай, то и дѣло изъ ведерки на рогожи плескай. Бамамъ далъ въ руки багоръ, да лопату и промолвилъ:—если головня упадетъ, то одна оттаскивай дальше багоромъ, а другая или водою, а не то мѣсто земель забрасывай,—брату далъ въ руки топоръ, да велѣлъ отъ сосѣдняго двора заборъ валить, чтобы огонь по забору не перешелъ; самъ же полѣзъ на кровлю, смотреть уже на крышѣ двѣ, три головни вѣтромъ раздуваетъ; слова не молвя, Архипъ за шестъ съ мочалою, помочилъ въ чану и на головню, головня погасла, потомъ помочилъ еще, да хватъ другую; а межъ тѣмъ пожаръ отъ часу сильнѣе, галки такъ и летятъ на крышу, а Архипъ и усомъ не ведетъ, то ту, то другую прижметъ мокрой мочалою, и поминай какъ звали; такъ прошло часъ, другой, а кругомъ огонь такъ и деретъ; воды въ чану не стало хватать: Архипъ спустилъ съ крыши веревку, кричитъ: Павлушка, принеси ка мнѣ ведро, другое—пока чана не наполнишь.—Такъ онъ до полночи промаялся,—пока не перестало горѣть. Такъ вотъ за что Богъ его помиловалъ, за что и домъ Архиповъ до сихъ поръ стоитъ, хотя кругомъ пустырь пустыремъ!—Ну да все это приказка,

а сказка еще будеть впереди; да какую сказку вамъ разсказать; вотъ эту что ли:

— Не вчера, не сегодня, не близко, не далеко, жилъ былъ мужикъ Агафонъ Спиридоновичъ; и нельзя похулить, былъ мужикъ смысленный и работающий: на словъ честенъ; уже бывало, что скажетъ, — то вѣрь, что печатному; всякій крестьянскій промыселъ зналъ и порядокъ въ домѣ держалъ; одна за нимъ водилась бѣда: ино мѣсто строитивъ очень былъ, а особливо подъ хмѣльную руку; а ино мѣсто все ему какъ съ гуся вода, хоть амбаръ гори — едва съ мѣста пошевельнется; а ужъ за то, какъ осерчаетъ — такъ всякое лыко въ строкъ, и то не такъ, и это, и пятое, и десятое: ужъ подъ тотъ часъ куда больно доставалось женкѣ его Василисѣ Перфильевнѣ, чѣмъ ни попало, такъ и хватить; а Василиса Перфильевна была бабенка щедушная, робкая; ужъ какъ видить, что на Спиридоновича лихой часъ нашель, какъ засядетъ въ закутъ, да и носа оттуда не показываетъ, пока не замѣтитъ, что у Спиридоновича сердце отлегло, а тогда ужъ ему все ни почемъ.

Да былъ у Спиридоновича съ Перфильевной сынъ лѣтъ пяти, по имени Ванька. Тутъ и вся семья ихъ была.

Строгъ былъ Агафонъ Спиридоновичъ, не любилъ никому потачки давать, особливо, говоря, подъ хмѣльную руку. А Ванька-то шаловливъ съ измаленьку былъ; да на бѣду и Агафонъ то Спиридоновичъ не толковать. Бывало Ванька, извѣстно дѣло дѣтское, — сидитъ у заваленки, да камешкомъ въ камешекъ постукиваетъ; ино мѣсто Спиридоновичъ мимо пройдетъ, слова не молвить, а ино мѣсто ни съ того, ни съ чего хватъ Ваньку за виски, да ужъ таскаетъ, таскаетъ, зачѣмъ вишь Ванька въ избѣ не сидитъ. А Перфильевна,

баба жалостливая, какъ Спиридоновичъ побьетъ Ваньку, за дѣло-ли, за не дѣло-ли, а Перфильевна, Ваньку въ закутъ, да ну его утѣшать, да пряниками кормить. Такъ ужъ Ванька и приобыкъ. Мало было въ этомъ толка; не въ попадѣ приходились, ни строгость, ни боловство. Разъ и Перфильевна на Ваньку осерчала: Ванька забрался на заборъ, да ну оттуда камнями швырять того и смотри, что въ голову кому попадетъ. Перфильевна взяла пруть, да и ну Ваньку стегать, чтобы съ забора сошелъ, а Спиридоновичу жалко стало, какъ прикрикнетъ на бабу: — что ты! аль тебѣ свое рожденіе не мило? эка бѣда, что малый балуетъ — съ того ростетъ. Такъ и зачастую бывало. Отъ того Ванька подросталь, а ума не наживаль. Вотъ наступилъ Ванькѣ десятый годъ. Разъ вымолвилъ Спиридоновичъ, — а что Перфильевна, вотъ у насъ на селѣ школа такая завелась, гдѣ грамотѣ учать; я думаю, да гадаю, чтобы и Ваньку-то въ ученіе отдать; вишь люди то умны стали, трудновато на свѣтѣ безъ грамоты жить. Какъ завопитъ Перфильевна: — ахъ ты, свѣтъ — ты мой батюшка, Спиридоновичъ! что тебѣ на умъ пришло — дѣтище мучить? дѣтище молодое, неразумное, гдѣ ему грамоту понять; вотъ погоди, подростетъ, самъ научится. — А Спиридоновичъ, чѣмъ бы на глупую бабу прикрикнуть, еще поддакнулъ ей; видно на него тихій часъ нашель: и впрямъ, говорить, что дѣтище мучить, подростетъ, самъ научится можетъ. А Ванька подросталь, а ума не наживаль, хоть отъ отца и часто ему потасовка бывала, ино не за дѣло. То закричитъ на Ваньку: зачѣмъ овса коню не подсыпалъ? а коли насыпано, кричитъ: — кто тебѣ велѣлъ въ дому распоряжаться? и за то и за другое потасовка, то есть, если Спиридоновичъ осерчаетъ; да ужъ если осерчаетъ, такъ тузитъ Ваньку чѣмъ ни попало и ложкой и плошкой, а ино мѣсто и полѣномъ. Ужъ бывало сосѣди Спиридо-

вичу толкуютъ:—что ты малаго то увѣчишь; вѣдь ты изъ него полѣномъ всю память выбьешь. А Спиридоновичъ въ отвѣтъ: — ничего! — уму учу, за битаго двухъ не битыхъ даютъ.

Такъ смекалъ Спиридоновичъ, да не такъ вышло. Онъ Ваньку такъ застращаль, что бывало какъ отецъ спросить его о чемъ, Ванька выпятить глаза, ротъ разинетъ и не знаетъ, что отвѣчать, потому что, въ иной разъ, ждетъ за все потасовки.

Чѣмъ больше Ванька глупѣлъ, тѣмъ больше Спиридоновичъ серчалъ. Бывало выгонитъ Ваньку на поле съ сохою, Ванька выѣдетъ на поле, да и разинетъ ротъ: какъ пахать съ той, или другой стороны? отсюда начать—можетъ не въ угоду батькѣ—побѣтъ; и отсюда начать можетъ не въ угоду батькѣ будетъ,—опять побѣтъ. И стоитъ Ванька въ раздумьи цѣлый день; къ вечеру пріѣдетъ Спиридоновичъ, поле не вспахано.—Да что-жъ ты, дурень дѣлалъ? спросить, а Ванька въ отвѣтъ:—да я не зналъ батька съ какой стороны тебѣ въ угоду будетъ. — А Спиридоновичъ такъ и всплеснетъ руками да и вскрикнетъ: — за что меня Богъ такимъ дурнемъ наказалъ!—Вотъ всегда то такъ человѣкъ на Бога ропщетъ, а то ему не въ домекъ, что самъ безтолковъ, да и сына-то безъ толка тузилъ.

И чѣмъ болѣе Ванька подрасталъ, то больше дурнемъ становился.

У Спиридоновича возлѣ огорода прудинко былъ, и рыба въ немъ водилась, да мало. Спиридоновичъ смекалъ, какъ бы въ немъ рыбы побольше развести, купилъ изъ большого пруда рыбы, да и пустилъ ее въ свой прудинко. Ванька, какъ увидѣлъ рыбу, подумалъ, что отецъ ему уху заварить,

ужъ заранѣе облизывался, потому что сластенъ былъ; но какъ отецъ началъ рыбу въ прудъ валить, Ванька какъ побѣжить въ избу, какъ завопить благимъ матомъ:—матка! matka! бѣда и только, батька рыбу тонить!—а matka: какъ это, сокровище мое ненаглядное! — А Ванька въ отвѣтъ: а какъ же, отецъ рыбы закупилъ живой, да теперь чѣмъ бы на уху, и тонить ее въ пруду, а рыба-то такъ и бьется сердечная. — А matka-то вмѣсто того, чтобы малаго вразумить, ну его гладить по головкѣ, да приголубливать; а на ту пору отецъ шастъ въ избу, какъ услышалъ, что Ванька гуторить, чѣмъ бы также его вразумить, Спиридоновичъ его за виски, потаскалъ, потаскалъ, да тѣмъ и дѣло покончилъ, а Ванька то все таки не разобралъ, зачѣмъ Спиридоновичъ рыбу въ прудѣ топилъ.

Вотъ разъ Спиридоновичъ говоритъ Ванькѣ: — эй, ты, дурень! заложилъ ка чалую, да поѣзжай ка на мельницу; возьми у мельника два куля муки, поѣзжай не мѣшка; мельникъ сказалъ, что послѣ полудни онъ отлучится, а у насъ къ завтраму муки не хватить, хоть безъ хлѣба сиди. Не мѣшкай, дурень, да безъ кнута не ѣзди,—слышишь?

Ванька разинулъ ротъ, — оторопѣлъ, однако пошелъ за лошадей, а Спиридоновичъ поѣхалъ въ поле, къ полудню воротился Спиридоновичъ, посмотрѣлъ на дворѣ, чалаа стоитъ запряжена. — Гдѣ жъ, Ванька? привезъ муку-то что ли? Нѣтъ ни Ваньки ни муки. Вотъ и полудни прошли, вотъ и смеркаться стало, а Ваньки все нѣтъ. Спиридоновичъ и ума приложить не можетъ. Ужъ къ ночи вышелъ на дворъ, а Ванька ходить вокругъ лошади. — Что ты дурень, гдѣ же мука, привезъ что ли?

— Нѣтутъ, говоритъ Ванька,—сейчасъ поѣду за мукой.

Какъ вскрикнетъ Спиридоновичъ:—ахъ, ты дурень, дурень! Да что же ты по сию пору дѣлалъ?—А Ванька въ отвѣтъ:—да видишь ты, батъко, я кнутъ потерялъ.

— Ну такъ что же, спросилъ Спиридоновичъ.

— Да то, батъко, что ты не велѣлъ безъ кнута ѣздить, такъ я вотъ съ самаго утра все кнута искалъ,—и ни ѣлъ ничего,—ни сина пороха во рту не было—вотъ только теперь въ телегѣ нашелъ.

Спиридоновичъ такъ и размахнулъ руками, да и пошелъ прочь:

Такъ и за частую бывало. Что не скажетъ Ванькѣ, онъ или ровно ничего не пойметъ, или сдѣлаетъ на выворотъ.

Разъ ночью Ванька лежитъ, на полатахъ, да вопить: ай! пить хочу, ай! жажда замучила—вотъ хоть бы капельку воды—горло промочить... да знай себѣ вопить, а съ полатей не пошевельнется.

Спиридоновичъ слушалъ, слушалъ, да какъ вскрикнетъ: Ванька! принеси ка мнѣ ковшъ воды, да скорѣе, а не то кнутомъ тебя, дурня!

Ванька соскочилъ съ полатей, какъ встрепанный, зачерпнулъ ковшъ воды и принесъ Спиридоновичу.

— Ну, пей же теперь, дурень, промолвилъ Спиридоновичъ,—да полно вопить.

Ванька напился, а все не въ домекъ ему было, какъ онъ прежде того не догадался.

А ино мѣсто, особливо, какъ Спиридоновича дома пѣтъ—

Ванька—и такъ сядетъ въ углу, да и вопить на всю избу. Вотъ Перфильевна къ нему:—что ты, Ванька, ѣсть что-ли хочешь? — Нѣтъ! — Пить что-ли хочешь? — Нѣтъ! — Спать что-ли хочешь? — Нѣтъ! Да чего же ты хочешь? — Вопить хочу! А Перфильевна Ваньку по головкѣ, да приговаривать:—ахъ ты сокровище мое ненаглядное! Ужъ не испортилъ-ли кто тебя? Ужъ у тебя это не съ глаза ли? А Ванька и того больше вопить, индо сосѣди сбѣгались.

Такъ то жилъ, да поживалъ Ванька-Ротозѣй, ни родителямъ въ угоду, ни себѣ во спасенье. Вотъ Ванькѣ исполнилось двадцать лѣтъ съ годомъ. У Спиридоновича лошадь пала; а дѣло шло къ веснѣ. Спиридоновичъ собралъ деньжонку, да и смекалъ бы въ базарный день въ городъ ѣхать лошадь купить; и городъ-то былъ недалеко всего верстъ десять. Пришелъ базарный день,—а Спиридоновичъ болѣлъ. Дѣлать нечего; говоритъ Ванькѣ: слушай ты, Ванька, не вѣкъ тебѣ ротозѣемъ быть; сослужи ка службу: съѣзди на базаръ въ городъ, да купи мнѣ коня; да не то, чтобы мудрена, однако слышь ты, чтобы заправской былъ, двадцать цѣлковыхъ заплати, да смотри, чтобы до города пудовъ двадцать тащилъ, не былъ бы лѣнливъ и на тѣлѣ никакого изъяну не было. Вотъ тебѣ и деньги; смотри не потеряй. Хорошо купишь, шапку тебѣ новую подарю; дурно купишь—побью. А вотъ сосѣдъ Кирилловичъ до города тебя доведетъ.

Ванька слушаетъ словно разумный человѣкъ; деньги получилъ, зяткнулъ кнутъ за поясъ и пошелъ въ городъ съ сосѣдомъ Кирилловичемъ.

Идутъ они путемъ дорогою; вотъ дошли до перекрестка, а на встрѣчу имъ пырь барышнякъ съ лошадыю, тоже въ

городъ на базаръ гонить. Ну калякать о томъ, о семъ. Узналъ барышникъ, что Ванька лошадь покупаетъ; да чѣмъ тебѣ въ городъ идти, говорить,—вотъ на, купи лошадь—эдакой лошади рѣдко достать. И Кирилловичъ говорить:—славный конь,—кабы нужда была и я бы купилъ.

— Да ужъ какой конь,—говоритъ барышникъ—что любо два;—ну покупай что-ли малой, чтобы въ городъ не ѣхать,—дешево отдамъ,—всего восемнадцать цѣлковыхъ.

— Нѣтъ, говоритъ Ванька, намъ такой конь не годится.

— Отчего же не годится? спросилъ барышникъ.

— Отъ того, что батька велѣлъ за коня двадцать цѣлковыхъ заплатить.

— Что ты? Что ты? закричалъ Кирилловичъ, какой же въ тебѣ толкъ, Ванька? отецъ велѣлъ добраго коня купить, а меньше заплатишь, отецъ похвалить.

— Да толкуй ты себѣ—вѣдь батька-то не свой братъ; не много не по немъ—больно прибить.

Между тѣмъ барышникъ смекнулъ, что Ванька за птица, да и говорить:—да что о томъ толковать; я не заспору, я пожалуй и двадцать цѣлковыхъ возьму, а конь стоитъ этой цѣны, рѣдкостный конь, пудовъ тридцать до Москвы не корма довезетъ.

А Ванька въ отвѣтъ: «Нѣтъ и этого мнѣ не придется; батька сказалъ, купи такого коня, чтобы до города пудовъ двадцать тащилъ, а не то, что до Москвы.

Барышникъ посмотрѣлъ на Ваньку, усмѣхнулся, пристегнулъ коня и поскакалъ въ городъ.

А Кирилловичъ Ваньку ругаетъ:—экой ты неразумный! али не можешь въ толкъ взять, что если конь до Москвы, такъ и до другого города довезетъ.

А Ванька: — да, толкуй, Кирилловичъ; съ батькой не сговоришь; какъ почнетъ бить, ты своихъ боковъ не бошь не подставишь.

А Кирилловичъ ему: ахъ, ты, дурень! дурень! за что отцу бить, если хорошаго коня купилъ.—Упустилъ, дурень, упустилъ. На базарѣ такого коня не сыщешь.

Ванька и держать отвѣтъ: ты что ни толкуй, а я только то знаю, что батька велѣлъ мнѣ на базарѣ за двадцать цѣлковыхъ коня купить, да коня такого, чтобы отъ нашей деревни до города двадцать пудовъ тащилъ. На томъ Ванька и рѣчь свою ставилъ, а Кирилловичъ только головою помахивалъ.

Вотъ пришли они въ городъ. Кирилловичъ привелъ Ваньку на базаръ, а самъ пошелъ по своему дѣлу.—Ванька на базарѣ и ротъ разинулъ, посматриваетъ изъ стороны въ сторону. Вотъ видитъ у кабака весельчакъ, малый такой разбитной, шапка на бекренѣ, розказни рассказываетъ, а кругомъ его парни стоятъ да усмѣхаются. Ванька подошелъ къ кружку, и больше того ротъ разинулъ, слушаетъ; а весельчакъ то со стороны на сторону повертывается.

— Что, говоритъ ребятамъ, вива выпить что-ли и вамъ поднести? нѣтъ сегодня я и пить не пью, и подносить не подношу...

— А отчего бы такъ?—спрашивали ребята.

— Я отъ того, что у меня на то три резона есть: первое

то, что я вина въ ротъ не беру; а второе то, что сегодня день не такой,—а третье то, что я ужъ полштофа выпилъ! а подносить, пожалуй, поднесите.

Ребята захохотали, а Ванька то и того больше ротъ разинулъ: что—де такое онъ говорить?

А тѣмъ часомъ весельчакъ его замѣтилъ, да какъ вскрикнетъ: а ты что стоишь ротозѣй? чего тебѣ надобно?

Ванька оторопѣлъ, да и говорить, мнѣ батька велѣлъ на базарѣ коня купить...

— А денегъ много даль?

— Да двадцать цѣлковыхъ!

— Ай да батька! Какъ такому лихачу не дать двадцать цѣлковыхъ. Хочешь я тебѣ удружу; пойдемъ въ кабакъ, у меня тамъ такіе кони стоятъ, что языкъ проглотишь...

— Нѣтъ, говорить Ванька, мнѣ батька велѣлъ не въ кабакъ, а на базарѣ коня купить...

Весельчакъ мигнулъ товарищамъ, да и говорить: а по мнѣ какъ хочешь — не совать мнѣ тебѣ коня въ горло; да я не только что коней продаю, я и на другія хитрости подымаюсь. Вотъ видишь ты на землѣ грошъ положи; спиной къ нему повернись, а другой грошъ чрезъ голову кину и прямо на тотъ грошъ попаду.

— Ой ли? закричалъ Ванька.

— Давай объ закладъ о гривнѣ—отвѣчалъ весельчакъ.

А Ванька спрашиваетъ у парня, что стоялъ возлѣ него, «что такое закладъ»?

— А то, отвѣчаетъ парень, что если онъ не попадетъ грошъ на грошъ, такъ тебѣ заплатить гривну...

— А если попадетъ?

— Ну такъ вѣстимо ты заплатишь гривну.

А Ванька въ отвѣтъ: нѣтъ, боюсь, какъ попадетъ не равно...

— Гдѣ попать,—говоритъ парень, держи, вишь онъ подгулялъ; даромъ гривну возьмешь.

Между тѣмъ весельчакъ точитъ себѣ ласы, да прикривается:—эй, держишь, что ли, молодецъ!

А Ванька только ротъ разѣваетъ, да дивуется.

Вотъ весельчакъ положилъ грошъ на землю, повернулся къ нему спиной; другой грошъ черезъ голову кинулъ, — а на грошъ не попалъ.

— Ахъ, оплошалъ говорить, ну, нечего дѣлать, ротозѣй выигралъ,—вотъ тебѣ гривна; я малый честный.

А парни то вокругъ него:—ай да молодецъ—ротозѣй—гривну выигралъ! То то молодецъ!

Ванька взялъ гривну, самъ не знаетъ, какъ она ему досталась, а между тѣмъ радехонекъ, что гривну даромъ взялъ.

— Ну, говоритъ весельчакъ, осматриваясь, — дай еще счастья попытаю. Слышьты, ребята, вотъ у меня мѣра овса въ мѣшкѣ, такъ вотъ слушайте, эту мѣру овса я въ два такихъ же мѣшка положу и оба полны будутъ.

Ваньку раззадорила гривна. Ой-ли вот не положишь! закричалъ онъ.

— Давай объ закладъ о цѣлковомъ, что положу?...

— И оба мѣшка полны будутъ?

— Оба мѣшка полны будутъ!

И одной мѣрой овса?...

— Одной мѣрой...

Разобрало Ваньку:—эхъ, ты, думаетъ, куда не шла... взялъ гривну даромъ —хорошо, а какъ еще цѣлковый возьму— еще лучше будетъ.

— А весельчакъ-то къ нему: ну держишь, что ли? говори, а не то, прочь поди.

Помялся, помялся Ванька, почесалъ затылокъ и выговорилъ: ну держимъ-ста!

— Слышали ребята,—сказалъ весельчакъ,—ну смотри-те жъ въ оба.

Весельчакъ взялъ мѣшокъ съ овсомъ, а другой пустой; Ванька подошелъ поближе, чтобы посмотрѣть какъ онъ одну мѣру въ два мѣшка насыплетъ. А весельчакъ взялъ мѣшокъ съ овсомъ, да и всунулъ его весь какъ былъ въ пустой мѣшокъ: вотъ говорить, одна мѣра овса въ двухъ мѣшкахъ и оба полны.

— Проигралъ ротозѣй! закричали парни — плати Петрушкѣ цѣлковый.

Ванька туда, сюда, а парни обступили его, смѣются, да кричатъ:—плати, плати! развязывай мошну! бился объ за-

кладъ, такъ плати!—вишь-ты, выигралъ гривну, такъ взялъ; а какъ проигралъ, такъ на попятный дворъ.

Нечего было дѣлать. Ванька развязалъ мошну и самъ не свой, вынулъ изъ нея цѣлковый, отдалъ Петрушкѣ, да такъ и залился слезами. А тѣмъ часомъ парни подъ руки его подхватили, да и говорятъ: Пойдемъ въ кабакъ магачи запивать.

И увели бы они его въ кабакъ, и остальные бы девятнадцать цѣлковыхъ тамъ бы Ванька убилъ; да на ту пору, землякъ мимо корову гналъ; а землякъ тотъ съ Ванькою были погодки и звали его Емельяномъ; малой молодой, да такой расторопной. Увидѣлъ онъ Ваньку у кабака, подошелъ къ нему, дернулъ его за руку, да какъ крикнетъ на парней:—что вы обижаете?

А парни въ отвѣтъ: — мы не обижаемъ, а въ кабакъ ведемъ...

Емельянъ свое.—Не зачѣмъ ему въ кабакъ идти.

— А тебѣ то что, закричалъ Петрушка.

— А то, отвѣчалъ Емельянъ, что Ванька мой землякъ— и нечего ему съ вами водиться.

Сказалъ Емельянъ, да и выдернулъ Ваньку изъ толпы. Парни захохотали, да въ кабакъ побрели.

А Емельянъ Ванькѣ:—какъ ты къ такимъ плутамъ въ руки попалъ: вѣдь это знаешь, бражники такіе,— что нѣтъ хуже ихъ на свѣтѣ.

Ванька разсказалъ ему всю свою бѣду, да и ну вопить какъ ему теперь и коня купить, какъ и къ отцу безъ цѣлковаго на глаза показаться.

Емельянъ былъ такой жалостливый:—эхъ, Ванька, полно вопить; хорошо, что ты мнѣ на глаза попался; у меня отъ доброй покупки деньги остались; я тебя, пожалуй, цѣлковымъ ссужу, какъ разбогатѣешь, заплатишь.

У Ваньки, какъ гора съ плечъ, да какую же ты, отецъ родной, покупку сдѣлалъ.

Да вотъ, говорить, батъка посылалъ корову покупать, да далъ двадцать цѣлковыхъ, а я славную коровенку досталъ за восемнадцать.

— Ну да какъ же ты Емельянъ покупалъ?

— Ну вѣстимо какъ, смотрѣлъ, да выбиралъ...

— А меня отецъ съ измаленька училъ, о какой примѣтъ хорошую скотину узнавать, какое вымя должно быть, какая голова, какія ноги и все прочее.

— А больно отецъ бивалъ?

— Ну не безъ того, когда въ малолѣткахъ бывалъ, бывало за шалость и стегнетъ розгой, да потомъ, какъ отдалъ онъ меня въ школу, выучился я грамотѣ и сталъ въ разумъ входить, всякую шалость бросилъ, хозяйствомъ занимаюсь, да по цыфири счета у отца свожу; съ тѣхъ поръ отецъ меня хоть бы пальцемъ.

— Ну да скажи пожалуй, Емельянъ, какъ бы и мнѣ такъ поступать, чтобы отецъ меня не билъ?

— Старайся, Ванька, отцу угождать, будь ему въ домѣ на пользу, что говорить, слушай, не забывай, умѣй все приберечь, а ино мѣсто и барышъ отцу добыть... Однако пора къ домамъ... корову-то не то, что коня-то выбрать...

— Ну, Ванька, отвѣчалъ Емельянъ, однимъ разомъ этому не научишь, ты ходъ смотри того, чтобы на тѣлѣ то у него изъяна не было, пошелъ-бы я съ тобой, если бы не коровенка... боюсь запоздать. Видѣлъ я тамъ на концѣ саврасая стояла, кажись добрый конь,—только не рассмотрѣлъ я его хорошо: посмотри поближе, можетъ быть и годится....

Емельянъ погналъ корову домой, а Ванька пошелъ опять на базаръ, нашелъ саврасую—глядь, а возлѣ нея стоитъ знакомый барышникъ. Узналъ онъ Ваньку. А Ванька ходитъ вокругъ лошадей, да поговариваетъ: «надобно мнѣ лошадь такую, чтобы на тѣлѣ изъяна не было.—Вотъ хозяинъ, саврасой говорить: да чего тебѣ лучше моей саврасой, славный конь и не дорого возьму, всего восемнадцать цѣлковыхъ.

А барышникъ шепчетъ Ванькѣ: посмотри-ка у нея тѣло съ изъяномъ—ухо распорото.

Ванька посмотрѣлъ, въ самомъ дѣлѣ, у саврасой ухо было съ мѣткой, распорото.—Нѣтъ, говорить хозяину, братъ, насъ не обманешь; батъка не велѣлъ лошадь съ изъяномъ покупать, а у твоей ухо распорото,—сказалъ, да и пошелъ прочь.

А барышникъ за Ванькой:—хочешь, говорить, я тебѣ удружу, я тебѣ такого коня продамъ, что ужъ никакого изъяна нѣтъ: за полцѣны изъ дружбы уступлю; всего двадцать цѣлковыхъ возьму, да еще тебѣ цѣлковый прикину.

Ванька и ротъ разинулъ. Пошелъ за барышникомъ къ тому мѣсту гдѣ его кони стояли. Вывелъ барышникъ коня гнѣдаго, да кнутомъ его подстегиваетъ:—видишь ты, гово-

рить, какой конь, индо на дыбы становится, молодой, добрый конь; смотри-ка что за чернь на зубахъ, шести лѣтъ ему нѣтъ, а хвостъ то какой, одинъ хвостъ двухъ цѣлковыхъ стоитъ. Ужъ такого коня на всемъ базарѣ не найдешь, хоть до вечера ходи.

Подумалъ, подумалъ Ванька, да и хлопъ по рукамъ съ барышникомъ, отдалъ ему двадцать цѣлковыхъ; а тотъ ему цѣлковый прикинулъ, да говоритъ:—видишь ты, какъ тебя уважаю, а ужъ и ты меня штофомъ вина уважь.

Такъ и сдѣлали. Тѣмъ часомъ подошелъ Кирилловичъ; Ванька сѣлъ на коня, ну его погонять, конь ни съ мѣста.

— Ахъ бѣда, говоритъ Кирилловичъ, обманули тебя, конь то добрый, лѣнивый. Что ты, отвѣчаетъ барышникъ, усмѣхаясь, какой лѣнивый! онъ только эдакъ, знаешь... на память слабъ, забываетъ, что везти надобно.

— Подай деньги назадъ! кричитъ Ванька.

— Что ты, говоритъ барышникъ, на дурака, чтоли напалъ? Ты покупалъ, я продавалъ. Какъ продано, такъ тому и быть.

Тутъ барышникъ принялся стегать кнутомъ коня, сдвинулъ его съ мѣста, поѣхалъ Ваня пашкомъ, и Кирилловичъ за нимъ поплелся; какъ вышли изъ города, тутъ и пошла потѣха: конь-то былъ съ норовомъ: идетъ, идетъ да остановится, хоть ты что хочешь съ нимъ дѣлай, пока не образумится. Ужъ кое какъ добрались до деревни. Какъ увидѣлъ Спиридоновичъ коня, такъ и всплеснулъ руками:—что ты его съ живодерни что ли привелъ: да чего жъ ты смотрѣлъ? вѣдь этому одру годовъ, я чай думаю, двадцать слишкомъ!

— Нѣтъ, говоритъ Ванька, и чернь на зубахъ...

— Какая тебѣ чернь, зубы-то выжжены, какая тебѣ чернь, или не видишь...

— Какъ зубы выжжены, толкуетъ Ванька, зубы всѣ тутъ до одного какъ слѣдуетъ.

Индо заплакалъ бѣдный Спиридоновичъ, услыхавъ такіа рѣчи.

А Ванька къ Перфильевнѣ, а Перфильевна къ Ванькѣ:—ни въ чемъ бы-то тебѣ дитятко, таланту нѣту, говоритъ. Не доведется тебѣ никакъ батькѣ угодить. То и говоритъ, то и твердитъ, что отъ тебя родимый какъ отъ козла, ни шерети ни молока.

Съ тѣхъ поръ и сидѣлъ Ванька на печи: жарко становится, на палати перелѣзетъ; холодно станетъ, опять на печь полѣзетъ: сидѣлъ, да думушку думалъ...

Ботъ разъ приходитъ Ванька къ Перфильевнѣ.—Правду ты говоришь, матушка, что ни въ чемъ мнѣ таланту нѣтъ. Вотъ Емельянъ все мнѣ толкуетъ, что долженъ я отцу угождать, въ работѣ помогать и барышъ ему доставлять, а какъ тутъ быть? Хорошо Емельяну толковать; онъ и грамотный, и работу всякую знаетъ, куда хочешь его поверни; а вотъ у меня безталантнаго такъ все изъ рукъ валится; а какъ видишь что ничто неспорится, такъ тоска возьметъ, да сонъ одолѣетъ, все бы зѣвалъ да потягивался,—а межъ тѣмъ все такъ и думаю, какъ бы отцу барышъ достать, думалъ, думалъ matka, да и выдумалъ недурное.

— А что такое, дитятко, спросила Перфильевна, скажи-ка?

— Да вотъ что, мамка, вотъ ужъ я слышалъ, что ужъ нельзя такого барыша достать, какъ кладъ сыскать.

— Ахъ сокровище мое, да какъ же кладъ то найти? Вотъ хорошо бы?!

— А вотъ matka, въ городѣ говорятъ, что знахарка есть, что кладъ указываетъ, сходить посовѣтываться, да съ пустыми-то руками и не ходи.

— То еще не бѣда, дитяtko, что на деньгу пошла, отвѣчала Перфильевна.

На другой день ранымъ ранешенько снарядила она Ваньку въ городъ, и конецъ холста и нитокъ мотокъ и полтину денегъ припасла она ему для знахарки, а чтобы не проголодался хлѣба краюху, да соли, да толокна, да ложку съ плешкой въ кузовъ Ванькѣ положила.

Вернулся Ванька изъ городу, да и говоритъ: Ну, matka, добрую вѣсточку принесъ, только не говори пока отцу.

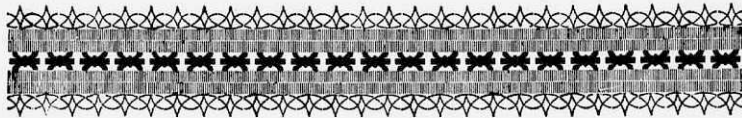
— Вотъ вспыснула меня водицей, да и говоритъ: нѣтъ, никакого въ тебѣ таланту нѣту. Ужъ пошелъ ты дурнемъ, такъ тебѣ и вѣкъ вѣковать; ни на что ты не годящъ, мой родимый, и что тебѣ не толкуй все какъ горохъ объ стѣну; а кладъ найдешь, ужъ это у тебя на роду написано. Вотъ я ей:—давно ужъ, бабушка, охота беретъ, да какъ его отыскать? а она въ отвѣтъ! ужъ объ этомъ не печалься, я помогу. Слушай-же, да обѣими ушами ни слова не пророни! Не бѣда кладъ найти, а бѣда бѣлую ворону поймать. Замѣть, гдѣ въ новолунье и въ полнолунье вороны садятся, да кругомъ того мѣста три раза задомъ обойди, такъ бѣлая ворона прямо къ тебѣ въ тенеты сама прилетитъ. А ты ее тогда за хвостъ ухвати и перо у ней изъ хвоста вытащи,

а то перо дивное, куда съ нимъ не пойдешь, вездѣ съ собой носи: какъ почувешь, что перо забьется, такъ на томъ мѣстѣ и копай землю, а ужъ тутъ и хватай! такъ полтинники и рублевики и начнутъ подъ руками кататься. Только смотри, того принорови, чтобы къ самому новолунью и полнолунью къ воронамъ придти: рано придешь. А ужъ у тебя на роду написано, чтобы кладъ найти...

Разъ возьми, Ванька, гдѣ насажены были овощи, увидалъ бѣлаго гулубя, подумалъ что это ворона въ него обернулась, погнался за нимъ, отъ него упало перо, оно закружилось надъ грядами, онъ давай всѣ гряды сворачивать. Да и не одинъ разъ. И поидетъ Ванька въ огородъ, и роетъ, и роетъ, словно добрая лошадь, а Соломонида навозъ на гряды возить, да всякую овощъ садить, а поспѣетъ, въ городѣ продастъ, да деньги въ кубышку кладетъ, а добрые люди ходятъ мимо, да приговариваютъ:—не надобенъ кладъ, если у мужа съ женою ладъ!

Вотъ и сказка, какъ Ванька—Ротозѣй жилъ, да поживалъ, отъ чего ему такое прозвище пошло, какъ онъ клада искалъ и какъ его нашелъ!

Котъ въ сапогахъ *).

Неизвѣстно, въ какой странѣ, далеко за синимъ моремъ, въ приморскомъ богатомъ городѣ жилъ знаменитый воевода. Онъ былъ любимъ и уважаемъ царемъ; а богатству его и смѣты не было.

Всѣ этого боярина боялись и уважали какъ любимца царскаго. На кого, бывало, онъ нахмуритъ брови, тотъ не думаетъ живымъ ужъ быть.

Жилъ онъ довольно долго холостымъ и наконецъ, ему наскучила до смерти его одинокая роскошная жизнь. Вотъ и сталъ онъ думать, какъ избѣгнуть одиночества, и наконецъ рѣшилъ обзавестись молодой женой. И, разумѣется, богатымъ—не вино курить, не пиво варить, задумано—сдѣ-

*) Взято изъ лубочнаго изданія «Русская народная сказка».

лано; и выбралъ онъ себѣ жену молодую, красавицу, и началъ жить съ ней припѣваячи, грусть кручину забываючи.

На первый годъ супружества даровалъ Господь имъ сына, красавца не описаннаго: во лбу у него свѣтитъ красное солнышко, глаза словно яркія звѣздочки, а въ затылкѣ блеститъ золотая луна. Воевода съ этой радости принялся давать пиры друзьямъ съ ранняго утра и до поздняго вечера. Въ его бѣлокаменныхъ палатахъ ходили чарочки по столикамъ и гремѣла громко музыка, пѣлись пѣсни все военные.

Новорожденному всякій желалъ почестей, долгую жизнь, славу громкую, а кто желалъ ему счастливое супружество. Наконецъ послѣдній изъ гостей всталъ и, подошедши къ столу, взялъ чару съ виномъ и сказалъ: «пью во здравіе хозяина и за здравіе всѣхъ честныхъ гостей, а на зубокъ новорожденному я долженъ правду сказать: зацвѣтетъ онъ точно маковъ цвѣтъ, заблеститъ, какъ солнце красное, будетъ силенъ и уменъ, и достигнетъ въ жизни почестей, какихъ трудно вымолвить словами».

Этому старику отвѣсили по поклону всѣ гости; а онъ вздохнувши, продолжалъ: «судьба новорожденного будетъ завидная, славная! его ждуть царскіе чертоги, золотой вѣнецъ ему готовится; но до тѣхъ поръ, пока все это сбудется, онъ долженъ будетъ перенести много горя и несчастья. Не будетъ жить онъ въ своей родинѣ и помогать отцу въ старости; матери родной черезъ него придется много плакать».

Года идутъ своимъ порядкомъ, и Иванъ, боярскій сынъ, сталъ рости не по днямъ, а по часамъ, такъ что въ десять лѣтъ отъ роду онъ казался двадцатилѣтнимъ юношею.

Лицомъ былъ красавецъ, словно дѣвушка, а собою прямой богатырь, а звать его стали уже не Ванюшкой, а Иваномъ Ивановичемъ.

Сталъ онъ ходить на царскій дворъ и играть тамъ съ другими боярскими дѣтьми; только всѣмъ дѣтямъ его игрушки казались не по сердцу: кого, бывало, схватить за руку—у того руки какъ не было, а кого бывало, схватить за волосы, у того голова прочь отъ плечъ.

И дошли всѣ эти его шутки и игры до ушей царя. Пришли во дворецъ къ государю всѣ его вѣрные бояре и упавши въ ноги сказали: ваше царское величество, не велите казнить людей своихъ, а велите слово молвить: у васъ, надежда царь, въ государствѣ есть воевода знатный, сильный и любимецъ твой; у того же боярина есть сынъ, красавецъ неописанный; и повадился этотъ боярскій сынъ часто жаловать на царскій дворъ, сталъ заводить тамъ игры дѣтскія съ нашими дѣтками, которыя оказались имъ не по сердцу: кого ухватить за руку—рука прочь, кого за голову—тоже и голову долой. Просимъ тебя, великій Государь, повели его выслать совсѣмъ изъ земли своей, а не то придется намъ самимъ со своими семействами искать счастья въ чужихъ краяхъ.

Царь, услышавъ слезныя рѣчи своихъ бояръ, рассердился на Иванушку и призываетъ къ себѣ отца его и даетъ ему строгое приказаніе, чтобы онъ выпроводилъ своего сына, черезъ три дня, изъ города; а не то велитъ казнить его безъ пощады злою смертію.

Затужилъ знаменитый бояринъ и, ударивши челомъ царю, пошелъ отъ него къ своей женѣ и рассказалъ ей кручину свою, царское приказаніе насчетъ единственного дѣтища.

Потомъ они принялись собирать сына своего въ дальнюю сторону.

Ваня, видя слезы матери и печаль отца своего, отвѣчалъ имъ съ улыбкою: о чемъ ты, матушка, кручинишься? о чемъ вы льете слезы горькія? Лучше бросьте свою печаль и тоску, а благословите меня въ дальній путь,—и ваше родительское благословеніе меня всюду будетъ охранять.

Потомъ, подошедши къ отцу, сказалъ ему: «родимый батюшка! не горюй, не плачь ты обо мнѣ, а только дай мнѣ коня богатырскаго, и прощай! я поѣду странствовать».

И пошелъ онъ на конюшню выбирать себѣ коня. Ходилъ онъ цѣлыхъ два часа по всѣмъ конюшнямъ, но не могъ нигдѣ добыть коня себѣ, ни одинъ не годился для него: хоть другой и на видъ добрый конь, а погладить его Ваня рукою—конь на колѣни опускается. Потерявъ всякую надежду найти себѣ по сердцу коня онъ, пошелъ въ самую послѣднюю конюшню. Входитъ тихо, пригорюнившись, и что же видитъ?—стоитъ вороной конь на трехъ цѣпяхъ прикованный, смирно стоитъ и не ѣстъ бѣлоярую пшеницу, и не пьетъ медоваго пойла. А копыты у коня подбиты крупнымъ жемчугомъ. Глаза яркіе, какъ звѣзды, грудь широкая, грива золотистая. Увидавши его, Ванюша закричалъ могучимъ голосомъ: охъ ты, мой добрый конь! знать, не даромъ я столько времени искалъ тебя! а теперь ужъ не расстануся!

Конь, услышавъ голосъ витязя, ударилъ копытомъ о сырую землю и весело потрясъ гривой, что наконецъ—то нашелъ себѣ достойнаго хозяина.

Когда осѣдлали этого вороного коня, подвели къ дубовому крыльцу, тогда вышли на крыльцо самъ бояринъ съ

боярыней, а за ними шель боярскій сынъ, Иванъ Ивановичъ.

Поклонившись низко отцу съ матерью, Иванъ сталъ садиться на коня. Бояринъ съ боярыней и всѣ слуги слезно плакали.

— Ты прости, нашъ ненаглядный сынъ, когда будешь въ далекой сторонѣ, то не забудь отца съ матерью и присылай къ намъ извѣстія о себѣ. Ну, а теперь, съ Богомъ, поѣзжай.—Тутъ мать его залилась горькими слезами и прижавъ къ груди сына своего, тихо промолвила:

— Прощай сынъ мой! прощай, солнце мое красное! можетъ быть, тебя мнѣ не видать больше,—такъ прими же отъ меня подарочекъ и съ нимъ наставленіе.

Тутъ она сняла съ руки перстень съ брилліантовымъ камнемъ и, надѣвши Ванѣ на руку, сказала:

— Это предикovenный перстень талисманъ. Онъ остался мнѣ по случаю и имѣетъ чудную силу: если будетъ нужда въ золотѣ, то нужно перемѣнить его съ руки на руку, и богатство полетѣтъ рѣкой; а если встрѣтишься со злымъ врагомъ, то, снявши съ пальца, перекинь его съ руки на руку, и появится огромное войско; а если ты захочешь почестей, то потри имъ рука объ руку, и твое желаніе исполнится. Только опасайся одного, сынъ мой, чтобы перстня твоего не увидали очи красной дѣвицы. Береги его какъ глазъ во лбу, отъ волшебныхъ глазъ красавицы; а не то лишишься перстня ты, а съ нимъ вмѣстѣ потеряешь и свое счастье, и погибнешь, какъ цвѣтокъ зимой.

Получивъ этотъ перстень, Ваня надѣлъ его на руку,

вскочилъ на коня, свистнулъ громкимъ посвистомъ и поѣхалъ съ широкаго двора.

Сказка льется, какъ рѣка течетъ, время мчится быстро, да не какъ рѣка; ѣдетъ Ваня день, ѣдетъ два; ѣдетъ мѣсяцъ и болѣе. Проѣхалъ онъ полгода и все держать путь дорожку въ одну сторону. Но ѣдетъ онъ по такой дорогѣ, гдѣ не пролѣтала птица быстрая, звѣрь хищный не прорыскивалъ.

Въ одинъ день, когда уже красное солнышко закатилось за дремучій лѣсъ, Иванъ подѣхалъ къ темному лѣсу, въ которомъ виднѣлась гладкая дорога, раздѣляющаяся на три стороны; посреди стоялъ высокій столбъ, на которомъ было написано: «кто поѣдетъ въ правую сторону, тотъ погибнетъ злою смертію; а кто поѣдетъ налѣво—живъ останется, а конь падетъ подъ сѣдокомъ, кто же прямо поѣдетъ—тотъ и съ конемъ своимъ пропадетъ на вѣки вѣчны».

Прочитавши эту надпись, витязь повѣсилъ свою буйную головушку.

Подумавъ немного, онъ сказалъ самъ себѣ:

— Дай, пуцу я ворона коня въ чистое поле травки пощипать, а самъ пойду пѣшкомъ по прямой дорогѣ, видно чему быть, того не миновать.

Разсѣдлалъ онъ воронаго коня и пустилъ его по лугу; потомъ вырѣзалъ себѣ дубиночки и идетъ лѣсомъ, подпирается; между тѣмъ солнце закатилось совсѣмъ, наступила темная ночь, мѣсяцъ покрытъ былъ тучею.

Идетъ витязь все дальше и дальше, никуда не сворачивая,—видитъ, темный лѣсъ рѣдѣть началъ; наконецъ онъ

совершенно вышелъ изъ этого лѣса и очутился на широкой полянѣ, по которой текла быстрая рѣка, и по рѣкѣ несется лодочка безъ веселъ и безъ паруса, словно кормчимъ управляется.

Ваня лодочкой этой стоитъ да любитъся. Вдругъ эта лодочка сама подплыла къ берегу и остановилась. Немного подумавъ, Ваня, боярскій сынъ, однимъ прыжкомъ очутился въ этой лодочкѣ.

Вотъ и на небѣ стало свѣтлѣе; мѣсяцъ смотритъ изъ-за облаковъ и красуется въ волнахъ рѣки.

А рѣка течетъ и зыблется, и сверкаетъ на лунномъ блескѣ золотистыми струйками. По зыбкимъ волнамъ рѣки быстро несется лодочка, а на ея днѣ уже спитъ крѣпко Иванушка и сладко такъ во снѣ онъ улыбается. Шепчетъ онъ какія то невнятные слова, должно полагать, какія нибудь чудныя видѣнія беззаботнаго убаюкиваютъ.

А кругомъ лодочки играютъ и плещаются, въ волнахъ рѣки, красны дѣвицы, красавицы собой: волосы у нихъ зеленые. И поютъ эти дѣвицы пѣсни и такъ проворно ныряютъ, словно рыбки, а подъ ихъ унылую пѣсенку плыветъ лодка еще послѣднѣе. Проснулся наконецъ Иванъ и робко началъ озираться вокругъ. Ему послышался изъ ближайшей роши громкій рокотъ соловья, пѣснь глубокая и веселая, только на душѣ у молодца мрачно, словно ноченька туманная.

Отчего же такъ грустенъ витязь нашъ? или витязю сонъ привидѣлся зловѣщій и диковинный? Нѣтъ, не сонъ, страшить его, а тоска кручина лютая гложетъ сердце богатырское: перстень его драгоценный подарокъ матери, неизвестно

куда исчезъ изъ руки. Вотъ о чемъ сидитъ да думаетъ нашъ молодецъ, онъ вспомнилъ завѣтъ матери, чтобы беречь перстень какъ, глазъ во лбу. Долго думалъ добрый молодецъ, да знать думой не помочь бѣдѣ.

Онъ отеръ слезу горячую и думать сталъ уже не о перстнѣ своемъ, а о томъ, куда преклонить свою буйную головушку. Вотъ вышелъ онъ изъ лодки вонъ и побрелъ берегомъ быстрой рѣки. Вотъ идетъ онъ версту, другую и третью, все одной и той же дорожкой. И вдругъ видитъ: передъ нимъ широкая равнина, по этой равнинѣ течетъ быстрая рѣка и на бережку стоитъ избушечка на куриныхъ ножкахъ; къ ней то витязь и направилъ путь.

Подошелъ къ этой избушкѣ молодецъ, крикнулъ громкимъ голосомъ: повернись изба, къ рѣкѣ задомъ, ко мнѣ передомъ!

И избушка повернулася къ Ванѣ передомъ; а Иванъ, схватившись за скобку, отворяетъ дверь тесовую.

Вотъ и входитъ онъ въ избушку, смотритъ—хижина немудрая, подъ окномъ стоитъ скамейка дубовая, съ нею рядомъ стоитъ бранный столъ. Баба-Яга стоитъ посреди избы и варитъ надъ жаровнею какое-то заморское зелье. У Бабы-Яги глаза горятъ какъ раскаленные угли. Носъ у Бабы-Яги, словно у ястреба, голова словно пивной котель, а изъ подъ чернаго кокошника торчатъ клочьями сѣдые волосы, а лѣтамъ этой колдуньи и счету нѣтъ. Она шепчетъ какія то чудныя заморскія слова надъ зельемъ, и сильно хлопочетъ это снадобье; а на шесткѣ сидитъ сибирскій котъ и любитъся хозяйкою. Этотъ котъ былъ диковинный, совершенно не похожій на обыкновенныхъ котовъ.

Какъ только вошелъ молодецъ, Яга-баба оглянулася и, топнувъ ногою объ полъ, закричала громкимъ голосомъ: «я

живу здѣсь два вѣка съ половиною и не видала здѣсь ни одной живой души, ни одинъ человѣкъ сюда слѣда не прокладывалъ, ни одна птица не пролетывала и звѣрь хищный не прорыскивалъ. Не слышать, зачѣмъ ты сюда, добрый молодецъ, пожаловалъ! или жизнь тебѣ накутила?»

Иванъ, услыхавъ такія грозныя рѣчи, подбодчился и безстрашно отвѣтилъ ей: «не сердись, хрычовка старая! не тебѣ хитрить надъ молодецъ! лучше скажи мнѣ въ привѣтъ слово ласковое, да пониже гостю кланяйся, да за столъ сперва посади меня! накорми, напои меня, а потомъ уже и спать укладывай; когда выплусь, тогда спрашивай: зачѣмъ молодецъ пожаловалъ». Яга-Баба видитъ, что этотъ молодецъ не трусливаго десятка, живо посадила его за дубовый столъ и принесла всякихъ заморскихъ кушаньевъ, всякихъ винъ и крѣпкаго меду, на закуску-жъ дорогихъ сластей.

Сѣлъ Иванъ за дубовый столъ, сталъ закусывать и кушанья запивать винцомъ. Баба-Яга за столомъ стоитъ и все потчуетъ незваннаго дорогаго гостя. Потомъ, когда онъ наѣлся, она постелила ему пуховую постель и уложила спать.

Едва онъ успѣлъ заснуть, какъ началъ въ просонкахъ бредить и несвязно говорить о злой красавицѣ, которая живетъ въ хрустальномъ теремѣ подъ водой, на самомъ днѣ рѣки; какъ она ласкала его, какъ просила перстень и какъ наконецъ подарилъ его ей.

Все разсказалъ нескромный молодецъ. А самъ еще не просыпается.

Спать онъ цѣлыя сутки, спитъ другія, и наконецъ

третьи и болѣе. А Баба-Яга все сидитъ да ждетъ, вотъ проснется добрый молодецъ, а онъ себѣ и не думаетъ; наконецъ она начала будить его и когда разбудила, то сказала: «Ахъ ты, боярскій сынъ, Иванушка! спишь ты крѣпко, богатырскимъ сномъ, и забылъ свою кручину, позабылъ наказъ родной матери—беречь перстень, словно глазъ во лбу, отъ волшебныхъ глазъ красавицы; ты за блескъ ея ясныхъ очей отдалъ перстень, промѣнялъ благословеніе!

— Не садиться бѣ тебѣ, молодцу, въ заколдованную лодочку, а коль сѣлъ, то не ложиться-бѣ въ ней и не спать бы какъ дома въ своемъ теремѣ!»

Услыша это, боярскій сынъ залился горькими слезами и не взвидѣлъ свѣта Божьяго. Баба-Яга, видя его горькую печаль, сжалилась надъ нимъ и сказала:

— Брось кручину,—не пригоже доброму молодцу, словно дѣвушкѣ, плакать! Бѣда велика—не спорю я, да кручинѣ все таки помогу тебѣ!

Ты воротись чудный перстень свой и этимъ перстнемъ спасешь красавицу, свою будущую жену, которая спала въ хрустальномъ теремѣ; та дѣвица, дочь царя, унесена злымъ волшебникомъ, и она теперь очарована, десять лѣтъ спитъ непробуднымъ сномъ. Тотъ же злой волшебникъ и перстень твой укралъ съ руки въ то время, когда ты въ утлой лодочкѣ спалъ крѣпкимъ сномъ. Знаю я того волшебника, мы живемъ съ нимъ по сосѣдству — я въ избушкѣ, а онъ на днѣ рѣки, и отъ всѣхъ своихъ пріятелей онъ зовется сердитымъ водянымъ дѣдушкой.

Ты теперь, Иванушка, не теряй попусту время,—время дорого. Ступай родной, выручать кольцо завѣтное, а съ кольцомъ и красавицу. Дамъ я тебѣ въ провозатые сибир-

скаго кота, онъ покажетъ тебѣ къ нему дорогу и сослужить вѣрную службу, коли будешь его слушаться.

Окончивши рѣчь, Баба-Яга дала знать коту сибирскому, — тотъ вскочилъ, какъ встрепанный, и нырнулъ подъ печку, досталъ оттуда сапоги да престрашенные, должно быть на заказъ были сдѣланы. Котъ обулся въ нихъ очень скоро и сталъ щеголемъ диковиннымъ.

Потомъ онъ взялъ дубинку, положилъ ее на плечо и всталъ у двери, какъ слуга, дожидаясь Ивана.

Витязь всталъ и въ путь сряжается, сказавъ спасибо Бабѣ-Ягѣ за угощенье, отправляется съ своимъ неизмѣннымъ вѣрнымъ спутникомъ сѣрымъ котомъ. Баба-Яга прощается ласковыми словами:

Прощай, молодецъ! Когда кончишь дѣло счастливо — не забудь и моей убогой хижинки, заѣзжай ко мнѣ съ красавицей, выпить чарку водочки, закусить заморскихъ кушаній.

Идутъ путники удалые, котъ сибирскій да Иванъ, боярскій сынъ; прошли версту, другую, на полянѣ очутились, по этой полянѣ рѣка течетъ, по волнамъ несется лодочка, и безъ веселья и безъ паруса, словно кормчимъ управляется.

Сѣли наши путники у берега этой рѣки и отдыхаютъ. День уже клонился къ вечеру. И сѣрый котъ началъ говорить Ивану человѣческимъ голосомъ: «слушай, боярскій сынъ, съ тобой я посланъ для услуги тебѣ, и я буду тебѣ служить вѣрой и правдой, только ты меня во всемъ слушайся: не садись ты въ эту лодочку, а не то уснешь на вѣки вѣчные, а давай ко мы затаедемъ пѣсенку и за дѣло смѣло примемся, — изъ песку давай веревки вить. Объ работѣ нашей

свѣдаетъ самъ нечистый, старый дѣдушка, и вышлетъ къ намъ чертенка спросить, что мы дѣлаемъ; и когда къ намъ выскочитъ чертенокъ и спроситъ: «что, ребята, строите?» — ты скажи ему тогда въ отвѣтъ: «изъ песку, дескать, веревки вьемъ». Онъ опять задастъ вопросъ: «на что вамъ ихъ»? Ты ему опять скажи: «веревками этими мы сведемъ берегъ съ берегомъ, всю до капли рѣку высушимъ и чертей съ дѣдушкой всѣхъ со дна выживемъ».

Какъ сказалъ котъ, такъ и поступили: услылись, заплѣли пѣсенку и начали веревку вить.

Едва они успѣли хорошенько приняться за дѣло, — глядь, выходитъ изъ рѣки диковинный звѣрекъ. Ростомъ маленькій, горбатенькій, съ предлиннымъ хвостомъ и съ рожками. Подошелъ онъ къ витязю, глядитъ и удивляется на работу небывалую. Помолчавъ немного, онъ спросилъ: «что вы, ребята, строите? Меня изъ воды послалъ дѣдушка спросить васъ объ этомъ». Иванъ отвѣчалъ ему: изъ песку веревки вьемъ, а когда навьемъ, то притащимъ берегъ къ берегу, а рѣку высушимъ до капли всю и всѣхъ бѣсовъ со старымъ дѣдушкой вонъ отсюда выживемъ!»

Услыхавши это, бѣсенокъ испугался не на шутку и поклонившись низко Ивану, покорно отвѣчалъ ему:

— Погодите, не губите насъ, почтенные! дайте собѣгать мнѣ къ дѣдушкѣ и рассказать ему о вашемъ намѣреніи; и коли хочетъ онъ цѣль быть, то чтобы давалъ богатый выкупъ: золота, серебра и жемчугу.

Услыхавши это сибирскій котъ сказалъ ему: «не нужно намъ твоего богатаго выкупа, а поди, скажи ты дѣдушкѣ, коли онъ хочетъ невредимымъ быть, то пусть отдастъ пер-

стенъ витайю, который онъ обманомъ снялъ съ руки злыми дѣвками русалками.

Выслушавъ это, посланный бѣсенокъ нырнулъ въ рѣку и слѣдъ простылъ. А котъ началъ говорить Ивану, боярскому сыну: дѣло начали мы хорошо, надо теперь кончить поумнѣй: какъ только бѣсенокъ скажетъ дѣду, какой мы выкупъ съ него требуемъ, то дѣдушка порядкомъ испугается; но все таки не согласится онъ выдать перстень твой, а приплететъ другаго внучка къ намъ, только поудалѣе этого; и онъ начнетъ требовать, чтобы ты бѣжалъ съ нимъ въ запуски; если ты его перегонишь, тогда перстень выдадутъ, а если нѣтъ, то будетъ намъ худо. А ты вотъ что, добрый молодецъ, будь умнѣй, не берись бѣжать съ нимъ въ запуски, а скажи только ему съ улыбкою: «гдѣ тебѣ гоняться за мной! у меня есть меньшой братишка; и посмотрѣть то на него, такъ срамъ людской, а и тотъ перегонить тебя, какъ пить дать!»

— Ну, ладно,—молвилъ Иванъ, а гдѣ же намъ взять меньшаго братишка?

— Это ужъ не твое дѣло,—я все улажу.

Какъ сказалъ котъ, такъ и случилось.

Вынырнулъ изъ синихъ волнъ рѣки бѣсенокъ, на видъ уродливѣе перваго, и, ударивши челомъ о землю, началъ говорить: «Водяной сирдитый дѣдушка выслашь спросить меня: если желашь получить кольцо, то давай сначала бѣгать въ запуски; если ты меня перегонишь — перстень выдадимъ; а если нѣтъ, то не прогнѣвайся, будешь вѣкъ ловить ершей на обѣдъ да на ужинъ дѣдушкѣ».

Выслушавъ эти рѣчи, Иванъ отвѣчалъ ему: ахъ ты,

плохой бѣгунъ! гдѣ тебѣ тягаться со мной! У меня меньшой братишка есть, такъ и тотъ обгонитъ десять разъ тебя!

— Ну, ладно, давай посмотримъ его удал! — сказалъ бѣсъ! а Ивану то и на руку. Онъ мигнулъ коту сибирскому и сказалъ: поди ка сведи его къ моему меньшому брату.

Тотъ махнулъ лапкой бѣсенку, самъ направился къ лѣсу, гдѣ лежалъ подъ кустомъ заяцъ; подошедши къ нему поближе, котъ велѣлъ бѣгуну готовиться, а самъ, принавши къ землѣ, что есть мочи прыгнулъ къ кусту и ударилъ зайца по уху лапкой. Тотъ вскочилъ, какъ встрепанный, оглянувшись кругомъ и, увидя кота съ бѣсенкомъ, пустился со всѣхъ ногъ бѣжать, какъ стрѣла изъ лука, что не прыжокъ, то цѣлыхъ пять аршинъ; ни кусты, ни кочки, ни пригорки—все ни почемъ ему. Дѣдовъ посланный за нимъ бѣжить изъ всей мочи, задыхается и кричитъ ему: постой, сосѣдъ! давай поровняемся,—ты бѣжишь-то не по правилу! Зайцу дѣла нѣтъ до правила и ровняться ему некогда, знай летитъ, какъ калена стрѣла, а черезъ полчаса совершенно слѣдъ простылъ.

Потерявши изъ виду зайца, бѣсенокъ остановился и едва дыша отъ усталости, поплелся назадъ, какъ не солоно хлебаль; потомъ сказалъ коту сибирскому: я до сей поры слылъ первымъ бѣгуномъ въ свѣтѣ, но теперь вашъ мальчишка осрамилъ меня, и не знаю я, какъ теперь глаза показать дѣдушкѣ. Видно, дѣлать нечего — пойду просить его, чтобы онъ сдержалъ свое обѣщаніе и отдалъ бы кольцо ваше.

Съ этими словами бѣсъ нырнулъ въ воду.

— Дѣло идетъ хорошо, сказалъ котъ, надо кончить поразумнѣе. Слушай теперь: какъ бѣсенокъ скажетъ дѣдушкѣ, что мальчишка обогналъ его, то не на шутку дѣдъ разсердится, но не тотчасъ согласится отдать кольцо, а прилетѣть къ намъ другаго внучка, похитрѣ первыхъ. И начнетъ этотъ внучекъ требовать, чтобы ты поборолся съ нимъ. Но ты не берись бороться съ нимъ, а скажи ему съ усмѣшкою: не тебѣ, дескать, плохой силачъ, со мной силу свою пробовать; а у меня есть старый дѣдъ, что лѣтамъ его счету нѣтъ, такъ и тотъ тебя отпотчуетъ такъ, что кости затрепчатъ.

Иванъ, выслушавъ это, спросилъ: а гдѣ же намъ взять стараго дѣдушку?

— Это не твоя бѣда—я все мастерски улажу.

Черезъ четверть часа вынырнулъ изъ воды бѣсъ, ростомъ сажень цѣлая, въ плечахъ два аршина, хвостъ длинный съ колокольчикомъ, а рога словно у буйвола.

Вотъ подходитъ онъ къ Ивану и, ударивши челомъ, человѣчьиимъ молвилъ голосомъ: если хочешь получить кольцо, то прими мое условіе, давай съ тобой поборемся: коль поборешь, то и перстень отдамъ, если же нѣтъ—будешь лапти плести на всѣхъ чертей да сапожки шить на дѣдушку.

Выслушавъ это, Иванъ, боярскій сынъ, отвѣчалъ ему съ улыбкою: «гдѣ тебѣ, плохой силачъ, со мной силой своей мѣряться! У меня есть старый дѣдъ, ужъ лѣтамъ его и счету нѣтъ, а и тотъ тебя отпотчуетъ такъ, что кости затрепчатъ...

— Ладно, ладно, отвѣчалъ бѣсъ, — мы посмотримъ его удали, подавай его сюда.—А Ивану то и на руку; онъ ми-

гнулъ коту сибирскому: покажи-ка ему дѣдушку! Котъ привсталъ и подалъ бѣсу знакъ лапкою, чтобы тотъ слѣдовалъ за нимъ, а самъ пошелъ къ лѣсу.

Пришли они въ самую чащу лѣса, гдѣ стоялъ огромный столѣтній дубъ, а подъ этимъ дубомъ была медвѣжья берлога. Медвѣдь издали еще замѣтилъ приближающихся путниковъ и привсталъ на заднія лапы. Котъ велѣлъ силачу готовиться, а самъ прыгнулъ на зеленый дубъ. Медвѣдь медленно подошелъ къ бѣсу и, обнявъ его по своему, сталъ повертывать во всѣ стороны; и напрасно бѣсъ кричалъ, ругалъ его, что онъ дерется не какъ боецъ, и чтобы далъ ему поправиться; но медвѣдю дѣла нѣтъ до правила, знай ломаетъ бѣса сильнаго. Наконецъ ужъ бѣсу не втерпѣжъ стало бороться, и кричать ужъ пересталъ онъ совсѣмъ! а черезъ полчаса чуть живой онъ подъ кустомъ лежалъ.

Котъ спрыгнулъ съ дуба и, подошедши къ нему, поднялъ съ земли и повелъ его къ рѣкѣ. А онъ и говоритъ ему со слезами: я до сихъ поръ славился силачемъ; но сегодня вашъ старый дѣдушка изломалъ меня совсѣмъ; я теперь не знаю, и глаза показать своему дѣлу. Буду просить его, чтобы отдалъ онъ кольцо завѣтное.

И съ этими словами бѣсъ нырнулъ на дно рѣки. Котъ же, возвратившись къ витязю, сказалъ ему: дѣло наше идетъ къ концу, надо кончить поразумнѣе. Ну, да это теперь не твоя бѣда! Водяной дѣдушка теперь выйдетъ самъ и твой перстень сюда вынесетъ; отдастъ тебѣ его и начнетъ просить, чтобы ты не гналъ его со дна рѣки, и не требовалъ красавицы! но ты молчи, а я самъ буду отвѣчать ему.

Едва успѣлъ котъ сказать это, какъ рѣка заволновалась и изъ середины бурныхъ волнъ показалось чудовище: бо-

рода сѣдая вплоть до пояса, голова словно пивной котелъ, а глаза горять, какъ уголья.

Вышедши на берегъ, онъ отдалъ Ванѣ талисманъ и началъ говорить ему съ почтеніемъ: «честь и слава тебѣ молодецъ! твою волю мы исполнили, не грубили твоей милости, такъ и ты насъ оставь въ покоѣ; поѣзжай въ свое отечество, тамъ отецъ и мать слезы горькія льютъ по тебѣ; а отецъ дозволенія опять у царя выпросилъ, чтобы жить тебѣ вмѣстѣ съ нимъ. Когда возвратишься ты къ отцу своему, то выберешь тамъ себѣ красавицу изъ тысячи и проживешь ты словно сыръ въ маслѣ. Позабудешь ты тогда свое горюшко, только теперь ты не трогай меня и не спрашивай красной дѣвицы, которая спала въ хрустальномъ теремѣ!»

Услыхавши эти слова, сѣрый котъ прервалъ его, говоря: «мой бояринъ приказалъ тебѣ такой отвѣтъ держать: если хочешь жить на днѣ рѣки, такъ отдай намъ красну дѣвицу, а не то мы не перестанемъ веревки вить, и тогда вамъ всѣмъ живымъ не быть».

Водяной дѣдушка разсердился не на шутку и, ударившись о сырую землю, превратился въ лютаго тигра и подбѣжалъ онъ къ Ивану; а тотъ поблѣднѣлъ весь, словно листъ дрожить, да сѣрый котъ то не промахъ былъ, онъ тоже ударился о сырую землю и, сдѣлавшись львомъ, бросился на тигра лютаго. Тигръ на льва стремглавъ бросается, расправляетъ когти острые; а левъ трясетъ сердито гривой и впирается въ противника. Заструилась кровь изъ ранъ ихъ, затрещали кости крѣпкія, а окрестность огласилась страшнымъ и жалостнымъ ревомъ. Долго бой этотъ продолжался съ равной силой. Наконецъ тигръ не вытерпѣлъ и сталъ просить пощады, но левъ, не внимая ничему, знай

крушить его безъ устали. Тутъ тигръ поднялся на хитрости и ударившись опять о землю лбомъ, сдѣлался маленькою мышкою и бросился со всѣхъ ногъ къ рѣкѣ. Но не плохъ былъ и косматый левъ, не пожалѣлъ и онъ ла широкаго, и ударившись о землю лбомъ, сталъ по прежнему котомъ, и однимъ прыжкомъ настигъ мышенка бѣднаго, ухватилъ его за шиворотъ и давай душить...

Долго онъ душилъ его, такъ что наконецъ, онъ пересталъ пищать совсѣмъ, и началъ молить кота человѣчнымъ голосомъ: «отпусти меня, сибирскій котъ! такъ и быть, приму условіе, отпущу вамъ красную дѣвицу!»

Но котъ продолжалъ тормозить его и приговаривать: «нѣтъ не пущу тебя до тѣхъ поръ, пока скажешь слугамъ своимъ, чтобы вывели красавицу».

Тогда мышенокъ закричалъ слугамъ громкимъ голосомъ: «чтожъ стоите, дурачье, скоты! ахъ не видите бѣды моей? убирайтесь всѣ на дно рѣки, выводите красну дѣвицу!»

Вѣсы, услышавъ приказаніе своего повелителя, живо бросились на дно рѣки. Ваня смотритъ, по водѣ несется хрустальный теремъ, изъ него выходитъ на берегъ красавица и бросается въ объятія добраго молодца. Ваня беретъ ее за бѣлоснѣжныя руки и смотритъ ей въ ясныя очи, приговаривая: какъ тебя ли, красная дѣвица, я пригожѣ не видывалъ. Полюби меня, красавица! И поѣдемъ на ляхомъ конѣ въ мое славное отечество.

Тамъ, въ высокомъ свѣтломъ теремѣ льетъ горькія слезы по мнѣ моя родная матушка и, рыдаючи, говорить

что не видать мнѣ солнца краснаго! Но ты, моя сиротка одинокая, тамъ найдешь отца и мать себѣ! а если дѣвичья жизнь тебѣ наскучила и твое сердце ищетъ чувства новаго, такъ я подарю тебѣ колечко обручальное, а съ этимъ и любовь свою.

Дѣвушка улыбнулась на страстные рѣчи молодца и сказала: «я на вѣкъ твоя, ты спаситель мой; за тобою я готова всюду слѣдовать; сиротою я только здѣсь была, но у меня есть тоже отецъ и мать, не простаго, царскаго рода я, и у нихъ одна дочь, а наследниковъ болѣе никого нѣтъ; а зовутъ меня *Несмеянною* царевною. Наше царство отсюда далеко и отецъ мой, славный царь Дадонъ, править царствомъ уже 40 лѣтъ, и теперь онъ старъ и дряхлѣ. Общаешься ли ты, когда побываешь на родинѣ, ѣхать въ наше царство? И при этомъ только условіи я готова за тобою слѣдовать хоть на край свѣта и принять отъ тебя кольцо завѣтное, а съ кольцомъ вмѣстѣ и любовь твою».

Выслушавши рѣчи красавицы, Ваня далъ ей клятву въ вѣрности, чтобы во вѣкъ неразлучаться съ ней.

— Полно вамъ разговаривать! — сказалъ котъ, — пора домой идти! И потомъ обратившись къ дѣдушкѣ, сказалъ ему: «тебѣ, старый дѣдъ, витязь жалуетъ прощеніе и возвращаетъ опять быструю рѣку! Убирайся пока живъ еще!...»

Тутъ наши путники отправились въ путь дороженьку. Идутъ, межъ собой рѣчь ведутъ сынъ боярскій съ красной дѣвицей, про любовь и про замужество, а сѣрый котъ улыбается и отпускаетъ прибаутки.

Подшли онѣ къ избушечкѣ; Иванъ не хотѣлъ взойти

въ нее, а спѣшилъ съ своей красавицей поскорѣ къ отцу и матери; онъ просилъ съ собою ѣхать и кота сибирскаго, говоря: «ты поѣдешь, сѣрый добрый, котъ, къ моему отцу и матери; заживешь ты тамъ припѣваючи и будешь кататься словно сыръ въ маслѣ!»

— Благодарю, добрый молодецъ на твоёмъ ласковомъ словѣ, но ѣхать къ тебѣ я не могу. Сослужилъ я тебѣ службу вѣрную и къ Бабѣ-Ягѣ ворочусь я, а ты поѣзжай съ своей красавицей — путь счастливый вамъ, голубчики! Когда же будешь жить счастливо, не забудь и насъ со старухою, въ нашу хижину убогую просимъ милости на всякій разъ!

Сказавши это, сѣрый котъ поклонился витязю, потомъ пустился вдоль лѣса по извилистой тропиночкѣ; скоро скрылся за деревьями, только слышенъ былъ трескъ валежника.

Между тѣмъ боярскій сынъ на своемъ ворономъ конѣ, вмѣстѣ съ красавицей, поѣхали къ нему на родину. Ыхали они мѣсяцъ и два, наконецъ проѣхали и полгода, тогда заблѣлись стѣны города. Вотъ подъѣхали и къ городу, имъ опустили подъемный мостъ. У палатъ на крыльцѣ стоятъ отецъ съ матерью и встрѣчаютъ добраго молодца съ красавицей, и ведутъ ихъ въ каменные хоромы свои. Потомъ ихъ сажаютъ за брачный столъ и начинаютъ играть свадьбу. А на свадьбу ту и самъ добрый царь со своей свитою пожаловалъ.

По прошествіи мѣсяца, Иванъ со своею супругою отправились къ ея отцу Дадону. И такъ какъ царь Дадонъ былъ дряхлѣ и старъ, то и захотѣлось ему за живо успокоить свою старость. И онъ сдалъ свое царство витязю, а съ цар-

ствомъ отдалъ и золотую корону. И сталъ нашъ витязь законнымъ царемъ, и началъ править тѣмъ государствомъ разумно: судъ, расправу и законъ давалъ всѣмъ по праву. И жилъ онъ многія лѣта счастливо и благополучно.

Прижилъ онъ съ своею царицею ровно двадцать сыновей себѣ, а при рожденіи каждого сына задавалъ пиръ на пѣлый міръ; а на тѣхъ пирахъ всегда государь бывалъ, пѣсни пѣвалъ и вино пивалъ, по усамъ его текло—въ ротъ ни капли не попало никогда.

СКАЗКА

о семи Симеонахъ родныхъ братьяхъ *).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ мужикъ съ своею женою. Они были люди зажиточные и желали имѣть у себя дѣтей; но дѣтей у нихъ не было; такъ они и дожили до старости и стали просить Бога, чтобы Онъ послалъ имъ сына для опоры въ ихъ старости.

Богъ услышалъ молитву ихъ, и родилось черезъ годъ у нихъ семь сыновей, которыхъ и называли всѣхъ Симеонами. Они стали расти у нихъ, и старикъ со старухою любовались своими дѣточками и, проживши нѣсколько времени, померли, и остались одни Симеоны сиротами; начали рабо-

*) Записано съ лубочнаго изданія.

тать они въ полѣ; хотя имъ было по десяти лѣтъ, но они работали не хуже тридцатилѣтняго мужика.

Въ одно время, когда Симеоны работали на полѣ, случилось мимо ихъ поля ѣхать царю Адору, который, увидѣвъ работающихъ на полѣ, приказалъ позвать всѣхъ къ себѣ, и когда тѣ были призваны, то царь спросилъ ихъ имена и очень удивился, услышавъ, что всѣхъ ихъ зовутъ Симеоны и что они всѣ родные братья. Царь Адоръ приказалъ взять ихъ въ свой дворецъ; Симеоны тотчасъ были взяты и отправлены вслѣдъ за царемъ. Когда царь пріѣхалъ въ свой великолѣпный дворецъ, то собралъ всѣхъ министровъ и другихъ людей, которые служили въ думѣ царской; когда всѣ собрались, то царь Адоръ сказалъ имъ:

— Господа мои министры, дайте мнѣ совѣтъ свой, что мнѣ дѣлать съ этими мальчиками. Они не имѣютъ ни отца ни матери и никакихъ другихъ родственниковъ; я хочу ихъ слѣлать такими людьми, чтобы они послѣ меня благодарили, почему и требую у васъ совѣта: что въ какую науку отдать этихъ сиротъ?

Тогда царь Адоръ замолчалъ и ждалъ отвѣта своихъ министровъ.

Министры, посоветовавшись между собою, сказали царю Адору:

— Государь, какъ ужъ эти мальчики на возрастѣ и могутъ различить худое отъ хорошаго, то пусть они сами выберутъ себѣ, въ какое они хотятъ быть отданы ученіе.

Царь съ удовольствіемъ принялъ совѣтъ своихъ министровъ и, подозвавши къ себѣ старшаго Симеона, спросилъ его:

— Слушай, другъ мой: въ какую науку хочешь быть ты отданнымъ?

Симеонъ, не думавши нисколько, отвѣчалъ царю Адору:

— Ваше величество, я не желаю учиться ничему, а если бы вы приказали построить кузницу посреди дворца вашего величества, то сковалъ бы я вамъ столбъ вышиною до неба.

Царь Адоръ, видя, что Симеонъ хорошій кузнецъ, сказалъ ему:

— Ты можешь оставаться при своемъ ремеслѣ,—и, обращаясь къ другому Симеону, спросилъ его:

— Ну, а ты, мой другъ, въ какое желаешь итти ученіе?

Тогда Симеонъ отвѣчалъ царю Адору:

— Ваше величество, я не желаю итти въ ученіе, а ежели братъ мой скоуетъ столбъ до самаго неба, то я могу влѣзть по этому столбу на самый верхъ и увидать, что дѣлается въ тридцатомъ царствѣ, и могу увидать, что дѣлается во всѣхъ государствахъ, и буду сказывать вамъ.

Симеонъ замолчалъ, а царь сказалъ ему:

— Ну, я тебя не отдамъ учиться, потому что ты и такъ уже ученый человѣкъ.

Потомъ царь спросилъ третьяго Симеона:

— Куда ты, другъ мой, а въ какое хочешь итти мастерство?

Тогда третій Симеонъ сказалъ царю:

— Ваше царское величество, не желаю я ничему учиться, а ежели мнѣ скуеть большой братъ топоръ, то я въ нѣсколько часовъ сдѣлаю корабль, который будетъ ходить и на водѣ и подъ водою.

Тогда царь сказалъ Симеону:

— Мнѣ, другъ мой, такіе скорые корабельные работники надобны, и поэтому тебя учить ничему не нужно.

Потомъ царь спросилъ четвертаго Симеона:

— Ну, а ты, другъ мой, желаешь чему нибудь учиться?

— Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ Симеонъ: — я учиться ничему не желаю, а ежели третій братъ мой сдѣлаетъ вамъ корабль и будетъ онъ въ морѣ, то я могу опуститься съ нимъ подъ воду, если это будетъ нужно.

Царь удивился такому мудрецу и сказалъ:

— Тебѣ не къ чему учиться, потому что гдѣ бы ты не учился, и то не выучился бы такой мудрости; поэтому ты можешь остаться при своей учености.

Потомъ царь спросилъ пятаго Симеона:

— Ну, дружокъ, братья твои не будутъ отданы ни въ какое ремесло учиться, потому что они и такъ уже лучше ученаго, а ты скажи мнѣ: умѣешь ли ты что нибудь дѣлать?

Тогда Симеонъ сказалъ царю:

— Ваше царское величество, если старшій братъ мой скуеть мнѣ ружье, то этимъ ружьемъ я могу убить на лету птицу, ежели она летитъ и за сто верстъ.

Симеонъ замолчалъ, а царь сказалъ ему:

— Ты хорошій стрѣлокъ, и поэтому тебѣ учиться ничему не надобно.

Потомъ царь обратился къ шестому Симеону и спросилъ его:

— Ну, другъ мой, ты желаешь ли чему-нибудь учиться?

Тогда Симеонъ сказалъ въ отвѣтъ царю:

— А ежели мой братъ будетъ стрѣлять птицъ, то я ихъ могу на лету подхватывать, не допустивши до земли.

— Ну, Симеонъ, и ты хорошій малый, когда можешь ловить на лету птицу, и поэтому тебѣ не для чего учиться.

Потомъ царь спросилъ послѣдняго Симеона:

— Ну, ты, другъ мой, что можешь дѣлать?

Тогда Симеонъ сказалъ царю:

— Ваше величество, я хотя не умѣю ничего дѣлать, но и не желаю ничему учиться, а ежели вамъ будетъ угодно послать меня въ Кашемирское царство, то я достану тамъ для васъ Елену прекрасную, которую вы давно желаете имѣть своею женою; только отпустите со мной и всѣхъ моихъ братьевъ.

Царь, подумавши немного, сказалъ Симеону:

— Я отпущу съ тобою твоихъ братьевъ, и ежели ты достанешь мнѣ Елену прекрасную, то я награжу тебя своею казною, а ежели ты не достанешь, то лучше не являйся мнѣ на глаза, а то я прикажу казнить тебя.

Симеонъ поклонился царю Адору и вышелъ вонъ; желѣзный столбъ былъ давно уже готовъ, по которому вто-

рой Симеонъ влѣзъ до самой маковки столба и рассказывалъ, что дѣлается во всѣхъ государствахъ.

Послѣдній Симеонъ, пришедши къ своимъ братьямъ, сказалъ имъ, что пора отправляться. Братья скоро собрались въ путь, запаслись съѣстными припасами и другими вещами, необходимыми для дорожныхъ людей, и отправились.

Вотъ они идутъ, разсуждаютъ кой-о-чемъ и приходятъ къ Синему морю, чрезъ которое надобно имъ переѣхать; но переѣхать не на чемъ. Тогда третій Симеонъ вынулъ изъ-за пояса топоръ, который сдѣлалъ ему старшій братъ, отыскавъ дерево и не больше какъ черезъ два часа сдѣлалъ корабль, который былъ оснащенъ и нагруженъ разнымъ товаромъ. Братья удивились такому чуду и вслѣдъ за третьимъ Симеономъ отправились на корабль, на которомъ и поплыли.

Младшій Симеонъ нашелъ на кораблѣ кошку, которую и сталъ учить плясать и выдѣлывать разные штуки; наконецъ, они прибыли въ то государство, въ которомъ была Елена прекрасная.

Они остановились у пристани, и младшій Симеонъ, взявши свою кошку, вышелъ на берегъ и тотчасъ же отправился ко дворцу, передъ окнами котораго заставилъ плясать свою кошку. Кошка плясала и выдѣлывала разные штуки; въ это время Елена прекрасная смотрѣла изъ окна и видѣла пляску кошки, которой она еще никогда не видала.

Она велѣла своимъ служанкамъ позвать Симеона во дворецъ; когда Симеонъ пришелъ туда, то царица спросила его:

— Послушай, другъ мой, такъ какъ у насъ въ госу-

дарствѣ нѣтъ такого звѣрька, который у тебя, то я желала бы имѣть его, продай мнѣ, пожалуйста, да скажи, какъ этотъ звѣрекъ называется.

Симеонъ поклонился царицѣ и сказалъ, что этотъ звѣрекъ называется кошкою, а ежели ей угодно его имѣть, то онъ подарить его ей.

Прекрасная Елена очень обрадовалась такому подарку и просила Симеона быть при дворцѣ, покуда кошка не привыкнетъ.

Симеонъ, поклонившись, сказалъ:

— Ваше величество, такъ какъ на моемъ кораблѣ нѣтъ такихъ людей, которымъ бы я могъ ввѣрить все, то я и долженъ быть самъ на кораблѣ, а ежели вамъ угодно будетъ, то я стану приходить къ вамъ и учить кошку.

Прекрасная Елена, подумавши немного, согласилась, и Симеонъ сталъ ходить во дворецъ каждый день.

Въ одно время, когда онъ былъ во дворцѣ, то сказалъ царицѣ:

— Ваше величество, не угодно ли вамъ будетъ пройти на мой корабль? Тамъ вы увидите много рѣдкостей, которыхъ нѣтъ въ вашемъ государствѣ; я ихъ досталъ въ Индіи.

Царица, подумавши немного, изъявила желаніе быть на кораблѣ Симеона, и на другой день, взявши съ собою нѣсколько прислужницъ, отправилась на корабль Симеона.

Младшій Симеонъ встрѣтилъ царицу на пристани, и

когда царица сказала ему, чтобы онъ показалъ рѣдкія вещи, какъ онъ говорилъ, тогда Симеонъ сказалъ царицѣ:

— Ваше царское величество, войдите на мой корабль и тамъ все увидите; только осмѣлюсь еще сказать вамъ, чтобы прислужницы ваши остались на пристани и не входили на корабль, потому что у меня такія рѣдкости, которыхъ имъ нельзя видѣть.

Елена прекрасная, не подозрѣвая замысла Симеона, приказала дѣвицамъ, которыя ее провожали, остаться на пристани, а сама вошла на корабль.

Симеонъ, увидя царицу на кораблѣ одну, приказалъ тотчасъ поднимать паруса и обрубить канаты, все было сдѣлано въ одну минуту, и корабль на всѣхъ парусахъ полетѣлъ стрѣлою.

Царица, видя себя обманутою, тотчасъ превратилась въ лебедя и вспорхнула на воздухъ; но четвертый Симеонъ не дремалъ: онъ тотчасъ же выстрѣлилъ изъ ружья, и лебедь, заколебавшись на воздухѣ, готовъ былъ упасть въ море; но пятый Симеонъ, не допустивши ея до этого, схватилъ на воздухѣ и перенесъ на корабль, гдѣ она тотчасъ превратилась въ Елену прекрасную.

Все сдѣлалось благополучно, и братья плывутъ близъ своего царства, какъ вдругъ второй Симеонъ увидалъ съ мачты, что за ними ужасная погоня. Онъ тотчасъ слѣзъ съ мачты и объявилъ о несчастіи; братья перепугались и не знали что дѣлать, но шестой братъ бросился въ море, схватилъ корабль за носъ и съ нимъ погрузился въ воду и такимъ образомъ увелъ свой корабль отъ преслѣдованія и благополучно довелъ до своего царства.

Царь Адоръ, услышавши, что пришелъ корабль, приказалъ позвать къ себѣ Симеоновъ, и когда тѣ явились, то царь спросилъ ихъ, достали ли они Елену прекрасную.

Тогда младшій Симеонъ отвѣчалъ царю:

— Ваше величество, мы привезли Елену прекрасную, и она теперь на кораблѣ.

Царь Адоръ тотчасъ же приказалъ подать карету и поѣхалъ къ кораблю. Когда царь пришелъ на корабль, то царица сказала ему:

— Царь Адоръ, когда ты умѣлъ перехитрить меня, то тебѣ владѣть мною.

Адоръ, услыша эти слова, былъ несказанно радъ и пригласилъ Елену прекрасную въ свой дворецъ. Царица тотчасъ согласилась и сѣла съ царемъ въ каретѣ.

По приѣздѣ во дворецъ царь Адоръ сдѣлалъ пиръ, который продолжался три дня; наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, царь пришелъ къ Еленѣ прекрасной и сказалъ ей, что такъ какъ она была согласна отдать ему руку, то онъ желаетъ, не откладывая, обвѣнчаться завтрашній день.

Елена прекрасная, выслушавъ слова царя, сказала ему въ отвѣтъ:

— Царь Адоръ, ежели ты хочешь имѣть меня своею женою, то прикажи достать изъ моего царства мою карету и лошадей; когда это все будетъ у меня, тогда я согласна буду идти подъ вѣнецъ.

Царь, выслушавъ до конца рѣчь царицы, распростился

съ нею и пошелъ въ свой покой; придя туда, онъ тотчасъ же приказалъ позвать младшаго Симеона и объявилъ ему свою волю.

Симеонъ, выслушавши повелѣніе царя, отвѣчалъ ему:

— Ваше царское величество, повелѣніе ваше я исполню въ точности, только дайте мнѣ сроку на десять дней и лучшаго коня изъ вашей конюшни.

Царь тотчасъ же приказалъ Симеону идти выбирать себѣ коня и, давъ ему денегъ на дорогу, назвалъ молодцомъ.

Симеонъ вышелъ изъ дворца, пошелъ въ конюшни царскія, выбралъ себѣ лучшаго коня, простился съ братьями и отправился въ дорогу.

Долго ли, мало ли прошло времени въ дорогѣ, я не знаю объ этомъ. Наконецъ, Симеонъ пріѣхалъ въ царство Елены прекрасной и остановился въ домѣ одной старухи, переночевалъ у нея ночь и на другой день, накупивши разныхъ мелкихъ колецъ, серегъ, перстней, булабочекъ и прочихъ вещей, отправился торговать.

Придя на царскій дворъ, сталъ ихъ продавать кучерамъ и лакеямъ и продалъ весь свой товаръ; на другой день онъ опять пришелъ къ нимъ съ этимъ же товаромъ, и такъ Симеонъ ходилъ къ нимъ четыре дня; въ это время онъ успѣлъ коротко познакомиться и узнать, гдѣ та конюшня, въ которой находится карета и лошади Елены прекрасной.

Наконецъ, на пятый день вечеромъ, онъ пришелъ къ нимъ и принесъ съ собою вина. Тотчасъ же началась по-

пойка, бутылка за бутылкою являлись на столъ, и черезъ нѣсколько часовъ все лежало кто на полу, кто на скамейкѣ; только одинъ Симеонъ сидѣлъ за столомъ, и, видя своихъ собесѣдниковъ спящими, онъ тотчасъ же отправился шарить ихъ карманы и нашелъ въ карманѣ конюха ключи отъ конюшни. Найдя ключи, Симеонъ тотчасъ же вышелъ на дворъ и, пришедши въ конюшню, отворилъ ее ключемъ, вывелъ лошадей, запрегъ въ карету и поѣхалъ со двора. Когда онъ только выѣхалъ, то тотчасъ же пустилъ лошадей во всю ихъ мочь. Лошади взвились и полетѣли стрѣлою, и такимъ образомъ Симеонъ пріѣхалъ въ свое царство благополучно, тотчасъ же явился во дворецъ и объявилъ царю Адору, что онъ исполнилъ въ точности его повелѣніе. Царь Адоръ благодарилъ Симеона и надѣливъ его и братьевъ своею казною, отпустилъ отъ себя, а самъ на другой же день обвинялся съ Еленою прекрасною и сталъ жить счастливо.

СКАЗКА

О ТРЕХЪ КОРОЛЕВИЧАХЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ король, и у этого короля было три сына: первый назывался Василій королевичъ, другой Феодоръ королевичъ, а третій Иванъ королевичъ. И какъ уже всѣ три королевича были въ совершенномъ возрастѣ, а отецъ ихъ былъ въ весьма старыхъ лѣтахъ, то въ одинъ день призвалъ къ себѣ своихъ дѣтей и сталъ имъ говорить: «любезныя мои дѣти, вы видите, что я весьма старъ, то любя меня сдѣлайте удовольствіе. Я слыналъ, что есть за три-

девять земель, въ тридесятомъ царствѣ въ Подсолнечномъ государствѣ живая и мертвая вода, при томъ же есть въ саду яблоня, на которой растутъ такія яблоки, отъ которыхъ можно и старому сдѣлаться молодымъ. Дѣти, выслушавъ отъ отца своего такую просьбу, стали думать, кому изъ нихъ прежде ѣхать. Тогда старшій братъ, который назывался Василій королевичъ, говорилъ своему отцу: милостивый государь, батюшка, позвольте мнѣ прежде начать сіе путешествіе. Отецъ позволилъ ему сіе съ великою радостію. Послѣ чего приказалъ осѣдлатъ себѣ королевичъ лучшаго коня и взялъ съ собою довольное число денегъ и на другой день отправился въ путь. И ѣхавши долгое время путемъ дорогою, долго-ли, коротко-ли, близко-ли, далеко-ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Наконецъ примѣтя, что дорога та кончилась, по которой онъ ѣхалъ, а въ правой сторонѣ увидалъ маленькую тропинку, то принужденъ былъ по ней ѣхать: ѣхавши долгое время, не видалъ ни одного человѣка, у котораго бы могъ спросить про то государство, въ которое онъ ѣхалъ. Наконецъ, увидѣвъ впереди себя такія горы, пропасти и лѣса непроходимые, что весьма изумился и не зналъ что дѣлать: ѣхать ли ему далѣе, или возвратиться назадъ, и какъ опасался болѣе того, чтобъ не потерять дороги, то и рѣшился ѣхать назадъ къ своему отцу и сказать, что нѣтъ такого государства нигдѣ. Въ сихъ мысляхъ возвратился въ свое государство и пріѣхалъ во дворецъ къ своему родителю; и какъ скоро услышалъ король о возвращеніи своего старшаго сына, то, забывъ свою старость, встрѣтилъ его въ комнатахъ съ великою радостію, и думалъ, что уже вѣрно привезъ онъ все то, зачѣмъ онъ ѣздили; но сынъ его подошелъ и сказалъ: милостивый государь мой, батюшка! Ызда моя не принесетъ вамъ никакого удовольствія, потому что, хотя я и прилагалъ крайнее

стараніе, чтобы найти то государство, въ которомъ находится живая вода и мертвая, и моложавыя яблоки, но однако нигдѣ найти не могъ. Король, услыша такую печальную для себя вѣсть, погрузился въ отчаяніе и не выходилъ изъ своихъ комнатъ, что видя другой сынъ, который назывался Теодоромъ, вздумалъ попробовать своего счастья, и пришедши къ своему отцу, сказалъ: милостивый государь мой, батюшка! позвольте мнѣ съѣздить въ тотъ же путь, куда ѣздилъ старшій мой братъ; можетъ быть я буду счастливѣе его и привезу вамъ то, чего вы столь нетерпѣливо желаете. Король, видя усердность своего сына, съ великою радостію позволилъ ему ѣхать, и какъ скоро королевичъ вышелъ изъ покоевъ своего отца, то и приказалъ осѣдлать себѣ лучшаго коня, и взявъ съ собою довольно денегъ, поѣхалъ вонъ изъ государства: но по случаю наѣхалъ на ту же дорогу, по которой ѣздилъ братъ его; слѣдовательно и пріѣхалъ къ тѣмъ же опасностямъ; но какъ и онъ опасался, чтобы не потерять дороги, то возвратился обратно въ свое государство и увѣрилъ своего отца, что подлинно нѣтъ такого государства. Король, услыша отъ другого сына своего такую печальную вѣсть, отдался совсѣмъ отчаянію, и не выходилъ изъ своихъ покоевъ. Подданные, видя короля своего столь печальнаго, весьма сожалѣли, а меньшей сынъ его, Иванъ королевичъ, принималъ участіе въ отцовской печали. Наконецъ, побуждаемъ будучи усердностію къ своему отцу, вознамѣрился ѣхать въ тотъ же путь, куда ѣздили его братья; въ семь намѣреній пошелъ къ своему отцу и началъ говорить: милостивый государь мой батюшка, позвольте мнѣ съѣздить и увѣриться, что подлинно ли нѣтъ государства такого, какъ увѣряютъ васъ мои братья. Король, видя любезнаго своего сына, толико принимающаго участіе въ его печали, говорилъ ему: любезнѣйшій мой сынъ, ты еще младъ и не

можешь снести такого труднаго пути; но будучи убѣжденъ неотступною просьбою своего сына, наконецъ отпустилъ его, и Иванъ королевичъ какъ скоро получилъ себѣ отъ отца своего позволеніе, то и приказалъ осѣдлать себѣ добраго коня, и взявъ съ собою довольно число денегъ, отправился въ путь. Но онъ совсѣмъ поѣхалъ не по той дорогѣ, по которой ѣхали его братья, и такимъ образомъ ѣхалъ онъ, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается; наконецъ пріѣхалъ онъ въ нѣкоторую весьма чистую и ровную долину. Посрединѣ той долины увидѣлъ онъ избушку на курьихъ ножкахъ, сама повертывается; то какъ онъ подѣхалъ къ этой избушкѣ, и сказалъ: избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ, послѣ сихъ словъ избушка остановилась, а Иванъ королевичъ слѣзъ съ своего коня и привязалъ его, а самъ взошелъ въ эту избушку, и увидалъ въ ней сидящую бабу-Ягу, спрашивающую у него сердитымъ голосомъ: доселѣва Русскаго духу слухомъ не слыхивано и видомъ не видывано, а нонча Русскій духъ въ очахъ проявляется. Что ты волею или веволею? Иванъ королевичъ отвѣчалъ: что сколько неволею, а вдвое того своею охотою; потомъ разсказалъ ей, куда онъ ѣхалъ: и какъ скоро услышала баба-Яга отъ него, то сказала ему: жаль, что я не могу тебѣ сказать, однако побудь здѣсь до завтрашняго дня, а завтрашній день я перемѣню твоего коня, ибо онъ очень усталъ. Итакъ онъ препроводилъ весь день у нея; а на другой день, какъ скоро Иванъ королевичъ всталъ, баба-Яга повела его въ свою конюшню и показала ему коня, велѣла его осѣдлать, и сказала: поѣзжай королевичъ прямо, тамъ увидишь ты такую же избушку, какъ и моя, въ ней живетъ сестра моя, и ты скажи ей, что я тебя къ ней послала: и ежели она знаетъ, то вѣрно скажетъ, какъ тебѣ

получить живую воду и мертвую, а въ благодарность мнѣ ты, королевичъ, какъ получишь и поѣдешь обратно назадъ, отдай мнѣ въ цѣлости моего коня. Иванъ королевичъ обѣщался все исполнить и, благодаря ее за наставленіе, поѣхалъ въ путь, и ѣхавши долгое время, наконецъ пріѣхалъ онъ, какъ ему сказывала баба-Яга, къ той же избушкѣ, которая также повертывалась; а Иванъ королевичъ сказалъ тѣ же слова: избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ—избушка остановилась. Иванъ королевичъ слѣзъ съ своего коня и привязалъ его, а самъ взошелъ въ избушку, и въ ней увидѣлъ такую же бабу-Ягу, которая спросила у него: что ты королевичъ волею или неволею и зачѣмъ ѣдешь? Иванъ королевичъ отвѣчалъ, что сколько неволею, а въ двое того своею охотою, и сказалъ ей, куда и за чѣмъ онъ ѣдетъ, притомъ сказалъ, что сестра ея прислала къ ней и просила чтобъ дала ему наставленія, какъ достать то, зачѣмъ онъ ѣхалъ. Баба Яга, выслушавъ, сказала ему: жаль мнѣ королевичъ, что я тебя не могу увѣдомить: однако останься ты у меня до завтрашняго дня; я тебѣ дамъ нѣкоторое наставленіе, а притомъ и перемѣню твоего коня. И такъ королевичъ пробылъ весь день тотъ у бабы-Яги, а на другой день, какъ скоро Иванъ королевичъ всталъ, то баба-Яга повела его въ конюшню, показала ему коня, и приказала ему осѣдлать, а послѣ сказала: поѣзжай ты прямо по этой дорогѣ, тамъ увидишь ты такую же избушку, какъ и моя, въ ней живетъ сестра наша, и ты скажи ей, что я тебя послала, и она вѣрно тебѣ скажетъ о томъ, что ты ищешь, притомъ же приказывала ему, чтобы онъ, когда поѣдетъ назадъ, то чтобъ привелъ ся коня въ цѣлости. Королевичъ обѣщался сіе исполнить и, поблагодаря ее за наставленіе, поѣхалъ въ путь свой и ѣхалъ долгое время. Наконецъ увидѣлъ онъ такую же избушку, стоящую на курьихъ

ножкахъ, сама повертывается. Королевичъ проговорилъ такіе же слова, какъ и прежде, и избушка остановилась, а королевичъ слѣзъ съ своего коня и взошелъ въ избушку, въ которой увидѣлъ сидящую бабу-Ягу, и спрашивающую у него весьма сердитымъ голосомъ: доселѣва Русскаго духа слухомъ не слыхивано, и видомъ не видывано, а нонче Русскій духъ въ очахъ проявляется, что ты королевичъ, волею или неволею? Тотчасъ отвѣтствовалъ Иванъ королевичъ, что сколько неволею, но вдвое того своею охотою; потомъ рассказалъ ей за чѣмъ онъ ѣдетъ, и что прислали сестры ея къ ней, чтобъ она дала ему наставленія. Баба-яга, выслушавъ отъ королевича все то, перемѣня свой сердитый видъ на ласковый, сказала ему, что она съ великою охотою о всемъ его увѣдомить; только просила, чтобъ онъ препроводилъ весь тотъ день у нея. Королевичъ принужденъ былъ на сіе согласиться, а на другой день повела его баба-Яга въ свою конюшню и сказала: вотъ тебѣ конь, поѣзжай на немъ, своего оставь у меня; потомъ сказала ему, что дорога сія проведетъ прямо къ тому государству, въ которомъ есть живая и мертвая вода, также и моложавыя яблоки, и тебѣ никакъ болѣе нельзя проѣхать, какъ ночью,—то и надобно, чтобъ ты перескочилъ прямо черезъ городскую стѣну, хотя она и покажется тебѣ очень высока; но однако конь этотъ перескочитъ; и какъ скоро ты будешь въ городѣ, то поѣзжай прямо къ садовымъ воротамъ, и въ саду увидишь ты ту яблоню, на которой растутъ моложавыя яблоки, и подлѣ этой яблони увидишь ты два колодца, въ которыхъ живая и мертвая вода; и когда ты все это получишь, то не медли возвратиться изъ сада, и какъ поѣдешь опять черезъ городскую стѣну, то какъ можно берегись, чтобъ конь твой не зацѣпилъ ни за одну струну, которыя приведены къ той стѣнѣ. Ибо какъ скоро ты хотя

за одну тронешься, то во всемъ городѣ сдѣлается колокольный звонъ и барабанный бой, пушечная пальба и веретенная стрѣльба, отъ сего и встревожится весь городъ, и тогда уже нельзя ни какъ тебѣ будетъ уѣхать. Королевичъ, благодаря ея за наставленія, обѣщался все исполнить и поѣхалъ въ путь; и ѣхалъ долгое время, наконецъ пріѣхалъ въ ночь къ тому государству. И такъ, не останавливаясь перескочилъ чрезъ городскую стѣну, и поѣхалъ прямо въ садъ, и пріѣхавши къ садовымъ воротамъ, увидѣлъ столбъ, въ которомъ ввернуто было два кольца: одно золотое, а другое серебряное; а онъ не зналъ къ которому кольцу привязать своего коня; однако продѣлъ узду въ оба кольца; а самъ пошелъ въ садъ. Ему не трудно было сыскать ту яблоню, на которой росли молоджавыя яблоки, потому что она отличалась отъ всѣхъ своими яблоками, и какъ скоро нашелъ онъ ту яблоню, то нарвалъ довольно яблоковъ; увидѣлъ тѣ колодцы, въ которыхъ была живая вода и мертвая, тогда, наливъ въ стеклянки той воды, пошелъ вонъ изъ сада, и пришелъ къ тому столбу, гдѣ привязанъ былъ его конь. Иванъ королевичъ, отвязавъ своего коня, поѣхалъ изъ города, и какъ сталъ перескакивать городскую стѣну, то никакъ не могъ уберечься, чтобъ конь его не зацѣпилъ за тѣ струны, которыя протянуты были къ стѣнѣ, отъ чего и сдѣлался въ городѣ колокольный звонъ, барабанный бой, пушечная пальба и веретенная стрѣльба; и какъ скоро услышали въ городѣ, то всѣ встревожились, почему и догадалась Царь-Дѣвица, что хранящіеся въ саду ея драгоценности похищены; тотчасъ приказала осѣдлать своего коня; а какъ скоро осѣдлали и привели, то Царь-Дѣвица не медля погналась за королевичемъ; а онъ въ то время былъ уже у первой Бабы-Яги, которой рассказалъ, какимъ образомъ онъ досталъ все то за чѣмъ ѣхалъ; и какъ скоро сказалъ, что онъ,

ѣхавши назадъ, зацѣпилъ за тѣ означенныя струны, то баба-Яга не медливи вывела ему того коня, на которомъ онъ прежде къ ней пріѣхалъ и сказала: поѣзжай королевичъ, какъ можно скорѣе, потому что Царь-Дѣвица сама за тобой въ погоню ѣдетъ, послѣ чего Иванъ королевичъ поскакалъ къ другой бабѣ Ягѣ; а Царь-Дѣвица вскорѣ послѣ его пріѣхала къ первой, у которой Иванъ королевичъ перемѣнялъ своего коня; спрашивала у нея: не видала ли какого проѣзжающаго или проходящаго человѣка? На что баба Яга отвѣчала, что не видала; при томъ спросила ея учтиво, чтобъ отъ такого дальняго и труднаго пути успокоилась, такъ же увѣряла Царь-Дѣвицу, что вѣрно она догонитъ. Царевна склонилась на ея просьбу и препроводила весь тотъ день; а на другой день поѣхала опять за королевичемъ въ погоню; а онъ былъ уже у другой бабы Яги, у которой перемѣня своего коня, поѣхалъ весьма поспѣшно къ третьей; а Царь-Дѣвица пріѣхала къ другой бабѣ-Ягѣ и спрашивала, что не видала ли она кого проѣзжающаго; на что баба Яга отвѣчала ей, что никого не видала и просила ея также съ учтивостью, чтобъ отъ такого пути успокоилась. Царевна, склонясь на ея просьбу, отдыхала весь тотъ день у нея, а на другой день поѣхала за королевичемъ; но какъ Иванъ королевичъ не имѣлъ отдохновенія, то уже былъ у послѣдней бабы-Яги, у которой перемѣнилъ коня и, поблагодаря ея за вспомоствованіе, поѣхалъ поспѣшно въ свое государство. А какъ пріѣхала послѣ сего Царь-дѣвица къ третьей бабѣ-Ягѣ и спрашивала о немъ, то она сказала, что никого не видала, и просила ея съ учтивостью, чтобъ успокоилась отъ такого пути. Царь-Дѣвица, склонясь на ея просьбу, препроводила весь день; а на другой день поѣхала опять въ погоню, но однако уже королевичъ былъ близъ своего государства. И какъ пріѣхалъ на свою границу, то Царь-Дѣвица,

остановясь сказала: счастливъ ты, королевичъ, что не попалъ въ мои руки; однако будь увѣренъ, что я къ тебѣ въ гости буду. Королевичъ, услыша сіе, разсмѣялся и думалъ самъ въ себѣ: когда ужъ не умѣла меня въ своемъ государствѣ ловить, а теперь я и не думаю. Послѣ сего королевичъ поѣхалъ уже тише, безъ опасенія, а Царь-Дѣвица поѣхала обратно въ свое государство. Иванъ королевичъ какъ скоро пріѣхалъ въ городъ, то король, отецъ его, услышавъ о пріѣздѣ своего сына, весьма обрадовался, забылъ всю старость, встрѣтилъ его съ великою радостію; а еще больше обрадовался, какъ услышалъ, что Иванъ королевичъ привезъ все то, чего онъ столь нетерпѣливо желалъ. Королевичъ вынулъ изъ кармана двѣ стеклянки, въ которыхъ была живая и мертвая вода, и сказалъ: прими, милостивый государь батюшка, сіи драгоценныя воды. Потомъ приказалъ подать блюдо, на которое положилъ молодявыя яблоки, и подалъ своему отцу; король, принявъ отъ своего сына такіа драгоценности, обнялъ его съ великимъ восхищеніемъ и радостію, потомъ говорилъ ему: любезнѣйшій мой сынъ! теперь я долженъ тебѣ моею жизнію, и въ благодарность мою отдаю тебѣ мое королевство. Послѣ сего король съѣлъ нѣсколько яблоковъ и примѣтилъ, что онъ сдѣлался помоложе. На другой день для такой радости сдѣлалъ король великій банкетъ, который и продолжался нѣсколько дней; послѣ сего жилъ благополучно долгое время, а Иванъ королевичъ и не думалъ о той Царевнѣ, какъ въ одинъ день у короля во дворцѣ было великое торжество, и всѣ были на ономъ трое его дѣтей, то нечаянно король взглянуть въ окошко и увидѣлъ въ заповѣдномъ своемъ лугу раскинутую палатку; тотчасъ оборотясь къ своимъ министрамъ, спросилъ: кто бы таковъ столь дерзокъ былъ, чтобъ осмѣлился раскинуть свою палатку въ моемъ заповѣдномъ лугу, но какъ всѣ

сказали королю, что не знаютъ, то онъ послалъ своего министра осведомиться, кто таковъ пріѣхалъ. Посланный отъ короля поѣхалъ въ заповѣданные дуга, и какъ скоро подъѣхалъ къ палаткѣ, сошелъ съ коня и, снявъ шляпу, подошелъ къ палаткѣ, увидѣлъ сидящую отчужденной красоты дѣвицу. Министръ учтивымъ образомъ сказалъ: милостивая государыня, здѣшняго государства король желаетъ узнать, кто вы таковы и зачѣмъ пріѣхали? Царь-Дѣвица (ибо это она была) сказала министру, что король послѣ узнать, кто она есть, и что она пріѣхала за тѣмъ, чтобы король выдалъ изъ сыновей своихъ виноватаго; ежели выдастъ виноватаго, то отойдетъ она отъ города и оставитъ короля въ спокойствіи, а ежели не выдастъ, то весь вашъ градъ до основанія раззорить. Посланный министръ возвратился обратно во дворецъ и, представивъ предъ короля, объявилъ ему все сказанное Царь-Дѣвицею и какъ скоро услышалъ король отъ министра, то весьма опечалился, да и веселье все перестало, потомъ король, обратясь къ старшему своему сыну Василию королевичу, говорилъ: поѣзжай, сынъ и оправдайся, не ты ли виноватый. Королевичъ принужденъ былъ ѣхать и не медля отправился къ Царь-Дѣвицѣ, и какъ скоро подъѣхалъ къ палаткѣ, слѣзъ съ своего коня и, подошедъ къ ней, учтивымъ образомъ сказалъ: милостивая государыня, король, мой отецъ, прислалъ меня къ вамъ съ тѣмъ, что не я ли виноватый, котораго вы требуете, на что Царь-Дѣвица сказала королевичу, что не онъ и ѣхалъ бы спокойно, а прислалъ бы виноватаго. Королевичъ съ радостію услышалъ, что онъ не виноватъ, и какъ пріѣхалъ во дворецъ, то рассказалъ все сказанное Царь-Дѣвицею. Король приказалъ Феодору королевичу ѣхать, чтобъ и онъ ѣздили, то не его ли требуютъ. Феодоръ королевичъ принужденъ былъ ѣхать и немедленно отправился къ Царь-Дѣвицѣ, которая также и

ему сказала, что не онъ виноватый; и какъ скоро королевичъ услышалъ, то поѣхалъ съ радостію во дворецъ, гдѣ и сказалъ королю своему отцу, что не его требуютъ. Тогда догадался меньшей сынъ Иванъ королевичъ, что пріѣхала Царь-Дѣвица и что требуетъ его, то, подошедъ къ своему отцу, говорилъ: милостивый государь мой батюшка, я признаюсь вамъ, что меня требуетъ, ибо я виноватый; только прикажите сдѣлать мостъ отъ нашего дворца до той палатки и — чтобъ обить весь тотъ мостъ золотою парчею. Король, любя своего сына, приказалъ сіе сдѣлать и какъ мостъ совсемъ поспѣлъ, то Иванъ королевичъ приказалъ собрать тридцать человекъ ярыжныхъ, которымъ приказалъ, чтобъ, какъ выйдетъ онъ изъ дворца и вступить на мостъ, всѣ вдругъ запѣли пѣсню, и позади его всю бы парчу рвали и дѣлили по себѣ, а напередъ бы не выскакивали. Послѣ чего вышелъ королевичъ изъ дворца и пошелъ по мосту, то всѣ ярыжные запѣли пѣсню и зачали рвать парчу и дѣлить по себѣ, а Царь-Дѣвица смотрѣла, и какъ пришелъ въ палатку и сказалъ ей: милостивая государыня, я пришелъ къ вамъ тотъ виноватый, котораго вы требуете. Царь-Дѣвица сказала ему, когда ты виноватъ, то что мнѣ съ тобою дѣлать? Королевичъ ей сказалъ: что вамъ угодно; потомъ Царь-Дѣвица ему сказала: когда ты былъ столь хитръ, что похитилъ мои драгоценности, которыя съ великимъ раченіемъ я хранила, то я желаю быть твоею женою, ежели не противно. Королевичъ, услыша сіе, весьма обрадовался. Послѣ чего Царь-Дѣвица подала ему свою руку, и они въ провожаніи ярыжныхъ пошли во дворецъ, гдѣ и встрѣтилъ ихъ самъ король; Царь-Дѣвица подошла къ нему и съ учтивостію сказала: милостивый государь, я пріѣхала не съ тѣмъ, чтобъ нарушить ваше веселье, но чтобъ умножить оное. Потомъ рассказала королю, что съ тѣмъ она намѣре-

ніемъ пріѣхала, чтобъ выдти замужъ за Ивана королевича. Король, услыша сіе, весьма обрадовался и приказалъ изготавить брачную церемонію и какъ скоро все было готово, то къ великой радости своихъ подданныхъ женился Иванъ королевичъ на Царь-Дѣвицѣ. Король для такой радости сдѣлалъ великое торжество, а для простаго народа выставлены были съ разными винами чаны, и такъ празднуемо было всѣми сіе бракосочетаніе цѣлую недѣлю. Потомъ Царь-Дѣвица говорила Ивану королевичу: любезный супругъ, ты видишь, что у короля, отца твоего, есть и кромѣ тебя наслѣдниковъ двора, то поѣдемъ въ мое государство, тамъ я тебѣ вручу его въ полное владѣніе. Королевичъ послѣ своего бракосочетанія жилъ у короля, отца своего, шесть мѣсяцевъ, а потомъ сталъ проситься, чтобъ его уволили въ женино государство. Король, хотя съ великимъ сожалѣніемъ, однако его отпустилъ, послѣ чего Иванъ королевичъ отправился съ своею супругою въ ея государство, гдѣ по прибытіи сдѣлался королемъ, потомъ учинилъ великое торжество для всѣхъ подданныхъ, послѣ чего жили благополучно.

СКАЗКА

о Иванѣ богатырѣ и его прекрасной супругѣ
Свѣтланѣ *).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ— жилъ-былъ бояринъ Добромысль. Семейство боярина не то, чтобы мало было, не то, чтобы и велико: всего только въ женѣ, да въ трехъ сыновьяхъ заключалось. Подростать стали дѣти боярскія, научились грамотѣ, разнымъ хитростямъ нѣмецкимъ и сдѣлались такими разумными, что отецъ ихъ чуть не прыгалъ отъ радости, а ужъ матушка-то и подавно. Подошло, наконецъ, время женить ихъ. Добромысль думалъ,

*) Взято съ лубочнаго изданія 1845 года.

думалъ, да и придумалъ. Онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ сыновей своихъ и сказалъ имъ:

— Любезныя дѣти! Теперь вы пришли въ совершенный возрастъ, силы ваши окрѣпли, и ужъ вамъ пора подумать о невѣстахъ...

— Родимый, дорогой нашъ батюшка! отвѣчали они отцу, низко кланаясь. Мы изъ твоей власти не выходимъ; что повелишь намъ, то и будемъ дѣлать.

— Ну, такъ слушайте же, любезныя дѣти! Возьмите каждый по каленой стрѣлѣ, сдѣлайте на нихъ надписи и пустите ихъ въ разные стороны. Чья стрѣла въ который городъ и въ чей домъ прилѣтитъ, то тамъ и невѣста его.

Дѣти, выслушавъ отца, взяли каждый по стрѣлѣ, сдѣлали надписи и вышли въ заповѣдныя луга. Прежде всѣхъ пустилъ стрѣлу старшій братъ въ правую сторону, потомъ средній въ лѣвую и, наконецъ, меньшой, котораго звали Иванъ-Богатырь, пустилъ свою стрѣлу прямо. Послѣ этого пошли все они къ отцу своему и рассказали ему, въ какую сторону каждый пустилъ стрѣлу. Отецъ, выслушавъ ихъ, приказалъ имъ идти отыскивать свои стрѣлы, и дѣти разошлись въ разные стороны.

Старшій братъ направилъ стрѣлу свою въ домъ одного знатнаго вельможи, у котораго была дочь-красавица. Онъ взялъ ее и повелъ къ своему отцу. Стрѣла среднего брата попала также въ домъ одного знатнаго боярина, у котораго тоже была дочь недурная собой, и этотъ также взялъ ее и повелъ къ своему отцу. Добромысль принялъ ихъ и избранныхъ ими невѣстъ очень ласково и съ большимъ торжествомъ отпраздновалъ ихъ свадьбы.

Не находилъ только стрѣлы своей меньшей братъ, Иванъ-Богатырь, и былъ отъ того чрезвычайно печаленъ; однакоже, онъ не терялъ надежды и рѣшился не возвращаться къ отцу до тѣхъ поръ, пока не найдетъ ее. И вотъ цѣлыхъ два дня ходилъ онъ по лѣсамъ и горамъ, а стрѣлы все нѣтъ какъ нѣтъ. Прошелъ еще день. Иванъ-Богатырь очутился въ болотѣ, сталъ вязнуть и не зналъ, что дѣлать ему въ такой опасности. Но вдругъ, къ величайшему удивленію своему, онъ увидалъ небольшую избушку, которая стояла уединенно.

«Тутъ вѣрно какой-нибудь пустынникъ», подумалъ Иванъ-Богатырь и, чтобы удостовѣриться въ своей догадкѣ, онъ началъ тихонько подходить къ той избушкѣ. Вотъ, наконецъ, онъ подошелъ къ ней, вошелъ въ нее и едва вѣрить глазамъ своимъ: въ избушкѣ сидѣла дряхлая старушенка и вертѣла въ рукахъ стрѣлу его.

— Что за чудо! прошепталъ про себя Иванъ-Богатырь и учтиво поклонился загадочной обитательницѣ.

— Здравствуй, бабушка! сказалъ онъ ей привѣтливо.

— Добро пожаловать, дорогой гость! отвѣчала старуха. Ты, Иванушка, конечно, искалъ стрѣлы, которую ты пустилъ на произволъ судьбы. Такъ вотъ судьба-то тебя и привела ко мнѣ. Что дѣлать-то? Ей мы все должны повиноваться. Знаешь пословицу: «не давши слова—крѣпись, а давши его—держись»; такъ долженъ поступать каждый честный человѣкъ; надѣюсь, такъ поступишь и ты. А чтобы тебѣ не скучно показалось у меня, то постой, я кое что сдѣлаю.

Проговоривъ эти слова, старуха взяла со стѣны какой-то прутикъ, ударила имъ объ полъ, и въ одно мгновеніе небольшая избушка превратилась въ великолѣпную бесѣдку. Иванъ-Богатырь былъ внѣ себя отъ удивленія.

— Ну, вотъ тебѣ и приличное мѣсто, заговорила старуха. Садись-ка, Иванушка, на софу, да закуси на доброе здоровье: ты, я думаю, очень проголодался.

И, не дождавшись отвѣта, старуха топнула ногою. Вдругъ богато одѣтые слуги внесли большой столъ, уставленный серебряною посудой и превосходными напитками; вслѣдъ за тѣмъ начали попеременно подавать роскошныя кушанья.

Старуха сказала Ивану-Богатырю:

— Ну, Иванушка, прошу покорно откусать моего хлѣба-соли; да, пожалуйста, не церемонься, а будь какъ у себя дома.

Иванъ-Богатырь не заставилъ долго себя упрашивать и принялся усердно опоражнивать блюда; наконецъ, наѣвшись досыта, онъ всталъ изъ за стола и поблагодарилъ старуху.

— Ну, бабушка, сказалъ онъ, я тебѣ очень благодаренъ и гостепріимства твоего, повѣрь, во всю жизнь не забуду. Позволь же мнѣ взять стрѣлу мою и проститься съ тобою.

— Нѣтъ, возразила старуха. Стрѣлы своей ты взять у меня не можешь: ты, помнишь, пустилъ ее съ тѣмъ намѣреніемъ, что въ какой домъ попадетъ она, тамъ и долженъ ты взять себѣ жену, а потому по всемъ правиламъ я должна быть твоей женою.

Ивана-Богатыря покорило.

— Я тебя не понимаю, старуха, сказалъ онъ. Ты или

шутить, или смѣешься надо мною. Ну, ты только разсуди хорошенько: могу-ли я быть твоимъ мужемъ? Тебѣ лѣтъ-то сколько? Вѣдь слишкомъ сто, а мнѣ—съ небольшимъ двадцать.

— Все это такъ, отвѣчала старуха; однакоже, если ты не женишься на мнѣ, то никогда не выдешь изъ этого болота.

Что было дѣлать Ивану-Богатырю? Старуху обмануть трудно: однакоже, онъ пустился на хитрость.

— Ну, хорошо, старуха, сказалъ онъ ей ласково. Если ужъ судьба назначила мнѣ быть твоимъ мужемъ—я буду, но только отдай мнѣ стрѣлу; я отнесу ее къ отцу моему и скажу, что она попала къ тебѣ.

— Полно хитрить-то, Иванъ-Богатырь! замѣтила старуха. Меня не проведешь, и я тебѣ опять повторю: если не женишься на мнѣ, то хоть весь вѣкъ свой сиди въ этой бесѣдкѣ: никогда не выдешь изъ болота.

Иванъ-Богатырь весь побагровѣлъ отъ досады. «Вотъ пристала-то, окаянная, думаетъ про себя, никакъ и не отвяжешься! Ишь, вѣдь, чего захотѣла, старая корга... замужъ!.. Ну, какъ я женюсь на ней?.. Какъ покажусь съ ней къ отцу? Засмѣютъ—рѣшительно всѣ засмѣютъ».

— Ну, бабушка, заговорилъ онъ, наконецъ, обращаясь къ старухѣ, ты задала мнѣ премудрую задачу. Позволь хоть денъка два, или три подумать.

— Изволь, Иванушка, отвѣчала старуха, я согласна. Но только, слушай, говорю впередъ: по твоему не сбудется,

и ты все-таки долженъ будешь на мнѣ жениться... Прощай, желаю тебѣ поскорѣй образумиться.

Старуха вышла. Иванъ-Богатырь посмотрѣлъ ей вслѣдъ; когда она совсѣмъ скрылась, онъ отворилъ дверь бесѣдки и пошелъ искать, нѣтъ-ли гдѣ тропинки, которая вывела бы его изъ этого мѣста... Передъ нимъ даже исчезла бесѣдка, изъ которой онъ вышелъ, а между тѣмъ болото становилось все болѣе и болѣе вязкимъ, и онъ въ одномъ мѣстѣ чуть было не увязъ по поясъ... Видитъ Иванъ-Богатырь, что дѣло плохо, что нужно покориться судьбѣ, и вотъ онъ началъ разсуждать самъ съ собой:

— А старуха-то правду сказала: никакъ не могу выбраться изъ этого проклятаго болота... Что-жъ остается мнѣ дѣлать? Не погибать-же, въ самомъ дѣлѣ, тутъ въ глуши?.. Рѣшено, женюсь на бабушкѣ. Пусть всѣ смѣются: устанутъ и перестанутъ

Едва проговорилъ онъ эти слова, какъ въ ту же минуту снова очутился въ бесѣдкѣ и къ его услугамъ опять явился столъ съ роскошными кушаньями, фруктами и винами.

Старуха съ улыбкой привѣтствовала Ивана-Богатыря и сказала ему:

— Покорно прошу, любезный гость, присядь, да закуси хорошенько. Чай, послѣ прогулки по болоту проголодался? Видишь, какъ я забочусь о тебѣ и какъ стараюсь угождать твоимъ желаніямъ... Ну, теперь повѣришь-ли, что я люблю тебя?

— Вѣрю, вѣрю! проговорилъ сквозь зубы Иванъ-Богатырь на нѣжное признаніе старухи.

Потомъ онъ сѣлъ за столъ и сталъ порядкомъ очищать блюда. Старуха только умильно на него поглядывала.

— Ну, такъ и быть, сказалъ наконецъ, Иванъ-Богатырь. Судьба, видно, не индюшка и суженую знать конемъ не обманешь... Я женюсь на тебѣ!

Едва Иванъ-Богатырь проговорилъ эти слова, какъ въ ту же минуту вмѣсто старухи увидалъ онъ передъ собою красавицу, да такую, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Иванъ-Богатырь только ахнулъ отъ удивленія.

— Не дивись, Иванъ-Богатырь, сказала она. Въ этомъ видѣ я должна быть постоянно; въ старуху же превратилъ меня злой волшебникъ, и ею я должна была остаться до тѣхъ поръ, пока не выищется женихъ, который-бы согласился взять меня за себя, не пренебрегая ни старостью, ни моимъ уродствомъ. Твое-же согласіе жениться на мнѣ избавляетъ меня отъ тягостнаго положенія, въ которомъ я томила и отъ котораго приходила въ отчаяніе.

Иванъ-Богатырь едва вѣрилъ глазамъ своимъ и, удостоверившись, что чувства его не обманываютъ, онъ былъ внѣ себя отъ восторга и наговорилъ красавицѣ съ три короба разныхъ нѣжностей...

Наконецъ, Свѣтлана — такъ звали будущую супругу Ивана-Богатыря, сказала ему:

— Поспѣшимъ-же явиться къ твоему родителю; только слушай, у меня есть къ тебѣ еще одна просьба, отъ которой зависитъ наше общее счастье. Дай мнѣ честное слово, что ты исполнишь ее; иначе я погибла.

— Что такое, Свѣтлана? спросилъ Иванъ-Богатырь. Говори смѣло и будь увѣрена, что я исполню все, что только ты пожелаешь. Даю тебѣ честное слово.

— Если такъ, то я тебѣ выскажу, въ чемъ заключается моя просьба, отвѣчала Свѣтлана. Вотъ видишь-ли: очарованіе мое не совсѣмъ окончилось и остается уже не много времени до того, чтобы я находилась въ такомъ видѣ, въ какомъ ты меня видишь; а потому я прошу у тебя терпѣнія до этого срока. Въ противномъ случаѣ, ты все дѣло испортишь. Пока же не пройдетъ время очарованія, я только на ночь могу возвращать себѣ красоту и молодость, а днемъ снова должна превращаться въ старуху.

Это объясненіе Свѣтланы сильно опечалило Ивана-Богатыря. Замѣтивъ его нерѣшимость, Свѣтлана вдругъ придумалась. На лицѣ ея выразилась глубокая грусть, а на глазахъ показались слезы.

— Ахъ, Иванъ-Богатырь! сказала она со вздохомъ. Я вижу, что ты не рѣшаешься спасти меня отъ несчастія, съ которымъ я должна умереть, всеми забытая и всеми пренебрегаемая.

При этомъ она взглянула на него съ такимъ трогательнымъ выраженіемъ, что ему стало жаль ее.

— Ну, перестань-же горевать, моя милая! сказалъ, наконецъ, Иванъ-Богатырь, успокоивая Свѣтлану. Для твоего и моего счастья я тебѣ даю честное слово, что, не разрушая очарованія, я буду съ нетерпѣніемъ ожидать окончанія срока.

Условіе было заключено, и Свѣтлана въ знакъ благодарности поцѣловала Ивана-Богатыря, а потомъ сказала ему:

— Теперь я опять должна превратиться въ старуху, и въ такомъ видѣ ты води меня къ своимъ родителямъ.

— Согласенъ, отвѣчалъ ей Иванъ-Богатырь.

Свѣтлана повернула находившееся у нея на пальцѣ кольцо и въ одну минуту сдѣлалась старухой.

Иванъ-Богатырь взялъ ее подъ руки и вмѣстѣ съ нею отправился къ своимъ родителямъ. Добромьслъ очень обрадовался, увидавши своего меньшаго сына.

А это что за старуха съ тобою? спросилъ онъ сына.

— Это—будущая жена моя! отвѣчалъ Иванъ-Богатырь.

И онъ подвелъ къ отцу своему Свѣтлану.

Братья и невѣстки едва удержались отъ смѣха. Указывая на нее пальцами, невѣстки шептали между собою:

— Какова красотка-то? Прелесть. Жаль только, что зубовъ нѣтъ, да верхняя губа втянулась; впрочемъ, мягче цѣловаться будетъ. А лѣтъ-то? Чай только съ небольшимъ двѣсти... Какъ есть настоящая невѣста. Сѣда маленько, ну, за то пудры не потребуется...

И много подобныхъ насмѣшекъ нашенывали невѣстки одна другой.

Добромьслъ однако же приказалъ имъ быть поскромнѣе и, обратясь къ стоявшему передъ нимъ младшему сыну, сказалъ:

— Любезный сынъ мой! Я самъ причиною твоего несчастія и теперь раскаиваюсь въ своемъ приказаніи, которое далъ вамъ относительно невѣсты. Впрочемъ, попробуемъ,

нельзя-ли будетъ исправить ошибку. Наградимъ старуху подарками—можетъ она и откажется отъ замужества.

— Я ни за что не переѣню своего намѣренія, отвѣчалъ Иванъ-Богатырь.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ отецъ, я нисколько не препятствую твоему желанію... Женись, я позволяю тебѣ.

Свадьба была сыграна, —и пиръ прошелъ великолѣпно. Вечеромъ, когда Иванъ-Богатырь вступилъ въ отведенныя комнаты, Свѣтлана обернула кольцо и сдѣлалась неподражаемой красавицей, а при наступленіи дня снова превратилась въ старуху.

Такъ Иванъ-Богатырь прожилъ съ своею старухой довольно долгое время, ни мало не огорчаясь тѣмъ, что жена его съ каждымъ утромъ теряла свою молодость.

Однажды, долго спустя послѣ ихъ свадьбы, Добромьслъ призвалъ всѣхъ сыновей своихъ и сказалъ имъ:

— Любезныя дѣти! Такъ какъ теперь вы всѣ трое женаты, то я желаю, чтобы каждая изъ женъ вашихъ сдѣлала мнѣ по рубашкѣ, и требую, чтобы всѣ три рубашки поспѣли къ завтраму.

При этомъ Добромьслъ далъ каждому сыну по куску полотна.

Старшій и средній братья Ивана-Богатыря, принесшіе полотно къ своимъ женамъ, сказали:

— Батюшка приказалъ вамъ шить изъ этого полотна по рубашкѣ и требуетъ, чтобы къ завтраму онѣ поспѣли.

Жены ихъ тотчасъ-же начали кликать мамушекъ, нянюшекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ и принялись за работу, а между тѣмъ послали дѣвку-чернавку къ женѣ Ивана-Богатыря посмотрѣть, какъ она будетъ шить рубашку.

Дѣвка-чернавка пришла въ комнаты Ивана-Богатыря и видитъ, что Свѣтлана изрѣзала полотно на мелкіе куски и бросила ихъ за окошко, проговоривъ:

— Буйны вѣтры! Разнесите лоскуточки въ разныя стороны и сшейте свекору рубашку.

Возвратилась дѣвка-чернавка къ госпожамъ своимъ и пересказала, что видѣла у старухи.

Невѣстки долго смѣялись надъ женою Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ея мужъ завтра къ отцу принесетъ?

На другой день, только что проснулся Добромысль, какъ вошли къ нему трое сыновей его и подали ему сорочки.

— Эта сорочка сшита обыкновенно, сказалъ отецъ, рассматривая рубашку, которую принесъ ему старшій сынъ.

— И эта также сшита не лучше, продолжалъ онъ, обращаясь къ среднему сыну.

Когда-же взглянулъ на сорочку меньшого сына, то не могъ на нее надивиться. Она такъ понравилась ему, что онъ приказалъ слугамъ подавать ее только въ самые торжественные дни.

Прошло нѣсколько времени. Добромысль опять призвалъ къ себѣ сыновей своихъ и сказалъ имъ:

— Любезныя дѣти! Я хочу, чтобы каждая изъ вашихъ женъ сдѣлала мнѣ по ковру и чтобы ковры эти были готовы къ завтраму. Вотъ вамъ серебро, золото и шелкъ; ступайте, передайте своимъ женамъ мое желаніе.

Дѣти въ точности исполнили приказаніе родителя.

Жены старшаго и средняго сыновей тотчасъ-же начали кликать мамушекъ, нянюшекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ и принялись за работу; а между тѣмъ послали дѣвку-чернавку посмотрѣть, что будетъ дѣлать старуха.

Дѣвка-чернавка вошла въ комнату Ивана-Богатыря и видитъ, что Свѣтлана изрѣзала на мелкіе куски золото, серебро и шелкъ, выбросила все за окошко и сказала:

— Буйныя вѣтры! Разнесите кусочки въ разныя стороны и изготовьте коверъ свекору.

Возвратилась дѣвка-чернавка къ госпожамъ своимъ и пересказала, что видѣла у старухи.

Невѣстки еще пуще стали смѣяться надъ женою Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ея мужъ завтра къ отцу принесетъ?

На другой день, какъ проснулся Добромысль, дѣти вошли къ нему съ своими коврами.

Отецъ осмотрѣлъ сначала ковры старшаго и средняго сыновей и остался недоволенъ. Когда дошла очередь до ковра, принесеннаго Иваномъ-Богатыремъ, то онъ ахнулъ отъ изумленія и приказалъ своимъ слугамъ — постилать его на столъ, и то только въ самые торжественные дни.

Послѣ того онъ сказалъ своимъ сыновьямъ:

— Теперь, любезныя дѣти, я хочу имѣть отъ вашихъ женъ по хлѣбу и желаю, чтобъ они были готовы къ завтраму.

Сыновья пересказали въ точности своимъ женамъ о желаніи ихъ родителей.

Жены старшаго и средняго сыновей тотчасъ-же начали кликать мамушекъ, нянюшекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ и принялись ставить опару, а между тѣмъ послали дѣвку-чернавку посмотрѣть, что будетъ дѣлать старуха.

Дѣвка-чернавка вошла въ комнаты Ивана-Богатыря и видѣть, что Свѣтлана всыпала муку въ квашню, налила холодной воды, сдѣлала растворъ, вылила въ холодную печь, заслонила и сказала:

— Испекись хлѣбъ чистъ, рыхлъ и бѣлъ какъ снѣгъ.

Возвратилась дѣвка-чернавка къ госпожамъ своимъ и пересказала имъ, что видѣла у старухи.

Невѣстки стали снова смѣяться надъ женою Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ея мужъ завтра къ отцу принесетъ?

На другой день, какъ проснулся Добромьслъ, вошли къ нему сыновья его, и каждый держалъ по хлѣбу.

Отецъ сначала попробовалъ хлѣбы старшаго и средняго сыновей, и они показались ему не вкусны; когда-же дошла очередь до хлѣба, принесеннаго меньшимъ сыномъ, то онъ, отвѣдавъ его, остался очень доволенъ и приказалъ слугамъ своимъ подавать его на столъ, когда будутъ гости.

Потомъ, поблагодаривъ сыновей за труды ихъ женъ, онъ

сказалъ имъ, что двѣ старшія изъ нихъ хоть и прекрасны, но никакъ не могутъ сравниться по разуму съ женою меньшаго брата, Ивана-Богатыря.

А затѣмъ пригласилъ ихъ всѣхъ съ женами къ себѣ, за обѣденный столъ.

Сѣхались сыновья къ отцу, привезли съ собой также и женъ своихъ. Добромьслъ очень обрадовался, увидавъ маленькую невѣстку, и особенно удивлялся ея ослѣпительному драгоценному наряду. Сѣли, наконецъ, за столъ и стали кушать.

Свѣтлана видѣть, что невѣстки смѣются надъ нею. Она знаетъ, что онѣ станутъ подражать ей, и потому задумала подшутить надъ ними. Чего не допивала, то за рукавчикъ лила, а косточки за другой клала.

Обѣ невѣстки, какъ увидали это, переглянулись между собой и начали дѣлать тоже, что Свѣтлана.

Обѣдъ, наконецъ, кончился.

Добромьслъ пригласилъ гостей своихъ въ садъ.

— Ну, какъ тебѣ нравится мой садъ? спросилъ онъ Свѣтлану.

— Садъ раскинуть прекрасно, отвѣчала она. Недостаетъ только одного, чтобы всѣ считали его чудомъ.

— Чего-же именно недостаетъ? спросилъ удивленный Добромьслъ.

— А вотъ чего, произнесла Свѣтлана.

И при этомъ махнула однимъ рукавомъ—очутился обшир-

ный прудъ; махнула другимъ.—поплыли по водѣ гуси и лебеди.

Добромысль едва вѣрилъ глазамъ своимъ и не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать Свѣтлану.

Невѣстки еще болѣе стали завидовать ей и подумали:

— Не удастся-ли и намъ сдѣлать то-же?

Онѣ махнули однимъ рукавомъ—и облили всѣхъ гостей; махнули другимъ — и полетѣли кости кому въ носъ, кому въ бровь, а свекору такъ попали въ глазъ.

Со стыдомъ удалились невѣстки и дали слово болѣе не смѣяться надъ Свѣтланой.

Радъ былъ Иванъ-Богатырь, что жена его затмила всѣхъ своимъ разумомъ.

— Недостаетъ ей только красоты, думалъ онъ, чтобы поразить во всемъ.

И вотъ началъ онъ ломать голову — сталъ придумывать, какъ бы не допустить ея превращенія. Онъ вспомнилъ о кольцѣ и рѣшился унести его въ то время, какъ она будетъ красавицей. Нетерпѣніе взяло верхъ надъ разсудкомъ.

На слѣдующее-же утро, когда Свѣтлана покоилась еще крѣпкимъ сномъ, Иванъ-Богатырь снялъ съ пальца у сонной волшебное кольцо, ушелъ на берегъ моря и, съ негодованіемъ бросилъ его въ волны морскія. Исполнивъ это, онъ поспѣшно возвратился домой, но только что вступилъ на крыльцо, какъ его встрѣтила Свѣтлана съ заплаканными глазами.

— Ну, Иванъ-Богатырь, грустно сказала она, не хотѣлъ

подождать малое время, и ищи меня теперь въ тридесатомъ царствѣ. Много, много горя ожидаетъ меня за твое нетерпѣніе!

Проговоривъ эти слова, она быстро поднялась на воздухъ и скрылась.

Иванъ-Богатырь стоялъ, какъ окаменѣлый. Тяжелая, невыносимая грусть давила ему сердце. Онъ бросился къ отцу и рассказалъ ему о случившемся съ нимъ несчастіи.

Добромысль, выслушавъ Ивана-Богатыря, весьма сожалѣлъ о своей невѣсткѣ.

— Батюшка! сказалъ ему меньшей сынъ. Безъ нея мнѣ свѣтъ не милъ, и я рѣшился во что бы то ни стало идти отыскивать мою супругу.

Отецъ не прекословилъ.

И вотъ Иванъ-Богатырь вышелъ за городскія ворота и вступилъ на широкое поле.

Тяжелая мысль влекла его впередъ.

Шелъ онъ, долго-ли, коротко-ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, наконецъ, пришелъ онъ къ избушкѣ, которая стояла на курьихъ ножкахъ и сама повертывалась.

Иванъ-Богатырь сказалъ:

— Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ!

И избушка остановилась.

Иванъ-Богатырь вошелъ въ нее и увидалъ, что тамъ сидѣла Яга-баба. Она заговорила сердитымъ голосомъ:

— Доселѣ русскаго духа слыхомъ не слыхивано и видомъ не видывано, а нынѣ русскій духъ въ очахъ проявляется. Что ты, Иванъ-Богатырь, волею или неволею пришелъ ко мнѣ?

— Сколько волею, столько и неволею, отвѣчалъ Иванъ-Богатырь и рассказалъ, чего онъ ищетъ.

— Жаль мнѣ тебя, Иванъ-Богатырь: оплошалъ, сердечный. Потерпѣть-бы маленько, а то нѣтъ—дай, сдѣлаю по своему. Но такъ и быть, я готова услужить такому доброму молодцу, какъ ты. Жена твоя теперь у волшебника и томится въ его теремѣ на превысокой горѣ. Ступай къ нему; вотъ этотъ клубокъ доведетъ тебя до его жилища. А чтобы духи его и самъ онъ не могли сдѣлать тебѣ ничего вреднаго, то вотъ возьми съ собой мечъ, предъ которымъ безсильны всѣ его чародѣйства.

Поблагодарилъ Иванъ-Богатырь бабу-Ягу, взялъ отъ нея мечъ и клубокъ и пошелъ далѣе.

Шелъ онъ долго-ли, коротко-ли, близко-ли, далеко-ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Подошелъ, наконецъ, къ превысокой горѣ. Клубокъ все катится, а за нимъ идетъ и Иванъ-Богатырь. Вдругъ видитъ онъ теремъ волшебника. Подошелъ къ нему и весь затрясся отъ ужаса. На него налетѣли духи волшебника и самъ чародѣй, въ видѣ дракона, хотѣлъ огнемъ опалить его. Но Иванъ-Богатырь поднялъ мечъ очарованный,—и все съ визгомъ разлетѣлось въ разные стороны. Онъ остался одинъ, вошелъ въ теремъ и долго ходилъ по комнатамъ, отыскивая свою

Свѣтлану; наконецъ, услыхалъ стонъ, приложилъ мечъ свой — и стѣна разступилась. Передъ нимъ стояла его жена. Радость ихъ при свиданіи была несказанная. Она поцѣловала Ивана-Богатыря и благодарила его за спасеніе. Очарованіе съ нея спало. И они теперь спѣшили въ домъ родительскій.

Добро мысль очень обрадовался возвращенію Ивана-Богатыря и, указывая на Свѣтлану, спросилъ его:

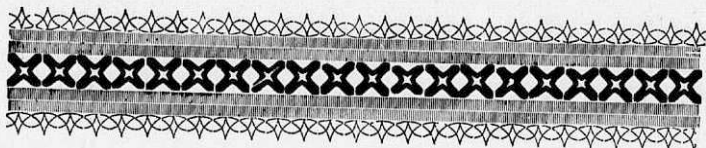
— А это кто-же съ тобою, сынъ?

— Это милая жена моя, отвѣчалъ Иванъ-Богатырь, та самая, которую ты видѣлъ старухою.

И какъ онъ чувствовалъ отъ дороги усталость, то обѣщалъ отцу послѣ рассказать все въ подробности.

Отецъ отъ удовольствія задалъ тогда пиръ на весь міръ. Много было выпито винъ заморскихъ и меду сладкаго. Всѣ поздравляли Ивана-Богатыря съ красавицей Свѣтланой.

АНГЕЛЬ БОЖІЙ И ПРОХОЖІЙ.

Идетъ Ангелъ Божій берегомъ небольшой рѣчки, и видитъ впереди себя на рѣкѣ: топить дѣвица младенца. Подошелъ къ ней Ангелъ и говорить: — «Богъ помочь тебѣ дѣвица!»!—Потомъ черезъ нѣсколько времени, возвратился обратно, увидалъ онъ женщину, которая мыла на рѣкѣ бѣлье: прошелъ мимо ея и ничего ей не сказалъ. Попадаетъ ему на встрѣчу прохожій и спрашиваетъ его: — «почему же ты сказалъ, помогай Богъ—дѣвицѣ, которая топила своего роднаго ребенка, а ей, той женщинѣ, которая мыла бѣлье, ничего не сказалъ?»—Ангелъ на это отвѣчалъ: — «Эта дѣвица такъ много претерпѣла отъ своихъ родителей и отъ сосѣдей за свой грѣхъ; она истинно каялась предъ Богомъ и отъ всей души молила Господа простить ей ея преступленіе: Господь услышалъ ея молитву и простилъ ея

грѣхъ. Женщина-же, которая моетъ бѣлье въ праздникъ — она, не наработаетъ псу на обѣдъ, а нарушаетъ святость Господня праздника и Богъ ей этого не простить».—Вотъ почему грѣхъ и не слѣдуетъ никогда работать въ праздничные дни.

Записано мною лично въ Вологодской губерніи.

СУДЬЯ БОЖЬЯ.

Былъ у купца сынъ красавецъ собой, онъ снявъ съ себя патреть и разсылаетъ по всему свѣту, находится-ли (найдется-ли) супруга мнѣ равная красою? Такой супруги (не-вѣсты) не нашлось во всемъ свитѣ. Вотъ онъ отправляется самъ искать; встрѣчаетъ чуночки (салазки) идутъ простыя, и спросилъ ихъ: «Що-жо идете однѣ, не ямщика, не сѣдока нѣтъ у васъ»? Чуночки отвицѣють: «мы судья Божья». «Коли вы судья Божья, гыть, то разсудите-жо меня: есть ли мнѣ супруга на свитѣ противъ меня красою»? Чуночки говорятъ, що ес(т)ь супруга тебѣ: у царя Калики дочь, 20 лѣтъ во гноищѣ лежитъ, нездоровая. «Какая жо это мнѣ супруга», думаетъ купеческой сынъ. Вотъ онъ и поѣхавъ къ ней, къ царю Каликѣ на домъ. Приѣзжаетъ къ царю Каликѣ во дворецъ и спрашиваетъ часовыхъ: «гдѣ жо есть дочь царя Калики не здоровая»? Часовые сказали, що есть, лежитъ въ такихъ-то залахъ 20 лѣтъ. «Пропусти-жо, гыть меня къ ней посмотреть!» «Нечего тибѣ тамъ дѣлать, царя Калики дома

нѣтъ», говоритъ часовой. Онъ часовово скупилъ, далъ денегъ, чтобы пропустилъ. Часовой думаетъ: що онъ у нездоровыя сдѣлаетъ?—пойди, гыть!»! Проходитъ купеческій сынъ въ зало, она нездоровая лежитъ; онъ посмотривъ на нее да баеъ про себя: «какая жо это мнѣ супруга, и взглянуть-то брезгно». Потомъ вынявъ тесакъ изъ ножей и подперсѣкъ ее пополамъ, «вотъ тебѣ, гыть, и супруга моя! Пѣть рублей положивъ тутъ къ ней на похороны, чтобы похоронили ее, а самъ уѣхавъ домой. Каликиной дочерѣ будѣ во снѣ привидѣлось: пришовъ молодецъ къ ней въ зало, крылышкомъ помазавъ по середкѣ да 5 рублей награды далъ».

Вотъ приѣзжаетъ царь Калика къ сибѣ во дворецъ, приходитъ къ дочерѣ въ лежащую комнату и видитъ, що дочь у ево совсѣмъ здорова стала и такая-то красавица, що экихъ на свитѣ нѣтъ, не видавъ. Вотъ царь Калика снимаетъ съ нея патреты и разсылаетъ по всему свѣту есть-ли суженой ей по красотѣ? Вотъ и находится ей ровной по красотѣ этотъ купеческой сынъ, онъ и ладитъ взеть взаимужество за себя посватавсе и—бракъ произвели. Вотъ однажды пришли молодые въ бавю, онъ посмотрѣвъ у ее рубецъ на спинѣ, на самой на середкѣ; вотъ онъ и спрашиваетъ ее: «отчево-жо это у тебя случилось»? Она сказывала ему: «я 20 лѣтъ вогноище лежала, будто въ сновидѣннѣ приходитъ ко мнѣ молодецъ красавецъ, меня крылышкомъ помазавъ, 5 рублей награды давъ, я и обривѣла».

Купецъ тутъ и догадавсе, що это она, про котору Судья Божья сказавъ.

Записано А. Шустиковымъ.

СКАЗКА

объ Олешѣ голопузомъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ мужичекъ. У этого мужичка былъ сынъ Олѣша. Съ малолѣтства Олѣша у дѣячка выучился грамотѣ, а потомъ сдѣлался такой лѣнтяй, что кромѣ печи никуда не ходилъ. Вотъ и говоритъ отецъ Олѣшѣ: «Пора тебѣ, Олѣша, и къ работѣ привыкать?»—«А что, говоритъ Олѣша: докормите до уса, такъ и буду помогать». Вотъ и усъ у Олѣши пробился. Отецъ и говоритъ опять: «Олѣша пора тебѣ и пахать».—«А на что пахать, говоритъ Олѣша, пахать?—лучше на печи лежать. Докормили до уса, такъ докормите и до бороды, а тогда ужъ и пахать стану». Выросла и борода, а Олѣша кромѣ печи и свѣта Божьяго не знавалъ.

Вотъ отецъ и говоритъ опять: «Ну, пора тебѣ, Олѣша, и за умъ хватиться. — Люди добрые, изъ твоихъ-то товарищей, ужъ нѣкоторые и дѣтокъ имѣють, а ты и пахать не умѣешь». Олѣша на другой день и поѣхалъ пахать, а день-то былъ такой жаркой, что оводовъ и комаровъ гибель насѣла на его и на лошадь. Онъ и давай ихъ бить, да и пробилъ весь день. Подъ вечеръ онъ сталъ ихъ считать: считалъ, считалъ да и сосчитать не могъ. Приѣхалъ домой, ужъ темно было, да и говоритъ отцу: «Ужъ я тебѣ не пахарь да и не кормилецъ, а наживай-ко хлѣбъ-то самъ! Я поѣду свѣта посмотреѣть, да себя показать: у меня сила богатырская—поѣду да потѣшуся, да еще дайте мнѣ эту клячу». Отецъ видитъ, что и взаболъ *) отъ него не хлѣбъ, взялъ да и отпустилъ. Олѣша взялъ косу да топоръ да толокна мѣшокъ, да на клячу рогожу накинулъ, да сѣлъ и поѣхалъ. У кого-то онъ слышалъ, что богатыри-то ѣздить, такъ записочки за собой кидаютъ;—и онъ тоже вынулъ лоскутокъ бумаги да и пишетъ: «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олѣша»... да и задумался, какую дать себѣ фамилію: онъ не зналъ, какъ прозывался отецъ да и онъ самъ: смотрѣлъ, смотрѣлъ да увидѣлъ, что балахонъ у него разорванъ, и сквозь его видно пузо: вотъ онъ и написалъ: «Олѣша Голопузой». «Я, Олѣша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тѣмы, три тысячи богатырей (за богатырей-то онъ принялъ оводовъ) избивалъ, а мелкой силы (т. е. мошекъ) и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олѣши Голопузого, взадъ ѣхать—не уѣхать, и впередъ ѣхать—не уѣхать, а лучше мнѣ, Олешѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться».

*) Въ самомъ дѣлѣ.

Написалъ да и бросилъ. Вотъ ѣдетъ за нимъ настоящій богатырь и видитъ, что лежитъ записочка, сошелъ съ коня, поднялъ и читаетъ: «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олеша Голопузой. Я, Олеша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы, три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олеша Голопузаго, взадъ ѣхать—не уѣхать, и впередъ ѣхать—не уѣхать, а лучше мнѣ Олешѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться».—Какой это думаетъ онъ, такой богатырь? Я, кажись, всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей знаю, а такого не слыхалъ; да и это бы ничего, а онъ такъ еще похваляется, что, вишь, сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олеша Голопузаго, взадъ ѣхать не уѣхать и впередъ ѣхать не уѣхать, а лучше мнѣ Олешѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться?». Хорошо, побѣду. А самъ вынулъ лоскутокъ бумаги и написалъ: «Ѣдетъ въ Царство Царя Кощея сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ царской. Я, Иванъ сынъ царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы, сколько есть на днѣ моря камешковъ». Вотъ ѣдетъ и скачетъ онъ за Олешей и видитъ, что ѣдетъ такой хухлякъ съ косою да съ топоромъ, что и за богатыря не принялъ и хотѣлъ проскакать мимо, а Олеша и кричитъ ему: «И потише можешь ѣхать-то!»—Иванъ сынъ Царской подѣхалъ къ Олешѣ и говорить: «Ты ли сильный и могучій богатырь Олеша Голопузой?» «Извѣстно, что я», говоритъ Олеша: «а многоли ты можешь убить силы въ одинъ часъ и въ одну минуту и куда теперь ѣдешь?» «Я, говоритъ, Иванъ сынъ Царской: ѣду теперь въ царство сильного и могучаго царя Кощея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть камешковъ на днѣ моря».—«Ну, намъ такіе люди и надобны: побъжай ря-

домъ».—А для Ивана сына Царскаго это было сущее наказание, потому что у него конь рвался, а у Олеша кляча еле-еле двигалась.

Вотъ ѣхали они близко ли—далеко ли, низко ли—высоко ли:—скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Вотъ ѣдетъ другой богатырь и видитъ двѣ записочки: поднялъ и читаетъ: (на одной) «Ѣдетъ въ царство сильного и могучаго царя Кощея сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ царской. Я, Иванъ сынъ царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы, сколько есть камешковъ на днѣ морскомъ»; (на другой): «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олеша Голопузой. Я, Олеша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ, отъ меня Олеша Голопузаго, взадъ ѣхать—не уѣхать, и впередъ ѣхать—не уѣхать; а лучше мнѣ, Олешѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться».—Какъ это, говоритъ Илья Королевичъ (это былъ онъ): Я всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей и Ивана сына Царскаго знаю, а этого не слыхалъ; да и это бы ничего, а онъ такъ похваляется, что «вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олеша Голопузаго, взадъ ѣхать не уѣхать, и впередъ ѣхать не уѣхать; а лучше мнѣ, Олешѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». Хорошо побѣду. — А самъ вынулъ лоскутокъ бумаги и написалъ: «Ѣдетъ въ царство сильного и могучаго царя Кощея сильный и могучій богатырь Илья Королевичъ. Я, Илья Королевичъ, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы, сколько есть листочковъ въ лѣсѣ». Написалъ да и бросилъ, а самъ поскакалъ за Олешей. Вотъ слышитъ Олеша, что скачетъ кто-то, и гово-

рить Ивану сыну царскому: «Скажи, чтобы тише ѣхалъ-то». Иванъ сынъ царской остановился и говорить: «Тише, тише. Это сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой». Илья Королевичъ подъѣхалъ къ Олѣшѣ и говорить: «Здравствуй, сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой!»—Здорово, говорить Олѣша: много ли ты можешь въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы и куда теперь ѣдешь?» Я, ѣду, говорить Илья Королевичъ, въ царство сильного и могучаго (богатыря) царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть листочковъ въ лѣсѣ».—«Ну, говорить Олѣша, намъ такіе люди и надобны: поѣзжай рядомъ». Вотъ они ѣдутъ (да записочки подкидываютъ) близко ли—далеко ли, низко ли—высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.—Вотъ ѣдетъ еще богатырь Данило Бѣлой, и видитъ—лежатъ три записочки, сошелъ съ коня и читаетъ: (на одной) «ѣдетъ въ царство сильного и могучаго Царя Кащея сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ Царской. Я, Иванъ сынъ Царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить силы столько, сколько есть камешковъ на днѣ моря». (На другой): ѣдетъ въ царство сильного и могучаго Царя Кащея сильный и могучій богатырь Илья Королевичъ, могу въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы столько, сколько есть листковъ въ лѣсѣ». (На третьей): ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тѣмы три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ, отъ меня, Олѣши Голопузаго, взадъ ѣхать, не уѣхать, и впередъ ѣхать, не уѣхать, а лучше мнѣ, Олѣшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться».—Какъ», говорить Данило Бѣлой: «Я всехъ сильныхъ и могучихъ богатырей знаю, а этого не слыхалъ; да и это бы

ничего, а онъ еще такъ похваляется, что «вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олѣши Голопузаго, взадъ ѣхать, не уѣхать, и впередъ ѣхать, не уѣхать, а лучше мнѣ, Олѣшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». Ну, такъ и быть—поѣду да посмотрю, что это за птица такая». Вотъ слышитъ Олѣша, что кто-то скачетъ, и говорить Ильѣ Королевичу: «скажи, чтобы ѣхалъ-то по тише!» Илья Королевичъ остановился и говорить: «Тише, тише—это сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой». Данило Бѣлой подъѣхалъ къ Олѣшѣ и говорить: «Здравствуй сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой!»—«Здорово, здорово», говорить Олѣша: «а сколько ты можешь въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы и куда теперь ѣдешь?»—Я ѣду въ царство сильного и могучаго царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть песку по краямъ моря». «Ну, говорить Олѣша: намъ такіе люди и надобны, поѣзжай рядомъ». Вотъ они ѣхали близко ли—далеко ли, низко ли—высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается,—и наконецъ пріѣхали они на луга царскіе, раскинули шатры бѣлополотныя, выставили изъ нихъ флаги шелковые, а Олѣша раскинулъ рогозку да и повалился. Тѣ богатыри насыпали своимъ конямъ пшена бѣлояраго, налили сыты медовыя, а Олѣша спустилъ свою клячу на Божью волю; а она тѣхъ коней и объѣла, да богатыри и прекословить ему не посмѣли. На другой день начали они кличь кликать, а у Царя Кащея дочь просить; а если Царь Кащей имъ откажетъ, такъ грозилъ войско прибить, царство разорить, а дочь силою взять. А лишь только увидѣли, что выходитъ войско изъ города, и пошли къ Олѣшѣ и говорятъ: «Скажи, сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой: самъ ли ты пойдешь противъ войска или намъ велишь?»—«Пусть идетъ мень-

шой братъ, сказалъ Олѣша. Не прошло и часу, какъ прѣѣзжаетъ меньшой братъ (Иванъ сынъ Царской) и привозитъ на копѣѣ голову воеводы и говоритъ: «Ни одной души не осталось на полѣ сраженія и дерзкую голову воеводы къ ногамъ твоимъ я привезъ». — «Ну, говоритъ Олѣша: ты достоинъ чести—спасибо!» На другой день они опять выѣхали прежній кличъ кликать, и лишь только увидѣли, что выходитъ изъ города войско, поѣхали въ шатры къ Олѣшѣ и говорятъ: «скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой: самъ ли ты поѣдешь противъ войска, или которому либо изъ насъ прикажешь?» «Пусть, говоритъ Олѣша, ѣдетъ средній братъ». — Не прошло и полуторыхъ часовъ, какъ прѣѣхалъ средній братъ (Илья Королевичъ), привезъ на копѣѣ голову воеводы и говоритъ: ни одной души не осталось на полѣ сраженія и дерзкую голову воеводы къ твоимъ ногамъ я привезъ». — «Ну, говоритъ Олѣша: и ты достоинъ чести;—спасибо!» На третій день Царь Кащей вывелъ противъ нихъ все войско—сколько осталось, и лишь только это увидѣли богатыри, пришли къ Олѣшѣ и говорятъ: «Скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой, самъ ли ты поѣдешь противъ войска, или которому либо изъ насъ прикажешь?» — «Пусть, говоритъ Олѣша, ѣдетъ старшій братъ». Не успѣли тѣ богатыри ничего сдѣлать, какъ прѣѣхалъ старшій братъ (Данило Бѣлой), привезъ голову полководца и говоритъ: «ни одной души не осталось на полѣ сраженія и дерзкую голову воеводы къ ногамъ твоимъ я привезъ». — «Ну, спасибо, говоритъ Олѣша», Вотъ видитъ Царь Кащей, что бѣда приходитъ и посылаетъ гонца къ сыну Демьяну Кащенчу, что прѣѣхали подъ его царство четыре богатыря, и войско, сколько было въ царствѣ, все прибили «и хотятъ царство мое разорить и сестру твою силою взять». Демьянъ-то Кащенчъ былъ 12-ти

лѣтъ, а ростомъ 12-ти сажень, а толщиною 6-ть сажень; онъ ѣздилъ на волшебномъ конѣ и бился съ сильнымъ и могучимъ царемъ Далматомъ. — Царь Далматъ и самъ-то былъ богатырь, да и въ царствѣ у него было до ста тысячъ богатырей, и онъ хотѣлъ взять за себя сестру Демьяна Кащенча, прекрасную царевну Елену Кащеевну. Демьянъ Кащенчъ въ недѣлю проскакалъ три тысячи верстъ и началъ по чистому полю разѣѣзжать и тѣхъ богатырей на битву вызывать. Богатыри и говорятъ между собою: «Ну, если самъ Олѣша Голопузой не поѣдетъ, то намъ тутъ вѣрная смерть». Однако ослушаться не посмѣли и пришли къ Олѣшѣ и говорятъ: «Скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой, самъ ли ты пойдешь противъ Демьяна Кащенча, или изъ насъ кому либо прикажешь?» — «А что, развѣ я своей очереди не знаю», говоритъ Олѣша! Вотъ выѣхалъ Олѣша противъ Демьяна Кащенча съ косою да съ топоромъ и думаетъ: «Однако смерть такъ смерть: пусть отсѣкутъ мнѣ голову, и концы въ воду». А богатыри одинъ за другимъ и уѣхали: такъ испугались Демьяна Кащенча. Вотъ какъ сталъ Олѣша сѣѣзжаться да и думаетъ: «Дайко голову-то я наклоню: такъ хоть не увижу, какъ отсѣкутъ ее! Судуано—сдѣлано; а Демьянъ-то Кащенчъ думалъ, что это какая либо рыцарская хитрость, да повалился да и заснулъ. Вотъ Олѣша и думаетъ, что долго богатырь-то головы не сѣчетъ: дайко взгляну;—взглянуть, а Демьянъ-то Кащенчъ спитъ. Олѣша сошелъ съ лошади да и давай по шеѣ пилить косою: коса не беретъ,—давай топоромъ, и топоръ не беретъ. Что дѣлать?—Подоселъ онъ къ Демьяну, а у него мечъ-то закинуть за спину, да такъ и заснулъ. Вотъ Олѣша (привязалъ) кой-какъ, приподнял мечъ да и спустилъ на шею, а голова-то и покатила. Олѣша привязалъ ее за волосы къ хвосту клячи, а та и ни съ мѣста. Вотъ

онъ вкарабкался кой-какъ на лошадь богатырскую ѣхать къ богатырямъ: посмотреть, а тамъ и мѣсто чисто; повернулся да и поскакалъ въ городъ, тамъ царь Кащей встрѣтилъ его съ честію и славою, одѣли его какъ красную дѣвицу, а Демьяна похоронили тоже съ честію. У Царя Кащея не пиво варить, не вино курить, а честнымъ пиркомъ и за свадебку! Вотъ прошло послѣ свадьбы почти три года. Въ одно утро встаетъ Царь Кащей и смотритъ, а на его лугахъ царскихъ раскинуты шатры бѣлополотняные, а на тѣхъ шатрахъ бѣлополотняныхъ выкинутъ флагъ сильнаго царя Далмата! Царь Далматъ лишь только услышалъ, что Демьянъ Кошечъ убитъ, и пошелъ войной на царя Кащея. Царь Кащей не успѣлъ еще отойти отъ окна, какъ выѣхали изъ шатра три могучихъ богатыря и стали они кличъ кликать и царя Кащея на бой вызывать, а если царь къ нимъ не выйдетъ, то они его царство разорять, а прекрасную царевну Елену Кащеевну силою возмуть. Вотъ царь Кащей и говоритъ Олѣшѣ: «Зять мой любезный, ты прибилъ у меня все войско и сына моего Демьяна убилъ; такъ вся теперь надежда у меня на тебя: самъ ты защищай и жену свою и царство; а если ты враговъ прибьешь, я тебѣ и царство сдамъ, однако и голова моя стара стала».

«Вотъ тебѣ, матушка, и Юрьевъ день», думаетъ Олѣша: «однако ужъ двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать, а я еще вотъ,—что сдѣлаю: не далеко отъ города, на дорогѣ къ лугамъ, есть дубъ, такъ велю на этотъ дубъ придѣлать шелковую петлю, да такую крѣпкую, чтобы скорѣе дубъ сломился, чѣмъ она сорвалась, а какъ поѣду къ лугамъ-то, такъ и суну голову-то въ петлю; хоть стыда меньше будетъ; а пусть тамъ надъ мертвымъ хоть что дѣлають». Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Вотъ и выѣхалъ

Олѣша да и сталъ править къ самому этому дубу, да вмѣсто себя-то и заправилъ въ петлю коня. Конь-то былъ такой сильный, что и вырвалъ дубъ со всѣми кореньями, да и побѣжалъ по войску, да куда прибѣжить—тутъ и улица, а повернуть—тамъ переулочъ, и наконецъ притопталъ и придавилъ до одного человѣка. Вотъ царь Кащей такъ этому обрадовался, что въ тотъ же день и сдалъ ему свое царство. А Олѣша такъ этимъ удивилъ своихъ сосѣдей, что во всю жизнь свою ни съ кѣмъ ни воевалъ (т. е. никто не смѣлъ съ нимъ воевать). А нашъ сильный и могучій Царь Олѣша привезъ къ себѣ отца и сталъ жить да быть.

Я тамъ былъ, медъ и пиво пилъ: пиво-то тепло, по губамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Сообщено г. Варсовымъ.)

Два брата или судья *).

Жили два брата, одинъ богатой, другой бѣдной, у бѣдно и лошади нѣтъ, а надо ѣхать по дрова. Приходитъ онъ къ богатому брату и говоритъ: «пожалуста, братъ, дай мнѣ коня по дровца съездить!» «Ты у меня побьешь, сказавъ богатой, а конь у меня сторублевой». «Пощо, храни Богъ, побью». Ну, гыть, дамъ, ступай, поѣзжай! Такой былъ крутой на словахъ-то. Бѣднякъ выводитъ коня, а безъ хомута; онъ и не сміетъ попросить хомута, думаетъ що братъ не ровно передумаетъ, не дастъ коня. «Ну, добро,

*) См. Живая старина, стр. 208.

гыть, у меня хомутъ и свой ес(т)ь». Хомутъ свой не пригодивсе, малъ; «ну, добро, гыть, съѣзжу и такъ!» Вывернувъ оглобли изъ дровень *), привязавъ коня хвостомъ къ стужню **), поѣхавъ за дровами. Возъ наклавъ огромной. И случилось ему ѣхать мимо братова дому, онъ припасивсе, що безъ хомута идетъ, пригрозивъ лошади, щобы скорая проѣхать, а лошадь взбѣсилась да прямо во дворъ, а тутъ была подворотница высокая, возомъ захватило, хвостъ и оторвавъ у коня. Вотъ тутъ онъ (бѣднякъ) и заревѣвъ, пошибъ коня. Свелъ коня къ брату во дворъ, поставивъ въ конюшню и приходитъ въ избу. Братъ и спрашиваетъ его: «що, съездивъ по дрова?» — «Съездивъ,» гыть. «Все-ли ладно?» — «А не больно ладно: — хвостъ у коня оторвалъ!» Ахъ, ты такой-сякой, закричавъ богатой братъ, я тебя на судъ поведу, къ судѣ. Вотъ онъ и отправились, въ дорогу, къ судѣ, привернули почевать къ богатому человѣку — богатой къ богатому ужъ завсегды! — хозяинъ составилъ для его самоваръ, а бѣдной улезъ на печку. Вотъ онъ завели разговоръ: «куда, землякъ, пошовъ?» спрашиваетъ хозяинъ. «Да вотъ, гыть, братъ оторвавъ у моего коня хвостъ, такъ веду на судъ». «Да не у хорошова-то-ли коня?» говоритъ хозяинъ. «У хорошова отвицѣеть богатой братъ». «Эку бѣдую! Судять за это его стануть строго, сказалъ хозяинъ.

Бѣдной братъ на печь лежитъ да слушаетъ ихъ разговоръ; выслушавъ и думаетъ: «не предаме суду живой, съ воронца зашибусь о полъ». Вотъ онъ залезъ на воронецъ

*) Дровни — сани для возки дровъ.

**) Стужень — передняя часть саней.

и только гнеть*) на полъ! А раньше хозяйка постелю ус(т)-лала подъ воронецъ и съ малюткой спать легла; онъ и угадавъ на малютку, ушибъ до смерти, а самъ не ушибсе, мягко было. Хозяйка заревѣла, що малютку зашибъ, объяснила хозѣину; вотъ и тотъ пошовъ на судъ, падо бѣдняка засудить. Идутъ на судъ уже троємъ. Подходятъ къ рикѣ, виновной и думаетъ опѣть: «зашибусь съ мосту о ледъ, а не предамсе суду живой». Въ то время сынъ отца волокъ на чункахъ изъ бани и только що выволокъ изъ-подъ мосту, а бѣднякъ съ мосту ищо гнеть, да прямо на старика! Убилъ ево до смерти, а самъ живъ оставсе. Вотъ и сынъ старика пошовъ на судъ. Идутъ къ судѣ ужъ три просителя на одново виновника. Бѣднякъ дорогою взявъ преболюшущой камень, сунувъ ево за пазуху и думаетъ, що не дамсе живой въ руки, осудить судья, такъ убью и судью, и себя, все одно, гыть.

Пришли къ судѣ; вотъ судья и начавъ ихъ судить; спрашиваетъ первово—брата: «ну, що такое сдѣлавъ у тебя братъ?» Братъ сказавъ, што оторвавъ у коня хвостъ, опозоривъ коня. Судья взглянувъ на бѣдняка, а тотъ и поколотивъ у себя за пазуху да и думаетъ: що только осуди—зашибу! Камень-то бывъ большой, пазуха такъ и оттопырилась. Судья, увидя это, подумавъ, што бумажникъ съ деньгамъ у ево за пазухой, взятку сулить; вотъ онъ и рѣшивъ: «ты, гыть, отдай ему коня-то пусть онъ издить, пока не вырастетъ у коня хвостъ, а какъ вырастетъ, такъ и возьми назадъ!» Богатой братъ только голову почесавъ. Другой опять жалуется: «у меня, гыть, малютку убивъ». Бѣднякъ

*) Гнеть—отъ слова: гнѣть, тяжесть, и какъ тяжесть, быстро падаетъ, такъ и слово «гнеть» показываетъ быстроту паденія.

опѣть похлопавъ у себя за пазуху. Судья и говоритъ жалобщику: «отдай ты ему жону и пусть онъ держитъ ее пока не родить ребенка, а какъ родить, такъ ты съ ребенкомъ-то втупоръ и уведи къ себѣ». Такъ и это дѣло рѣшивъ, ни чево бѣдняку не было. Вотъ третій жалуется, що отца убивъ. Бѣднякъ опѣть похлопаетъ о пазуху. Судья сказавъ жалобщику: «вотъ, братецъ, ты самъ виновникъ; волокешъ отца по подмосту, подъ большой дорогой, мостовина валилась (бы) и отца убила бы... Ты видно такъ и ладилъ старика-то?» Обсудивъ судья жалобщика четвертнымъ шграфу. Роспустивъ судья просителей и подходитъ къ виновному: а що, гыть, посуленное-то! а самъ хлопаетъ себя о пазуху. Бѣднякъ вынимаетъ изъ-за пазухи камень: «вотъ, гыть, ваше благородье, кабы ты меня обсудивъ, такъ бы и зашибъ тебя камнемъ!» Перекрестивсе судья: «слава Богу, гыть, хоть я тебя-то не обсудивъ!...

Такъ бѣдняку нечево и не было.

(Записано А. Шустиковымъ).

Сказка о мужикѣ—воинѣ *).

Поѣхалъ мужикъ рѣпы пахать. И наѣло на его лошадь много комаровъ, оводовъ, бучней и мухъ. Онъ какъ махнетъ мѣшкомъ, то нѣсколько головъ сразу убьетъ. И говоритъ мужикъ самъ себѣ: «Что мнѣ-ка рѣпу пахать, какъ я нѣсколько головъ сразу убиваю? Такъ лучше я поѣду домой и пойду въ чистое поле къ старцу — монаху лука просить. Прийдя къ старцу, спросятъ у дверей его кельи: «Отче святой, дома ли ты?» — Дома, — отвѣчалъ старикъ. Что тебѣ нужно, мужичекъ?—

*) См. пѣсни П. Н. Рыбникова.

«То нужно, что я съѣхавши рѣпу пахать, нѣсколько головъ сразу побилъ, то къ тебѣ пришелъ лука просить: хочу идти въ чистое поле поляковать».

— Не дамъ я тебѣ лука, отвѣчалъ старецъ; а послушай, я тебѣ сказку скажу, тогда и лука дамъ.—

«Ну, такъ рассказывай, отче, сказку, когда хочешь сказать; только лука-то дай».

— Слушай же:

«Насъ было сорокъ братьевъ и все разбойники, а я изъ нихъ самый меньшей братъ. И не боялся ихъ сорока человекъ, хоть братья-то мои вдвоемъ—втроемъ меня дюжбе. Была у насъ мыза край самой дороги. Разбойничать мы далеко не ходили. И купцы про это все знали, и дарили насъ кто по тысячѣ, а кто по двѣ и больше; а у кого подарковъ не случится, тотъ принесетъ намъ покорность, и мы того пропустимъ безъ всякой остановки. Долго ли, коротко ли мы жили въ этой мызѣ, того не помню. И разъ, глядимъ, ѣдетъ старикъ очень старый на двухъ сѣрыхъ коняхъ; онъ не то чтобъ насъ подарить, такъ не снялъ колпака и не хотѣлъ даже на нашу мызу взглянуть. Тогда, какъ я, меньшей братъ, былъ у нихъ, большихъ братьевъ, на посылкахъ, то братья меня и послали воротить этого старика взадъ, за то, что онъ не хотѣлъ даже поглядѣть на мызу и рожи даже не поворотилъ.—«Воротить его назадъ»—приказывали они мнѣ. Я побѣжалъ въ ту сторону, куда старикъ проѣхалъ. Догналъ старика и говорю ему: «Ахъ ты, старый чортъ! воротись назадъ, не то бѣда тебѣ будетъ». Старикъ мнѣ и говорить: — Дарить у меня васъ нечѣмъ.—«Не мое дѣло, сказалъ я, поди, братьямъ отвѣчай самъ, а я спустить тебя не могу». И онъ со мной воротился. Приходимъ въ нашу мызу.

братья на старика закричали: «Ахъ ты, старый чортъ! ты не то чтобы подарить насъ, такъ не хотѣлъ колпака прикривить, такъ складывай намъ деньги». — Что, кормильцы, складывать, у меня денегъ нѣтъ, то вѣдаете вы. — «Ну, старый чертъ, крикнуть братья, складывай, не то тебя жива не спустимъ. Старикъ стоитъ на своемъ: — у него-де есть въ карманѣ одинъ сгибенецъ; его, пожалуй, подарить, а больше дарить нечѣмъ. — И вдругъ, показавши сгибенецъ, махнулъ въ одну сторону и попалъ въ одного брата, а отъ того еще девять убилъ, потомъ махнулъ въ другую сторону — въ другого брата, и за нимъ тоже отъ него девять убилося; такъ и въ третью сторону махнулъ и тоже десятерыхъ убилъ; и въ четвертую сторону махнулъ и тоже девять человѣкъ убилъ. А я положилъ завѣтъ уйти въ монахи, лишь бы остаться живымъ, и свалился между мертвыми въ то время, когда старикъ убивалъ третій десятокъ. Старикъ такъ со сгибнемъ пошелъ — сѣлъ на своихъ коней и поѣхалъ, куда ему надо, оставилъ насъ лежучихъ. Я въ это время не смѣлъ даже пошевелиться, лежу между братьями. Наконецъ слышу, старикъ уѣхалъ; всталъ я и оглядѣлся кругомъ. При мнѣ была здоровая дубинка. Взяло меня горе, и я побѣждалъ за старикомъ съ тѣмъ, чтобы убить его. Вотъ и догоняю его, и догнавъ уже, и лишь только хочу его ударить, да какъ одумаюсь, что если не убить его, то онъ меня убьетъ, и такъ отойду, и иду надзоромъ сзади. Опять побѣгу и опять раздумаюсь. Наконецъ положилъ себѣ въ душѣ такое мнѣніе: «лучше идти мнѣ за старикомъ, и гдѣ останется, тамъ убить его; наняться въ работники къ комунибудь и выжидать удобнаго случая, когда-бъ удобнѣе убить старика». Съ тѣмъ пошелъ я за нимъ, однако ему не показываюсь, потому что онъ меня въ лицо зналъ. Старикъ этотъ пріѣхалъ въ Московское царство и воротить прямо къ

дому своему. Кругомъ дома его обнесенъ высокій, прочный тынъ, а ворота рѣшетчатые желѣзные. Подѣхавши къ дому, старикъ отворилъ самъ своими руками ворота, подынулъ ихъ къ верху, и лошади прошли въ нихъ свободно. Я въ это время остался за тыномъ. Прошло порядочно времени, и я, подошедши къ воротамъ, сталъ ихъ дубинкою отпирать и не могъ даже нисколько поднять; а старикъ рукой поднималъ. Отошелъ я и сталъ ходить около воротъ и тына, — перетаптываясь съ мѣста на мѣсто. Старикъ меня увидалъ, что хожу около воротъ, вышелъ, поднялъ одной рукой эти ворота, и они отворились. Онъ мнѣ и говоритъ: «Что молодецъ топчешься до позда? хочешь обокрасть, что ли?». — Я, говорю, не воровать пришелъ, а наняться въ работники хочу куданибудь и служить, да не смѣю у тебя постучаться. — «А когда не воровать пришелъ, а въ работники найматься, то поди: мнѣ работника надо, и я найму тебя». И я съ нимъ пошелъ въ его домъ.» —

Мужикъ выслушалъ это и говорить монаху: «Отче! у тебя сказка-то длинная! Я послушалъ, теперь дай лука-то мнѣ. Я пойду съ чистое поле поляковать».

Ничего, ничего, дружокъ, послушай еще моей сказки. Покуда сказки тебѣ этой не доскажу, — лука не дамъ. — И говоритъ монахъ: —

«Старикъ тотъ провелъ меня въ покои своего дома и приказалъ своимъ дворовымъ кормить — поить меня и на работу не посылать. Я, говоритъ, нанялъ его въ работники (т. е. меня-то)». Недѣлю живу, другую живу, и третью живу. Меня кормятъ и поятъ, а дѣлать ничего не даютъ. Хозяина въ это время я и въ глаза не видалъ. Комнатъ въ домѣ много. И слышу, что въ мастерской рядомъ съ той комнатою,

гдѣ я жилъ, зень метлой пашутъ. Поглядѣлъ туда, а тамъ старенькой и горбатый старичокъ пашеть зень; взялъ онъ большой чанъ съ кожами и переставилъ на другое мѣсто. Въ этотъ же день молодой работникъ въ этой мастерской говоритъ мнѣ: «Что ты, готовоѣжа, столько ты живешь у насъ, ничего не дѣлаешь, да еще надъ нами надсмѣхаешься. «И однимъ пальцемъ тихонько попихнулъ меня,—я палъ на земь замертво, и послѣ мнѣ сказали, что я три часа лежалъ безъ чувствъ. Послѣ этого я пришелъ въ свой опять покой, и оттуда уже самъ не смѣлъ выйти нигуда. Наконецъ пришелъ ко мнѣ самъ хозяинъ и сказалъ: «Работникъ! ступай за мной». Привелъ онъ меня въ свой покой, въ которомъ стоялъ большой столъ, а на столѣ было наложено всякихъ кушаньевъ и напитковъ много—премного. Въ комнатѣ похаживаетъ молодецъ въ одномъ камзолчикѣ, только мостовники подъ ногами подгибаются, самъ и говоритъ: «Что, батюшка, работника этого нанялъ?—Да, дитятко, этого работника. «Ну, коли это работникъ, то садись со мной обѣдать», говоритъ молодецъ и посадилъ меня за столъ. Я сѣлъ на уголокъ, а самъ сѣлъ на другой, а хозяинъ стоитъ и смотритъ на насъ. Стали мы ѣсть. Я поѣлъ да и не хочу больше, а молодецъ хозяйскій все оплетаетъ. Хозяинъ говоритъ мнѣ: «Что же ты, работникъ, мало ѣшь? ѣшь больше». Какъ обѣдъ нашъ кончился, молодецъ хозяйскій и я начали одѣваться,—и одѣлись. Потомъ вышли на дворъ и тамъ обѣдали и обуздали тѣхъ самыхъ двухъ сѣрушковъ, на которыхъ старикъ около нашей мызы ѣхалъ. Молодецъ на одного сѣрушка сѣлъ, а я на другого сѣсть не могу. Старикъ—хозяинъ взялъ меня, какъ ребенка, посадилъ и ноги ремнями привязалъ. «Ну, говоритъ, теперь не выпадешь». Подошелъ онъ къ воротамъ, одною рукою отворилъ ихъ и выпустилъ насъ за ворота. Хозяинъ мой такъ шибко поѣхалъ на сѣрушкѣ своемъ, за

которымъ и мой бѣжалъ сѣрушко, что я рѣшительно ничего не видѣлъ: даже и свѣтъ въ глазахъ потемнѣлъ. Ыхали близко ли—далеко ли, пріѣхали въ чистое поле. Хозяинъ спустился съ сѣрушка своего, развязалъ мнѣ ноги и меня снялъ. Потомъ раскинулъ бѣлый, полотняный шатеръ и меня туда взялъ. Тамъ хозяинъ приказалъ мнѣ сойти въ погребъ, отворить дверь и взять тамъ котель, налить въ него воды и сварить каши пообѣдать. И я пошелъ въ погребъ, двери кое-какъ отворилъ, а котла я поднять не могъ порожняго не то чтобы въ немъ воды принести. Прихожу къ молодому хозяину и говорю: «Воля твоя, господинъ хозяинъ! Не могу поднять котла». Хозяинъ и говоритъ: «Одиннадцать лѣтъ батюшка нанималъ работниковъ, и все они мнѣ въ дорогѣ кашу варили, а на двѣнадцатый годъ батюшка нанялъ такого работника, что мнѣ надо для него каши сварить». — Пошелъ самъ, взялъ котель, почерпнулъ воды, сварилъ каши и меня накормилъ. Ложится спать и наказываетъ мнѣ: «Смотри, работникъ, ты не спи и гляди вотъ въ ту сторону, и когда увидишь, что ѣдетъ молодецъ на сѣромъ конѣ, и стоя стоитъ, и въ гусли играеть, и пѣсни поеть, и пляшетъ, и говоритъ: «Хорошъ молодецъ, да не у мѣста спитъ»,—то ты меня не буди; второй разъ проѣдетъ тотъ же молодецъ,—не буди; и въ третій разъ проѣдетъ,—не буди. А когда объявится Татаринъ, будто сѣна копъ, на ворономъ конѣ, тогда меня непременно буди, а если не можешь разбудить, то вотъ этимъ сгибнемъ бей меня, говоритъ, въ пятю». — Сказалъ и заснулъ. Молодецъ на сѣромъ конѣ проѣхалъ все три раза и приговаривалъ: «хорошъ молодецъ да не у мѣста спитъ». Вотъ ѣдетъ и Татаринъ на ворономъ конѣ. Я сталъ хозяина будить и разбудилъ. Онъ и говоритъ: «Поздно-де разбудилъ». Сталъ сѣдлатъ коня своего сѣрушка, а мнѣ наказываетъ опять: «Гляди, работникъ! Когда мы съѣдемся и

будемъ сѣзжаться первый разъ съ саблями, второй разъ съ палицами, а третій разъ съ копьями,—и если мы падемъ и будемъ лежать,—то гляди: чей конь голову повѣситъ, тому значить въ живыхъ не быть. И если мой конь будетъ кругомъ ходить, то ты иди мнѣ на помощь; а если мой конь голову повѣситъ, то отправляйся домой и скажи моему батюшкѣ, что меня въ живыхъ нѣтъ». Вотъ они сѣхались въ первый разъ,—ударилась саблями и другъ друга не ранили, кони ихъ проскочили, сѣхались во второй разъ,—ударилась палицами и тоже не ранили другъ друга; сѣхались въ третій разъ, ударилась копьями острыми, копья ихъ до рукъ пригibalи. И въ это время они соскочили съ коней своихъ, схватились охабкою, и упали они о землю такъ, что земля сколыбалася, и поганый татарище на верхъ палъ, да тутъ они оба затхнулись, а сѣрушко головушку повѣсилъ, а воронушко вокругъ пошелъ. Я гляжу и думаю: «хозяинъ мой—отецъ этого молодца—убилъ моихъ братьевъ, а непріятель этотъ ничего мнѣ не сдѣлалъ, то пойду и добыю я хозяина». Прихожу къ нимъ и вижу, что они оба лежать замертво; а сгибенекъ, которымъ отецъ хозяина убилъ моихъ братьевъ, лежитъ поодаль; я взялъ его, разнаталъ, раскачалъ его и хлопнулъ молодца по лбу, а у него изъ горла кровавый кусокъ выскочилъ, и онъ ожилъ, меня поблагодарилъ и выскочилъ изъ подъ-низу Татарина, взялъ ножиче—кинжалище и вонзилъ его въ грудь Татарина,—и пошла съ татарина кровь ручьями: совсѣмъ доубилъ его. Потомъ у меня сталъ спрашивать: «За что я его ударилъ по лбу»? Я отвѣчалъ ему: «Отецъ твой убилъ моихъ 39 братьевъ; я съ тѣмъ на-нялся и въ работники, чтобы за братьевъ кровь отмстить,—и потому ударилъ тебя въ голову. Вотъ сущая моя правда. Прости меня!»—и онъ меня простилъ».

Мужикъ выслушалъ это и говорить монаху: «Отче! сказка твоя длинная. Дай же мнѣ лука. Я пойду домой и стану воевать».

— Когда дослушаешь мою сказку, тогда и лукъ дамъ.— И монахъ продолжалъ:

«И говорить молодецъ:

«По одиннадцать лѣтъ ѣздилъ я въ поле и не могъ непріятеля убить, а на двѣнадцатый годъ черезъ тебя, работникъ, убилъ его». И возвратились мы съ нимъ въ шатеръ. Онъ меня уже не посылалъ варить кашу, сварилъ самъ и меня накормилъ. Пообѣдавши, легли мы спать; и онъ такъ захрапѣлъ, что меня въ шатрѣ, какъ на морѣ на валахъ, стало шатать. Хозяинъ мой выспался, обѣдѣлалъ обоихъ сѣрушкова, посадилъ опять меня и ноги перевязалъ, и сѣлъ самъ, и мы съ нимъ отправились домой. Пріѣхали, и старикъ насъ встрѣтилъ и ворота отворилъ, запустилъ насъ во дворъ, отвязалъ меня отъ лошади и пустилъ, а сѣрушкова убралъ въ конюшни. Хозяева пошли въ свои покои, и я пошелъ въ свой покой. Опять меня по прежнему стали кормить и поить.—Чрезъ нѣсколько времени приходитъ ко мнѣ самъ старикъ хозяинъ и говорить: «Ну, работникъ, пойдемъ за мной». И привелъ меня въ тотъ же покой, гдѣ я первый разъ при отѣздѣ обѣдалъ. Въ покоѣ дѣвица похаживаетъ, только половиченки подгибаются; разодѣтая, красивая, и коса у ней длинная. Сама и говорить отцу своему: «Родитель батюшка! одиннадцать лѣтъ я ѣздила съ непріятелемъ воевать и теперь только на двѣнадцатый годъ, пріѣхавши съ этимъ работникомъ, на его счастье, я убила непріятеля (въ это время я такъ и остоленѣлъ), такъ теперь я за него замужъ

выйду: благослови меня!». Я и думаю: «Какая это будетъ мнѣ жена: руку или ногу накинеть и задавить меня». Я сказалъ тутъ:—А помнишь ли, хозяйнушко, какъ ты на мызѣ-то нашей убилъ сорокъ безъ одного моихъ братьевъ, а я живой между ними палъ и завѣтъ завѣчалъ поступить въ монахи, если останусь живъ; такъ мнѣ за это жениться нельзя.—Она и говоритъ отцу: «Батюшко! Когда я въ полѣ мертвая лежала, то онъ за это твое убійство меня сгибнемъ ударилъ по лбу, и у меня выскочилъ кровавый съ горла кусокъ, а чрезъ это, вмѣсто смерти, я получила жизнь, и за его откровенное признаніе его простила и умертвила окончательно Татарина невѣрнаго, то прости его и ты. А если ты дружокъ,—говорить мнѣ не хочешь по завѣту на мнѣ жениться, то не женись, а ступай по своему обѣщанію; и не хвастайся мной, а что знаешь, того никому и нигдѣ не рассказывай ни въ Москвѣ ни въ Вологдѣ». За тѣмъ я отъ нихъ ушелъ въ эту келью и теперь даже отъ нихъ получаю по обѣщанію пищу, обувь и одѣтку, и живу въ уединеніи».

Мужикъ сказалъ старцу-монаху: «Ну, отче! сказка теперь у тебя вся?»

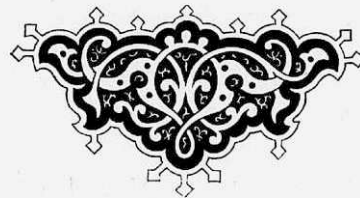
— Вся, отвѣчалъ ему монахъ.

«Ну, такъ дай же мнѣ, отче, твоего лука: я пойду въ чистое поле воевать—поляковать».

Монахъ, отпоясавъ ремень отъ себя и, неговоря болѣе мужику ни слова, схватилъ его, положилъ голову межъ ноги и началъ такъ сильно драть, что мужикъ закричалъ дурнымъ матомъ. Монахъ приговариваетъ: «Вотъ тебѣ лукъ, вотъ тебѣ война и полякованье! А лучше поди-ко, да наши рѣпу, да хозяйство веди». Мужикъ, вырвавшись отъ монаха,

побѣжалъ домой не оглядываясь и въ безпамятствѣ даже позабылъ свою шапку.

(Отъ кр. дер. Раниной Горы, Филимоновской волости, Анфима Савельева).

Михайло Трунщиковъ.

Не въ которомъ царствѣ не въ которомъ государствѣ, не именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ былъ царь да царица, а у этого царя не было короны. Онъ и сталъ собирать свое царство и собралъ всѣхъ главныхъ начальниковъ и простова роду мужиковъ, кто бы ему корону могъ достать съ острова, гдѣ она хранилась. Вотот-ка и выискался одинъ—Михайло Трунщиковъ.

— Я, гть, могу достать корону. А царь и говоритъ: много-ли тебѣ надо, какъ корону достанешь? А Михайло Трунщиковъ и гть: мнѣ денегъ не надо, а дай мнѣ волю

на двѣнадцать день въ каждомъ кабагѣ пить вино. Царь согласился. Прошло двѣнадцать день и сталъ собираться Михайло Трунщиковъ за короной. Пришелъ онъ къ царю и просить благословенія, а царь ему въ отвѣтъ: съ Богомъ. И спросилъ еще царь у Михайла Трунщикова: много ли тебѣ, гть, надо на дорогу? А Михайло Трунщиковъ у него и попрошалъ 12 кораблевъ, што бы были начинены съ порохомъ, на 13-мъ мы, гть, поѣдемъ, и дай команду совдаты.

Отправился Михайло Трунщиковъ въ дорогу и подъѣзжаетъ къ тому мѣсту, на которомъ острову была корона. Сейчасъ зачалъ и распоряжаться: причаливайтесь! Команда причалилась къ острову, вышелъ Михайло Трунщиковъ изъ корабля и пошелъ по острову, взялъ съ собою трехъ совдатовъ. Идетъ онъ островомъ, а на этомъ острову маленькихъ змѣй по колѣно брели. Но у нихъ была такая одежда, што они не боялись. Подходя къ дому, а у этого дома лежала змѣя тридцать сажень длины и двѣнадцать ширины. Они сильно испугались ее, но Михайло Трунщиковъ не струсилъ, перешелъ по ей и совдаты за имъ, перешли всѣ четверо, она и не слыхала, вошли въ домъ, а въ домѣ въ переднемъ углу стояла корона. Взялъ Михайло Трунщиковъ корону и воротился назадъ. Только изъ дома вышли, а змѣя повернулась къ нимъ ротомъ, а сама говоритъ человѣческимъ голосомъ: а! гть, вы пришли корону воровать! Сама ротъ распелила и хочетъ всѣхъ съѣсть. А Михайло Трунщиковъ и говоритъ: не ѣшь, дай мнѣ снести корону на корабъ, такъ втожно и ѣшь, а коли тепере съѣшь меня и корону, такъ тебѣ барышу нѣтъ и намъ убытокъ. А она гть: не повѣрю, ты гть, не придешь. А Михайло Трунщиковъ я, гть, тебѣ оставляю трехъ совдатовъ подъ закладъ. И оставилъ трехъ совдатовъ, самъ пришелъ въ корабъ и сказалъ сво-

имъ совдатамъ: отчаливайтесь скорѣе!—Сейчасъ отчалились и поѣхали обратно въ путь. Змѣя дождала Михайла, но не могла дожидаться и съѣла трехъ совдатовъ, а сама закричала большимъ голосомъ и приказала маленькимъ змѣямъ своимъ: летите, гдѣ, на море и прожигайте корабли, увезъ нашу корону Михайло Трунниковъ! Спорхнуло стадо змѣй и полетѣло. Видитъ Михайло Трунниковъ, што дѣло не ладно и приказалъ своимъ совдатамъ отчалить три корабля съ порохомъ. Сейчасъ совдаты перетягнули снасти и остались три корабля, а они въ путь поѣхали. Налетѣли змѣи на три корабля и зачали крышу прожигать, думали што тутъ Михайло Трунниковъ. Обсѣли кругомъ корабли, прожгли крышу и спыхнулъ порохъ и разорвало корабли и змѣй на мелкія части.

Услыхала старшая змѣя этотъ стукъ и опять закричала громкимъ голосомъ: летите, говорить, остальные змѣи и жгите ихъ на смерть. Поднялись всѣ остальные змѣи и полетѣли въ погоню Михайлу Трунникову. — Видитъ Михайло Трунниковъ опять такую неудачу и приказалъ отчалить четыре корабля съ порохомъ. Сейчасъ отчалили четыре корабля. Налетѣли змѣи на эти корабли и опять же начали прожигать крыши. Какъ только прожгли и дотронулись жигаломъ до пороха, порохъ спыхнулъ, разорвало корабли и всѣхъ змѣй.

Услыхала этотъ стукъ старшая змѣя; разсердившись, поднялась и полетѣла сама. Увидѣлъ Михайло Трунниковъ старшую змѣю и сказалъ своимъ совдатамъ: отчаливайте остальные пять кораблей съ порохомъ, а сами идѣте на всѣхъ парусахъ. Сейчасъ совдаты отчалили корабли и поѣхали на одномъ кораблѣ.

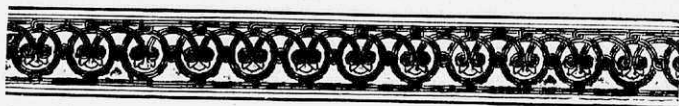
Налетѣла большая змѣя и бухнулась на пять кораблей. Видитъ Михайло Трунниковъ, что змѣя упала на тѣ корабли. Какъ она съѣла, корабли угрузли въ воду. Испугался Михайло Трунниковъ, што подмочить порохъ и не спыхнетъ, но не успѣла она съѣсть на корабли и проткнула жигаломъ крышу, дотронулась жигаломъ по пороку и спыхнулъ порохъ и разорвало пять кораблей и ее расхватило на мелкія части. Црево изъ ея выкинуло на берегъ съ тремъ совдатамъ, которые были отданы подъ закладъ: они были неврежены. И видя Михайло Трунниковъ, што тамъ на берегу три совдата ходять, приказалъ подчалиться къ берегу. Причалились къ берегу и подошли тѣ три совдата, которые были въ змѣиной брюшинѣ, а Михайло Трунниковъ на корабѣ нейдетъ, на радостяхъ ходитъ взадъ да впередъ по берегу. Совдаты стоворились: давайте, отчалимтесь да уѣдемте, пушай онъ останется здѣсь, ему отсюда не придти, а мы дома скажемъ, что его змѣи съѣли, а мы, молъ, корону достали, насъ царь и наградить. Сейчасъ отчалили отъ берегу, а Михайло Трунниковъ скачъ-поскачъ, а никакъ не можетъ взойти на корабъ, съѣлъ на берегъ и заплакалъ. Поплакалъ и придумалось ему: пойду я за кораблемъ, не могу ли дойти до дому? И пошелъ Михайло Трунниковъ берегомъ, подальше недалеко, вдругъ выскочилъ изъ лѣсу чортъ, бѣжить, да самъ кричить: а! ты у насъ корону увезъ и всѣхъ змѣй перевелъ,—вотъ ужъ тепере не убѣжать, я тебя съѣмъ! Михайло Трунниковъ побѣжалъ отъ чорта и перескочилъ за канавку тутъ ужъ черту дѣла нѣтъ до него, онъ не можетъ за канавку перейти, тутъ ужъ земля не чорта, а медвѣдя.—Только онъ за канавку перескочилъ, сейчасъ ему медвѣдь на встрѣчу, три сажени вышины да двѣ ширины, разѣлъ пасть и говоритъ: заходи ко мнѣ въ ротъ, отъ меня ужъ не уйдешь. Ты корону увезъ и всѣхъ змѣй перевелъ,

да и отъ чорта ушелъ, а ужъ отъ меня не уйдешь, я тебя съѣмъ! А медвѣдь-отъ былъ милостивый. И сталъ промать Михайло Трунниковъ. чтобы онъ его спасъ. И говоритъ Михайло Трунниковъ: Михайло Потаповичъ, спаси меня, а самъ поклонился медвѣдю въ ноги. Сейчасъ медвѣдь уѣлся на лужокъ и сталъ рассказывать Михайлу Трунникову: у царя севодня пиръ, вотъ ужъ прѣхали къ нему съ короной. А Михайло Трунниковъ и затосковалъ сильно: ахъ! гть, не привелось мнѣ на пиру попить! А медвѣдь говоритъ ему: ежели желаешь, то мы поспѣемъ на пиръ съ тобой. Онъ опять поклонился медвѣдю въ ноги. Сдѣлай, гть, такую милость, чтобы поспѣть на пиръ! Сейчасъ медвѣдь приказалъ взлѣзть не его, полѣзъ Михайло Трунниковъ на его, медвѣдь поприсѣлъ. И поскакалъ медвѣдь во всю рысь. Подскакалъ къ овинамъ къ тому городу, въ которомъ былъ царь, и приказалъ, чтобы про него не сказывать, што его медвѣдь привезъ: ежели какъ скажешь, такъ сейчасъ тебя изъ артили выхвачу и съѣмъ. Забожился Михайло Трунниковъ, што не скажу. Простился съ медвѣдемъ и пошелъ въ городъ. А царь корону принялъ отъ тѣхъ и усадилъ всѣхъ въ передній уголъ. Ужъ пьютъ да попиваютъ, а Михайла не забываютъ, за упокой поминаютъ, потому што тѣ прѣхали и сказали, што Михайло Трунниковъ змѣи съѣли и никто не считалъ его живымъ. Только идетъ Михайло Трунниковъ на глаза царю. Царь какъ увидѣлъ его, сейчасъ схватилъ въ охапку и спросалъ: гдѣ ты взлѣс? А вотъ, гть, они уѣхали, а меня медвѣдь привезъ. И рассказалъ все царю подробно, какъ дѣло было. Разсердился царь и разстрѣлялъ совдатовъ, тѣхъ, которые омманули его, только трехъ оставилъ, которые были въ змѣиномъ цревѣ. А Михайло Трунниковъ только помянулъ про медвѣдя, а медвѣдь тутъ и есь, распехиваетъ народъ

своей широкой грудью; стража вся испугалась преогромнаго звѣря и у совдатовъ выпали ружья изъ рукъ. И пропустили медвѣдя къ царю во дворецъ. Подходить медвѣдь и добирается до Михайло Трунникова и хочетъ его съѣсть. Но Михайло Трунниковъ ему въ отвѣтъ говорить: не ѣшь меня, медвѣдь, не я, гть, сказалъ про тебя, но хмель мой сказалъ. Давай и тебя напоимъ, и ты неладно заговоришь. — Сейчасъ прикатили сороковку бочку, напоили медвѣдя, онъ однимъ духомъ ее высалъ и сдѣлался пьяной и повалялся и не помнить самъ себя. А стража хотѣла его убить. Но Михайло Трунниковъ не далъ. Онъ, гть, меня спасъ, такъ и я его спасу. А вся стража покорялась Михайлу Трунникову.

Медвѣдь проснулся и не помнить, какъ онъ плотно спалъ. Тамъ стали рассказывать другіе протчіе, какъ это дѣло было; медвѣдь поблагодарилъ Михайло Трунникова, что онъ спасъ отъ стражи и самъ удалился во свою сторону. А Михайло Трунниковъ получилъ отъ царя половину царства и женился на царевнѣ у того же царя. И топерѣ ешшо все-тѣ живутъ съ царевной и царствуютъ вмѣстѣ со своимъ тестемъ.

Записано Н. А. Иваницкимъ (См. матеріалы по этнографіи Вологодской губ.).

Волшебница.

Жило два брата. Одинъ померъ; остался послѣ него сынъ Иванъ. Сталъ этотъ Иванъ въ совершенныхъ лѣтахъ, а дядя и не занимается имъ нисколько. Приходятъ сродники. «Что ты, дитятко, такъ живешь безо всего? Что не торгуешь?» — Да у меня нѣтъ ничего... «Проси у дяди, что отъ отца осталось.» — Вотъ онъ и сталъ у дяди просить... Дядя думалъ, думалъ; далъ ему 300 рублей. «На тебѣ триста рублей; какъ хочешь, такъ и живи!» — Онъ поблагодарилъ и пошелъ вонъ изъ городу.

Идетъ недѣлю и двѣ; пришелъ въ другую губернію и видитъ: народъ бѣжитъ и онъ туда же. Видитъ: невѣрнаго поймали и тянутъ изъ него жилы. «Продайте мнѣ его»,

говорить. — На, пожалуй! — «Что просите?» — Триста рублей. — Онъ отдалъ имъ все свои триста рублей. — Взявъ этого невѣрнаго, повелъ къ попу; окрестили его. А онъ очень боленъ отъ ранъ то. Этотъ Иванъ и проситъ: «батюшка, отслужите завтра обѣдню!» Отслужили обѣдню, причастили этого невѣрнаго; на третій день онъ и скончался. А похоронить его нечѣмъ. Купечество, народъ узнали; набросали денегъ множество. Похоронили съ церемоніей такой. Похоронили; осталось много — много денегъ... Этотъ Иванъ ушелъ, ни одной копѣечки не взялъ.

Идетъ онъ путемъ дорогой; видитъ: высочайшій стоятъ человѣкъ; онъ къ нему ближе, тотъ все ниже, все ниже. Подошелъ онъ къ нему, тотъ сталъ такой же... «Куда, говоритъ, добрый человѣкъ, идешь?» — Да вотъ иду въ разбойники куда-нибудь наняться. «Пойдемъ вмѣстѣ!» Пойдемъ. — Пошли они; шли, шли дорогой. «Хочешь ли, говоритъ, меня дядей? Что ни достанемъ, все пополамъ, меня почитай; что прикажу, то и дѣлай» — Хорошо говорить.

Пришли они въ нерусскую землю, къ одному королю. У короля у этого одна дочь... «Ну, племянникъ, ступай на рынокъ, нанимайся въ работники; кто найметъ; приходи — скажи; я съ тобой пойду.» Вотъ онъ пошелъ. Долго стоялъ, никто не нанимаетъ. Ёдетъ король. «Ты русскій?» — Русскій; изъ такой то губерніи. — «Хочешь ли ко мнѣ въ зятя? Ты мнѣ понравился... У меня зять недавно померъ.» — Не знаю говорить, у меня дядя есть, я спрошусь у дядюшки.» Пошелъ. Такъ и такъ говорить. — «Ну, такъ что-жъ! Надо идти!» — А тутъ и говорить: дядя, дядя! Что ты племянника на смерть отдашь? У ней ужъ шесть мужьевъ было; она всехъ передавила... Онъ нарочно русскаго и беретъ. — «Ну что-жъ, говоритъ, воля Божья.»

Пошелъ племянникъ къ королю. Сейчасъ король къ нему вышелъ. «Ну что?» — Дядя меня благословилъ. — «Хорошо, говорить, хорошо!» Сейчасъ выводить дочь. «Понравился ли тебѣ женихъ?» — Понравился, говорить. «Ну, Богъ васъ благослови!» Пошелъ племянникъ за дядей, пришли оба. У царя не брагу варить, не вино курить, повѣчались. Пиръ былъ какой отличный!... Надо идти почивать... Пошли въ спальню... Легъ онъ на постель. «Ахъ, говорить, дядюшку то мы не пригласили!» — Дядинька приходитъ. «Ну, хорошо, говорить, что меня позвали, не забыли... Вы, говорить, почивайте; я у порожка лягу.» Заснули они... Ночью и летитъ змѣй... Вскочилъ этотъ дядя, саблю схватилъ, отрубилъ голову змѣю... А тѣ спать крѣпкимъ сномъ. Вотъ онъ взялъ, кровь смылъ, голову убралъ; пошелъ все покидалъ въ море, въ воду.

Поутру встаютъ, посылаетъ царь узнать. «Встали, говорить, такъ весело, смѣются!» Ну, слава Богу! — Такое пированье пошло, веселье у короля у этаго. Пожили они мѣсяца два. Этотъ Иванъ и говорить: «папенька! позвольте мнѣ въ свою губернію съѣхать. Я, говорить, не надолго.» Хорошо, говорить. Пошли выбирать лошадей. Положить дядя руку на лошадь. «Вотъ эту бери.» — Выбрали семь лошадей; четверку запрягли въ карету, да дядѣ тройку. Поѣхали.

Ѣхали, ѣхали; пріѣзжаютъ въ лѣсъ, запутались. Видать вдали огонь. Пріѣхали туда; стоитъ тамъ домъ огромный такой... Только одинъ старичекъ по горницѣ ходитъ... «Кто говорить, здѣсь живетъ?» Охотники! — Вотъ они тутъ остановились. Пошли, легли спать. И заснули. Вдругъ ѣдутъ разбойники; спрашиваютъ того старичка «что много пріѣхало?» Всего трое! — Слава Богу! карета, лошади, вся наша

добыча». Напились, наѣлись. Пошли шестеромъ ихъ бить; а дядя то у порога лежитъ. Взялъ всталъ, какъ первый ступилъ, онъ съ него голову долой; другой, съ другаго; пятерыхъ порубилъ... Остальные все испугались, усакали... Вотъ этотъ дядя убралъ, кровь смылъ. А тѣ спать крѣпкимъ сномъ. Поутру встали, спрашиваютъ: «гдѣ же хозяева?» — Они, говорить, охотники; пріѣзжали да поутру рано уѣхали. Напились они чаю; пошли въ кладовыя; посмотрѣли: что золота!... Взяли мѣлики; всю тройку нагрузили, на которой дядя то ѣхалъ.

Вотъ ѣхали они, ѣхали; доѣхали до того мѣста, гдѣ попался ему дядя то... Стали кормить лошадей... «Ну, говорить, племянникъ, былъ у насъ съ тобой уговоръ все дѣлать пополамъ. Теперь надо намъ разстаться; давай и жену дѣлать пополамъ». Взялъ дядя распилилъ ее пополамъ, изъ нее змѣята пошли... Племянникъ то такъ и упалъ безъ памяти... Вотъ дядя взялъ изъ нее все внутренности вычистилъ, перемылъ; впрыснулъ, она опять встала... «Ну, говорить, племянникъ, я тебя за то люблю, что ты меня слушалъ... Я, говорить, сохранялъ тебя во всехъ путяхъ и дорогахъ». Тутъ они простились. Пріѣхалъ этотъ Иванъ къ дядѣ, все ему золото, серебро отдалъ. Дядя ужъ такъ передъ имъ присядаетъ. Въ мѣсяцъ дворецъ ему выстроилъ; поѣхалъ въ свое государство.

Записано лично мною въ Вологодской губ.

Горыня, коромысло и Иванъ-Богатырь.

Горыня и Коромысло отправились путешествовать по бѣлу-свѣту. Дорогою повстрѣчались они съ Иваномъ богатыремъ. Куда путь держите? спрашиваетъ Иванъ-богатырь. — Пошли путешествовать по всей землѣ, отвѣчаетъ Горыня. Иванъ-богатырь и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Вотъ дошли они до горы. Иванъ-богатырь и говоритъ Коромыслу: развориши эту гору! Коромысло разбѣжалось, хлопнулось объ гору и отлетѣло назадъ. Такъ же точно отскочилъ и Горыня. Иванъ-богатырь усмѣхнулся и говоритъ: ой вы горе-богатыри! ударилъ по горѣ кулакомъ и гора развалилась. Пошли дальше. Видятъ: у дороги стоитъ ветхій домишка, а въ немъ сидитъ маленькій мужичекъ и ѣсть разные сласти. Иванъ-богатырь и говоритъ Горынѣ и Коромыслу: растворите-ка во-

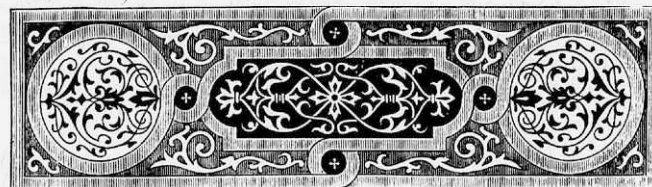
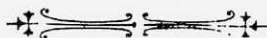
рота! Горыня и Коромысло сколько ни бились, ни силились, никакъ не могутъ растворить воротъ. Иванъ-богатырь подошелъ къ воротамъ, дотронулся пальцемъ и ворота свалились съ петель. Вошли они во дворъ, оттуда въ сѣни и не могутъ найти дверей въ избу. Ходили, ходили, наконецъ нашли. Иванъ-богатырь и говоритъ Горынѣ и Коромыслу: идите въ избу и расправьтесь съ этимъ старикомъ. А старикъ этотъ былъ подземный царь. Вошли Горыня и Коромысло въ избу. Старикъ ударилъ того и другого и они полетѣли отъ него пречъ: Коромысло подъ лавку, а Горыня къ двери. Услыхавъ стукъ, Иванъ-богатырь вошелъ въ избу. Старикъ испугался, выскочилъ изъ избы и спрятался. Горыня и Коромысло подемотрѣли, что онъ спрятался на дворѣ подъ камень. Иванъ-богатырь отвалилъ камень и увидели они бездонную яму. Вотъ и стали они плести веревку изъ елей, цѣлый лѣсъ исплели на сотню верстъ, а конецъ веревки все таки до дна не досталъ. Тогда они приплели свою одежду и даже сапоги. Вотъ Иванъ-богатырь и сталъ спускаться по этой веревкѣ, а Горыня и Коромысло держали за конецъ. Долго онъ спускался, наконецъ спустился до дна и пошелъ подземнымъ царствомъ. Шелъ долго-ли, коротко-ли и увидѣлъ хрустальный дворецъ, а вокругъ того дворца стоитъ войско съ огненными мечами. Иванъ-богатырь подошелъ къ войску, показалъ имъ кулакъ, раздвинулъ по сторонамъ и вошелъ во дворецъ. Въ этомъ дворцѣ и жилъ подземный царь. Въ этомъ дворцѣ было много дверей и всѣ онѣ крѣпко заперты. Иванъ-богатырь дотронулся до нихъ пальцемъ и двери растворились. Наконецъ подошелъ къ послѣдней двери, за которой сидѣлъ подземный царь, а съ нимъ дѣвица-плѣнница. — Кто тамъ? спрашиваетъ подземный царь. — Я, твой слуга, отвѣчаетъ Иванъ-богатырь, отворилъ дверь,

схватилъ царя за бороду, ударилъ объ полъ и положилъ подъ половицу. Потомъ, подошелъ къ красавицѣ и сталъ ее спрашивать: кто она и какъ сюда попала? Красавица рассказала ему, что мужъ ея находится здѣсь въ плѣну и сидитъ закованный въ цѣняхъ въ сосѣдней комнатѣ.

Вошли они туда. Мужъ красавицы едва уже дышалъ и не могъ стоять на ногахъ, потому что двѣ недѣли не ѣдалъ ничего. Расковали его и положили на кровать. Но онъ не долго пожилъ и умеръ.

Иванъ-богатырь съ красавицей пошли на бѣлый свѣтъ. Шли долго и пришли опять къ ямѣ, въ которую Иванъ-богатырь спускался. Какъ имъ попасть на бѣлый свѣтъ? Вдругъ видятъ: выпалъ изъ гнѣзда орленокъ. Иванъ-богатырь взялъ его въ свои руки, покрылъ своей одеждой и держитъ. Прилетѣлъ орелъ и видитъ, что Иванъ-богатырь ласкаетъ его птенца. И спросилъ его: чѣмъ ты хочешь, чтобы я послужилъ тебѣ за то, что ты призрѣлъ и приласкалъ моего птенца? Иванъ-богатырь попросилъ вынести его на бѣлый свѣтъ. Вотъ они сѣли на орла и скоро очутились на бѣломъ свѣтѣ. И женился Иванъ-богатырь на красавицѣ и стали они жить да поживать да дѣтей наживать.

Записано въ Вологодской губ. Н. А. Иваницкимъ.

Ступай туда, невѣдомо куда; принеси
то невѣдомо что.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, не именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ-былъ царь. У царя былъ человекъ; каждый день ходилъ этотъ человекъ на охоту и приносилъ по три птицы. Такой на него вышелъ несчастный день, что онъ не могъ ни одной птицы застрѣлить. Идетъ и видитъ: плаваетъ въ рѣчкѣ одна утка. Онъ въ эту утку метится застрѣлить. Утка ему отвѣчаетъ (говоритъ): не стрѣлай въ меня, возьми меня замужъ за себя. Онъ ей отвѣчаетъ: какъ мнѣ тебя взять замужъ, ты птица, а не человекъ. — Она ему говоритъ: безпечкойся. Если возьмешь, то будетъ у тебя много птицы.

--- нъ Обобщается ей взять ее за себя замужъ: въ ту же минуту много налетѣло птицы. Онъ застрѣлилъ трехъ птицъ и понесъ къ царю. Приноситъ трехъ птицъ и проситъ у царя позволенія жениться. Царь ему позволилъ.

Когда свершился ихъ бракъ, царь приказалъ ему привести жену показать; приходитъ онъ съ своей молодой женой. Такъ ему (царю) молодая жена понравилась; онъ и наровитъ у него жену взять себѣ; да не знаетъ какъ; прямо ему взять не хочется, чтобъ не обидить мужа; и хочетъ онъ послать его (мужа) такъ, чтобъ вѣкъ не возвратился. Вотъ собралъ онъ своихъ генераловъ, которые съ нимъ служатъ, чтобы придумали куда его послать. Одинъ генералъ выпросилъ позволеніе подумать двѣнадцать дней. Проходятъ двѣнадцать дней, генералъ приходитъ къ царю. Надо, говорить, его послать туда, невѣдомо куда, принести то, невѣдомо что. Вотъ въ ту же минуту царь призываетъ этого человѣка и посылаетъ его туда, невѣдомо куда, принести то, невѣдомо что.

Онъ идетъ къ своей женѣ съ угрюмой головой. Жена и спрашиваетъ его: «что ты такъ угрюмъ?» — Да вотъ, говорить, меня царь посылаетъ туда, невѣдомо куда, принести то, невѣдомо что. Жена и говоритъ: «не печалься, мой другъ; я твоему горю помогу». Дала она ему два полотенца и чтобъ онъ, когда зайдетъ на дорогѣ ночевать, чужимъ не утирался, а своимъ. Вотъ онъ пошелъ; зашелъ ночевать по дорогѣ къ ея отцу. Ночевалъ. Вышелъ изъ дому, видитъ: выкатился изъ подъ полу клубочикъ и покатился; онъ за нимъ пошелъ. Клубочикъ прикатился въ огромный лѣсъ. Прикатился къ избушкѣ и пропалъ. Онъ остался среди роши и некуда было ему дѣваться. кромѣ этой избушки.

Взошелъ онъ въ избушку; стоятъ три прибора. Онъ хо-

тѣлъ было водки выпить и закусить и подумалъ, что это не для меня. Семь, я сяду посижу на печкѣ за столбикомъ, посмотрю кто придетъ эту закуску ѣсть; пошелъ, сѣлъ на печкѣ за столбикомъ. Вдругъ приходятъ три молодца, стали закусывать; сказали: невидимка! подавай на столъ! Невидимка подаетъ имъ разныхъ кушаньевъ. Они отобѣдали и ушли. Этотъ человѣкъ тотчасъ вышелъ изъ за печки. «Невидимка! накрывай для меня столъ!» Невидимка тоже для него накрылъ столъ и подаль всякихъ кушаній, которыя тѣ кушали. Онъ поѣлъ и говоритъ: «невидимка! пойдемъ со мной». Вотъ невидимка пошелъ съ нимъ.

Идутъ они домой и встрѣчается съ ними старичекъ на дорогѣ. Этотъ старичекъ и спрашиваетъ его: ты что несешь? — Онъ отвѣчаетъ: «я вотъ что несу: невидимка! накрывай столъ!» Откуда явился столъ, разныя кушанья все. А этотъ старичекъ и говоритъ: у меня вотъ молоточикъ! — «Ну что же изъ твоего молоточка?» Онъ сейчасъ сѣлъ, постучалъ и откуда явилось нѣсколько полковъ солдатъ. «Ну говорить, давай мѣняться, ты возьми мой молоточикъ, а мнѣ отдай свою невидимку». А этому человѣку не хотѣлось мѣняться. Невидимка говоритъ ему «мѣняйся, говорить, мѣняйся; я съ тобой останусь». Вотъ онъ перемѣнился; сталъ у него молоточикъ и невидимка. (Невидимка не пошла отъ него).

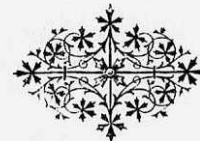
Немного погодя, встрѣчается съ нимъ на дорогѣ другой старичекъ. «Что ты, говорить, несешь?» — Я несу бабочку. — «А я невидимку.» Ну, чтожъ изъ твоей бабочки? — Онъ постучалъ: явилось стадо овецъ. А у тебя что? — «Невидимка! подавай кушать!» Откуда ни взялись всякія кушанья. — Давай мѣняться! — А этому человѣку не хо-

чется; за тѣмъ посланъ принести невѣдомо что. — Невидимка ему опять говорить: «мѣняйся; я съ тобой останусь!» Ну, вотъ они помѣнялись. Стало у него три вещи; пошелъ домой.

Сейчасъ царю докладываютъ, что человѣкъ пришелъ. Сейчасъ этого человѣка позвали сюда во дворецъ. «Ну, чтожъ ты принесъ?» Невидимка накрывай на столъ. — Неглядя что во дворцѣ, невидимка накрылъ на столъ, подаетъ кушанья. — А вотъ, говорить, я еще принесъ». Ударилъ молоточкомъ: откуда ни взялись полки солдатъ. «А вотъ еще что! Только надо выйти изъ дворца.» Вышли во дворъ; онъ сейчасъ постучалъ бабочкой; явилось стадо овецъ. — Сейчасъ царь опять собираетъ генераловъ; чтобъ его опять послать, чтобъ онъ никогда не могъ возвратиться. Одинъ генералъ и говорить послать его вотъ туда-то... Въ нѣкоторомъ царствѣ есть золотой дубъ, вѣтви серебряныя; чтобъ изъ этого царства дубъ вырылъ и въ свое перенесъ, поставилъ противъ царской комнаты. И присудили всѣ генералы: послать этого человѣка и если онъ не воротится, большая этому генералу награда; а если вернется, то его (генерала) казнить.

Царь призываетъ этого человѣка; приказываетъ ему: «вотъ въ такомъ-то царствѣ въ такомъ-то государствѣ есть золотой дубъ съ серебряными вѣтвями; ты этотъ дубъ вырой и принеси въ наше царство, посади противъ моей комнаты». Пошелъ онъ къ своей женѣ съ угрюмымъ лицомъ. «Что ты, другъ мой, пригорюнился?» — Да вотъ, говорить, царь посылаетъ принести золотое дерево съ серебряными листьями. — Ну, не горюй, я твоему горю помогу! «Ложись спать, утро мудренѣе вечера». Онъ легъ спать, а она вы-

шли на крыльцо, махнула платочкомъ, сейчасъ дубъ изъ того царства очутился въ этомъ царствѣ и былъ врытъ противъ царской комнаты. Утро приходитъ; она своего мужа будить. «Ступай, мой другъ! Дубъ твой принесенъ; ступай, около него расчищай». Не успѣлъ царь проснуться, ему докладываютъ, что золотой дубъ съ серебряными вѣтвями перенесенъ въ его царство и врытъ противъ его комнаты. Сейчасъ дали этому человѣку большую награду, а того генерала повѣсили на вѣселищѣ.

О Нестеркѣ.

Не въ которомъ царствѣ не въ которомъ государствѣ, не имянно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ былъ Нестеръ, а у этого Нестера робятъ шестеро. Онъ воровать боится, а работать лѣнится, не знаетъ, чѣмъ прокормиться. А изба у ево была худая, въ избу лазили по бородѣ.

Вотъ однажды онъ вышелъ на большую дорогу и видитъ: ѣдетъ Егорій преподобный ко Иисусу Христу. Онъ и спросалъ ево: куда, гть, Егорій, ѣдешь? А тотъ сказалъ: Иисусу Христу, гть.—А скажи-ка ему, гть: тамъ есть Нестерка, у него робятъ шестерка, онъ воровать боится, а работать лѣнится, не знаетъ, чѣмъ прокормиться. Пріѣхалъ

Егорій къ Иисусу Христу и забылъ про Нестерку. И поѣхалъ опять же въ другой разъ, а Нестеръ вышелъ на ту же дорогу.—Што, гть, ономнись забылъ, такъ теперь ужъ не забудь, скажи, гть, Иисусу Христу, а што-бы не забыть, такъ отдай мнѣ стремяну съ правой ноги. Когда тамъ станешь садиться, то и вспомнишь про меня. Хорошо, тотъ и отдалъ ему стремяну. Туда пріѣхалъ, да и забылъ опять спросать про Нестерку, когда же сталъ садиться на лошадь—и вздумалъ.

Ахъ, гть, стремяны-то нѣтъ; надо про ево спросать.—Спросалъ онъ про Нестера, а Иисусъ ему сказалъ на отвѣтъ: топерѣ денегъ нѣтъ, вели ему по міру ходить.

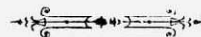
Ѣдетъ Егорій назадъ и говоритъ, што велѣлъ Иисусъ по міру ходить.—Ну такъ, гть, ужъ, братъ, извини, не отдамъ стремяну! А стремяно-то было золотое. Егорій уѣхалъ безъ стремяны, а Нестеръ надѣлъ сусѣдово платье и пошелъ продавать стремяну. Приходитъ въ городъ и попадаетъ ему купецъ на встрѣчу.—Продай, гть, стремяну? Онъ гть: купи. И заплатилъ купецъ ему 500 рублей, а Нестеръ ешшо взялъ и другую слить, и взялъ съ купца задатку 500 рублей.—Подшло то время, а Нестеръ-то былъ не золотой мастеръ, лить то онъ не умѣлъ стремяна, а эти деньги издержалъ: хлѣба купилъ и робятамъ одѣжи. Пріѣзжаетъ купецъ къ ему на домъ и говоритъ: што Нестеръ, слилъ стремяну? А тотъ ему на отвѣтъ: што это, Господи, какую стремяну?—Да какъ, гть, ты у меня и деньги взял?—Нѣтъ, никто тебѣ не повѣритъ, што я золотой мастеръ.—Ну, такъ, братъ, гть, одѣвайся, да поѣдемъ въ правленье.—Поѣдемъ. А Нестеръ надѣлъ поштанники худые, а самъ говоритъ: кто тебѣ повѣритъ, што я золотой мастеръ—приду въ правленье

въ этихъ штанахъ!—А купецъ и говоритъ своему кучеру: кучеръ, отдай брюки!—Кучеръ отдалъ ему брюки. Надѣлъ Нестеръ брюки, потомъ сталъ надѣвать сапоги—худые-прихудые, а самъ и говоритъ: кто же тебѣ повѣритъ, што въ такихъ сапогахъ золотой мастеръ? Купецъ говоритъ кучеру: кучеръ, отдай ему козловые сапоги. Кучеръ подалъ сапоги козловые. Надѣлъ Нестеръ сапоги и сталъ надѣвать халатъ. Такую надѣлъ сукманину, што трунокъ на трункѣ, чуть чуть въ одномъ мѣстѣ держится, а самъ опять говоритъ: кто же вамъ повѣритъ, што я золотой мастеръ въ такой сукманинѣ? А купецъ говоритъ кучеру: подай кучеръ енотовый тулупъ. Одѣлся Нестеръ въ енотовый тулупъ; еще купецъ отдалъ бобровку-шапку. Нарядилсѣ Нестеръ и поѣхали. Приѣхали къ правленью и сейчасъ же купецъ выскочилъ и побѣждалъ вверхъ въ правленье. Тамъ разсказалъ судьямъ подробно, какъ у нихъ съ Нестеромъ дѣла. А Нестеръ говоритъ кучеру: каково васъ, гть, купецъ держитъ? А кучеръ въ отвѣтъ Нестеру: очень, гть, плохо. А спрашалъ Нестеръ кучера: какъ васъ звать? А кучеръ отвѣтилъ, гть, Иваномъ.—А ты, гть, назовись Константиномъ, такъ мы съ тобой обтяпаемъ купца.

Потомъ призываютъ Нестера въ правленье. Приходитъ туда Нестеръ и спрашиваютъ его судьи: што, слилъ стремяну?—А какую, гть, стремяну? А судьи и говорятъ: а какъ какую? вотъ, говорятъ, купецъ жалуется, што ты деньги взялъ, а стремяну не слилъ. — Видишь, говоритъ Нестеръ, купецъ то вѣдь безъ ума. Купецъ смотритъ на Нестера.—Да какъ я, гть, безъ ума? я, гть, въ умѣ. А Нестеръ опять и говоритъ: поди скажешь, што сапоги то козловые на мнѣ твои? Купецъ посмотрѣлъ на него.—Да, гть, мои. Захоталъ Нестеръ.—Ты, гть, поди, скажешь, и брюки на мнѣ—

твои? Купецъ говоритъ што: мои.—Вотъ, поди, скажешь, и тулупъ енотовый и шапка-бобровка—твои?—Да, гть мои.—Видите, братцы, онъ вѣдь безъ ума.—Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, безъ ума. А Нестеръ опять говоритъ: вѣдь поди—тройка коней и кучеръ — твои? Купецъ: да, гть, мои. А судьи говорятъ: у тулуна нельзя спросить, а кучера можно; которова кучеръ послушаетъ больше? Купецъ выскочилъ и зачалъ кликать: Ванька, Ванька!—А Ванька и не думаетъ. Нестеръ вышелъ и кликнулъ: Костя! А кучеръ тутъ и есть. И сейчасъ призвали кучера въ правленье и спросили ево: ты чей, кучеръ? А кучеръ указалъ на Нестера,—вотъ, гть, етово человѣка.—А какъ же, говорятъ, къ намъ купецъ-то попалъ? А сказалъ кучеръ: ѣхали мы путемъ-дорогой, онъ къ намъ ввалился въ сани и сказалъ: довезите меня до правленья, такъ я вамъ водку бутылку куплю. А мы ево добросовѣстно посадили. И вотъ остановились у правленья, а онъ намъ велѣлъ подождать: погодите немного, я сейчасъ въ правленье схожу. Вотъ онъ ушелъ въ правленье, а потомъ не знаю, зачѣмъ Нестера и меня кликнули.

Судьи подивились такому дѣлу и отправили купца въ сумашедшій домъ. А Нестеру осталась тройка коней и вся на ѣмъ одѣжа купеческая; а у Нестера былъ остатокъ денегъ отъ стремяна и заплатилъ онъ кучеру сто рублей, а самъ поѣхалъ домой.

О Петрушкѣ.

Жилъ былъ баринъ да барыня; у нихъ жилъ казакъ Петрушка. Баринъ-то женился далѣко, не въ своей губерніи. Дожили до того времени, у тещи сдѣлался праздникъ. И говоритъ баринъ Петрушкѣ: поѣдемъ, Петрушка, къ тещѣ въ гости. А Петрушка говоритъ: поѣдемъ. Сейчасъ Петрушка заложилъ пару коней и поѣхали. А было дѣло къ осени, около Спасова дни. Баринъ поѣхалъ только въ одномъ сертучкѣ и поилъ съ собой нѣ взялъ. Вотъ ѣдутъ они путемъ дорожкой, и говоритъ баринъ Петрушкѣ: Петрушка! гдѣ намъ на ночлегъ пристать? А Петрушка ему въ отвѣтъ: штъ, гтъ, на постояломъ,—еще деньги слупить, а мы у стогу почуемъ. А ѣхали мимо покосовъ. Проѣхали деревню и пристали къ

стогу. Петрушка привязалъ коней къ стогу, а самъ подъ стогъ зарылся. А баринъ походилъ, походилъ, да и онъ подъ-стогъ. А ночь то была холодная такая, баринъ замерзъ подъ-стогомъ. И сталъ баринъ Петрушкѣ говорить. Петрушка, ты не озябъ? Петрушка говоритъ: нѣтъ, не озябъ.— А чѣмъ ты такъ тепло закутался? А Петрушка барину въ отвѣтъ: мѣшкомъ.— Еще, гтъ, нѣтъ ли у тебя мѣшка? И мнѣ бы закутаться. А у Петрушки были мѣшки запасные. Выхватилъ изъ повозки мѣшокъ и закинулъ барина головой въ мѣшокъ, а мѣшокъ то былъ длинный, на ногахъ завязалъ. И закатилъ барина подъ-стогъ. Баринъ въ снѣ согрѣлся, живо и заснулъ. А Петрушка походилъ, походилъ, да и пришло ему на умъ, дай, говоритъ, я нарублю вицъ, да барина отстегую. Нарубилъ Петрушка вицъ, подошелъ къ стогу, выхватилъ барина изъ подъ-стогу и зачалъ стегать, а самъ приговариваетъ: васъ кто сюда звалъ у моего стогу коней кормить, а самъ барина лупить. Баринъ поохалъ, поохалъ, потомъ пересталъ; силы ужъ нѣтъ. И отвозилъ Петрушка барина путемъ, а самъ бросилъ дальше вицы и сказалъ: я вотъ еще пойду по мужиковъ, такъ я вамъ дамъ! И ровно какъ нигдѣ не бывалъ, подползъ къ барину на колѣнкахъ, а самъ стонетъ, подползъ да и спрашиваетъ: баринъ, живъ ли? А баринъ насилу отвѣтилъ: живъ.—Давай, гтъ, Петрушка, скорѣе пойдемъ. Развязалъ мѣшокъ, вытащилъ барина за ноги, сѣли они въ повозку и поѣхали. А время стало около полуночи. Барину страсть какъ ѣсть захотѣлось. Вотъ подъѣзжаютъ къ деревнѣ, въ которой жила баринова теща. И говоритъ баринъ Петрушкѣ: Петрушка! когда пріѣдемъ, я буду по полу ходить, да скажу: таръ-тарары! а теща и спроситъ: штъ баринъ говоритъ? а ты и скажи: на столъ станови. Пріѣхали къ тещѣ на повить. Сейчасъ баринъ въ избу, а Петрушка сталъ коней убирать.

Убралъ Петрушка коней и пришелъ въ избу. А баринъ ужъ давно раздѣлся да по-полу ходить. И сказалъ: тарь-тарары! Сейчасъ теща и спросала: шѣ, Петрушка, голубчикъ, баринъ говоритъ? А Петрушка ей въ отвѣтъ: самоваръ велитъ становить. А барину не до чаю. Сейчасъ Петрушку выкликали на повить.—Петрушка, гѣ, я стану ходить по-полу и скажу: тарь-тарары, а ты скажи, шѣ на столъ станови. Пришелъ опять баринъ въ избу, ходить по-полу и сказалъ: тарь-тарары! а теща опять подскочила и спросала: шѣ Петрушка, голубчикъ, баринъ говоритъ? А Петрушка ей въ отвѣтъ: ему, гѣ, поспать охота. Теща и говоритъ: а вонъ на печи перина раскачена, такъ поспи съ дорожки-то. Со стыдомъ баринъ полѣзъ на печь: теща не покормила, да спать уложила. Баринъ легъ и уснулъ. А Петрушка чаю напился и отобѣдалъ. Хозяева всѣ улеглись спать на повити, а Петрушка на голбецъ возлѣ барина. Только хозяйева изъ избы ушли, баринъ и проснулся. А Петрушка ешию не спалъ, услыхалъ, шѣ баринъ зашевелился и спросалъ его: шѣ, говоритъ, спотѣлъ? А баринъ гѣ: нѣтъ, не спотѣлъ, да ѣсть охота. А Петрушка ему говоритъ: погоди-ка, поищу краюшки хлѣба. А баринъ радъ-бы и хлѣбцу. А у Петрушки была краюшка изъ дома запасная: онъ взялъ для дороги, дорогой-то микишъ выглодалъ, а въ корки глину набилъ. Подалъ барину эту краюшку съ глиной. Баринъ на печи ѣсть, а у его на зубахъ трескотокъ стоять. И говоритъ Петрушкѣ: Петрушка! какой здѣсь хлѣбъ-отъ худой! А Петрушка барину въ отвѣтъ: вишь, какая у тебя теща-то неря: корочки западились, а въ серѣдкѣ-то не упеклось. Баринъ погрызъ краюшку, а остатки Петрушкѣ отдалъ, а самъ опять уснулъ.

Вдругъ у тещи корова отелилась. А ночь-то была холодная, теленку-то холодно тамъ, и принесли его въ избу. И

нужно бы отогрѣть, а не знаютъ гдѣ. А Петрушка ешию не спалъ. И говорить хозяйевамъ: валите теленка на печь за барина, онъ тутъ отогрѣется. А теща говоритъ: какъ, да баринъ осердится? А Петрушка гѣ: нѣтъ, баринъ не сердитый. Вальнули теленка за барина, сами вонъ пошли. Петрушка взялъ ковшъ воды и плеснулъ за барина. Сейчасъ барина и сталъ будить: баринъ, баринъ! ты вѣдь, гѣ отелился! Баринъ пробудился. Полно, гѣ, врать-то! — Да не вру,—ты ложился—теленка не было, а хватика:—за тобой теленокъ. Баринъ пощупалъ за собой: вѣрно, што теленокъ. А теленокъ сталъ отогрѣваться да и замычалъ. А баринъ и гѣ Петрушкѣ: это вѣдь не диво отелиться, да когда уходится?—А Петрушка гѣ: я не знаю, когда. А баринъ гѣ: а когда со двора на дворъ быковъ переганивали, такъ одинъ быкъ козломъ выигралъ, а я въ то время и подумалъ, такъ быть въ то время уходился? А Петрушка гѣ, какъ топерече намъ дѣлать съ теленкомъ? надо идти хозяйевъ будить да все селенье поднимать. А баринъ гѣ: Петрушка, возьми, на тебѣ 100 рублей, расплатись, а я, гѣ, убѣгу, а ты какъ поѣдешь, такъ меня кричи, я изъ сарая выду. Петрушка получилъ 100 рублей, а баринъ надернулъ калоши, да въ одномъ сертучкѣ бѣги въ сарай.

Петрушка двери заперъ и пошелъ хозяйевъ будить. — Батюшки, гѣ, вѣдь теленокъ-отъ барина съѣлъ! — Хозяева пришли, посмотрѣли: точно, што нѣтъ барина. И стали Петрушкѣ молиться: Петрушка, голубчикъ, скинь теленка, онъ и насѣ-то всѣхъ съѣстъ. Петрушка взлѣзъ на печь, взялъ теленка за заднія ноги и швырнулъ въ передній уголъ, только теленокъ ногамъ потрясъ. Петрушка и говорить хозяйевамъ: нужно топеръ идти, да въ селенье подавать заявленье, што теленокъ барина съѣлъ. А хозяйева и стали его

умаливать: но ходи, Пётрушка, голубчикъ! на вотъ тебѣ сто рублей, а какъ домой приѣдешь, такъ скажи, что умеръ и здѣсь похоронили.

Петрушка получилъ сто рублей и поѣхалъ домой. Ёдетъ мимо сараевъ и зачалъ кричать барина. Баринъ насилу изъ сарая вышелъ: замерзъ. Сѣлъ баринъ въ телѣгу и спросалъ Петрушку: што, какъ тамъ расплатилъ? А Петрушка гть, еще своихъ сто рублей издержалъ, все селенье сбѣжалось, да на меня дратся, я на селенье сто рублей отдалъ, а другую сотню хозяевамъ, и закопали теленка подъ възѣздъ, такъ не знаю топерѣ што и будетъ, я насилу вырвался.

Вотъ они ѣдутъ путемъ-дорожкой, а мѣста-то были гористыя: барина чѣкало да чѣкало въ телѣгѣ, онъ и померъ. А Петрушка не знаетъ, што дѣлать, отстегнулъ одну лошадь и посадилъ барина верхомъ мертваго, привязалъ его къ лошади, и поводъ привязалъ къ рукамъ, а лошадь опустилъ въ рожь.

Увидѣлъ одинъ мужикъ и бѣжитъ со стягомъ на барина, самъ и кричитъ большимъ матомъ: што ты, гть, подлецъ, по моей-то ржѣ ѣдишь да лошадь кормишь?— Побѣжалъ къ барину и хлещъ его стягомъ. Тутъ баринъ и головку повѣсилъ. А Петрушка съ-издалѣ увидѣлъ и замахалъ рукой мужику и закричалъ: што ты, гть, подлецъ, сдѣлалъ! барина-то ты убилъ! Оставилъ лошадь, а самъ побѣжалъ къ барину. Подошелъ и говоритъ мужику: ты бы не билъ барина, а съ него бы деньги получилъ за протраву ржи, вотъ теперѣ тебя сошлютъ.— Мужикъ испугался и зачалъ Петрушкѣ въ ноги кланяться. А Петрушка: нечего, гть, кланяться, не прощу? дай сто рублей, такъ прощу. Сей-

часъ мужикъ сходилъ домой по деньги и отдалъ Петрушкѣ. Петрушка подстегнулъ лошадь, посадилъ барина въ телѣгу и поѣхалъ домой.

И подѣзжаетъ къ дому, и вышла барыня встрѣчать своего барина да Петрушку. Добро жаловать, каково съѣздили? А Петрушка отвѣчаетъ: я съѣздилъ хорошо, да вотъ барина мертваго привезъ, мѣста-то гористыя, его до смерти и зачѣкало. А барыня очень рада тому, што барина пережила: она Петрушку любила раньше.

Похоронили барина, а барыня за Петрушку вышла вза-мужъ. И взыграли свадьбку.

Записано Н. А. Иваницкимъ (См. Матеріалы по этнографіи Вологодской губ.).

Перушко Финиста-ясна-сокола.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, не именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ-былъ старикъ, у него было три дочери: большая и средняя — щеголихи, а меньшая только о хозяйствѣ радѣла. Собирается отецъ въ городъ, и спрашиваетъ у своихъ дочерей: которой что купить! Большая проситъ: «купи мнѣ на платье!» И средняя тожъ говоритъ. «А тебѣ что, дочь моя любимая?» спрашиваетъ у меньшей. — «Купи мнѣ, батюшка, перушко Финиста-ясна сокола. Отецъ простился съ ними и уѣхалъ въ городъ; большимъ дочерямъ купилъ на платье, а перушка Финиста-ясна сокола нигдѣ не нашелъ. Вернулся домой, старшую и среднюю дочерей обновами обрадовалъ:

«а тебѣ, говорить меньшей, не нашелъ перушка Финиста-ясна сокола». — Такъ и быть! сказала она, можетъ — въ другой разъ посчастливится найти. Большія сестры кроютъ да обновы себѣ шьютъ, да надъ нею посмѣиваются; а она знай отмалчивается. Опять собирается отецъ въ городъ и спрашиваетъ: «ну дочки, что вамъ купить? Большая и средняя просятъ по платку купить, а меньшая говоритъ: «купи мнѣ, батюшка, перушко Финиста-ясна сокола». Отецъ поѣхалъ въ городъ, купилъ два платка, а перушка и въ глаза не видалъ. Вернулся назадъ и говоритъ: «ахъ, дочка, вѣдь я опять не нашелъ перушка Финиста-ясна сокола!» — Ничего, батюшка! можетъ — въ иное время посчастливится. Вотъ и въ третій разъ собирается отецъ въ городъ и спрашиваетъ: «сказывайте, дочки, что вамъ купить?» Большія говорятъ: «купи намъ серьги», а меньшая опять свое: «купи мнѣ перушко Финиста-ясна сокола». Отецъ исполнилъ золотыя серьги, бросился искать перушка — никто такого не вѣдаетъ; опечалился и поѣхалъ изъ городу. Только за заставу, а на встрѣчу ему старичекъ несетъ коробочку. «Что несешь, старина?» — Перушко Финиста-ясна сокола. «Что за него просишь?» — Давай тысячу. Отецъ заплатилъ деньги и по-скакалъ домой съ коробочкой. Встрѣчаютъ его дочери. — «Ну, дочь моя любимая! говоритъ онъ меньшей, наконецъ и тебѣ купилъ подарокъ; на, возьми!» Меньшая дочь чуть ни прыгнула отъ радости, взяла коробочку, стала ее цѣловать-миловать, крѣпко къ сердцу прижимать. Послѣ ужина разо-шлись все спать по своимъ свѣтѣлкамъ; пришла и она въ свою горницу, открыла коробочку — перушко Финиста-ясна сокола тотчасъ вылетѣло, ударилося объ полъ, и явился передъ дѣвицей прекрасный царевичъ. Повели они межъ собой рѣчи сладкія, хорошія. Услыхали сестры и спрашиваютъ: «съ кѣмъ это, сестрица, ты разговариваешь? — Сама

съ собой, отвѣчаетъ красна дѣвица. «А ну, отопрись!» Царевичъ ударился объ полъ — и сдѣлался пѣрушкою; она взяла-положила пѣрушко въ коробочку и отворила дверь. Сестры и туда смотреть и сюда заглядываютъ — нѣтъ никого! Только онѣ ушли, красная дѣвица открыла окно, достала пѣрушко и говоритъ: «полетай мое пѣрушко, во чистое поле; погуляй до поры до времени!» Пѣрушко обратилось яснымъ соколомъ и улетѣло въ чистое поле. На другую ночь прилетаетъ Финистъ-ясный соколъ къ своей дѣвицѣ; пошли у нихъ разговоры веселые. Сестры услышали, и сейчасъ къ отцу побѣжали: «батьюшка! у нашей сестрицы кто-то по ночамъ бываетъ; и теперь сидитъ да съ нею разговариваетъ». Отецъ всталъ и пошелъ къ меньшей дочери, входить въ ея горницу, а царевичъ ужъ давно обратился пѣрушкою и лежитъ въ коробочкѣ. «Ахъ вы, негодныя! накинута отечъ на своихъ большихъ дочерей; что вы на нее понапрасну взводите? Лучше бы за собой присматривали!» На другой день сестры поднялись на хитрости; вечеромъ, когда на дворѣ совсѣмъ стемнѣло, подставили лѣстницу, набрали острыхъ ножей да иголокъ и натыкали на окнѣ красной дѣвицы. Ночью прилетѣлъ Финистъ-ясный соколъ, бился-бился — не могъ попасть въ горницу, только крылушки себѣ обрѣзалъ. «Прощай, красна дѣвица! сказалъ онъ; если вздумаешь искать меня, то ищи за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ. Прежде три пары башмаковъ желѣзныхъ истопчешь, три посоха чугунныхъ изломаешь, три просвиры каменныхъ изложишь, чѣмъ найдешь меня добра молодца!» А дѣвица спитъ себѣ; хоть и слышитъ сквозь сонъ эти рѣчи непривѣтливныя, а встать-пробудиться не можетъ. Утромъ просыпается, смотреть — на окнѣ ножи да иглы натыканы, а съ нихъ кровь такъ и капаетъ. Всплеснула руками: «ахъ, Боже мой! знать сестрицы сгу-

били моего друга милаго!» Въ тотъ-же часъ собралась и ушла изъ дому. Побѣжала въ кузницу, сковала себѣ три пары башмаковъ желѣзныхъ да три посоха чугунныхъ, запаслась тремя каменными просвирами, и пустилась въ дорогу искать Финиста-ясна сокола.

Шла-шла, пару башмаковъ истоптала, чугунной посохъ изломала и каменную просвиру изглодала; приходитъ къ избушкѣ и стучится: «хозяинъ съ хозяйшкой! укройте отъ темныя ночи». Отвѣчаетъ старушка: «милости просимъ, красная дѣвица! куда идешь, голубушка?» — Ахъ, бабушка! ищущу Финиста-ясна сокола. «Ну, красна дѣвица, далеко-жъ тебѣ искать будетъ?» На утро говоритъ старуха: «ступай теперь къ моей средней сестрѣ, она тебя добру научитъ; а вотъ тебѣ мой подарокъ: серебряное донце, золотое веретенце; станешь кудель прясть — золотая нитка потянется». Потомъ взяла клубочикъ, покатила по дорогѣ и наказала вслѣдъ за нимъ идти, куда клубочикъ покатится, туда и путь держи! Дѣвица поблагодарила старуху и пошла за клубочкомъ. Долго ли, коротко ли, другая пара башмаковъ изношена, другой посохъ изломанъ, еще каменная просвира изглодана; наконецъ прикатился клубочикъ къ избушкѣ. Она постучалась: «добрые хозяева! укройте отъ темной ночи красну дѣвицу». — Милости просимъ! отвѣчаетъ старушка; куда идешь, красная дѣвица?» — Ищущу, бабушка, Финиста-ясна сокола. «Далеко-жъ тебѣ искать будетъ!» Поутру даетъ ей старушка серебряное блюдо и золотое яичко, и посылаетъ къ своей старшей сестрѣ: «она де знаетъ, гдѣ найти Финиста-ясна сокола!» Простилась красна дѣвица со старухой и пошла въ путь-дорогу; шла-шла, третья пара башмаковъ истоптана, третій посохъ изломанъ и послѣдняя просвира изглодана — прикатился клубочикъ къ избушкѣ. Сту-

чится и говорить странница: «добрые хозяева! укройте отъ темной ночи красну дѣвицу». Опять вышла старушка: «поди, голубушка! милости просимъ! откуда идешь и куда путь держишь?» — Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола. «Охъ, трудно-трудно отыскать его! онъ живетъ теперь въ эдакомъ-то городѣ, на просвирниной дочери тамъ женился». На утро говоритъ старуха красной дѣвицѣ: «вотъ тебѣ подарокъ: золотое пялечко да иголочка; ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будетъ. Ну, теперь ступай съ Богомъ и наймись къ просвирнѣ въ работницы».

Сказано—сдѣлано. Пришла красная дѣвица на просвирнинъ дворъ и нанялась въ работницы; дѣло у ней такъ и кипитъ подъ руками: и печку топить, и воду носить, и обѣдъ готовить. Просвирня смотритъ да радуется: «слава Богу! говоритъ своей дочкѣ, нажили себѣ работницу и услужливую и добрую: безъ наряду все дѣлаетъ!» А красная дѣвица, покончивъ съ хозяйскими работами, взяла серебряное донце, золотое веретѣнце, и сѣла прясть: прядетъ—изъ кудели нитка тянется, нитка не простая, а чистаго золота. Увидала это просвирнина дочь: «ахъ, красная дѣвица! не продашь ли мнѣ свою забаву?»—Пожалуй, продамъ! «А какъ цѣна?»—Позволь съ твоимъ мужемъ ночь перебыть. Просвирнина дочь согласилась; «не бѣда! думаетъ; вѣдь мужа можно соннымъ зельемъ опоить, а чрезъ это веретѣнце мы съ матушкой озолотимся!» А Финиста-ясна сокола дома не было; цѣлый день гулялъ по поднебесью, только къ вечеру воротился. Сѣли ужинать; красная дѣвица подаетъ на столъ кушанья, да все на него смотреть, а онъ добрый молодецъ и не узнаетъ ея. Просвирнина дочь подмѣшала Финисту-ясну соколу соннаго зелья въ питье; уложила его спать и говоритъ работницѣ: «ступай къ нему въ горницу да мухъ от-

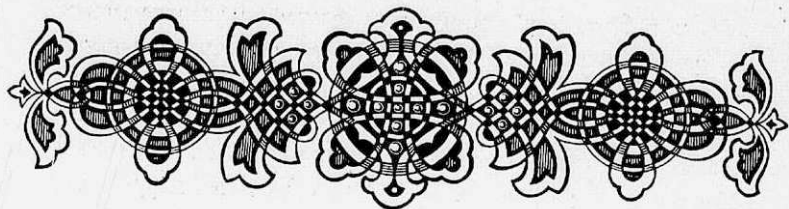
гоняй!» Вотъ красная дѣвица отгоняетъ мухъ, а сама слезно плачетъ: «проснись-пробудись, Финистъ-ясный соколъ; я красна дѣвица къ тебѣ пришла: три чугунныхъ посоха изломала, три пары башмаковъ желѣзныхъ истоптала, три просвиры каменныхъ изглодала, да все тебя милаго искала!» А Финистъ спитъ, ничего не чувствуетъ; такъ и ночь прошла. На другой день работница взяла серебряное блюдечко и катаетъ по немъ золотымъ яичкомъ: много золотыхъ яицъ накатала! Увидала просвирнина дочь: «продай, говоритъ, мнѣ свою забаву!»—Пожалуй, купи. «А какъ цѣна?»—Позволь съ твоимъ мужемъ еще единую ночь перебыть. «Хорошо, я согласна!» А Финистъ-ясный соколъ опять цѣлый день гулялъ по поднебесью, домой прилетѣлъ только къ вечеру. Сѣли ужинать; красная дѣвица подаетъ кушанья, да все на него смотреть, а онъ словно никогда и не знавалъ ея. Опять просвирнина дочь опоила его соннымъ зельемъ, уложила спать и послала работницу мухъ отгонять. И на этотъ разъ какъ ни плакала, какъ ни будила его красная дѣвица, онъ проспалъ до утра и ничего не слышалъ. На третій день сидитъ красная дѣвица, держать въ рукахъ золотое пялечко, а иголочка сама вышиваетъ—да такіе узоры чудные! Заглядѣлась просвирнина дочка: «продай, красна дѣвица! продай, говоритъ, мнѣ свою забаву!»—Пожалуй, купи!» «А какъ цѣна?»—Позволь съ твоимъ мужемъ третью ночь перебыть. «Хорошо, я согласна!» Вечеромъ прилетѣлъ Финистъ-ясный соколъ; жена опоила его соннымъ зельемъ, уложила спать, и посылаетъ работницу мухъ отгонять. Вотъ красная дѣвица мухъ отгоняетъ, а сама слезно причитываетъ: «проснись-пробудись, Финистъ-ясный соколъ! я красная дѣвица къ тебѣ пришла; три чугунныхъ посоха изломала, три пары желѣзныхъ башмаковъ истоптала, три каменныхъ просвиры изглодала—все тебя милаго искала!» А Финистъ-ясный соколъ

крѣпко спать, ничего не чувствует. Долго она плакала, долго будила его; вдругъ упала ему на щеку слеза красной дѣвицы, и онъ въ ту-жъ минуту проснулся: «ахъ, говорить, что-то меня обожгло!» Финистъ-ясный соколъ! отвѣчаетъ ему дѣвица, я къ тебѣ пришла; три чугунныхъ посоха изломала, три пары желѣзныхъ башмаковъ истоптала, три каменныхъ просвиры изглодала—все тебя искала! Вотъ ужъ третью ночь надъ тобою стою, а ты спишь—не пробуждаешься, на мои слова не отзываешься! Тутъ только узналъ Финистъ-ясный соколъ и такъ обрадовался, что сказать нельзя. Сговорились и ушли отъ просвири. Поутру хватилась просвирина дочь своего мужа: ни его нѣтъ, ни работницы! Стала жаловаться матери; просвирина приказала лошадей заложить и погналась въ погоню. Ыздила-ыздила, и къ тремъ старухамъ заѣзжала, а Финиста-ясна сокола не догнала: его и слѣдовъ давно не видать!

Очутился Финистъ-ясный соколъ со своею суженой возлѣ ея дома родительскаго: ударился о сыру землю и сдѣлался пѣрушкомъ; красная дѣвица взяла его, спрятала за пазушку и пришла къ отцу. «Ахъ, дочь моя любимая! я думалъ, что тебя и на свѣтѣ нѣтъ; гдѣ была такъ долго?»—Богу ходила молиться. А случилось это какъ разъ около святой недѣли. Вотъ отецъ съ старшими дочерьми собираются къ заутренѣ; «что-жъ ты, дочка милая! спрашиваетъ онъ меньшую, собирайся да поѣдемъ: нынче день такой радостный!»—Батюшка! мнѣ надѣтъ на себя нечего. «Надѣнь наши уборы!» говорятъ старшія сестры.—Ахъ, сестрицы! мнѣ ваши платья не по кости! я лучше дома останусь. Отецъ съ двумя дочерьми уѣхалъ къ заутренѣ; въ поры красная дѣвица вынула свое пѣрушко. Оно ударилося объ полъ и сдѣлалось прекраснымъ царевичемъ. Царевичъ свистнулъ въ окошко—сейчасъ яви-

лись и платья, и уборы, и карета золотая. Нарядились, сѣли въ карету и поѣхали. Входятъ они въ церковь, становятся впереди всѣхъ; народъ дивится: какой-токой царевичъ съ царвеною пожаловалъ! На исходѣ заутрени вышли они раньше всѣхъ и уѣхали домой; карета пропала, платьевъ и уборовъ какъ не бывало, а царевичъ обратился пѣрушкомъ. Воротился и отецъ съ дочерьми. «Ахъ, сестрица! вотъ ты съ нами не ѣздила, а въ церкви былъ прекрасный царевичъ съ ненаглядной царвеною».—Ничего, сестрицы! вы мнѣ рассказали—все равно, что сама была. На другой день опять то-же; а на третій, какъ сталъ царевичъ съ красной дѣвицей въ карету садиться, отецъ вышелъ изъ церкви и своими глазами видѣлъ, что карета къ его дому подѣхала и пропала. Воротился отецъ и сталъ меньшую дочку допрашивать; она и говоритъ: «нечего дѣлать, надо признаться!» Вынула пѣрушко; пѣрушко ударилося объ полъ и обернулось царевичемъ. Тутъ ихъ и обвѣнчали, и свадьба была богатая! На той свадьбѣ и я былъ, вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было. Надѣли на меня колпакъ, да и ну толкать; надѣли на меня кузовъ: «ты, дѣтинуншка, не гузай (не мѣшай)! убирайся-ка поскорѣй со двора».

ДИВІЙ МУЖЪ.

Жилъ царь съ царицею, а у нихъ былъ сынъ Иванъ-царевичъ. Дворецъ царскій стоялъ въ густомъ зеленомъ саду, въ которомъ росли золотыя яблоки. И повадился въ этотъ садъ ходить воръ, рвать золотыя яблоки. Долго подстерегали вора этого и, наконецъ, поймали; поймали и посадили въ темницу. Воръ этотъ былъ Дивій мужъ. Однажды Иванъ-царевичъ, гуляя въ саду, увидалъ на окнѣ темницы, въ которой сидѣлъ воръ, маленькую красивую птичку и хотѣлъ ее застрѣлить, но стрѣла пролетѣла въ окно темницы. Иванъ-царевичъ подошелъ къ окну, а Дивій мужъ и говорить ему: Иванъ царевичъ, выпусти меня! я тебѣ не только отдамъ стрѣлу, но и впередъ пригожусь. Иванъ царевичъ сжалился

надъ нимъ и выпустилъ изъ темницы. А Дивій мужъ въ этотъ день приговоренъ былъ къ смертной казни.

Когда Дивьяго мужа не оказалось въ темницѣ и объ этомъ донесли царю, то царь велѣлъ привести всѣхъ темничныхъ сторожей и хотѣлъ ихъ казнить, но одинъ изъ сторожей сказалъ царю, что вора выпустилъ Иванъ-царевичъ. Царь очень разсердился на сына и собралъ своихъ бояръ и князей, чтобы судить Ивана-царевича. Бояре и князья и присудили выгнать Ивана-царевича изъ царства. Въ этотъ день его и выгнали.

Идетъ Иванъ-царевичъ дорогою и горько плачетъ. Съѣлъ онъ на камешекъ, чтобы отдохнуть и вспомнилъ о Дивьемъ мужѣ. Глядитъ, а Дивій мужъ стоитъ передъ нимъ, словно изъ земли выросъ, и говорить ему: здравствуй, Иванъ-царевичъ! я давно тебя дожидаюсь. Прошу пожаловать ко мнѣ отдохнуть и хлѣба-соли покушать...

Иванъ-царевичъ очень обрадовался, всталъ и они отправились въ домъ къ Дивьему мужу. За столомъ Иванъ-царевичъ рассказалъ про свое горе, какъ отецъ выгналъ его изъ царства.

— Не печалься и не горюй! — сказалъ ему на это Дивій мужъ, — все къ лучшему! Потомъ велѣлъ женѣ своей поднести Ивану-царевичу рогъ съ питьемъ, да сладкаго яблочка наливчатаго. Когда тотъ выпилъ и закусилъ яблочкомъ, Дивій мужъ подвелъ его къ палицѣ булатной во сто пудовъ и сказалъ: попробуй, подними! этой палицей ты долженъ сразиться съ змѣемъ. Иванъ-царевичъ сколько ни пытался, никакъ не могъ поднять палицы. Тогда Дивій мужъ велѣлъ женѣ своей снова налить рогъ питьемъ и поднести налив-

чатый яблочек, и когда онъ выпилъ и съѣлъ яблоко, то приподнялъ булатную палицу. Тогда Дивій мужъ сказалъ ему: иди теперь къ царю, который живетъ недалеко отсюда, наймись къ нему въ конюхи, ты убьешь змѣя, поѣдающаго каждый день по десятку людей.

Пошелъ Иванъ-царевичъ къ царю, нанялся въ конюхи и былъ лучше и исправнѣе всѣхъ конюховъ, послушенъ и услужливъ каждому, за что его всѣ другіе конюхи и всѣ служащіе царя полюбили, и царь часто награждалъ его за исправность, а вскорѣ поставилъ его первымъ конюхомъ. Не возлюбилъ его только одинъ конюхъ по имени Дѣвкинъ сынъ и искалъ случая погубить его.

Однажды царская дочь дѣлала для конюховъ угощеніе и приказала всѣмъ придти въ ея комнаты. Обнося ихъ виномъ, она замѣтила, что одного конюха нѣтъ; не было также и Ивана-царевича, который въ это время чистилъ коней. Вычистивъ коней, онъ сѣлъ отдохнуть и задумался и вспомнилъ о Дивьемъ мужѣ. А Дивій мужъ стоитъ передъ нимъ, какъ изъ земли выросъ и говоритъ ему: пожалуй ко мнѣ, Иванъ-царевичъ, хлѣба соли откусать. — Иванъ-царевичъ всталъ и они пошли. Дивій мужъ велѣлъ подать Ивану-царевичу рогъ питья и наливчатое яблочко; когда Иванъ-царевичъ выпилъ и съѣлъ яблоко, Дивій мужъ подвелъ его опять къ булатной палицѣ во сто пудовъ и сказалъ подними ее! Иванъ-царевичъ поднялъ палицу, какъ перышко. — Можешь теперь сразиться съ змѣемъ! сказалъ Дивій мужъ; поторопись же домой, чтобы товарищи не замѣтили твоего отсутствія; они скоро выйдутъ изъ-за стола. Завтра же, когда царь позоветъ свою дочь на съѣденіе

змѣю, ты зайди ко мнѣ и получишь отъ меня палицу и боевого коня. Иванъ-царевичъ вернулся домой.

На другой день, дѣйствительно, по жребію выпало, что царь долженъ былъ отдать свою дочь на съѣденіе змѣю. Всѣ пошли ее провожать до того мѣста, гдѣ ее надо было оставить, а Иванъ-царевичъ пошелъ къ Дивьему мужу. Дивій мужъ напоилъ, накормилъ его, отдалъ ему стопудовую палицу и богатырскаго боевого коня и сказалъ: когда побѣдишь змѣя, то спѣши пріѣхать сюда, не показываясь царю.

Сѣлъ Иванъ-царевичъ на коня, привязалъ къ боку палицу и поѣхалъ сражаться съ змѣемъ. Скоро онъ увидалъ царевну, которая сидѣла на берегу моря и горько плакала, дожидаясь смерти. Иванъ-царевичъ, не показываясь ей, спрятался за ближнее дерево. Вдругъ видитъ онъ: море заколыхалось и вышелъ изъ него змѣй. Иванъ-царевичъ выѣхалъ изъ засады и бросился на змѣя. Долго бились они, наконецъ Иванъ-царевичъ такъ ловко ударилъ змѣя палицей по головѣ, что онъ тутъ-же и издохъ. Хотѣлъ онъ тотчасъ же ѣхать, чтобы царевна не узнала его, но замѣтилъ на рукѣ своей большую рану, изъ которой текла кровь и подошелъ къ царевнѣ, чтобы та перевязала ему рану. Царевна перевязала ему руку своимъ шелковымъ платкомъ, стала благодарить за свое спасеніе и просила ѣхать вмѣстѣ съ нею во дворецъ къ отцу ея. Но Иванъ-Царевичъ, помня наказъ Дивья мужа, не сказалъ ей ни слова, повернулъ своего коня и уѣхалъ. И лишь только онъ скрылся изъ глазъ, какъ конюхъ Дѣвкинъ сынъ выскочилъ изъ-за кустовъ съ ножомъ въ рукахъ и сказалъ царевнѣ: если ты не скажешь отцу своему, что я спасъ тебя отъ змѣя, то я тебя зарѣжу.

Царевна испугалась и дала ему вѣрное слово назвать его освободителемъ отъ змія.

Вотъ приходятъ они во дворецъ къ царю. Царевна подвела Дѣвкина сына къ отцу и сказала, что онъ ее спасъ отъ змія. Царь обрадовался, увидавъ свою дочь живою, и въ награду, за спасеніе своей дочери, обѣщалъ Дѣвкину сыну отдать за него дочь, а въ приданое дать полцарства. Назначили и день свадьбы.

Когда узналъ объ этомъ Дивій мужъ, далъ Ивану-царевичу волшебное колесо и гусли, велѣлъ ему одѣться старикомъ и идти въ заповѣдный лугъ, который находился недалеко отъ царства. При посредствѣ волшебнаго колеса, Иванъ-царевичъ выстроилъ золотой дворецъ и сталъ играть на гусляхъ волшебныя пѣсни.

Услыхала эти пѣсни царевна и посылаетъ свою няньку узнать: кто такъ хорошо играетъ.

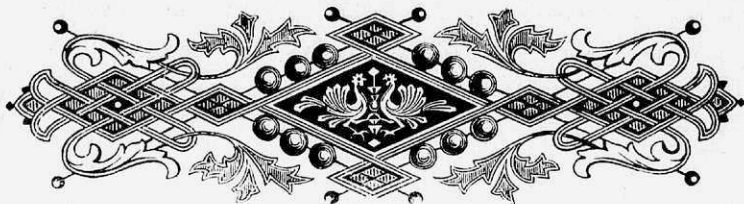
Нянька пришла въ заповѣдный лугъ и увидала золотой дворецъ. Вошла она во дворецъ — во всѣхъ комнатахъ благоуханіе, изъ первой комнаты прошла во вторую, потомъ въ третью — никого нѣтъ. Наконецъ, въ послѣдней комнатѣ увидѣла прекраснаго юношу, играющаго на гусляхъ, и такъ заслушалась его пѣсенъ, что не могла сойти съ мѣста.

Между тѣмъ, царевна ждала, ждала, не могла дожждаться няньки. Посылаетъ она другую и та также не возвратилась. Не вытерпѣла царевна и пошла сама. Приходитъ во дворецъ, видитъ няньки ея сидитъ а прекрасный юноша играетъ на гусляхъ. Царевна тотчасъ же узнала въ немъ своего избавителя отъ змія, подошла къ нему и просила идти съ ней

къ царю. Иванъ-Царевичъ и пошелъ. Пришли они къ царю и она рассказала, какъ онъ ее избавилъ отъ змія, а равно и о томъ, какъ Дѣвкинъ сынъ хотѣлъ ее зарѣзать. Царь такъ рассердился, что велѣлъ тотчасъ же отрубить голову Дѣвкину сыну, а Ивана-царевича женилъ на своей дочери.

Записано въ Вологодской губ. въ Великомъ Устюгѣ.

Елена прекрасная *).

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы не живемъ, жилъ былъ царь съ царицей, а у нихъ была дочь Елена Прекрасная. Она была хороша, только въ томъ бѣда, — много башмаковъ изнашивала. Елена прекрасная каждую ночь уходила, потому и башмаковъ много изнашивала, а уходила она за тридевять земель въ тридесятое царство къ одному любовнику, и никто не могъ ее замѣтить.

*) Записано Н. А. Иваницкимъ (Смотри «Материалы по этнографіи Вологодской губ.»).

Однажды царь сдѣлалъ заявленіе во всемъ своемъ царствѣ: не выищется ли такой человѣкъ, который усмотритъ, куда его дочь уходитъ? И вотъ нашелся одинъ пастухъ; приходитъ къ царю и говоритъ ему: ваше царское величество! я слышалъ ваше великое слово, будто бы ходитъ дочь ваша неизвѣстно куда, и никто усмотрѣть не можетъ. И это дѣло могу разузнать — куда она ходитъ.

Отвѣчаетъ ему царь: ежели вы узнаете, то я за васъ ее замужъ отдамъ.

Наступаетъ вечеръ. Угостившись, пастухъ легъ отдохнуть на диванъ одной залы, но прикинулся нарочно, будто заснулъ. Вдругъ приходитъ Елена прекрасная и говоритъ: прощай, мой другъ, я ужъ пошла, а ты едва ли не проспичи здѣсь на диванѣ. Пастухъ же, вставши, пошелъ за нею вельдъ. Долго они шли и дошли до лѣсу съ мѣднымъ листьемъ; пастухъ взявши сорвалъ одинъ листокъ и положилъ въ карманъ. Не далеко отошли еще и увидалъ пастухъ въ сторонѣ лѣса дерутся два чертенка. Подходить онъ къ нимъ и говоритъ: что, ребята, объ чемъ деретесь? — Дѣлимъ послѣ дѣда-прадѣда сапоги скороходы и не можемъ раздѣлить. — Такъ давайте, я вамъ раздѣлю? — Раздѣли пожалуйста! — А вотъ бѣгите въ лѣсъ, — который скорѣе листье сосчитаетъ, того и сапоги. Черти побѣжали въ лѣсъ считать листье, а онъ взялъ, надѣлъ сапоги и ушелъ. Черти и сейчасъ бѣгаютъ.

Вотъ доходятъ они до лѣсу съ серебрянымъ листьемъ. Пастухъ, взявши, сорвалъ листочекъ, опять положилъ въ карманъ и опять увидѣлъ — въ сторонѣ лѣса два чертенка дерутся. Пошелъ къ нимъ. — Ну что, ребята, объ чемъ де-

ретесь? — Объ томъ, что послѣ дѣда-прадѣда дѣлимъ шляпу-невидимку и не можемъ раздѣлить. — Давайте, я раздѣлю. Бѣгите въ лѣсъ, считайте листьѣ; который скорѣе сосчитаетъ, того и шляпа. — Черти убѣждали, а онъ надѣлъ шляпу и пошелъ рядомъ съ Еленой прекрасной.

Дошли они до лѣсу съ золотымъ листьѣмъ. Взялъ онъ, сорвалъ листокъ и опять положилъ въ карманъ. И увидѣлъ въ сторонѣ лѣсу дерутся два чертенка, подошелъ къ нимъ и спрашиваетъ: что вы, ребята, дѣлаете? — Дѣлимъ послѣ дѣда-прадѣда саблю-саморубку, не можемъ раздѣлить. — Давайте, я вамъ раздѣлю. — Раздѣли, братъ, пожалуйста. — Бѣгите въ лѣсъ, считайте листьѣ, который скорѣе сосчитаетъ, того и сабля. Взявши пастухъ саблю и отправился впередъ.

Пришли они къ ея любовнику. Этотъ сейчасъ ее принялъ, посадилъ за столъ и началъ угощать водкой, а пастухъ въ шляпѣ невидимкѣ сѣлъ съ нею рядомъ. Они занялись разнымъ разговоромъ. Налилъ любовникъ рюмку водки и потчуетъ свою любовницу, она отставила рюмку. Пастухъ взявши рюмку и выпилъ. Любовникъ опять сталъ потчивать: ну что же душечка, выкушайте рюмочку! Она взявши рюмку: ахъ, вы потчуете гостей простой рюмкой! — Да какъ же, я ее наливалъ! — Нѣтъ, должно быть не налили.

Посидѣли такъ, поразговаривали, и стала Елена прекрасная собираться домой, отблагодарила за хлѣбъ за соль и за угощеніе и отправилась въ путь. Пошелъ за ней и пастухъ.

Вышли изъ того царства вонъ; — пастухъ пошелъ вне-

редъ, пришелъ во дворецъ и легъ опять на тотъ диванъ, на которомъ спалъ раньше.

Является Елена прекрасная, подходитъ къ нему. А, душа моя, что-то высмотрѣлъ? Кажется, что проспалъ! — Раздѣвшись, она также легла спать.

Вставши утромъ рано, царь призываетъ къ себѣ пастуха. Является пастухъ. — Ну, что же, братъ, высмотрѣлъ, куда ходить моя дочь? — Высмотрѣлъ. — Въ это время и дочь является передъ родителя. — Ну вотъ, дочь моя, теперече узнали, куда ты ходишь! — Не можетъ быть, чтобы могъ кто усмотрѣть. — И спрашиваетъ она пастуха: ну скажи, братъ, коли усмотрѣлъ, какими мѣстами я шла? — Пастухъ вынимаетъ изъ кармана мѣдный листокъ и говоритъ: ну вотъ шла такимъ лѣсомъ, потомъ подалъ серебряный и золотой. — Ну еще когда вы были у своего любовника и потчивалъ онъ васъ водкой, вы взяли простую рюмку, потому что налитую я выпилъ. — Ну, братъ, молодецъ.

Царь выдалъ за пастуха свою дочь. Прожили они мѣсяцъ — другой. Вотъ однажды легли они спать и говоритъ Елена прекрасная своему мужу: — Супругъ мой любезный! Расскажи, какимъ вы способомъ могли въ то время усмотрѣть, что я ходила за тридцать земель въ тридцатое царство? — Такимъ способомъ, что я самъ за вами ходилъ.

И написавши она къ старому любовнику письмо, чтобы явился онъ со всѣмъ своимъ войскомъ и выручилъ бы ее изъ объятій немилаго мужа. Старый любовникъ, прочитавши письмо и очень сожалѣя о томъ, въ зависти собралъ многочисленное войско и подступилъ подъ городъ. Пастухъ, узнавши объ этомъ, много не сомнѣвался, надѣлъ на себя

сапоги скороходы, шляпу невидимку, взял саблю саморубку, устремился на неприятельскія войска и вскорѣ побилъ до единого воина, едва только могъ спастись одинъ любовникъ. И возвратился пастухъ домой цѣлъ и невредимъ.

Опять зажилъ онъ въ лучшемъ видѣ и проживши послѣ того много времени благополучно. И былъ онъ одинъ разъ въ веселомъ видѣ и стала его спрашивать жена: скажите пожалуйста, супругъ мой любезный, какимъ способомъ могли вы побѣдить короля? — Онъ ей и разсказалъ: я имѣю сапоги скороходы, шапку невидимку, саблю саморубку, — хошь миллионъ воиновъ, и то могу побить. Тогда Елена прекрасная, взявши тѣ драгоцѣнныя вещи и ушла ночью. Пастухъ просыпается утромъ рано и не видитъ своей супруги; хватился своихъ драгоцѣнныхъ вещей — и ихъ также не было. Пошелъ, разсказалъ своему тестю о побѣгѣ его дочери и своей жены. Потужили, погоревали; да дѣлать было нечего.

И вставши пастухъ по одно утро, простился со своимъ тестемъ и пошелъ знакомой дорогой. Идетъ онъ мѣднымъ лѣсомъ и схватили его черти на дорогѣ. — Эй, стой, братъ! теперече отъ насъ не уйдешь! — Вотъ что, братцы! оставьте меня живаго, потому что я вашихъ вещей не имѣю; ими владѣть одинъ король; я пошелъ за ними, только не знаю, какъ ихъ достать. — Ступай, братъ, мы тебя научимъ. Когда придешь ты туда, подкупи одну дѣвку, а самъ тряпнись объ землю и превратишься лошадыю; увидаетъ тебя король, велитъ поймать, а Елена прекрасная велитъ тебя изрубить. Когда тебя станутъ рубить, эта бы дѣвка взяла одинъ кусокъ и зарыла бы противъ дворца, тогда ты пре-

вратишься въ яблонь. Эту яблонь Елена прекрасная прикажетъ срубить. Какъ станутъ рубить, также первую щепку вели взять и бросить въ прудъ. Только дѣвка въ прудъ бросить, какъ ты превратишься лебедью. Король увидаетъ тебя, начнетъ имать, раздѣнется нагой, поплыветъ за тобой въ прудъ, ты въ то время вылети, тряпнись объ землю, превратишься по прежнему въ человѣка и возьмишь эти драгоцѣнныя вещи, потому король постоянно на себѣ ихъ носить, а тутъ оставить на берегу.

Приходитъ онъ въ то царство, нашелъ и подкупилъ одну дѣвку горничную, чтобы она за нимъ слѣдила. Взявши, тряпнулся объ землю, превратился прекраснѣйшею лошадыю и давай бѣгать мимо дворца. Увидавши, король приказалъ поймать. Поймали лошадь и заперли въ конюшню. Елена прекрасная говоритъ: лошадь эта не даромъ! я ее приказываю изрубить! — Жалко было королю лошади, да дѣлать нечего, изрубили лошадь. На другой день король, вставши поутру рано, увидалъ презрядную яблонь и сказалъ о томъ Еленѣ прекрасной. Та, выслушавши его рѣчь, приказываетъ срубить яблонь и сожечь, а пенель развѣять на вѣтеръ. Срубили яблонь. Какъ первая щепка отлетѣла, взявши эта дѣвка приступила ногою, никто не замѣтилъ. И бросила ее въ прудъ. Яблонь сожгли, пенель развѣяли по вѣтру.

На другой день король пошелъ прогуливаться въ садъ и увидалъ — на прудѣ плавала лебедь. Подошелъ къ ней такъ близко, что только бы въ руки взять. Лебедь поотплыла на другое мѣсто. Король опять подошелъ, хотеть схватить — лебедь опять отплыла. До того королю влекательно было поймать лебедь, что онъ раздѣлся и поплылъ за нею въ прудъ. Лебедь отъ него все далѣе и далѣе.

Когда король отплылъ далеко отъ берегу, лебедь стрепенулась и вылетѣла на берегъ, тряпнулася объ землю и сдѣлалась по прежнему добрымъ молодцомъ. Молодецъ взялъ, надѣлъ на себя сапоги скороходы, шляпу невидимку и саблю саморубку, короля этого убилъ, а самъ отправился во дворецъ къ Еленѣ прекрасной.

Та, увидавши его, очень испугалась. — Супруга моя любезная, не пугайтесь, я пришелъ за вами. — Елена прекрасная собралась и отправилась со своимъ супругомъ на родину. Прибыли они къ своему отцу и пастухъ представилъ ему дочь его, а свою супругу. Съ того времени сталъ пастухъ жить да поживать, да дѣтей наживать. Елена прекрасная не стала болѣе отъ него уходить, стала его любить.

Иванъ премудрый. *)

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ у царя былъ сынъ Иванъ царевичъ. И какъ только онъ сталъ въ совершенныхъ лѣтахъ, сталъ онъ у папеньки проситься невѣсту искать. Поѣхалъ. Приѣзжаетъ къ королю; у него три дочери, у этого короля. А ужъ королю такъ хотѣлось, чтобъ Иванъ царевичъ взялъ которую-нибудь дочь; съ такой радостью его встрѣчаетъ. Всѣ такъ рады, кушать сѣли. Иванъ царевичъ и говоритъ своему дядькѣ: «дядька, поди

*) Записано Н. А. Иванцкимъ (Смотри «Материалы по этнографіи Вологодской губ.»).

узнай, гдѣ у королевень спальни!» Дядька сходилъ, узналъ. Кончился ужинъ. Поѣхалъ Иванъ царевичъ съ дядькой. «Какъ бы, говоритъ, подслушать, что обо мнѣ будутъ говорить!» Подвелъ дядька Ивана царевича къ ихъ спальнѣ.

Сошлись въ эту спальню все три королевны и радуются. «Ахъ, какъ бы меня Иванъ царевичъ взялъ, я бы изъ одной рученочки напяла бы сорочку и порты». А другая говоритъ: «ахъ, какъ бы меня Иванъ царевичъ взялъ, я бы изъ одной мочечки напяла бы сорочку и порты». — Третья и говоритъ: «нашли же вы чѣмъ хвалиться! Какъ бы меня взялъ Иванъ царевичъ, я бы ему шесть сыновей родила, а седьмого Ивана премудраго, по локти ручки въ золотѣ, по колѣни ноги въ серебрѣ и на каждомъ волоскѣ по жемчуженкѣ». — Иванъ царевичъ и говоритъ: дядька слышишь, что онѣ говорятъ?.. Теперь, говоритъ, я сватать буду.

Поутру приходитъ къ королю. «Мнѣ, говоритъ, большая ваша дочь очень нравится». Царь такъ радъ; у царей не брагу варить, не вино курить, все готово; съиграли свадьбу. Попировали съ недѣлю. Онъ и говоритъ: «что-жь, душечка, ты общала изъ одной рученочки напясть сорочку и порты?» Развѣ это можно?!.. Мало ли что въ дѣвицахъ говорится! — Онъ взялъ ее въ монастырь отправилъ; сватаетъ другую. Король отдалъ. Опять попиrowали; онъ и говоритъ: «ну, что-жь, душечка, ты общала изъ одной моченочки напясть сорочку и порты?» — Можно ли это сдѣлать? Мало ли что въ дѣвицахъ говорится! — Ну, онъ и эту въ монастырь отправилъ. Меньшую сватаетъ, послѣднюю дочь беретъ. Поѣхалъ съ этой къ своимъ родителямъ.

Приѣхали домой, живутъ прекрасно, такъ хорошо. А тѣ сестры ее ненавидятъ: «мы, говорятъ, по недѣлѣ только

жили, а она годъ. Все силы употребимъ, да ее истребимъ». Такъ она годъ прожила, стала беременна. Тѣ злятся, а во дворецъ не смѣютъ взойти при царѣ. Государь уѣхалъ, онѣ приѣзжаютъ къ ней... «Ахъ, милая сестрица! теперь вы въ тягости, надо вамъ хорошую бабушку... Здѣсь все скверныя; такая у насъ есть знакомая славная, и боли не будешь чувствовать.» Повѣрила она сестрамъ. «Милыя сестрицы! сдѣлайте милость, пришлите.» А у нихъ волшебница знакомая-то. Вотъ эта волшебница къ ней приходитъ, дала ей порошка выпить, та безъ памяти и стала, родила двухъ сыновьевъ по локти ручки въ золотѣ, по колѣни ножки въ серебрѣ; на каждомъ волоскѣ по жемчужинкѣ. Волшебница взяла этихъ дѣтей къ себѣ, а вмѣсто нихъ понесла къ царю котенка да кутенка. «Что это ты принесла? Хотѣла бы простаго ребенка!» — Что-жь, батюшка, что родится, то и годится. — Государыня узнала, плакала, плакала. Государь долго сердился, долго его уговаривали. Наконецъ простилъ ее, страшно онъ любилъ ее; и все въ государствѣ ее любили...

Черезъ нѣсколько времени она опять забеременѣла. Сестрицы еще больше ее ненавидятъ, что онъ опять съ ней живетъ. Какъ государя нѣтъ, онѣ опять приѣзжаютъ; такъ-такъ съ ней ласковы... «Вѣдь, ты тогда хорошо родила?» — Хорошо, говоритъ, никакой боли не чувствовала. — «Ну, мы тебѣ опять эту бабушку доставимъ!» — Я ужъ, не знаю... «Нѣтъ, нѣтъ, непременно; мѣнять не годится...» Опять эта волшебница приѣхала, дала ей порошка, она и заснула... Во снѣ родила двухъ сыновьевъ по локоть руки въ золотѣ, по колѣни ножки въ серебрѣ, на каждомъ волоскѣ по жемчужинкѣ; спрятала ихъ къ себѣ, положила лягушеночка да мышеночка... Опомнилась она. «Ну, что, говоритъ, кто у меня родился?..» Лягушеночекъ да мышеночекъ!.. «Ахъ, бабушка,

милая! не родилъ ли кто нибудь въ нашемъ царствѣ, вмѣсто моихъ дѣтей бы взять?—«Какъ можно, какъ можно?»—Вымыла, понесла къ царю.—Что ты еще принесла?—«Лягушеночка да мышеночка.»—Старая корзина! Зачѣмъ тебя несешь?—«Показать. батюшка, показать!» Такъ эта царица плакала, плакала... Пріѣзжаютъ генеральши, сенаторши... Вы бы, говорить, бабуку перемѣнили...» Да мнѣ, говорить, сестрицы рекомендуютъ... «Да они васъ ненавидятъ.» Государя уговаривали, уговаривали... Государь опять простилъ ее; стала она выходить...

Черезъ нѣсколько времени она опять забеременѣла. «Хоть бы Господи далъ простаго ребенка!»—Опять ей эти сестры ту бабуку навялили, она положила вмѣсто дѣтей головню да звѣрка какого-то. «Бабушка! что у меня родилось?»—«Головня, матушка, головня!»—«Ахъ, Господи!..» Ну что-жь?.. Что родится, то и годится... Долго царь гнѣвался, въ послѣдній разъ простилъ... Вотъ она опять забеременѣла, родила Ивана премудраго... Ее вмѣстѣ съ этимъ Иваномъ премудрымъ засмолили, пустили по водѣ...

Растетъ Иванъ премудрый въ бочкѣ не по днямъ, а по часамъ; ужъ такой премудрый, такой умный. Потянулся, ударилъ въ дно, дно вылетѣло. Вышли на островъ. Ходятъ они по острову, вѣтеръ поднялся такой холодный... «Какъ, говорить, я озябла!»—Сейчасъ онъ огня досталъ, зажегъ... Вы, говорить, погрѣйтесь; а я пойду въ лѣсокъ, птички — звѣра поймать. Шелъ озеромъ, шелъ лугомъ, шелъ дальше, и видитъ—кеleyка. Взошелъ: нѣтъ никого, сейчасъ сталъ искать пропитанія; посмотрѣлъ въ печкѣ, нѣтъ ничего... «Постой, я подъ печку спрячусь!» — Залѣзъ, спитъ подъ печкой... Входитъ старикъ съдой, сълъ на лавку, взялъ ду-

бинку, ударилъ о земь. «Дубинка, развернись!» Сейчасъ откуда ни возмись кушанья-напитки... «Вотъ какъ бы мнѣ эту дубинку!»—Старикъ наѣлся, напился, поставилъ дубинку въ уголокъ, легъ спать, захрапѣлъ, спитъ крѣпкимъ сномъ. А Иванъ премудрый вышелъ, взялъ дубинку, бѣжитъ домой... Бѣжитъ назавѣтъ же озеромъ, лугомъ. Идетъ мужичекъ... «Что ты несешь?»—Топоръ!.. Захочешь домъ построить, сейчасъ будетъ... А Иванъ премудрый дубинку ему показалъ... «Давай мѣняйся!» Поменялись. Старикъ идетъ шибко съ этой дубинкой. Иванъ царевичъ и говоритъ: «топоръ! нельзя ли у старика этаго отнять мою дубинку.»—Какъ, говорить, нельзя? Можно! Полетѣлъ топоръ, отнялъ у старика дубинку.

Приходитъ Иванъ премудрый къ матери съ топоромъ и съ дубинкой, рассказываетъ матери. Мать такъ рада, молится Богу. Ложится Иванъ премудрый спать, приказываетъ топоръ и дубинкѣ, чтобы выстроили дворецъ точь-въ-точь такой, какъ у папеньки. Утромъ просыпается во дворцѣ; прислуга готова, и все такъ, какъ у папеньки во дворцѣ. Они только дивятся. На другую ночь ложится Иванъ премудрый спать, приказываетъ, чтобъ къ утру на островѣ была пристань готова... Встаетъ поутру; все готово.

На другой день плыветъ мимо острова корабль, и купцы дивятся: «птица тутъ не пролетала, теперь дворецъ стоитъ.» Иванъ премудрый выходитъ на пристань. «Господа купцы, пожалуйста!»—А купцы дивятся, идутъ съ нимъ къ нему во дворецъ; онъ ихъ угостилъ, спрашиваетъ: «куда вы ѣдете и съ какими товарами?»—Идемъ мы въ Россію съ такими-то товарами; да вотъ, говорятъ, приказалъ намъ государь

достать соболевъ, куницъ и лисицъ. «Да у меня, говорить, есть!»—Легли спать. Иванъ премудрый и приказываетъ топоръ и дубинкѣ, чтобъ самые лучшіе были соболи, куницы и лисицы. Утромъ всталъ Иванъ премудрый, чай стали пить. Послѣ чаю онъ и говоритъ: «ну господа купцы! пойдѣмте въ кабинетъ смотрѣть звѣрей». — Пошли, только дивятся эти купцы. «Покупывали, говорятъ, и мы много, а такихъ не видали. Какъ, говорятъ, ваше имя и отчество?» — Иванъ Ивановичъ, говорятъ: я здѣсь съ маменькой живу. — И спрашиваютъ у него: «какже, говорятъ, цѣна?» — Я, говорить, вамъ такъ дарю, только доведите меня до вашего государства.

Пробыли они у него еще сутки, поѣхали; и онъ съ ними. Корабль, какъ птица, летитъ; бывало двѣ недѣли ѣхалъ, а теперь двои сутки... Пріѣхали; онъ распростился, ушелъ отъ нихъ... Самъ оборотился мушкой, сѣлъ на правое плечо къ этимъ купцамъ-то; сидитъ. Приходятъ они къ государю. «Не прикажите, говорятъ, насъ казнить, прикажите слово говорить.» — Говори, говори! — На морѣ на островѣ матушка съ сыномъ живетъ, съ Иваномъ Ивановичемъ. И у нихъ вотъ эдакой-же дворецъ, какъ у васъ. Мы, говорить, трои сутокъ тамъ выжили; такіе они благородные, ловкіе... Господа купцы! заворачивайте корабли, поѣдѣмте! — Тетки тотчасъ выскочили. «Ахъ, что вы слушаете мужика простого, деревенскаго... Поѣдѣмте лучше съ нами за море; у насъ тамъ коты заморскіе!» — Хорошо, говорить, завтра! — Купцы подарили государю этихъ звѣрей, ушли домой... Иванъ премудрый и говоритъ: «топоръ-дубинка! чтобъ былъ я дома!» Сейчас перенесли его домой; ложится онъ спать. «Топоръ и дубинка! чтобъ завтра у меня были тѣ коты заморскіе!»

На другой день опять идетъ корабль мимо острова. «Го-

спода купцы! пожалуйста ко мнѣ!» — Тѣ боятся: не было ничего, а тутъ все явилось... Зазвалъ онъ ихъ, угостилъ: они все дивятся на дворецъ, на котовъ заморскихъ: шерсть такъ на нихъ и стелется... Также и эти купцы трои сутки прожили, далъ онъ имъ соболей, лисицъ, куницъ еще лучше прежнихъ и поѣхалъ съ ними. Поплыли; тишина такая на морѣ, а корабль какъ птица летитъ... Купцы и думаютъ: «это, говорятъ, ангелъ, а не человѣкъ; святой, да и только». Пріѣзжаетъ съ ними Иванъ премудрый, простился съ ними, оборотился мушкой, сѣлъ на голову купцу. Пошли купцы къ государю, приносятъ соболей, лисицъ, куницъ еще лучше того. Дивится царь. Купцы и говорятъ: «на островѣ на морѣ стоитъ дворецъ такой же какъ у васъ; и коты у нихъ есть заморскіе. Стоитъ посмотрѣть!» Господа купцы, заворачивайте корабли, поѣдѣмте на островъ. — Опять эти тетки говорятъ: «ахъ, что это вы всякаго бородача слушаете! Поѣдѣмте лучше съ нами: въ саду у тетюшки есть птицы райскія, поютъ пѣсни царскія.» Покорно благодарю! Тогда говорить, ѣздили смотрѣть котовъ заморскихъ, да ничего не видали!... «Ну, тѣ могли убѣждать, а птички не убѣгутъ никуда! Поѣдѣмте лучше съ нами...» «Ну, хорошо, говорить... Пошли купцы домой. Иванъ премудрый и говоритъ: «топоръ и дубинка! чтобъ быть мнѣ у маменьки.» Перенесли его на островъ; ложится онъ спать. «Топоръ и дубинка! чтобъ были у меня завтра птицы райскія, пѣли пѣсни царскія.» — Просыпается утромъ, слышитъ: прелесть музыка. Слушали, слушали.

Потомъ опять плыветъ мимо острова третій корабль. Опять Иванъ царевичъ зазвалъ купцовъ, далъ имъ соболей, куницъ, лисицъ. Прожили они у него трои сутки, поѣхали; и онъ съ ними. Корабль, какъ птица, летитъ... Пріѣхали;

онъ простился, пошелъ отъ нихъ; потомъ обратился мухой, сѣлъ къ купцу на голову. Приходятъ купцы къ государю, подаютъ лисицъ, куницъ, соболей. Царь и говоритъ: «вотъ такъ соболи! прелесть!» Это ли, говорятъ, мы видали! На морѣ на островѣ стоитъ дворецъ точно такой, какъ вашъ; живетъ въ немъ барыня съ сыномъ, Иванъ Ивановичъ. У нихъ и коты заморскіе, и птички райскія поютъ пѣсни царскія... «Ахъ, купцы, заворачивайте корабли; я съ вами поѣду!»—Опять эти теткі: «ахъ какъ вы малодушны! Поѣдьте лучше съ нами: у насъ есть шесть сыновей, что ясныхъ соколовъ по локоть ручки въ золотѣ, по колѣно ноги въ серебрѣ, на каждомъ волоскѣ по жемчужинѣ; они ужъ не могутъ пропасть, ихъ только въ полдни выпускаютъ на два часа.»—Царь и задумался про своихъ сыновей. «Хорошо, говоритъ, поѣдемъ.» Пошли купцы домой. А Иванъ премудрый какъ ударить жаломъ одну въ глазъ, другую въ голову... «Ахъ, говоритъ, мнѣ въ голову ударило!...» Кровь побѣжала, завязала платкомъ. А Иванъ премудрый обратился мухой, полетѣлъ домой.

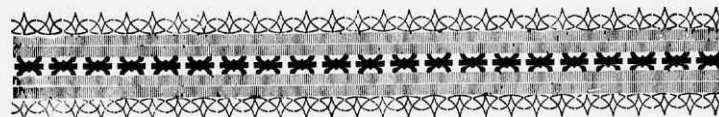
«Ну, маменька! напеките мнѣ шесть лепешекъ къ завтраму.» Вотъ она напекла ему шесть лепешекъ. Онъ и говоритъ: «топоръ и дубинка! чтобъ быть мнѣ тамъ въ самый полдень.» Принесли его туда; эта волшебница выпустила всѣхъ шестерыхъ. Ужъ они бѣжали, бѣжали... По локти ручки въ золотѣ, по колѣна ножки въ серебрѣ, на каждомъ волоскѣ по жемчужинкѣ. Бросилъ онъ имъ одну лепешечку, потомъ другую, третью, всѣ... Они схватили, стали ѣсть. «Ахъ, говорятъ, какія вкусныя, прекрасныя, точно маменькины ручки пекли.» Увидали братца... Спрячась, говорятъ, поскорѣе! А эта волшебница и говоритъ: «а, Иванъ пре-

мудрый! и ты ко мнѣ захотѣлъ.»—Онъ и говоритъ: «топоръ и дубинка! порубите ее на мелкія части, побросайте все въ воду!»—Изрубили ее, побросали въ воду... Такъ всѣ братья рады, что избавились отъ этой волшебницы. «Топоръ и дубинка! чтобъ быть намъ около своего дому.» Тотчасъ всѣ они очутились около своего дому. Вышла мать; всѣхъ ихъ узнала. Они всѣ упали на колѣни: «маменька, маменька!»—Благодарите, говоритъ, меньшого... А государь туда къ нимъ и не ѣздилъ: одна тетка кривая, у другой голова распухла, какъ пивной котелъ.

Опять ѣдутъ купцы корабельщики; такъ удивляются. Выходитъ Иванъ премудрый, зазываетъ ихъ. «Пожалуйте!»—Братья людей-то не видали, удивляются... А купцы еще больше на нихъ смотрятъ. Пробыли три дня, приѣзжаютъ къ государю. «Ахъ, батюшка, ваше царское величество! На морѣ на островѣ дворецъ точно такой же какъ вашъ, и живутъ въ немъ шесть братьевъ, по локоть ручки въ золотѣ, по колѣно ножки въ серебрѣ, на каждомъ волоскѣ по жемчужинѣ; а седьмой братъ—Иванъ премудрый. Есть тамъ и коты заморскіе, и птицы райскія поютъ пѣсни царскія.» Ахъ, братцы, заворачивайте корабли, поѣдьте!—А тетокъ ужъ тутъ вѣтъ, лежатъ въ постели... Поѣхали.

Черезъ недѣлю приѣзжаютъ къ этому острову. Царь самъ удивляется... Выходитъ къ нему навстрѣчу Иванъ премудрый съ братьями съ маменькой... Царь палъ на колѣни, съ радости заплакалъ... И послалъ царь тотчасъ указъ, чтобъ и духу ихъ (тетокъ-то) не было. Приѣхалъ государь обратно. Вышли его встрѣчать весь городъ, сенаторы; и ее подъ ручки повели... Иванъ премудрый и говоритъ: топоръ

и дубинка! чтобъ все здѣсь было: и птицы райскія и коты заморскіе!—Сколько было радости и народу удивленье на эти рѣдкости и на царскихъ дѣтей!

Настасья прекрасная.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы не живемъ, жилъ былъ царь, а у этого царя были сынъ да дочь: сынъ—Иванъ царевичъ, дочь—Марья царевна. И былъ у этого царя кругъ дворца прекраснѣйшій садъ; въ этомъ саду бесѣдка, а у бесѣдки стоялъ на часахъ одинъ солдатикъ, очень красивый собой. И ходила въ этотъ садъ прогуливаться одна генеральская дочь. Влюбилась она въ этого солдатика; постоянно придетъ къ нему, посидитъ, поразговариваетъ и отправится домой. Царь это дѣло смѣтилъ, приходитъ къ солдату и говоритъ:—Слушай, служивый! должно быть, тебя любить эта генеральша?—Точно такъ, ваше царское величество, у насъ съ нею любовь происходитъ третій годъ.

Однажды царь прогуливался въ саду и явилась тутъ генеральша. Захотѣлось царю склонить ее къ себѣ въ любовницы, но она ни на что не соглашается. Царь разсердился на нее и говорить:—Ахъ ты, подлая! солдату.....!—Какъ, я солдату.....?—Сейчасъ отправилась къ солдату; приходитъ и говоритъ ему:—Что же, служивый, вы какими словами похвалаетесь, будто я вамъ.....? Солдатъ очень испугался, да отъ робости и сказалъ:—Да какъ же не...? Конечно!—Ну такъ хорошо! Сейчасъ отправилась домой и обсказала своему родителю. Тотъ приказалъ посадить солдата въ темницу. А была въ него давно влюблена Марья-царевна, но не могла найти способа съ нимъ сблизиться. Теперь же нашла легчайшій способъ: сдѣлала къ солдату подземный ходъ и стала ходить каждый день. Солдату отлично стало жить, только что не на волѣ.

Вотъ вздумалось царю женить своего сына. Стали свататься за тридцать земель въ тридесятое царство къ Настасѣ прекрасной и та была согласна идти за царевича съ тѣмъ только, чтобы онъ отгадалъ одну загадку. Прислала она въ чемоданѣ саблю и нужно было отгадать: въ какомъ концѣ носокъ и въ какомъ рукоятка.

Приходитъ Марья-царевна къ солдату и обсказываетъ ему объ этомъ дѣлѣ. Солдатъ говоритъ ей: простая штука отгадать: опустите чемоданъ въ молоко; въ какомъ концѣ рукоятка, тотъ и повернется кверху, такъ и отпишите, будетъ вѣрно. Опустили чемоданъ въ молоко,—вѣрно, сбилось по-солдатову. Отписали туда обратно. И присылаютъ опять оттуда 12-ть голубей, и нужно узнать, который изъ нихъ старшій; голуби были сизые.

Марья царевна приходитъ къ солдату и говоритъ ему:

опять пришла загадка; 12-ть голубей и нужно узнать, который изъ нихъ старшій. Солдатъ отвѣчаетъ: насыпьте пшеницы и пустите голубей; всѣ голуби будутъ клевать, а одинъ меньше; онъ будетъ ходить да ворковать кругъ ихъ, такъ вы его и замѣтите; будетъ вѣрно. Замѣтили голубя, отправили обратно, вдругъ оттуда нисѣмо, чтобы самъ Иванъ царевичъ прїѣзжалъ. Иванъ царевичъ собрался въ путь и отправился.—Приходитъ Марья царевна къ солдату и говорить:—у насъ отправился далеко братецъ Иванъ. Отвѣчаетъ ей солдатъ:

— Ежели меня не будетъ тамъ, такъ ему не воротиться домой.—Ахъ! какъ же такъ! поѣзжай туда, я тебя отсюда выпущу...

Вышелъ солдатъ изъ темницы. Дала ему Марья царевна денегъ на дорогу; солдатъ купилъ себѣ приличное платье, пошелъ по кабакамъ и набралъ себѣ 12-ть пьяницъ. Пьяницы и говорятъ:—Что прикажите дѣлать?—

—Что дѣлать? ничего, только вино пить.

—Ахъ, братъ, житье важное!

Отправились въ путь дорогу. Много ли, мало ли отошли они мѣста, только солдатъ увидалъ: дерутся на дорогѣ два чертенка, дѣлать послѣ дѣда прадѣда шляпу-невидимку и не могутъ раздѣлить. Солдатъ подошелъ къ нимъ и говоритъ: полноте вамъ драться, давайте, я вамъ раздѣлю.—Раздѣли, братъ, пожалуйста! Солдатъ взялъ ружье, зарядилъ порохомъ.—Вотъ я хлопну, такъ бѣгите; который этихъ порошинокъ больше набираетъ, того и шляпа.—Хлопнулъ изъ ружья, черти побѣжали. Надѣлъ онъ шляпу-невидимку, пошелъ къ пьяницамъ и хлопнулъ одного шляпой. Пьяницы

начали драться. Солдатъ снялъ шляпу.—Ребята, что вы, тише! Пьяницы начали другъ на дружку жаловаться.

—Онъ мнѣ далъ оплеуху!—Другой: онъ мнѣ далъ оплеуху, вотъ и драться стали. Солдатъ угостилъ ихъ водкой.

Пошли далѣ. Опять на дорогѣ дерутся два чертенка. Солдатъ подошелъ къ нимъ.—Объ чемъ, ребята, деретесь?—Дѣлимъ скатерку-самоварку, два года не можемъ раздѣлить.—Давайте, я раздѣлю.—Раздѣли, братъ, пожалуйста. Солдатъ зарядилъ ружье, хлопнулъ изъ него.—Ну, ступайте, бѣгите, собирайте эти порошки, который скорые собираетъ, того и скатерть. Черти убѣжали, солдатъ взялъ скатерку и ушелъ къ своимъ товарищамъ. Раскинули скатерку. Всего стало довольно и водки и кушанья.

Опять пошли впередъ. Идутъ дорогой и опять солдатъ видитъ: дерутся два чертенка. Подходить къ нимъ.—Объ чемъ ребята деретесь? Вотъ дѣлимъ послѣ дѣда-прадѣда коверъ-самолетъ, три года не можемъ раздѣлить. Солдатъ зарядилъ ружье, хлопнулъ изъ него.—Бѣгите скорые, собирайте эти порошки, который скорый собираетъ, того и коверъ. Черти убѣжали, а солдатъ взялъ коверъ-самолетъ и отправился къ своимъ товарищамъ. Угостивши ихъ, раскинулъ коверъ. Сѣли они, полетѣли подобно изъ лука стрѣлѣ пущенной, сразу представились въ то царство, гдѣ была Настасья прекрасная, и спустились въ садъ.—Еще Ивана царевича и слуху не было. Солдатъ и говоритъ своимъ товарищамъ:—Слушайте, ребята, будутъ васъ спрашивать, такъ вы отвѣчайте, каждый про себя: я большой-набольшой. Вдругъ изъ дворца увидали, что прилетѣлъ женихъ на коврѣ по воздуху; сказали Настасьѣ прекрасной, та пошла встрѣ-

чать и говорить своимъ придворнымъ: однако, хитеръ женихъ!—Приходятъ туда и видятъ: все пьяны. Начали спрашивать: кто изъ васъ большой? Все въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: я большой-набольшой! такъ и не могла ничего добиться. Настасья прекрасная приказала принять ихъ во дворецъ: потомъ сама я узнаю, кто изъ нихъ старшой.

Пьяницы пришли во дворецъ, начали тамъ пировать, а Настасья прекрасная, приказала постлатъ въ комнату одну перину. Пьяницы уснули кто гдѣ, а солдатъ легъ на перину. Вдругъ ночью приходитъ Настасья, взяла и отстригнула у солдата уголь у жулетки а сама ушла.

Солдатъ, проснувшись и замѣтивъ это дѣло, взялъ у всехъ отстригъ углы у жулетокъ? Утромъ приходитъ Настасья прекрасная и спрашиваетъ: кто, господа у васъ большой. Пьяницы все въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: я большой, я большой! Приходитъ она къ солдату.—Вотъ онъ надъ вами большой! Тутъ пьяницы ее спросили: почему вы замѣчаете?—Я вѣчеръ вотъ уголь отстригла у жулетки. Пьяницы посмотрѣли: также и у нихъ нѣтъ угловъ.—Нѣтъ, это неправда; вотъ и у насъ угловъ нѣтъ. Настасья прекрасная видитъ: толку нѣтъ, приказала ихъ прогнать въ шею.

Солдатъ съ пьяницами отправился въ городъ и нанялъ квартиру. Вдругъ прѣхалъ Иванъ царевичъ. Началась пушечная пальба, по всему городу стало извѣстно, что прѣхалъ настоящій женихъ. Настасья прекрасная собралась и пошла встрѣчать со всемъ своимъ прислугамъ. Встрѣтили Ивана царевича, приняли во дворецъ и начали водить его по комнатамъ. Привели его въ одну комнату, въ которой между оконъ была рѣшетка вродѣ копій, а на каждомъ

копѣй чловѣчья голова. Вотъ и говоритъ Настасья Ивану царевичу: Иванъ царевичъ! вы двѣ загадки отгадали, такъ я согласна идти за васъ замужъ, только съ тѣмъ, что сошьете вы мнѣ платье подъ вѣнецъ такое точно, какое и я сошью, чтобы матерія одна была, ширина одна и длина и къ завтрашнему утру чтобы было готово.

Иванъ царевичъ пошелъ по портнымъ, по портнихамъ, только его дуракомъ называютъ: почему мы знаемъ, какое она сошьетъ!—Идетъ онъ городомъ со своимъ адъютантомъ; попадаетъ имъ на встрѣчу старуха.—Что бабушка, не знаешь ли какой нибудь портнихи или портного хорошаго!—Нѣтъ, родимые, не знаю; сходите, вотъ недавно прѣхали какіе то пьяницы, спросите у нихъ, они народъ дошлый, небось и знаютъ.—Иванъ царевичъ отправился на квартиру къ пьяницамъ, приходитъ туда, тамъ пѣсни, пляска, драка, что такое и сочиняется! И спрашалъ у нихъ: послушайте, господа! кто изъ васъ большой! Всѣ отвѣчаютъ; я большой, я большой? Царевичъ посмотрѣлъ и отправился обратно, вдругъ солдатъ выбѣгаетъ за нимъ.—Вамъ что угодно, Иванъ царевичъ?—Вотъ, что братъ, землякъ, не можете ли пожалуйста сошить платье: какое царевна шьетъ, такое и мнѣ нужно. Всѣхъ, обошелъ портныхъ, никто не берется.—Что жъ, я возьмусь и сдѣлаю, только подпишите треть царства. Царевичъ переговорилъ со своимъ адъютантомъ.—Ну хорошо, съ нашей стороны будетъ готово, только пожалуйста изготовьте къ завтрашнему утру. Царевичъ отправился къ себѣ на квартиру, а солдатъ надѣлъ шляпу невидимку и пошелъ во дворецъ. Пришелъ туда, гдѣ платье шилось, только что его кончили. Солдатъ сидитъ, вдругъ является Настасья. И приказала одной фрелинѣ надѣтъ. Та надѣла и прошла по полу.—Ну гдѣ ему дураку сошить такое платье!

Фрелина сняла платье, положила въ сундукъ, а Настасья прекрасная ушла. По уходу ея, солдатъ взялъ платье себѣ подъ пазуху и опять сѣлъ.—Черезъ нѣсколько времени хватились платья, а его нѣтъ; опять взяли скроили по той же мѣркѣ и съ той же матеріи давай шить скорѣй; сразу кончили.—Солдатъ отправился домой. Утромъ является царевичъ и спрашиваетъ: что, изготовили?—У меня готово, какъ у васъ?—У насъ тоже.—Ну, такъ пожалуйста документъ, Царевичъ подавъ документъ, а солдатъ ему платье.—Ступай, неси, только не кажи ей, пускай она напередъ свое покажетъ.

Царевичъ пришелъ къ Настасѣ прекрасной.

— Ну что же, изготовили?—У меня готово.

— Такъ покажите.—Нѣтъ, вы напередъ покажите, потомъ и я покажу.—Царевна надѣла платье и прошла по полу.—Ну вотъ у насъ какое! Царевичъ вынулъ свое—точно такое же.—Ну, Иванъ царевичъ, хитеръ, только кто у тебя хитричасть? Еще сдѣлай мнѣ башмаки, такіе же, какіе и я сдѣлаю. Иванъ царевичъ отвѣчаетъ: ну хорошо, приготовлю.

Распростившись съ Настасѣй прекрасной, отправился опять съ адъютантомъ по сапожнымъ мастерамъ, но не одинъ не берется.—Чортъ ее знаетъ, какіе она сошьетъ! Адъютантъ говоритъ царевичу: пойдемъ-ка опять къ пьяницамъ. Приходятъ къ пьяницамъ, спрашиваютъ большого,—всѣ въ одинъ голосъ: я большой, я большой! Солдатъ выходитъ опять къ Ивану царевичу.

— Что вамъ, Иванъ царевичъ нужно?—Да вотъ что: нужны башмаки, не можете-ли пожалуйста сдѣлать?—Отчего,

могу, только треть царства отпишете; приносите утре *) документъ—и получите башмаки.

Царевичъ отправился на квартиру; солдатъ пошелъ во дворецъ. Приходить туда, тамъ башмаки совсѣмъ сдѣлали, поставили въ шкафъ. Солдатъ взялъ ихъ и отправился. Тамъ послѣ него хватились башмаковъ—нѣтъ. Что же такое? Не чортъ-ли у насъ уносить? давай опять кроить и шить новые: сразу изготовили.

Царевичъ приходитъ утромъ, приносить солдату документъ на треть царства, отдаетъ, а солдатъ ему вручаетъ башмаки.

— Ступай, неси, только не кажи, напередъ пускай она свои покажетъ.

Приходить царевичъ во дворецъ.—Изготовили-ли?—У насъ готово.—Ну такъ покажите-ка!—Нѣтъ, вы свои напередъ покажите. Царевна вынула изъ шкапа башмаки.—Ну вотъ у насъ какіе!—Иванъ царевичъ вывязалъ изъ платка и подаль свои башмаки. Царевна посмотрѣла и сказала:—Ну, хитеръ Иванъ царевичъ, только не знаю кто у тебя хитричасть. Ну, теперь, когда сдѣлали башмаки, такъ сдѣлай то, что я сдѣлаю въ сегодняшнюю ночь.

Царевичъ пошелъ и задумался очень тяжело; и говорить своему адъютанту: ну тепериче куда пойдемъ?—Пойдемъ опять къ пьяницамъ, они не помогутъ-ли?

Приходить туда. Вышелъ къ нимъ солдатъ.

— Что вамъ требуется, Иванъ царевичъ?

*) Завтра.

— Да вотъ что: Настасья прекрасная приказала сдѣлать въ сегодняшнюю ночь то, что она сдѣлаетъ; не можете-ли какъ нибудь устроить?—Отчего не могу, только пожалуйста документъ на треть царства, приходите утре.

Царевичъ отправился на квартиру, а солдатъ во дворецъ. Только подходить ко дворцу и видѣть тройка коней; и выводить Настасью прекрасную завязанную платкомъ. Фрелины съ причетами садятъ ее въ карету, и солдатъ съ ней сѣлъ. Кучеръ повезъ неизвѣстно и куда, только подѣхали къ морю, гдѣ стояла шлюпка. Настасья прекрасная вышла, сѣла въ шлюпку, и солдатъ сѣлъ тоже, поѣхала на островъ, который недалеко былъ отъ берегу; пріѣхала на островъ, сѣла и давай причитать.—Ахъ, другъ мой, выйди, простися со мною въ послѣдній разъ. Вдругъ море заволновалось и вышелъ оттуда водяной царь, съ нею поздоровался, также прослезился.—Ну, прощай моя дорогая любовница, не видаться намъ будетъ никогда! Царь легъ къ ней на колѣни, она начала у него искать въ головѣ и выдернула золотой волосокъ. Солдатъ захватилъ за волосъ, цѣлую горсть вырвалъ. Царевна посидѣла со своимъ любовникомъ, простилась, сѣла въ шлюпку и поѣхала. Солдатъ также сѣлъ съ нею. Вдругъ видѣть: плывутъ въ морѣ два селезня. Царевна поймала одного, а другого солдатъ схватилъ, вышли они на берегъ, сѣли въ карету и поѣхали домой.

Встрѣтили царевну фрелины. Входить она въ залу въ веселомъ видѣ и солдатъ вошелъ съ нею, опустила селезня и приказала убрать какъ можно лучше. Взяли селезня, начали унизывать разными лоскуточками; солдатъ тоже сталъ украшать своего. Тѣ, убравши селезня, опустили на полъ; солдатъ посмотрѣлъ: у него хуже убранъ селезень; взявши,

своего опустил, ихняго взял, завязалъ въ платокъ и отправился домой.

Утромъ рано является царевичъ.—Ну что, братъ, сдѣлали?—Сдѣлалъ. На тебѣ селезня и горсть золотого волоса, а мнѣ пожалуйста документъ. Царевичъ отдалъ документъ и пошелъ во дворецъ. Встрѣтила его Настасья прекрасная.—Ну, Иванъ царевичъ, сдѣлалъ ты то, что я сдѣлала?—Я не знаю, покажите напередъ, что вы сдѣлали. Царевна приказала опустить селезня.—Ну, у васъ есть-ли такая штука?—Царевичъ развязалъ узелъ и опустилъ своего селезня, гораздо превосходнѣе ихняго.—Ну хитѣрь Иванъ царевичъ, не знаю только, кто у тебя хитричаеъ. Потомъ вынимаетъ изъ кармана золотой волосокъ.—Ну, у васъ есть-ли такая штука?—Иванъ царевичъ вынулъ и подаль цѣлую горсть волоса.—Ну, Иванъ-царевичъ это послѣдняя тебѣ моя загадка, такъ давай, собирайся какъ можно скорѣе, поѣдемъ въ твое царство вѣнчаться. Царевичъ сразу въ походъ изготовился и отправился. А солдатъ не торопится домой, знай кутить со своимъ товарищемъ, много прокутилъ времени послѣ нихъ, потомъ сказалъ:—Ну, друзья, и намъ пора отправляться.—Расчитались за квартиру честно-благородно, вышли за городъ, сѣли на коверъ самолетъ и сразу представились въ свое царство, еще Ивана-Царевича и въ слухахъ нѣтъ. Тутъ солдатъ наградиъ всѣхъ пьяницъ деньгамъ; тѣ отправились по питейнымъ домамъ: еще не всѣ тамъ были забраны пьяницы; увидались со своими друзьями. Тѣ и спрашиваютъ:—Что братъ, гдѣ пропадалъ, тебя не видать было?—Не говори братъ, были въ такомъ мѣстѣ—чортъ знаетъ, гдѣ и были!

Солдатъ въ это время опять нарядился въ солдатское

платѣ и сѣлъ въ темницу. Приходитъ Марья-царевна и спрашиваетъ: благополучно-ли съѣздиъ и про брата тоже.

Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ. Встрѣтили его съ пушечною пальбою и такъ какъ къ свадьбѣ все было готово, то на другой день и обвѣнчались. Отъ царя вышелъ милостивый манифестъ, чтобы всѣхъ плѣнныхъ изъ заключенныхъ мѣстъ освободить, а про солдата совсѣмъ забыли.

Марья-царевна и говоритъ своему отцу:—Дрожаній родитель! Что же вы всѣхъ плѣнныхъ освободили, а есть одинъ солдатикъ заключенъ въ темницѣ, — что же ему милости нѣтъ?—Охъ дрожайшая дочь! Ладно, что напоянула, а то я совсѣмъ про него забылъ.

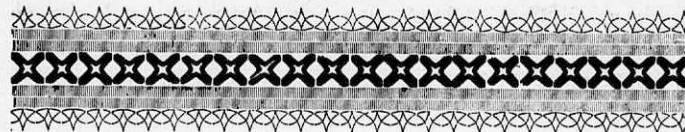
Сейчасъ приказъ вышелъ: освободить солдата. А Марья-царевна заранѣе сказала ему: когда выйдешь на волю, чтобъ являлся бы на свадьбу. — Солдатъ по выходѣ одѣлся какъ можно лучше и отправился во дворецъ на свадьбу. Принять онъ былъ въ лучшемъ видѣ, наипаче отъ Марьи-царевны. Отошло вѣнчанье, съѣхались гости, и пошелъ пиръ на весь міръ. Какъ распировались, солдатъ подходитъ къ царю и подаетъ ему три документа. Царь, прочитавши про себя, обратился ко всѣмъ посѣтителемъ своего дому и началъ читать вслухъ. Прочитавши всѣ документы, проводилъ свадьбу. Послѣ свадьбы призываетъ къ себѣ сына.

— Ну, сынъ мой любезный, вы отправляйтесь въ то царство къ своей сунругѣ, здѣсь тебѣ не принадлежитъ ничего, потому что ты самъ подписалъ три трети царства.

Царевичъ отправился съ Настасьей прекрасной въ ея цар-

ство, а старый царь отдалъ Марью-царевну замужъ за солдата. Солдатъ сталъ жить да поживать, царствомъ управлять.

Записано Н. А. Иваницкимъ.

Колдунъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ мужикъ; у него было три сына женатыхъ. Жилъ онъ долго и на деревнѣ слылъ за колдуна. Сталъ умирать и приказываетъ невѣсткамъ, чтобъ караулили его три ночи поочередно, а самого чтобъ его поставили въ холодной избѣ и чтобъ невѣстки пряли ему волну на кафтанъ; а креста не велѣлъ надѣвать ни себѣ, ни невѣсткамъ.

Вотъ въ ту ночь съѣла старшая невѣстка съ сѣрой волной и стала пряхть. Приходитъ полночь. Свекоръ и говорить изъ гроба: «невѣстка, ты тутъ?» Она испугалась, говоритъ: тутъ. — «Сидишь?» — Сижу. — «Прядешь?» — Пряду. «Сѣрну?» — Сѣрну. «На кафтанъ?» — На кафтанъ. Онъ и двинулся къ ней. Во второй разъ онъ опять говорить: «невѣстка, ты тутъ?» — Тутъ. — «Сидишь?» — Сижу. — «Прядешь?» — Пряду. «Сѣрну?» — Сѣрну. «На кафтанъ?» — На кафтанъ. Она зажалась въ уголъ; а онъ подвинулся еще на сажень. — Въ

третій разъ двинулся, она молитвы не сотворила, онъ ее и задушилъ; а самъ легъ въ гробъ. Бабу снесли, а сыновья, по родительскому приказу, послали на вторую ночь вторую бабу. Съ ней тоже самое было; и другую задушилъ.

Третья поумнѣй была; сказала, что сняла крестъ, а сама оставила его на себѣ. И сѣла, прядеть, а сама молитву творить. Приходить полночь. Свекоръ и говорить изъ гроба: «невѣстка, ты тутъ?»—Она говоритъ: тутъ. «Сидишь?»—Сижу.—«Придешь?»—Пряду. «Сѣрну?»—Сѣрну.—«На кафтанъ?»—На кафтанъ. И другой разъ также; въ третій разъ какъ онъ хотѣлъ на нее броситься; она на него крестъ; онъ упалъ и умеръ. Посмотрѣла она въ гробъ; а тамъ все деньги лежать. Свекоръ хотѣлъ ихъ съ собой взять или чтобъ тому достались, кто его перехитритъ. Вотъ эта невѣстка и стала богата.

Записано мною лично со словъ крестьянина Яринскаго уѣзда.

Колдунъ и его ученикъ.

Жилъ старикъ со старухою; у нихъ былъ сынъ молодой лѣтъ и состояніе ихъ очень бѣдное. И не знаютъ, куда отдать сына учиться какому нибудь ремеслу, лишь бы съ хлѣба сбыть. И пошелъ отецъ со своимъ сыномъ въ городъ, пришли въ городъ, но не могутъ ничего пріискать. Сидитъ отецъ противъ одной харчевни, самъ про себя думаетъ: хоть бы вечистый духъ взялъ моего сына въ ученіе! Только успѣлъ это подумать, и выходитъ изъ этой харчевни старикъ.—Отдай, братецъ, мнѣ своего сына въ ученье?—Что жъ ты возьмешь за ученье?—Сто рублей возьму.

— Къ чему же ты научишь моего сына?—Ко всякому ремеслу могу обучить.—А гдѣ твоя фатера?—Моя фатера

тамъ за заставой домъ большой.—На долго ли ты возьмешь моего сына?—На три года, я ранѣе взять не могу его.

Отецъ отдалъ своего сына и неизвѣстно кому. Проходить годъ, другой, такъ и третій, время приходитъ, надо идти за сыномъ. Приходить въ этотъ домъ.—Гдѣ, говоритъ, мой сынъ? — Теперь тебѣ еще не время получить сына, завтрашній день можешь увидѣть его. Приходить на другой день.—Ну вотъ, говоритъ, если узнаешь, что твой сынъ, то твой и будетъ, а если не узнаешь, то навѣки разстанешься съ нимъ. Я, говоритъ, завтрашній день выпущу двѣнадцать голубей; изъ двѣнадцати голубей узнавай своего сына. Сказавъ это и скрылся неизвѣстно куда. Вышелъ отецъ старикъ на лугъ, а на лугу гуляетъ голубокъ. Этотъ голубокъ какъ увидалъ старика, хлестнулся о сырую землю и сдѣлался прекраснымъ добрымъ молодцомъ.—Ты, говоритъ, батюшка, за мной?—Да, любезный сынъ, за тобой.—Смотри же, говоритъ, любезный батюшка, мой хозяинъ оборотитъ насъ двѣнадцати голубямъ, и замѣчай: я правое крылышко выставляю, и говори, что это мой сынъ. И потомъ онъ насъ оборотитъ двѣнадцати лебедямъ, изъ лебедя въ лебедь и въ одно перо. Ты, смотри, гляди, я лишь вдоль-то артили и пролечу. И говори, что это мой сынъ. Онъ тебѣ скажетъ: ступай куда хошь съ нимъ. Потомъ онъ насъ оборотитъ двѣнадцати молодцамъ, изъ молодца въ молодецъ, изъ лица въ лицо и платье одинаковое. Смотри, замѣчай: я будто, что нечаянно уроню бѣлый шелковый платочекъ и стану поднимать, и говори, что это мой сынъ. Онъ и скажетъ: ступай куда хошь съ нимъ.

Такъ оно все и случилось. И взявъ отецъ своего сына домой. Приходятъ домой.

— Ну, старуха, не знаю, чему моего сына обучили.— Ахъ, любезный батюшка и матушка, не тужите обо мнѣ! вотъ что я тебѣ скажу, любезный батюшка. Я хлопнусь о сырую землю и сдѣлаюсь карею лошадыю, ты меня продавай, а узды съ меня не продавай и проси за меня сто рублей.

Приходятъ въ городъ. Сынъ стукъ о сырую землю и сдѣлался прекрасной карей лошадыю. Старикъ приводитъ его на конную.—Сколько стоитъ твоя лошадь?—Сто рублей.—Получи деньги.—Я, говоритъ, коня продаю, а узды не продаю.—На что намъ твоя такая дрянная узда?—Старикъ получилъ деньги и отдалъ коня. Только успѣлъ немного миль (sic) отойти, а сынъ его и догоняетъ.—Ну вотъ, говоритъ, и я, любезный батюшка. Завтра я оборочусь опять сивой лошадыю, проси за меня опять сто рублей.—Оборотился сивой лошадыю и повелъ его отецъ на конную, все равно, какъ и раньше, сто рублей взявъ.—Вотъ что, говоритъ, любезный батюшка, оборочусь я въ послѣдній разъ воронымъ жеребцомъ и тогда ты за меня проси триста рублей, а узды никакъ не продавай; если ты меня съ уздой продашь, то тебѣ меня вѣки вѣковъ не видать. Оборотился воронымъ жеребцомъ и старикъ опять эту же самую плохую надѣлъ узду. Попадаются ему встрѣчу купцы. Однако сторговаться не могли и привелъ онъ коня на конную. И ни откуда возмись является старикъ.—Что, дѣдка, продаешь коня?—Продаю.—Сколько стоитъ?—Триста рублей.—На, возьми деньги.—Я, говоритъ, коня то продаю, а узды не продаю.—А развѣ, говоритъ, безъ узды лошадь продается?—Вывахнулъ у него поводъ и сѣлъ на коня. И давай его конь носить по болотамъ и лѣсамъ. А старикъ этотъ и былъ тотъ самый колдунъ учитель. И едва онъ могъ приворотить къ своей сестрѣ колдунѣ. Привязавъ старикъ коня къ бе-

резъ. И пришедши въ избу къ своей сестрѣ. — До того я ѣздилъ, что присталь, дай мнѣ покою. Она его напоила, накормила и спать уложила. — Ахъ, говорить, что онъ дѣлалъ! привязалъ коня и не напоилъ его! Она подошла, отвязала этого коня и привела на рѣку поить. Только конь никакъ не пьетъ, дальше въ воду заходить, да мордой фыркаетъ. Она понемногу и стала поводъ отпущать и говорить сама себѣ: вотъ хорошіе кони нашей худой воды не пьютъ, а вода такая черная. Вдругъ конь вырвалъ поводъ у старухи изъ рукъ и вдоль рѣки и поплылъ.

Узналъ колдунъ, что конь уплылъ — за нимъ въ погоню. Оборотился онъ щукой, а конь ершомъ и — подъ камень. Какъ щука ни воровата, не могла ерша схватить. А этотъ ершикъ и уплылъ въ турецкое государство и сталъ подъ плотъ. Черезъ нѣсколько времени и идетъ горничная дѣвица за водою. Этотъ ершикъ оборотился золотымъ кольцомъ и — прямо въ ведро. Дѣвушка: ахъ, какое прелестное колячко, взяла его и надѣла на руку. Носитъ нѣсколько времени, а царская дочь и говорить: гдѣ ты, горничная, нашла сіе кольцо? — Я нашла, говорить, сіе кольцо, когда ходила утромъ за водою, стала черпать воду и нашла его въ ведрѣ. — Ахъ, любезная, продай сіе кольцо! — Нѣтъ, ваше царское величество, кольца сего я не продамъ, а если вамъ угодно, извольте, я вашей милости такъ подарю его. И отдала эта дѣвица кольцо царской дочери. Живутъ такъ нѣсколько времени, онъ днемъ кольцомъ, а ночью съ царскою дочерью добрымъ молодцомъ.

И вотъ узналъ какъ-то старикъ колдунъ, что ученикъ его находится въ турецкомъ государствѣ золотымъ кольцомъ

у царской дочери на рукѣ. Приходить лично къ этому царю турецкому. — Отдайте, говорить, мнѣ сіе кольцо? — А царь отвѣчаетъ: я и знать не знаю, какое такое кольцо! — А у вашей дочери на рукѣ, говорить колдунъ. Призываетъ царь свою дочь. — Что это, говорить, любезная моя дочь, какое ты имѣешь чужое кольцо? отдай его сему старику. — Не отдамъ я сего кольца, скорѣе соглашусь лишиться жизни, чѣмъ съ симъ кольцомъ разстаться. Тогда колдунъ говорить: если вы мнѣ не отдадите кольца, то я все ваше царство сожгу, чтобы завтра было мнѣ отдано! — Вотъ наступила ночь. Хлопнулось кольцо объ полъ и оборотилось добрымъ молодцомъ. И говорить царской дочери: когда завтра придетъ старикъ, отдай ты ему окаянному меня, сними его съ руки и брось на полъ около самыхъ ногъ. Тогда я рассыплюсь пшеницей и старайся приступить нѣсколько зернеть. А старикъ оборотится голубемъ и станетъ клевать эту пшеницу; когда всю приклюсть, полетитъ и скажетъ: вѣки вѣковъ никогда не прилечу! Тогда ты отступи зорнета и я опять у тебя буду кольцомъ на рукѣ.

Такъ все и случилось. И живутъ они опять по прежнему: онъ днемъ кольцомъ, а ночью съ ней добрымъ молодцомъ. Вотъ и говорить царская дочь своимъ родителямъ, любезные родители! я не могла себѣ найти болѣе достойнаго жениха, какъ этотъ кавалеръ! Онъ днемъ кольцомъ, а ночью со мной добрымъ молодцомъ. Позвольте намъ съ нимъ принять законный бракъ! А что, спрашиваетъ царь, можетъ онъ защитить мое царство? — Могу, говорить, ваше царское величество. — Какимъ же родомъ можешь ты сохранить мое царство? — Онъ хлестнулся объ полъ и еще прекраснѣе сдѣлался. И какъ бы невидимой силой сдѣлалъ показаніе, будто

держитъ все царство на одной рукѣ и хранить оберегательство своей державы. Тогда царь сочеталъ ихъ законнымъ бракомъ, и стали царствовать и благодарить Бога.

Колдунья.

Жили-были двѣ сестры; одна бѣдная, другая богатая. Вотъ умираетъ богатая и говоритъ: «вотъ, говорить, сестра! я оставляю тебѣ домъ; какъ я умру, будешь ли сидѣть надо мной?»—Буду, говорить. — «Ну, говорить, смотри», что я ни буду дѣлать, ты все сиди.»—Вотъ умерла эта богатая сестра, а она была колдунья. Ей (бѣдной) надо сидѣть ночью. Вотъ сѣла она на первую ночь. Вдругъ въ 12 часовъ встаетъ она (колдунья) изъ гроба. «Сестра! ты сидишь?»—Сижу, говорить.—«Ну, сиди!»—Потомъ опять говорить: «сестра, ты сидишь?»—Сижу, говорить.—«Ну, сиди!»—Потомъ въ третій разъ говорить: «сестра, ты сидишь?»—Сижу, говорить. Пѣтухъ и запѣлъ; она (колдунья) и пала пичкомъ. — Приходитъ бѣдная сестра къ батюшкѣ: «вотъ,

говорить, какія дѣла дѣлаются.» — Ничего, говорить; вотъ я тебя благословлю и дамъ тебѣ пѣтуха; ночью и сядь на печку.

Вотъ сѣла она на вторую ночь. Въ 12 часовъ встаетъ эта колдунья изъ гроба. «Сестра, ты сидишь?» Сижу, говорить. Вотъ колдунья пошла ее искать. «Сестра, ты сидишь?» — Сижу, говорить. Вотъ подходитъ она (колдунья) къ печкѣ. «Сестра, ты сидишь?» Сижу, говорить. Какъ она (колдунья) за жердочку ухватилась, чтобъ на печку взлѣзть, пѣтухъ увидалъ ее и запѣлъ, она и упала. — Приходитъ бѣдная сестра къ батюшкѣ. «Нѣтъ, говорить, батюшка; страшно очень; я лучше отъ имѣнья откажусь.» — Ничего, говорить: ты поди сядь въ хлѣвъ, на жердь, гдѣ куры сидятъ. — Вотъ она пошла на третью ночь, сѣла. Въ 12 часовъ встаетъ эта колдунья, идетъ туда, въ хлѣвъ. «Сестра, ты сидишь?» — Сижу, говорить. «Ну, сиди!» А сама лѣзетъ, чтобъ ее ухватить. «Сестра, ты сидишь?» — Сижу, говорить. «Ну, сиди!» А сама хотѣла ее схватить, да и поймала пѣтуха; онъ и запѣлъ. Она упала. (Когда пѣтухъ запѣлъ, тогда никто (нечистый) не смѣетъ). Сестра эта бѣдная и завладѣла всѣмъ имѣньемъ.

Лично мною записаны со словъ крестьянина М. Перавина.

Иванъ купечной сынъ.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, не именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жили-были два брата и имѣли они по двѣнадцати лавокъ и по трехъ-этажному каменному дому. У младшаго брата былъ мальчикъ годовъ пяти или шести. Младшій братъ померъ, а его молодая хозяйка вздумала ѣздить по театрамъ, познакомилась съ разными офицерами и пустилась въ распутное поведеніе. Такое время пришло, что весь товаръ измотала и лавки продала, осталась съ однимъ домомъ; и домъ продала и купила себѣ маленькую килейку. Дошло до того, что ей своего сына нечѣмъ стало кормить. И приходитъ она къ своему брату. — Любезный братецъ! возьми моего сына, а

твоего племянника, — мнѣ его печѣмъ стало кормить. Онъ и взялъ его. Живетъ мальчикъ у своего дяди, а мать его стала ходить тайно въ лавку и у своего сына выпросить то кусокъ сукна или ситцу, то матеріи какой дорогой; и все продастъ и израсходуетъ въ питейныхъ заведеніяхъ. Дядя это замѣтилъ и прогналъ своего племянника. Жилъ онъ у матери въ домѣ, а ей кормить его печѣмъ. Опять приводить его къ своему брату. — Любезный братецъ! возьми моего сына, а твоего племянника, мнѣ никакъ кормить его печѣмъ. Онъ по сожалѣнію взялъ и поставилъ обрѣзать лошадей и коровъ, а мать не стала его провѣдывать, потому что у сына ей взять нечего.

И вздумалъ этотъ дядя ѣхать на ярмарку и нагрузили двѣнадцать кораблей. И нужно плыть все озеромъ, а въ этомъ озерѣ никакъ нѣтъ пропуска: кто голову отдастъ, тотъ можетъ проѣхать. И племянника Иванушку съ собой взялъ. — Ну, господа корабельщики, прикащики, поѣзжайте прямо озеромъ, что Богъ дастъ! — До половины озера доѣхали, тутъ корабли и встали, — ни взадъ ни впередъ.

И говоритъ купецъ: ну, корабельщики и прикащики, кидайте жеребей, кому изъ васъ бросаться въ озеро... — А намъ, говорятъ, какая надобность за твое богатство бросаться? надо — бросайся самъ. — Ахъ, господа прикащики и корабельщики! мнѣ не жалко ни богатства, ни имущества, только жалко мнѣ своей жены молодой. Любезный племянникъ, Иванушка, я, говоритъ, тебя кину. — А кидай, дяденька, мнѣ одна смерть! Взялъ его дядя и кинулъ. Корабли пошли, а сей мальчикъ очутился въ водяномъ царствѣ въ прекраснѣйшемъ дворцѣ. И видитъ: лежитъ старикъ на кровати и покрыто его лицо бѣлымъ полотномъ. Подходить

къ нему и говорить: здравствуй, дѣдушка любезный! — Здравствуй, сыночекъ дорогой! Во всемъ я тебѣ довѣріе сдѣлаю, по всемъ ты у меня садамъ ходи и по винограднымъ погребамъ, только ты у меня не ходи въ три комнаты, которыя я запрещаю тебѣ. Вотъ тебѣ отъ всѣхъ комнатъ ключи, а я полечу на Бѣлую Русь.

Старикъ улетѣлъ, а Иванъ остался одинъ. Пошелъ гулять по садамъ и по винограднымъ погребамъ, и напился въ одномъ погребѣ разныхъ винъ. И говоритъ: что такая за тайность, пойду, посмотрю первую комнату. Подходить къ мѣдной двери и отпираетъ мѣднымъ ключемъ. Отперъ двери и видитъ: сидитъ дѣвица. — Ахъ, Иванъ, купецкой сынъ! приголубь меня, приласкай меня, посиди у меня на колѣняхъ. Сѣлъ онъ къ ней на колѣни, а она напустила на него сонъ и улетѣла сама неизвѣстно куда.

Черезъ нѣсколько времени возвращается старикъ и Иванъ ему въ ноги. — Что ты, говоритъ, любезный сынъ мой, Иванъ, кланяешься? — Я виноватъ передъ тобой: изъ-за первой двери опустилъ у тебя первую дѣвицу. — Ну, говоритъ, прощаю на первый разъ вину твою. — И вотъ опять улетѣлъ старикъ. — А что, говоритъ молодецъ, смерть такъ смерть, пойду посмотрю, — за вторую дверь. Подходить къ серебряной двери и отпираетъ серебрянымъ ключемъ. И видитъ: еще лучше первой сидитъ дѣвица. — Ахъ, Иванъ, купецкой сынъ! приголубь меня, приласкай меня, посиди у меня на колѣняхъ! Сѣлъ онъ къ ней на колѣни, а она напустила на него сонъ и улетѣла неизвѣстно куда.

Вернулся старикъ, а Иванъ ему въ ноги. — Что, сынъ мой любезный, кланяешься? — Какъ же мнѣ не кланяться, какъ я виноватъ передъ тобой! опустилъ у тебя другую

дѣвицу изъ серебряной двери...—Ну ужъ, говорить, едва ли я теперь тебя оставлю живого...—Пожалуйста прости, дѣдушка! виновать передъ тобой!—Ну смотри же, и вторую вину прощаю, только въ третью комнату никакъ не ходи.

И улетѣлъ опять старикъ. — Пойду, говоритъ Иванъ, погуляю еще по разнымъ садамъ. Взошелъ въ одну бесѣдку и видитъ: виситъ патреть необыкновенной красоты. Пойду, говоритъ, взгляну въ ту комнату, — смерть, такъ смерть! Подходить къ золотой двери и отперъ ее. Видитъ: сидитъ дѣвица необыкновенной красоты. — Ахъ, говоритъ, Иванъ, купецкой сынъ, подойди, приголубь, приласкай меня, сядь ко мнѣ на колѣни. Я—Марья-Царевна. Сѣлъ онъ къ ней на колѣни, а она напустила на него сонъ и улетѣла сама неизвѣстно куда.

Прилетаетъ старикъ и опять Иванъ кланяется ему въ ноги.—Много бѣдъ ты надѣлалъ, я теперь тебя убью, говоритъ старикъ. — Сдѣлай милость, прости, любезный дѣдушка!—Ну, если хочешь живымъ быть, такъ ступай на берегъ озера, онѣ всѣ три теперь тамъ купаются. Двѣ одѣлись, леглы хотятъ, а Марья царевна изъ воды выходитъ. Ты ее никакъ не трогай, а возьми у нея золотокрылое платье.

Старикъ какъ велѣлъ, онъ такъ и сдѣлалъ. Взялъ золотокрылое платье и приноситъ прямо къ старику и Марья-царевна за нимъ идетъ.—Ну, говоритъ, любезный сынъ, всѣя вины твои тебѣ прощаю. Вотъ и подруга тебѣ твоя милая, и гуляй ты съ ней вездѣ по всѣмъ садамъ и винограднымъ погребамъ. А старикъ самъ опять улетѣлъ. Вотъ Марья-царевна и говоритъ: ты купецкой сынъ, а я царская дочь. Просись у старика, не обвиняетъ ли онъ насъ съ тобой...

Прилетѣлъ старикъ, а Иванъ ему въ ноги.—Что, сынъ мой любезный? чего, Иванушка, кланяешься?—Какъ же мнѣ не кланяться, дѣдушка,—мнѣ охота жениться. — А ты бы мнѣ давно сказалъ, я бы тебѣ любую невѣсту изъ любого государства принесъ, какая тебѣ нужна. — Ахъ, дѣдушка, мнѣ никакой кромѣ не нужно, какъ Марьи-царевны.—Ахъ, Ваня, Ваня! она не будетъ твоя, улетитъ отъ тебя, крѣпко хитра, обманетъ тебя.—А Иванъ все кланяется въ ноги.—Сдѣлай милость, обвинчай насъ! — Старикъ не могъ отступиться, соединилъ ихъ законнымъ бракомъ. И стали они жить.

Марья-царевна ему и говоритъ: ты хоть и мой мужъ, а все-таки купецкой сынъ, а я царская дочь. Просись у старика на свой городъ къ своему дядѣ на бѣлый свѣтъ.

И сталъ Иванъ просить у старика опустить его.—Ахъ, Ваня, Ваня, она не будетъ твоя, улетитъ отъ тебя, крѣпко хитра; обманетъ тебя.—Сдѣлай милость, опусти!—Старикъ не могъ отговориться.—Ну, смотри же, говоритъ, чтѣ я тебѣ скажу, такъ ты сдѣлай по моему. И взялъ старикъ Марью-царевну, козамъ увертѣлъ, ремнямъ увиль и посадилъ на коверъ самолетъ и далъ орла-птицу. И сказалъ Ивану: не давай ты ей до тѣхъ поръ свѣту, пока не станетъ орелъ крыльями махать. И полетѣли. И летятъ они часъ или полтора, и какъ она ни молится и что не говоритъ, онъ все не даетъ свѣту. — Ну, любезный другъ, послѣднее мое стае дыханіе, дай мнѣ хоть малый свѣтъ!.. Онъ возжалѣлся надъ ей и далъ ей самый малый прѣсвѣтъ. Какъ далъ ей прѣсвѣтъ, коверъ самолетъ на островъ упалъ на океанской и орла-птицы не стало, и Марья-Царевна улетѣла. И остался онъ одинъ.

Ходить онъ по этому острову и глядить, въ которую сторону она полетѣла. И нашелъ тутъ лодочку. Переплылъ море и закричалъ: батюшка, дѣдушка, помоги мнѣ! Прилетѣлъ къ нему старикъ.—Я вѣдь говорилъ тебѣ, что она не будетъ твоя, улетитъ отъ тебя. Она теперь крѣпко далеко за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, въ двѣнадцатомъ государствѣ у своего отца и у бабушки.—Сдѣлай милость, дѣдушка, помоги мнѣ въ моей бѣдѣ!—Ну, садись же, говоритъ, на меня.—Сѣлъ на него Иванъ и перенесъ его старикъ всѣ моря и всѣ океаны и поднесъ его подъ самое подъ ея государство.

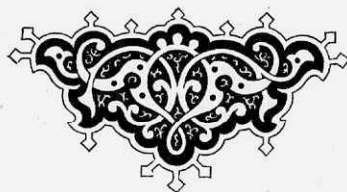
А Марья-царевна вздумала въ усвятки играть и выбираетъ себѣ жениха. Кого она найдетъ, тому голову долой, а кого не найдетъ, то будетъ его невѣстой. И говоритъ старикъ: вотъ тебѣ бѣлый шелковый платочекъ; на этомъ платочкѣ завязаны три узелочка. Выйдешь ты въ чистое поле гулять, развяжи сперва этотъ, потомъ другой и третій узелочекъ. Ну, ступай, теперь больше не видать меня. Идетъ онъ во дворецъ и идутъ съ нимъ два молодца деревенскіе. Онъ и спрашиваетъ ихъ: куда вы, добрые молодцы, идете?—Съ царевной въ усвятки играть. А ты куда?—И я тоже. И пришли всѣ трое къ ей во дворецъ. Марья-царевна выходитъ и спрашиваетъ: что вамъ нужно, добрые молодцы?—Съ вами, ваше царское величество, въ усвятки поиграть.—Если я не отгадаю, то ваша буду супруга, а если отгадаю, то вамъ голову долой. Согласны-ли?—Согласны.—Ну уснывайтесь.

Вышли они на крыльцо и спрашиваютъ другъ дружку: ты куда пойдешь? Одивъ говорить: я въ сѣно зарююсь, а другой: я къ коровѣ подъ ясли лягу.—А ты куда, добрый

молодецъ?—А я въ чистое поле разгуляюсь. Вышелъ онъ въ поле, развязалъ первый узелокъ и летитъ орелъ-птица.—Садись на меня, Иванъ, купецкой сынъ. Сѣлъ на него и этотъ орелъ-птица вылетѣлъ на самый надъ домъ, потомъ спустился и говоритъ: я не слуга тебѣ. Идетъ онъ во дворецъ и тѣ два молодца идутъ. Она и спрашиваетъ: гдѣ же вы были?—Извольте отгадывать. Сейчас посмотрѣла въ волшебное зеркало и говоритъ: одинъ лежалъ въ сѣнѣ зарывшись, другой у коровы подъ яслями, а ты молодой взлеталъ на птицѣ надъ моимъ дворцомъ.—Тѣмъ двумъ и голова долой, а Иванъ говоритъ: ну что же дѣлать? Смерть, такъ смерть. И вышелъ тутъ старикъ отецъ Марьи-Царевны. Дай, говоритъ, ему еще разъ уснытаться.—Ну, ступай.

Вышелъ онъ въ чистое поле, развязалъ другой узелокъ и бѣжитъ левъ звѣрь.—Садись на меня? И ушелъ съ нимъ подъ домъ.—И это отгадала Марья-царевна. Попросилъ за него отецъ старикъ, чтобы еще разъ ему уснытаться. Вышелъ онъ въ поле, развязалъ третій узелокъ и бѣжитъ щука. И ушла съ нимъ на дно морское и сѣла подъ камень. Выплыла и говоритъ: ну, мы теперь тебѣ не слуги. И это отгадала Марья-Царевна.—Ну, дочь моя любезная, говоритъ царь, дай ему четвертый разъ уснытаться. Вышелъ онъ на дворъ и спустился на бадѣ въ колодезь. И приходитъ горничная дѣвушка за водою и увидала его.—Ахъ, Иванъ купецкой сынъ, я тебѣ помогу! Вытащила его изъ колодезя, стукнула въ лобъ, онъ и сдѣлался маленькой рыбкой. Бросила рыбку на полъ и сталъ онъ опять добрымъ молодцемъ.—Ступай теперь. Приходитъ онъ во дворецъ.—Ну, отгадывай, говоритъ. Сколько Марья-Царевна ни смотрѣла въ зеркало и бабушка въ волшебной книгѣ—не могли отгадать. Выходитъ старикъ отецъ и говоритъ: вотъ твоя нареченная не-

вѣста. — Не супруга-ли? спросилъ Иванъ, купецкой сынъ. Тутъ Марья-царевна его узнала. И стали они жить, да поживать, да добро наживать.

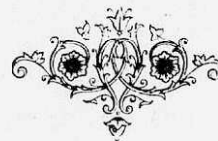
Проклятая царевна.

Дѣло было въ святки. Какъ въ прежнее время, такъ и нонѣче, молодцы и дѣвушки собираются на посидѣнки. Отъ одного селенія верстѣ съ полдесятка шли молодцы въ ночное время на посидѣнку. На половинѣ дороги попалась имъ баня, выстроенная для мытья льну. Одинъ и говоритъ: кто осмѣлится въ эту баню зайти и взять съ каменки камень, тому рубль серебра! И выискался одинъ изъ этой артели. Вошелъ въ баню, взялъ съ каменки камень, вышелъ. — Вотъ, говоритъ, ребята, вы чего боитесь, и бросилъ этотъ камень въ сторону и неизвѣстно куда онъ улетѣлъ. А то-

варищъ ему подаль рубль.—Ну, говорить, господа, пойдемте въ заведеніе, я васъ, говорить, попотчую на этотъ рубль. И издержали они рубль.

Время прошло, кончились посидѣнки, приходитъ этотъ человѣкъ домой. Только успѣлъ онъ разболокчнсь, поѣсти и лечь спать, какъ ему на ухо и шепчетъ кто-то: принеси мой камень! гдѣ его взять, тутъ и положи! — Онъ сперва думалъ, что это шутка, но дѣло дошло до того, что ни днемъ ни ночью не стало давать покоя. Дѣлать нечего, надо идти искать камень. Долго искалъ онъ его, однако нашелъ и какъ только хотѣлъ положить этотъ камень на каменку, схватываетъ его за руку неизвѣстно кто. — Ты, говорить, добрый молодецъ, долженъ быть моимъ мужемъ, а я твоей женою! — Какъ, говорить, такъ! я тебя не знаю. — А если ты меня не согласишься взять въ замужество, во вѣки не выйдешь изъ сей бани.—И сдѣлали условіе, въ какое время сыграть свадьбу. И пошелъ онъ изъ бани. Сказываетъ своимъ родителямъ: такъ и такъ, моя судьба въ банѣ, а если бы не дать обѣщанія, то долженъ лишиться жизни. Родителямъ прискорбно, да дѣлать нечего, надо ѣхать за невѣстой въ баню, а родственники ничего, не предъявляютъ. Взяли съ собой священника съ крестомъ впередъ всѣхъ и входятъ въ эту баню. Сидитъ разряженная дѣвица одна себѣ и покрыто ея лицо. Священникъ взялъ ее за руку и повелъ изъ бани вонъ. И все не открывается, пока не подошли къ аналою. Тутъ она скинула съ себя покрывало и — прекрасная красавица! Священникъ сталъ ее спрашивать! какая ты есть? — Я прокляѣнная царская дочь: отецъ и мать меня проклинали; если они скажутъ, что я не ихняя дочь, я должна жистъ кончить, а когда скажутъ: наша дочь, я буду жива и здорова и находится въ ихнемъ царствѣ

со своимъ супругомъ. — Живо сдѣлали донесеніе. Истинно, наша дочь, говорятъ. И прибыли отецъ и мать на свадьбу. И этотъ добрый молодецъ изъ бѣднаго сословія сдѣлался наслѣдникомъ всего царства и сталъ со своей супругой жить да богатѣть.

Мальчикъ съ пальчикъ.

Въ нѣкоторомъ большомъ селѣ жили были старикъ да старуха, дѣтей у нихъ не было. Вотъ разъ старуха капустку рубила и отрубила себѣ пальчикъ, отрубила и бросила его за печку. Черезъ нѣсколько времени вдругъ и услышала: за печкой кто-то заговорилъ. Заглянула старуха и увидала тамъ мальчика съ пальчика.

Вышелъ мальчикъ изъ-за печки и спросилъ: гдѣ, гдѣ *), батюшка? Старуха отвѣчаетъ: пашеть. — Давай-ка, гдѣ, я

*) Говорить.

снесу ему позавтракать да пособию пахать. Старуха наклала въ корзину блиновъ и подала мальчику. Понесъ онъ отцу блины. Идетъ бороздой, а его не видно, только сверхъ его корзину видать. Вдругъ доѣхала лошадь до мальчика, остановилась и стала у него изъ корзины блины ѣсть. Подошелъ старикъ, заглянулъ подъ корзину, а тамъ мальчикъ.

Подавъ мальчикъ отцу блины, а самъ улизъ въ ухо лошади и сталъ пахать, а отцу наказалъ: если кто будетъ меня покупать, ты продавай, а я къ вамъ возвращусь назадъ.

Вотъ немного попорозъ*) ѣдетъ баринъ мимо. Увидалъ баринъ, что одна лошадь пашеть и подзвалъ мужика къ себѣ. — Какъ же, говорить, у тебя лошадь-то одна пашеть? — У меня, гдѣ, вѣдь не одна пашеть, а тутъ есть мальчикъ. — А гдѣ же онъ? — Да вотъ, гдѣ, въ ухѣ сидитъ, онъ и править. — Продай мнѣ, гдѣ, этого мальчика? — Купи.

Старикъ и продалъ мальчика за триста рублей. Баринъ посадилъ мальчика въ карманъ и поѣхалъ дальше. Ѣдетъ путемъ дорожкой, а мальчикъ прогрызъ въ карманѣ у барина дырку и выскочилъ.

Была ночь. Дѣваться мальчику некуда, онъ и легъ подъ кустикъ спать. Вдругъ и идутъ два вора къ попу быковъ воровать и разговариваютъ. Услыхалъ мальчикъ и сталъ прошаться къ ворамъ: поймите**), гдѣ, робята, и меня съ собой! — Они сперва не видѣли, гдѣ и есть, а потомъ и рассмотрѣли — мальчикъ. — Куда, говорятъ, тебя эдакую дрянъ, тамъ еще наварзаешь***), такъ намъ не расчитаться съ

*) Погода.

**) Понять — взять съ собою.

***) Варзать — шалить, портить.

тобой!—Поймите, ребята, я пригожусь. Вот его и поняли, пришли къ попу, мальчикъ въ щолку пролѣзъ и отперъ имъ. Отперъ, а они нѣкоторый нейдутъ—боятся, чтобы попъ не услышалъ, стоять у воротъ да перепираются*). И надумали послать за быкомъ мальчика. Мальчикъ пошелъ съ большой веревкой. Оба быка стояли въ одномъ клѣвѣ, одинъ черный, а другой бурый. Мальчикъ имъ и кричитъ: котораго быка вести-то? чернаго или бураго!—А тѣ и говорятъ: не кричи, не кричи! веди котораго нибудь!—Онъ накинулъ на бураго быка веревку да къ нимъ конецъ и проводокъ, они и вытащили быка со двора, отвели за поле да и давай колоть. Закололи да и стали дѣлить между собой говядину. Раздѣлили говядину, а мальчику отдали шкуру. Мальчикъ завертѣлся въ шкуру да тутъ и уснулъ. Вдругъ бѣжитъ голодный волкъ, схватилъ шкуру да лишю**) съѣлъ.—Утромъ волкъ побѣжалъ за овцами, а мальчикъ у него въ брюшинѣ и кричитъ; эй пастухъ, пастухъ! волкъ-отъ у тебя овцу хватаетъ! Пастухъ услышалъ и прогналъ волка. Такъ и на другой день: волку гдѣ-бы разжиться говядинкой, мальчикъ закричитъ, лишю слышаютъ. Волкъ видитъ, что дѣло не ладно и сталъ мальчика упрашивать: вылѣзь изъ меня!—Нѣтъ, гдѣ, не вылѣзу, а сvezи меня къ отцу на повѣтъ, такъ вылѣзу. Разказалъ мальчикъ гдѣ отецъ живетъ и поѣхали къ отцу. Бѣжитъ волкъ прямо на сарай, а мальчикъ и закричалъ: батюшка да матушка! бѣгите да волка съраго бейте, на повѣтъ прибѣжалъ!

Выскочили старики, убили волка. Мальчикъ изъ волка

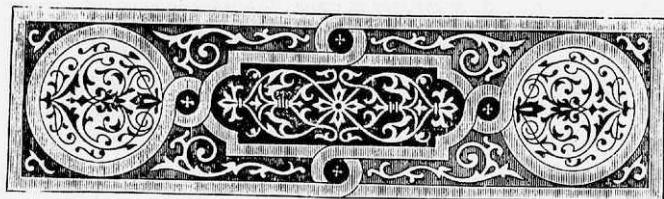
*) Стоять въ нерѣшительности—не зная идти или нѣтъ.

**) Лишь.

и вышелъ.—Кожу выдѣляли да сошили мальчику изъ нея тулупъ, а мясо бросили. И топерѣ живутъ по прежнему—мальчикъ въ тулупѣ, а старикъ да старуха радуются.

Записано въ Грязовцѣ.

Дурень—бабинъ сынъ.

У одной бабы былъ сынъ дурачекъ и нанялся онъ въ работники къ одному мужику. Разъ онъ съ хозяиномъ поѣхалъ въ городъ горохъ продавать и на проселкѣ встрѣтили они такъ много воротъ, что дурачекъ наконецъ разсердился и выругался въ слухъ, чтобъ васъ было во сто разъ больше! Хозяинъ, услышавши такое пожеланіе, схватилъ кнутъ и преболѣнно отстегалъ дурачка по спинѣ. Дурачекъ заплакалъ и ушелъ къ своей матери жаловаться. Мать ему и говорить: а ты бы сказалъ лучше: чтобъ вамъ всѣмъ сквозь землю провалиться! Дурачекъ побѣжалъ къ воротамъ въ свою деревню и видитъ: въѣзжаетъ чрезъ ворота свадьба; онъ

остановился посередь дороги и какъ гаркнетъ: чтобъ вамъ всѣмъ сквозь землю провалиться! Поѣзжане соскочили съ лошадей и опять отстегали дурачка кнутами. И опять пошелъ дурачекъ къ матери жаловаться, а мать ему и говорить: «а ты бы захватить съ собою скрипку, да поигралъ бы да поѣлъ, видя такое веселье!»! Дуракъ принялъ къ сердцу наставленіе своей матери и, выходя изъ дому, захватилъ съ собою скрипку. И видитъ онъ, что съ краю деревни загорѣлся овинъ. Побѣжалъ онъ къ этому овину и началъ подлѣ него играть на скрипкѣ, припѣвая и приплясывая. Тутъ его опять больно избили и пошелъ онъ снова жаловаться матери.— «А ты бы, говорить ему мать, лучше взялъ лопату да и покидалъ бы снѣжку въ огонь, чтобы тотъ потухъ!»! Дурень въ слѣдующій разъ пошелъ по деревнѣ съ лопатой. Видя, что подлѣ одного дома, на улицѣ, свинью онамливаютъ и вспомнилъ уроки своей матери, дурачекъ началъ загребать лопатою снѣгъ и кидать на костеръ, такъ что мигомъ потушилъ его. Но выбѣжавшіе хозяева за это такъ больно его избили, что послѣ этого случая онъ безъ матери нигде уже одинъ и не ходилъ.

Про трехъ сыновей.

Въ нѣкоторомъ селѣ, далеко за синимъ моремъ, жили были три брата: два умныхъ, а третій дуракъ, а у нихъ былъ отецъ. Захотѣлъ большой братъ поискать счастья, выпрошалъ у отца сто рублей и пошелъ путемъ дорожкой. И попадаетъ ему на встрѣчу старичекъ и спрашиваетъ у его: куда молодецъ пошелъ?—А пошелъ искать счастья.—Старикъ и говоритъ ему: пойдемъ, у меня есть счастье. Есть у меня козелъ. Только скажи ему: топни все́мъ ногамъ, сейчасъ и будетъ груда денегъ. Молодецъ отдалъ старику сто рублей, взялъ козла и повелъ его. Дошелъ онъ до килы и пришлось ему тутъ ночевать. Постучалъ онъ и вышла

старуха.—Кто тамъ?—А я, бабушка, пусти переночевать. Старуха говоритъ: бѣги, мы радѣшеньки. Вотъ онъ привязалъ козла къ столбу, а самъ легъ на полати и наказываетъ старухѣ: ты, старуха, не говори козлу: топни все́мъ ногамъ.

Когда молодецъ уснулъ, старуха и говоритъ старику: скажемъ козлу, чтобы топнулъ ногамъ?—Ну, говори, сказалъ старикъ. И сказала старуха, козелъ топнулъ и стала груда денегъ. Старикъ и старуха испугались и начали деньги обирать. Вотъ старикъ сходилъ къ сосѣду, купилъ козла и привязалъ его къ столбу, а того козла спряталъ.

По утру всталъ молодецъ, взялъ козла и пошелъ домой. Пришелъ домой и говоритъ отцу: собирай, батюшка, все́хъ гостей и сосѣдей. Отецъ собралъ, посадилъ все́хъ за столъ, а молодецъ поставилъ козла на постилу и говоритъ: козелъ топни все́мъ ногамъ! а козелъ и не топаетъ. Онъ по другой разъ говоритъ и по третій, все козелъ стоитъ. Вотъ онъ его и давай пинать, а отецъ глядѣлъ, глядѣлъ, да какъ зачалъ сына за волосе пазгать и потомъ прогналъ его въ пастухи.

Черезъ нѣсколько времени второй сынъ говоритъ отцу: батюшка! дай и мнѣ сто рублей денегъ, и я пойду искать счастья.

Вотъ онъ пошелъ и встрѣчается ему старикъ.—Куда молодецъ пошелъ?—А вотъ пошелъ искать счастья.—Купи у меня скатерку развернушку? Только скажешь: скатерка, дай попить и поѣсть, все она и дастъ. Купилъ онъ скатерку и пошелъ домой. Подошелъ къ той самой килейкѣ и выпросился ночевать. Поужиналъ, легъ спать и сказалъ хозяину: не говори, скатерка, дай попить и поѣсть, а самъ

уснулъ. Старуха ночью и говорить: старикъ! давай, скажемъ!—Ну, давай, говори!—Вотъ старуха и сказала: скатерка! дай попить и поѣсть! сейчасъ на столъ и очутились всякіе пироги и вино. Вотъ они поѣли, завернули скатерку и убрали, а на мѣсто этыя положили свою.

Вотъ по утру молодецъ всталъ, взялъ скатерку и пошелъ домой. Приходить и велитъ отцу собрать всѣхъ родныхъ и сосѣдей. Собрали, посадили за столъ, молодецъ и говорить: скатерка, дай попить и поѣсть! А она и не шевелится. Вотъ онъ другой разъ и третій, а она все молчитъ. Отецъ и этого сына отправилъ въ пастухи.

Того же часу и говорить младшій сынъ дуракъ: давай и мнѣ сто рублей, и я пойду искать счастья.—Куда ты, дуракъ, пойдешь? А тотъ и заплакалъ. Отецъ подалъ ему сто рублей. Дуракъ обрадовался, взялъ деньги и пошелъ.

Дорогой настигъ старичка и разговорились они. Старикъ и говорить: у меня есть плетка, ты только ей скажи: плетка щелкни! Взялъ дуракъ плетку и пошелъ.

Дошелъ до килы, гдѣ жили старикъ со старухой и выпросился ночевать. И наказываетъ старику, чтобы тотъ не говорилъ: плетка щелкни! Самъ уснулъ, а старуха и говорить: старикъ, давай, скажемъ!—Полно, дура, молчи!—Нѣтъ, скажемъ!—ну, говори!—Вотъ старуха и сказала: плетка щелкни! Плетка и давай ихъ со старикомъ щелкать! Старикъ на улицу, и она на улицу. Разбудилъ молодца и проситъ остановить плетку. А молодецъ и говорить: ладно, только отдаси козла? Старикъ забожился, что отдамъ.—А скатерку отдаси?—И скатерку отдамъ, только уйми. Молодецъ сказалъ: плетка, въ сумку! она сейчасъ и отстала.

Приходить дуракъ домой и велитъ отцу собрать гостей и сосѣдей. Отецъ собралъ и посадилъ всѣхъ за столъ. Дуракъ поставилъ козла на постилу и сказалъ: топни всѣмъ ногамъ! Козель топнулъ и очутилась груда денегъ. Положилъ скатерку и сказалъ: скатерка, дай попить и поѣсть! и сейчасъ явились на столъ разные пироги и вино.

Отецъ и говорить: ну, Ванька, я въ тебѣ этого не думалъ! Гости, довольны-ли?—Такъ ужъ довольны! —Такъ вотъ еще хочу показать одну штуку! Всѣ говорятъ: покажи! Онъ и сказалъ: ну-ка, плетка, щелкни! Вотъ она и давай всѣхъ щелкать. Всѣ выскочили на улицу, и она на улицу и не даетъ имъ покою. Онъ сказалъ: отстань! она сейчасъ и отстала.

